

С. В. Алексеев
Перевод и комментарий

ЛЕТОПИСЬ

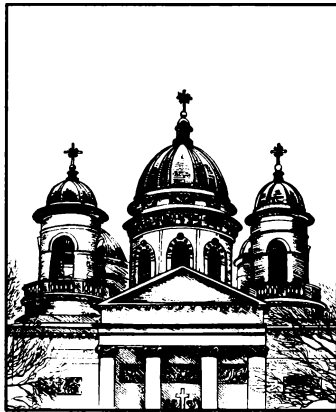
попа Дуклянина

ЛЕТОПИСЬ

попа Дуклянина

С. В. Алексеев
Перевод и комментарий

SLAVICA PETROPOLITANA

Moscow University for the Humanities

S. V. Alekseev

**THE CHRONICLE OF THE PRIEST
OF DUKLJA**

Translation and Commentary

**St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publishers
St. Petersburg
2015**

Московский гуманитарный университет

С. В. Алексеев

ЛЕТОПИСЬ ПОПА ДУКЛЯНИНА

Перевод и комментарий

**Издательство «Петербургское Востоковедение»
Санкт-Петербург
2015**

УДК 940.20
ББК ТЗ(49=Сл)

*Издается при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(проект № 15-01-16001)*

*Рекомендовано к изданию Ученым советом
Московского гуманитарного университета*

Рецензенты:

доктор ист. наук *О. А. Плотникова*;
доктор культурологии, доктор филос. наук *А. В. Костина*

С. В. Алексеев. *Летопись попа Дуклянина. Перевод и комментарий.* — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2015. — 288 с. (Slavica Petropolitana).

Так называемая *Летопись попа Дуклянина* — один из старейших памятников средневековой историографии славянских народов запада Балкан. Датировка, авторство, степень исторической достоверности памятника остаются предметом острых научных споров. В то же время *Летопись* — ценнейший источник по истории южнославянских государств раннего средневековья. Данная работа представляет собой первый перевод *Летописи* с латинского языка оригинала на русский язык в сопровождении пространного научного комментария.

На обложке: фрагмент могильного креста с православного кладбища у церкви Святых апостолов Петра и Павла в Расе.

ISBN 978-5-85803-487-2

9 785858 034872

© С. В. Алексеев, 2015

© Петербургское Востоковедение, 2015

Оглавление

Предисловие	6
Сербские и хорватские земли в VII—XII вв.: история и источники	6
<i>Летопись попа Дуклянина: история изучения</i>	16
<i>Летопись попа Дуклянина: происхождение и содержание</i>	24
О переводе	45
<i>ЛЕТОПИСЬ ПОПА ДУКЛЯНИНА</i>	48
Комментарий	83
Словарь социально-политической терминологии	274
Указатель имен	276
Указатель географических и этнических названий	279
Библиография	282

Предисловие *

Сербские и хорватские земли в VII—XII вв.: история и источники

В VII в. обширные земли на северо-западе Балкан были заняты южными славянами — предками сербов, хорватов, босняков, черногорцев. На IX—XI вв. у них, как и у других славян, падает период становления цивилизации и государственности. История этой ветви южных славян отмечена прочностью племенных устоев, особенно в горных областях. Обращение в христианство шло медленно, хотя и началось рано. За территории, населенные сербами и хорватами, в раннее средневековье соперничали внешние силы — в первую очередь Византия и Венгрия. Все это обусловило зыбкость средневековой государственности. Сильнейшие раннегосударственные образования здесь были непрочны и существовали недолго.

Заселение славянами запада Балканского полуострова шло тремя волнами. Первую в конце VI—начале VII в. образовали центральноевропейские и отчасти нижнедунайские славянские племена, пришедшие на Балканы в союзе с кочевническим Аварским каганатом. Нашествие авар в первых десятилетиях VII в. нанесло по Восточно-Римской империи тяжелый удар, хотя истощило и сам каганат. Именно тогда империя превращается в преимущественно греческую, Византийскую, хотя претензии греко-византийцев («ромеев») на римское наследие сохранялись все средневековье. Среди этих претензий всегда было и восстановление балканских рубежей Рима — границы по Дунаю.

Аваро-славянское вторжение привело к запустению древних городов Далмации и бегству романоязычных далматинцев на острова. Противостояние между славянами и романцами продолжалось до IX в., когда оно было урегулировано при посредничестве Византийской империи. Новые романские города признали зависимость от славянских вождей и стали платить им дань. Однако конфликты уже смешанных романо-славянских городских общин (Дубровник-Рагуза, Сплит, Котор,

---

* Исследование и перевод осуществлены при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 13-01-00118).

Задар, Трогир, Бар) с чисто славянским окружением случались и позднее. Эти сложные взаимоотношения — одна из важнейших сторон жизни региона в средние века.

Славяне первой волны широко расселились по территории Хорватии и отчасти в будущих сербских землях. Именно в последних они еще сохраняли самостоятельность в IX—X вв. Таковы были мораване на Дунае, близ Белграда (византийского Сингидуна), дукляне в области Зета или Диоклия, вокруг Бара и Скодры (примерно нынешняя Черногория и север Албании).

Вторую и третью волну славянского заселения в 30-х гг. VII в. составили, соответственно, хорваты и сербы. Оба племенных союза вышли из Восточной Европы и носят названия иранского (сарматского) происхождения. Однако на Балканы они пришли скорее из тех же центральноевропейских областей, где известны лужицкие сербы и «чешские» хорваты. В отличие от предшественников, сербы и хорваты были врагами авар, чье владычество над славянами в ту пору рушилось. На Балканах они закрепились с согласия византийских императоров и первое время поддерживали с последними союзные отношения. С этим связана ранняя, на первых порах чисто формальная христианизация хорватов и сербов, осуществленная по просьбе Византии римскими миссионерами.

Возникшие в итоге племенные «княжения» хорватов и сербов были крайне непрочны, как и все предгосударственные объединения такого рода. Хорваты управлялись общим князем, однако делились на 7 «родов» и, независимо от них, на 14 территориальных округов — жуп во главе с наследственными жупанами. Три из этих жуп составляли считавшиеся особым восьмым «родом» потомки покоренных авар или аваро-славян с собственным общим вождем — баном.

У сербов отдельные «роды»-племена образовали собственные жупы во главе с жупанами, подчинявшимися сербскому князю. Особенно это касалось отделенных горами областей Приморья. Там возникли племенные жупы требиньцев, конавличей (обе между Котором и Рагузой), захлумов (захумцев, от Рагузы до реки Неретвы), неретвлян (в X в. три жупы между реками Неретвой и Цетиной). Они фактически были самостоятельны, хотя и входили в VII—IX вв. в сербский племенной союз.

Действительная власть сербских князей VII—X вв. распространялась на Загорье (Рашку) — внутренние, в основном горные области Сербии, в районе Косова поля граничившие с македонскими славянами. На севере еще в IX в. сохраняли независимость мораване. Земли их и соседних с ними племен вокруг Белграда и Срема к концу IX в. отошли к Болгарии. Загорье включало на первых порах и западные жупы по реке Босне, которые, однако, уже в VIII—X вв. начинают обособливаться, временами тяготея к Хорватии.

Особое место среди возникших на побережье Адриатики славянских племенных областей занимала Дукля. Племя дуклян, возглавлявшееся собственным князем, занимало в X в. побережье от Элисса (ныне Лежа), минуя Элкийнй (Улцинь) и Бар, до Котора. С северо-востока Дуклю, как и приморские жупы, отделяли от сербского Загорья (Рашки) горные хребты. Дукляне до XI в. не считались сербами в собственном смысле слова, хотя на деле едва ли отличались от них по культуре и языку.

Раннесредневековая история хорватов, контактировавших как с Византией, так и с Франкской империей, известна несколько лучше в сравнении с сербскими землями. В IX в. племенное «княжение» хорватов начинает превращаться в государство. Самостоятельное хорватское «княжение» в то же самое время возникает на севере, в Посавье (Славонии). Но оно в конце IX в. было захвачено венграми. В середине IX в. приморско-хорватский князь Трпимир I основал династию Трпимировичей, обеспечившую на время единство и независимость страны. Князь Томислав между 914 и 925 гг. принял от папы римского королевский титул, затем признанный за его преемниками и Византией.

X в. — время наивысшего расцвета средневековой Хорватии. Однако уже следующее столетие отмечено усобицами в правящем доме, усилением давления со стороны Венеции и Венгрии. Новые государственные порядки вызвали ожесточенное сопротивление племенной знати, с которым короли справиться в итоге не сумели. В 1091 г., воспользовавшись очередной смутой, венгры захватили Хорватию. В 1102 г. ей была навязана уния с венгерской короной. Согласно ее условиям, Хорватия входила в состав Венгрии как автономное королевство. При этом сохранялись местные политические традиции, в том числе фигура своеобразного «вице-короля» — бана. В этом статусе, с неизбежными изменениями (самые существенные были связаны с завоеванием Венгрии Габсбургами в XVI—XVII вв.), Хорватия оставалась до гибели Австро-Венгрии в 1918 г.

Еще скорее первые попытки государственного строительства привели к катастрофе Древнесербское княжество. Сплочение обширного союза племен между Дунаем и Адриатикой в IX в. вызвало тревогу доселе союзного сербам Болгарского государства. Конфликты между Сербией и Болгарией стали первыми в череде острых противостояний с соседями, сопровождавшихся распрями в правящем доме Вышеславичей. В середине X в. династия при неясных обстоятельствах прервалась. В начале 970-х гг., завоевав Болгарию, ромеи покорили и Рашку.

В этих условиях центр строящейся сербской государственности переместился в Приморье. К началу XI в. на первые позиции среди местных племенных княжеств выдвинулась Дукля. После окончательного покорения Болгарии в 1018 г. Византия упрочила свою власть и в сербских землях, подчинив, в частности, своей власти Приморье. Одна-

ко стабильного управления наладить здесь не удалось. Уже в 1030-х гг. Стефан-Воислав, наследственный владетель Дукли, поднял восстание против ромеев. В короткий срок Сербию объединила Дуклянская держава династии Воиславичей.

Однако племенной сепаратизм, неизбежная автономия крупных загорских уделов, амбиции членов умножившегося правящего дома подтачивали скоротечно обретенное единство. Со всем этим с самого начала существования державы сплеталась явная и скрытая оппозиция далматинских городских общин. В начале XII в. держава начала распадаться. В ее внутренние дела активно вмешивалась Византия. В итоге к середине XII в. превратившиеся в византийских марионеток Воиславичи лишились большей части своих владений. Дукля перешла в руки жупанов загорской Сербии. Происходивший из их рода Стефан Неманя к концу XII столетия основал новую Сербскую державу. Именно королевству Неманичей впервые удалось консолидировать сербские земли.

Бурные исторические перипетии не могли не отражаться в культурной сфере и, как следствие, в обеспеченности истории сербов и хорватов источниками собственно славянского происхождения. Свидетельства о распространении славянской грамоты в регионе уже в X и тем более в IX в. остаются не подкрепленными материально. Видимо, сопротивление далматинского духовенства, убедившего на Сплитском соборе 925 г. в своей правоте славянских князей, серьезно затормозило проникновение глаголицы. Последнее шло из чехо-моравских земель, и только по мере окончательного вытеснения глаголистов из Чехии они обретают новую опору в Хорватии.

Древнейшие памятники глаголицы в Хорватии — эпитафические XI столетия: *Пломинская надпись* (Истрия, начало XI в.), *Валунская плита* (о-в Црес, XI в.), *Кркская надпись* (о-в Крк, XI в.). Старейший ясно интерпретируемый текст — знаменитая *Баишчанская плита* конца XI в. с о-ва Крк. Она фиксирует дарение королем Звонимиром земли бенедиктинскому аббатству и является, таким образом, еще и одним из древнейших славяноязычных актов [Fučić, 1971: 227—242]. К этим надписям из Приморской Хорватии можно добавить один глаголический фрагмент с северо-запада современной Боснии [Vego, 1970: 94—95]. Первый предположительно глаголический в оригинале хорватский документ, дошедший только в латинском списке, относится к 1100 г. [Acta, 1863: 315—316]. Достоверно хорватоязычные грамоты относятся ко времени не раньше XIII в. Впрочем, имеется ряд надписей XII столетия [Fučić, 1971: 242—254]. Сохранился, наконец, относящийся к рубежу XI и XII вв. глаголический отрывок хорватской церковнославянской мессы — *Венские листки* (см.: [Славянские языки, 2005: 37]).

Славяноязычные памятники с сербских земель также не старше XI в. Это прежде всего две старославянские церковные рукописи, списанные, судя по особенностям языка, сербами с болгарских оригиналов [Славянские языки, 2005: 38]. Первая и наиболее известная из них — глаголическое *Мариинское Евангелие* [Ягич, 1883]. Вторая — глаголический же *Сборник Клоца*, собрание поучений, вышедшее из кирилло-мефодиевского круга [Dostál, 1959]. Кроме того, на юге Приморья в последние десятилетия обнаружены две глаголические надписи XI в. [Karpetanić, Žagar, 2001; Čunčić, Perkić, 2009]. Скорее XI в. датируется и древнейший в регионе писанный кириллицей (босанчицей) памятник — *Хумацкая плита* [Vego, 1962: 30—31]. Собственно сербские церковнославянские памятники, писанные классической кириллицей, относятся в основном уже ко второй половине—концу XII в. и сначала очень немногочисленны. Некоторые старейшие сербские акты, надписи, а также записи писцов *Мирославова* и *Вуканова Евангелий* конца XII в. [Стојановић, 1902: 1—6] документируют генеалогию первых Неманичей.

Гораздо более велик массив латиноязычных документальных источников. Именно на латинском языке составлены и древнейшие сохранившиеся акты славянских королей и князей, начиная с IX в. Связано это было как с культурно-религиозным влиянием Рима, так и — прежде всего — с теснейшими контактами между славянами и далматинскими городами. Фундаментальное издание далматинских и славянских латиноязычных актов включает 176 документов VIII—XI вв. [Codex, 1967; 1998: 39] и 69 актов первой половины XII в. [Codex, 1904: 1—69; 1998: 60]. В *Codex* включены как местные документы, так и, например, папские грамоты далматинским епархиям. Некоторые не включенные в издание акты, связанные с Баром и Диррахием, учтены в своде документов по истории Албании [Acta, 1913: 10—29]. Есть и иные полезные публикации [Documenta, 1877: 1—213; Acta, 1892: 1—2]. Это ценнейший корпус источников по политической, социальной, экономической и культурной истории славянских государств и племен. Следует отметить, что отдельные события исследуемого периода отражаются и в актах позднейшего времени.

Следует указать также на сохранившиеся печати отдельных сербских правителей с греческими легендами. Это печать загорского князя IX в. Строимира [Živković, 2007], печати «архонтов» Дукли Никиты и Петра [Catalogue, 2005: 154—155] и печать короля Бодина [Коматина, 2011]. Известны еще печать бывшего в 970-х гг. имперским наместником в Рашке Иоанна [Catalogue, 1991: 33] и печати Константина Диогена, бывшего наместником Сербии в 1018—1028 гг. [Византиски извори, 1966: 139]. Имеется также ряд латиноязычных надписей, связанных с хорватскими правителями.

Собственно югославянская историческая традиция о периоде VII—XII вв. представлена, по сути, единственным памятником — *Летописью попа Дуклянина*. При всех спорах о происхождении *Летописи* автор этих строк оценивает ее как памятник XII в., сохранившийся в латинском переводе со славянской **Книги Готской* (см.: [Алексеев, 2006: 97—173]; подробнее далее). **Книга* создана в условиях безуспешной борьбы дуклянской династии Воиславичей против сербов из Рашки, после краха существовавшей до начала XII в. Дуклянской державы. Политическая тенденция **Книги* вполне очевидна — обоснование прав дуклянских «королей» на всю Сербию, а Браниславичей, младшей ветви Воиславичей, — на дуклянский престол.

В основе *Летописи* лежат не дошедшие до нас славяноязычные сочинения (**Книга «Методий»*, **Житие св. Владимира*), но преимущественно устная традиция. Последняя к тому же подверглась весьма субъективному компилированию со стороны «летописца». Все это определяет сложности использования *Летописи* в качестве исторического источника. При описании событий XI—первой половины XII в. она может рассматриваться как не во всем достоверный и крайне субъективный первоисточник. Применительно к более раннему времени ее данные не могут использоваться без глубокой проверки и реконструкции фактов, лежащих в основе излагаемых легенд.

Из письменных источников *Летописи* сохранилось независимо от нее только *Житие св. Ивана-Владимира*. Однако и оно дошло не в славянском оригинале, а в византийской переработке XIV в., более поздней, чем сама *Летопись*. Переработка эта, в свою очередь, подверглась еще позднейшей редакции в XVII столетии, в результате чего *Житие* приобрело крайне малодостоверный исторически характер (см.: [Новаковић, 1893]).

Помимо латинской *Летописи*, существует ее обратный славянский перевод — *Хорватская хроника* XV в. Это памятник ренессансной литературы с характерными для нее украшательствами и домыслами. Для реконструкции первоначального текста *Летописи* он, скорее всего, использоваться не должен. Однако ряд оригинальных сведений *Хроники* может восходить к устной хорватской традиции или непосредственно, или через посредство более ранних записей. Таковы сведения о короле-законодателе Будимире, о последних королях древней Хорватии и завоевании ее венграми. Последнее академическое издание *Летописи* с параллельным текстом *Хроники* предпринято в 2009 г. [Gesta, 2009, 1].

Из других, помимо *Летописи*, сербских первоисточников о событиях первой половины XII в. имеются некоторые сведения в *Житии святого Симеона*, т. е. объединителя Сербии Стефана Немани, в монашестве Симеона. Создавались житийные тексты о Немане в XIII в. Две версии *Жития* написаны вскоре после 1200 г. сыновьями Нема-

ни — первым королем Сербии Стефаном Первовенчанным и первым архиепископом св. Савой. Третья версия создана позднее (1263) учеником и агиографом Савы Доментианом. В первых главах *Жития* отражаются те же перипетии смутного времени сербской истории, что и в последних главах *Летописи*.

О предках Неманичей сохранились сведения и в сербской историко-генеалогической традиции XV—XVII вв., представленной родословами и летописями [Стојановић, 1927]. Лежащие в их основе исторические труды (**Родослов короля Твртко*, протограф *старших летописей*) созданы в 1370-х гг. Они очень кратко отражали исторические события XI—первой половины XII в. Что касается припоминаний о более раннем времени, то они в сербском летописании и родословах весьма смутны, хотя и имеются.

Другую группу повествовательных источников местного происхождения составляют далматинские. Однако и они относятся к достаточно позднему времени, основаны в ранних разделах на устной традиции, хотя и наряду с документами и несохранившимися ранними повествовательными памятниками.

Наиболее известный и ценный из далматинских исторических трудов средневековья — *История архиепископов Салоны и Сплита* Фомы Сплитского [Фома, 1997]. Завершенный около 1266 г., труд Фомы содержит ценные сведения об истории Хорватии и Далмации X—XII вв. Некоторые письменные источники Фомы сохранились. Помимо отдельных документов, это *Перенесение св. Доминия и Анастасия* (XI в.) и *Житие Иоанна Трогирского* (рубеж XII и XIII вв.) [Documenta, 1877: 288—290, 449—453]. Фома излагает и события VII—IX столетий, однако здесь он основывается в основном уже на устных преданиях, хотя и записанных иногда ранее него — в том же *Перенесении*, например.

Помимо названных житий, предшествующая Фоме далматинская традиция представлена также т. н. *Корчальским кодексом*. Этот латинский историко-агиографический сборник включает официальные жизнеописания римских пап с дополнениями, касающимися истории Хорватии [Foretić, 1956].

Сплитская историческая традиция не ограничивается трудом Фомы. К ней относится также т. н. *Большая салонская история* [Historia, 1967]. Этот памятник близок к *Истории* Фомы, но оканчивается 1185 г. и содержит дополнительную информацию. По одной версии, *Большая история* предшествовала *Истории* Фомы, по другой — представляет ее переработку с использованием дополнительных источников. В любом случае, и ее данные о событиях X—XII вв. представляют большую ценность.

Менее интересна для нашей темы сплитская же *История деяний римских императоров и понтификов* Михи Мадиа (XIV в.) [Michae

Madii, 1768]. Ее автор в начальной части пересказывает текст Фомы, иногда дополняя его собственными допущениями и измышлениями.

Другая ветвь далматинской традиции — дубровницкая — сохранилась в еще более поздней форме. Она представлена стихотворной хроникой поэта XIV в. Милеция (сохранилась в отрывках у анналиста XVI в. Н. Раньина) и составленными в XIV—XV вв. *Анналами* дубровницкого Анонима [Annales, 1883]. В этих памятниках достоверно представлена история XI—XII вв. События предшествующего периода, особенно связанные со славянами, переданы в *Анналах* путано, с повторами и явными хронологическими сбоями. В то же время дубровницкие авторы, как и сплитские, опирались и на предания, и на несохранившиеся письменные источники о раннем средневековье.

Хорватская историческая традиция, помимо сочинения Фомы Сплитского и *Хорватской хроники*, отразилась еще в двух небольших латиноязычных памятниках. Так называемая *Хроника Иоанна Горицкого* — составленное в XIV в., во многом легендарное описание борьбы хорватских и венгерских королей за Славонию [Documenta, 1877: 471—473]. Историческая заметка из *Сунетарского картулярия*, составленная не ранее XII в. и едва ли позднее XIV в., содержит также легендарные сведения о происхождении хорватских банов [Documenta, 1877: 486]. В обоих фрагментах подозревались умышленные подлоги.

Древнейшим известным правовым сводом сербохорватских земель являлась упомянутая выше **Книга «Методий»*, в основе которой, возможно, лежал моравский *Закон судный людем*. Однако **Книга* не сохранилась. Представить правовую ситуацию в Приморье и отчасти в других регионах позволяет позднейший (XIII в.) *Винодольский закон* — древнейшая сохранившаяся запись (глаголицей) местного обычного права [Ягич, 1880]. Важным источником являются также памятники обычного права черногорцев нового времени, во многом сохранивших архаичный уклад.

В этом контексте понятно, насколько велико значение для воссоздания хода исторических событий VII—XII вв. в сербохорватских землях иностранных синхронных источников. Для VII—VIII вв. они единичны. О вторжении славян и авар в прибрежные области в начале VII в. кратко упоминают *Чудеса св. Димитрия Солунского* [Свод, 1995: 168/9] и *Армянская география* VIII в. [Патканов, 1883: 27]. Сведения позднейших источников о ранней христианизации сербов и хорватов, об их контактах с Римом и Византией подтверждаются *Актами VI Вселенского собора*, историческими трудами Никифора и Феофана [Свод, 1995: 212, 226/7, 274/5]. Поход Пипина, сына Карла Великого, на «славян» (вероятно, славонских хорватов) в 797 г. упомянут в ряде франкских анналов [Свод, 1995: 452, 455].

Павел Диакон в своей *Истории лангобардов* сообщает о завоевании славянами и аварами Истрии в начале VII в., о первых набегах не-

ретьяна на Италию в том же столетии [Свод, 1995: 484—487]. О независимых славянах на юге и западе Балкан упоминает арабский географ VIII в. ал-Фазари [Свод, 1995: 510].

Объем информации, в том числе ретроспективной, возрастает с начала IX в. После выхода франков на Средний Дунай и восстановления византийского контроля над Грецией сербские и хорватские племена вошли в непосредственное соприкосновение с «цивилизованными» соседями. Особенно велик объем информации в латинских источниках. Это источники самых разных видов: помимо уже упомянутых актовых материалов, связанных в основном с Далмацией, франкские и итальянские хроники, жития, корреспонденция. Касаются они почти исключительно Хорватии и Славонии, лишь иногда затрагивая сопредельные сербские области [Documenta, 1877]. Отдельные известия латинских авторов, касающиеся собственно загорской Сербии, появляются с конца XI в., в эпоху крестовых походов (см.: [Латински извори, 1965]).

Менее многочисленны, но, как оказывается, во многом более информативны сведения византийских источников. В *Тактике* императора Льва VI говорится о южных славянах, об их крещении и «подчинении» их его отцом — императором Василием I [Лев VI, 2012: 279, 281—282]. Сведения об этом содержатся и в *Жизнеописании Василия*, написанном сыном Льва Константином VII Багрянородным [Продолжатель, 1992: 122—123]. Трактат же этого ученого императора *Об управлении Империей* вообще является основным синхронным источником по истории региона — во всяком случае, Сербии. В этом труде содержится подробный историко-географический очерк о состоянии хорватских и сербских земель в VII—X вв. Большая часть сообщаемых Константином сведений по политической истории сербских земель уникальна [Константин Багрянородный, 1991: 110—153]. Перечисление славянских князей дается в трактате Константина *О церемониях* [Византиски извори, 1959: 78].

После византийского завоевания Болгарии в начале XI в. сведения о сербских землях становятся более многочисленными. Византия боролась за восстановление своего влияния теперь уже и на западе Балкан, и перипетии этой борьбы отражались в исторических и иных сочинениях. Имеется сводное издание источников XI—XII вв., предпринятое югославскими учеными [Византиски извори, 1966; 1971]. Ряд важных памятников переводились в разное время и на русский язык [Кекавмен, 2003; Никифор, 2006; Анна, 1996; Иоанн, 2003; Никита, 2003].

Почти не содержат информации о раннесредневековой истории Сербии и Хорватии славяноязычные источники Болгарии и Руси. В летописных заметках при болгарском переводе *Хроники* Константина Манассии (XIV в.) упоминается древний союз болгар и сербов [Сред-

неболгарский перевод, 1988: 228]. Русская *Повесть временных лет* начала XII в. заимствует из византийских, видимо, источников известие о войне болгарского царя Симеона с хорватами перед его смертью [ПСРЛ, 1997: 45; 1998: 34].

Сведения о сербских и хорватских племенах и ранних государствах отмечены и у арабо-персидских авторов. Однако те во многих случаях недифференцированно говорят о «славянах», что подчас делает затруднительным определение принадлежности описываемых племен. Фазари в VIII в. достаточно внятно имел в виду под областью славян именно балканские земли. Но в IX столетии его коллега Ибн Хордадбех не расчленяет страну славян, тянущуюся, в его представлении, от Адриатики до истоков Волги [Ибн Хордадбех, 1986: 91, 107, 109, 124]. В то же время иногда встречаются и прямые свидетельства о славянах Адриатического региона. Попытки сводного издания арабских свидетельств о славянах предпринимались не раз [Гаркави, 1870; Żródła, 1956—1985].

Описанное состояние источников по истории сербов и хорватов времен становления ранней государственности создает как трудности, так и определенные выгоды для исследования. Трудности очевидны — недостаток информации обуславливает фрагментарность и гипотетичность любой исторической реконструкции. Они обусловили и накопление обширного «внеисточникового знания» — историографических догадок и конструкций, принимаемых зачастую последователями за объективные факты. В том числе и по этой причине комментарий к *Летописи* будет строиться на ней самой и параллельных первоисточниках, а не на многочисленных их интерпретациях. О количестве и разноречивости этих интерпретаций одной лишь *Летописи* даст представление нижеследующий обзор.

Выгоды очевидны менее, но не менее существенны. Полностью снимается одна из наиболее серьезных исторических «ловушек» — проблема «стержневого» источника, в свете которого историки нередко интерпретируют сведения всех остальных. Этот недостаток чаще всего присущ именно работам по раннегосударственным периодам, освещаемым обычно одним-двумя местными нарративами. Попытки использовать для истории сербохорватских земель в качестве такого источника *Летопись попа Дуклянина* делались не раз, но оказались заведомо непродуктивны. Именно они в немалой степени спровоцировали гиперкритику этого любопытного памятника. В итоге здесь редкий случай, когда историческая наука получает возможность воссоздавать картину раннегосударственной реальности сравнительно объективно и на основе синхронных источников. Случай тем более ценный, что речь идет о регионе, новейшая история которого менее всего может расположить ученого к объективности.

Летопись попа Дуклянина: история изучения

Под названием *Летопись попа Дуклянина* в историческую науку введено сочинение, сохранившееся в Ватиканской рукописи XVII в. (Vat. Lat. 6958; факсимиле см.: [Летопис, 1967: 124 и след.]) и чрезвычайно близком к ней по датировке и, скорее всего, по происхождению Белградском списке (Нар. Библ. Сербии, R — 570), на латинском языке. По свидетельству самого текста, латинская версия — переработка или перевод со славянского. Изложение истории югославянских и далматинских земель в памятнике доведено до 1140-х гг. Известен также меньший по объему, доведенный лишь до начала XII в. и отличающийся в деталях хорватский текст (т. н. *Хорватская хроника*), отношения которого с *Летописью* дискутируются. Название *Летопись* не слишком удачно, поскольку, по справедливому замечанию Ф. Шишича, в памятнике практически отсутствует внятная хронология [Шишић, 1928: 179—180]. С этой точки зрения более адекватно другое предлагавшееся наименование — *Барский родослов*. Однако в науке более утвердилось, при всей его условности, наименование *Летопись попа Дуклянина*, его мы и будем использовать.

Оценки *Летописи* в науке существенно различаются. Хронологически ее создание помещается в диапазоне от XII до XIV в. С другой стороны, первоисточник или первоисточники *Летописи* иногда относятся и к XI в. *Хорватская хроника* со своим оригинальным окончанием, описывающим падение древнего Хорватского королевства, обычно датируется XV столетием. Однако некоторые исследователи считают, что она может использоваться для критической реконструкции латинского оригинала. Что касается славянского прототипа *Летописи*, то существование единого прообраза вызывает сомнения у ряда исследователей, хотя следы славяноязычного источника или источников признают даже крайние скептики. В самой *Летописи*, помимо основного источника (**Книги Готской*), названы и другие славяноязычные сочинения — правовой свод **Книга «Мефодий»* и **Книга деяний блаженного Владимира*. По контексту неясно, были они источниками *Летописи* или переведенной в ней **Книги*.

Летопись достаточно четко распадается на две части: легендарную и историческую. Историческая часть достаточно достоверно, в целом в согласии с синхронными источниками, описывает события XI—XII вв., от времени дуклянского князя-«короля» св. Владимира (погиб в 1016 г.) до завоевания Дукли Десой Урошевичем из Рашки (ок. 1143—1149). Изложение событий в легендарной части крайне запутано и не соответствует показаниям синхронных источников. В одну династию соединены правители Хорватии, Сербии, Требинье и даже Моравии IX—X вв., причем без всякого учета хронологической по-

следовательности. При этом следует отметить, что как в легендарной, так и в исторической части основным первоисточником данных *Летописи* могла являться только устная генеалогическая традиция. На это указывают смещение имен, сомнительность точных хронологических указаний в «исторической» части, а также особое внимание к княжеской генеалогии. Все это позволяло еще в первые века изучения *Летописи* относить ее и к распространенному позднее в сербской литературе жанру «родословов».

Первой из вариантов *Летописи* стала известна *Хорватская хроника*, бытовавшая в среде местных интеллектуалов уже в самом начале XVI в. [Љетопис, 1967: 8—10]. Латинскую *Летопись*, однако, уже тогда знали дубровницкие авторы. Ее следы очевидны, прежде всего, в изложении истории Рагузы у Л. Цриевича-Туберона (1527) [Tuberon, 2001: 87—93], а позже в *Анналах Рагузы* Н. Раньина, писавшего в середине XVI в. [Annales, 1883: 167—301]. *Летопись*, скорее всего, знал и использовал и другой дубровницкий хронист, Ф. Гундулич (1539—1588). Однако его труд дошел лишь в обработке его внука И. М. Гундулича (ум. 1650) и крупнейшего дубровницкого историка Ю. Растича (1671—1735) [Chronica, 1893]. Оба они уже знали перевод и интерпретацию *Летописи* М. Орбини и пользовались ею непосредственно в его изводе.

Дубровчанин М. Орбини (ум. 1610), крупнейший тогда исследователь славянских древностей, работал с латинским текстом в конце XVI в. Он перевел сочинение на итальянский язык и впервые издал его в этом переводе [Il regno, 1601: 205—239]. Самоназвание *Летописи* — *Королевство славян* — Орбини позаимствовал для всего своего труда. В XVII в. латинский текст (находившийся, видимо, в собственности католического архиепископа Охрида Р. Леваковича) стал доступен и другому известному ученому, хорвату из Трогира И. Лучичу (1604—1679). Для И. Лучича или им самим выполнен около 1650 г. известный Ватиканский список *Летописи*, долгое время бывший единственным. Лучич же осуществил первое критическое издание текста. В издание [De regno, 1668] вошел и перевод на латынь *Хорватской хроники*, выполненный еще в 1510 г. М. Маруличем. Не ранее 1649 г. с того же протографа выполнен Белградский список. В обоих списках за *Летописью* следует *Хроника* в переводе Марулича.

И. Лучич первым усомнился в достоверности данных *Летописи*, однозначно принимавшейся на веру М. Орбини. Тем самым он заложил основы критического подхода к ней, преобладающего и в современной науке. Тем не менее Лучич (а за ним и другие исследователи) не сомневался в датировке *Летописи* серединой XII столетия [Љетопис, 1967: 15]. Сходных позиций придерживались и позднейшие издатели и комментаторы *Летописи* [Schwandtner, 1749: 486—524; Ćrnčić, 1874]. Их издания ориентировались всецело на труд И. Лучича. С него

же был выполнен первый сербохорватский перевод Й. Суботича. В 1851 г. в научный оборот впервые была введена собственно *Хорватская хроника*, оригинал которой издал И. Кукулевич [Arkiv, 1851: 1—57]. Во всех случаях *Летопись* традиционно рассматривалась как древнейший памятник югославянской исторической литературы, относящийся к XII в.

В дате создания *Летописи* первым усомнился Л. Йованович. Он заключил, что ни латинская *Летопись*, ни ее славянский оригинал (вернее, славянские источники) не могут быть отнесены к XII в. Составление «псевдо-Дукляниновой летописи» в нынешнем ее виде Л. Йованович отнес к XVI в., выделив два ее источника — **Зетскую летопись*, созданную между серединой XIII и началом XVI в., и неизвестную хорватскую летопись [Годишник, 1902: 220—226].

Главной слабой стороной концепции Л. Йовановича являлось практическое выведение *Хорватской хроники*, известной уже около 1510 г., и *Летописи* из одного интеллектуального круга без глубокого анализа причин их расхождений. Поэтому позднейшие сторонники поздней датировки (прежде всего С. Миошкович и Т. Живкович) существенно скорректировали выводы Л. Йовановича.

Сомнения в датировке *Летописи* оживили спор по вопросу соотношения ее с *Хорватской хроникой*. Хорватский историк Л. Елич первым предположил, что *Хроника* первична по отношению к *Летописи* и та является переводом на латынь именно ее [Jelić, 1908: 135—145].

В 1928 г. издание по всем известным вариантам (ватиканский текст в печатной версии И. Лучича, перевод М. Орбини, хорватский и латинский тексты *Хорватской хроники*) и исследование *Летописи* предпринял Ф. Шишич [Шишић, 1928]. Его издание, при всех вскрытых позднее критикой недостатках, остается в числе наиболее авторитетных работ по исследованию *Летописи* и *Хорватской хроники*.

Ф. Шишич твердо датировал создание *Летописи* XII в. При этом он ссылаясь на использование ее в различных далматинских сочинениях XIII—XIV вв. Впрочем, некоторые из подобных указаний (например на *Хронику* архидиакона Фомы Сплитского) выглядят спорно. Ф. Шишич проследил использование *Летописи* (уже в латинском варианте) в подложных, по его мнению, грамотах дуклянских князей. Грамоты эти, как он доказывал, созданы латинским духовенством Далмации с начала XIII в. [Шишић, 1928: 185 и след.].

Поскольку уже самые ранние источники, использующие *Летопись*, имели дело с латинским текстом, Ф. Шишич пришел к выводу, что славянский и латинский варианты созданы примерно в одно время и, скорее всего, одним и тем же автором. Этого автора он считал славянским (сербским) священником из Дукли, хотя и латинского исповедания [Шишић, 1928: 107]. Ф. Шишич сформулировал преобладающую с тех пор идею вторичности *Хорватской хроники* по отношению

к *Летописи*. По мнению Ф. Шишича, *Хорватская хроника* была создана примерно в XIV в. хорватским автором из области Сплита, патриотом Хорватии, заменившим, в частности, летописные определения «славяне», «славянский» на «хорваты», «хорватский». Источником *Хроники* был, по мнению Ф. Шишича, латинский текст. К нему был дополнен материал из хорватских преданий [Шишић, 1928: 136, 161—162, 421].

Историческую ценность *Летописи* Ф. Шишич оценивал двояко. С одной стороны, он признавал легендарный характер многих свидетельств *Летописи* и подтвердил вывод славистов еще XIX столетия о том, что в основе повествования лежат народные предания. Особенно важны выводы Ф. Шишича о невнимательности «летописца» к категориям времени, об условности и надуманности всех встречающихся здесь обрывков хронологии и синхронизаций. Ф. Шишич, однако, указывал на важность для исследователя (прежде всего исторической географии) даже сугубо легендарной первой части *Летописи*. Вторая часть (легенда о святом Владимире Зетском) и третья (история дуклянских князей XI—XII вв.) богаче исторической конкретикой, хотя и основана также преимущественно на устных рассказах. В целом Ф. Шишич высоко оценил «Дуклянина» не столько как историка, сколько как писателя [Шишић, 1928: 33—45, 164—184].

Вопрос об источниках *Летописи* исследовал хорватский филолог М. Медини [Medini, 1942]. Он выделил три части латинской *Летописи*, восходящие к трем прототипам-оригиналам XI—XII вв. Это **Требиньская хроника* (источник первой, легендарной части), **Легенда о святом князе Владимире* и собственно **Дуклянская летопись*. Только последняя содержала в полной мере конкретно-историческую информацию. **Требиньская хроника*, по мнению М. Медини, независимо использована в *Хорватской хронике*.

На издании Ф. Шишича был основан новый сербохорватский перевод *Летописи* русского исследователя-эмигранта В. Мошина (с *Хорватской хроникой* в приложении), ставший новой заметной вехой в изучении памятника [Ljetopis, 1950]. В своих комментариях В. Мошин в основном следовал концепции Ф. Шишича, однако внес ряд важных коррекций. Последние, в свою очередь, также породили дальнейшие дискуссии, каковыми богата история памятника. В. Мошин усомнился в возможности тождества автора и латинского переводчика *Летописи*, а кроме того, указал на вероятность значительных отличий перевода от предполагаемого славянского оригинала [Ljetopis, 1950: 25]. Он вслед за М. Медини допустил также, что *Хорватская хроника* независимо от *Летописи* восходит к ее оригиналу. В то же время В. Мошин, как и Ф. Шишич, датировал *Хронику* XIV в. и указывал на происшедшее тогда внесение в ее состав последних глав о конце хорватской независимости [Ljetopis, 1950: 17, 33—34]. Тем самым конкретная цен-

ность этих глав, подчеркивавшаяся М. Медини, естественным образом снижалась. В целом же В. Мошин придерживался точки зрения о возможности использования *Летописи* и *Хроники* как историко-географического источника и как исторического источника в части событий XI—XII вв. Выводы Ф. Шишича, М. Медини, В. Мошина о раннем происхождении памятника разделил в целом также сербский исследователь Н. Радойчич (сторонник термина *Барский родослов*) [Радојчић, 1951].

Несколько обособленный характер носили выводы о *Летописи* и *Хронике* хорватского церковного историка Д. Мандича [Mandić, 1963]. Д. Мандич подчеркнул возможность того, что автором латинского памятника был латинский (романский) священник из Бара [Mandić, 1963: 271, 449]. Однако аргументация в этом вопросе была неубедительна — уверенность автора, что в Дукле до конца XII в. не было сербов [Mandić, 1963: 449—452], прямо противоречила свидетельствам источников. Д. Мандич не только вернулся к идее Л. Елича о первичности *Хорватской хроники*, но радикально развил ее, утверждая первичность самого дошедшего до нас хорватского текста. Он датировал его временем вскоре после 1089 г. Но признав неопровержимо доказанное позднее происхождение последних глав *Хорватской хроники* (добавленных, по его мнению, в XIII в.), Д. Мандич тем самым, по сути, признал и характер всей дошедшей *Хроники* как вторичной компиляции. В целом взгляды Д. Мандича остались без существенного отклика в научной среде, хотя и получили некоторый резонанс в хорватской и галицийской эмигрантской литературе. В последнем обстоятельстве, приходится заметить, сыграла роль полемическая заостренность работы Д. Мандича против интерпретаций *Летописи* в рамках восточно-христианской литературной традиции.

В Югославии новый этап в изучении *Летописи* открыло издание памятника черногорским филологом С. Миюшковичем [Љетопис, 1967]. С. Миюшкович, не желая ограничиваться работой с изданием И. Лучича, впервые обратился к латинскому оригиналу из ватиканского архива и представил его в своем издании непосредственно — в виде факсимиле. Работа с оригинальной рукописью позволила С. Миюшковичу исправить ряд устоявшихся ошибок и произвольных конъектур (как И. Лучича, так и позднейших издателей) и предложить собственный, более выверенный, перевод памятника на сербохорватский язык.

С. Миюшкович вернулся к идее Л. Йовановича о позднем происхождении *Летописи*. Проанализировав источники, связанные с нахождением и бытованием *Хорватской хроники* в начале XVI в., С. Миюшкович пришел к однозначному выводу о возникновении этого памятника только в конце XV в. и происхождении его от латинского текста *Летописи*. Установив, таким образом, верхнюю границу создания памятника, он последовательно опроверг ряд выводов Ф. Шишича о

раннем использовании латинского текста. С учетом, к тому же, фантастичности многих данных *Летописи*, С. Миюшкович отнес ее создание к XIV—началу XV в. [Летопис, 1967: 104—108]. При этом идею об ином и более раннем авторстве оригинала С. Миюшкович отверг, как, по сути, и саму версию о некоем славянском оригинале собственно дошедшего памятника [Летопис, 1967: 108—109]. Латинская *Летопись*, по мнению С. Миюшковича, целостный литературный памятник, созданный в XIV в. романским автором на основе различных источников, в том числе славянских, устных и письменных [Летопис, 1967: 112—114].

Выводы С. Миюшковича вызвали новую оживленную дискуссию, итог которой во многом подвела монография Н. Банашевича [Банашевич, 1971]. Она специально посвящена анализу преломления устной традиции в *Летописи попа Дуклянина*. Акцентируя внимание на преимущественно, если не исключительно народном характере сохранных *Летописью* устных преданий, Н. Банашевич вместе с тем создал довольно убедительную картину преломления устной традиции в конкретном письменном памятнике. Это, кстати, привело его и к важным источниковедческим выводам. В работе впервые детально исследованию подвергся вопрос о соотношении письменной и устной исторической традиции на примере *Летописи*, о происхождении фантастических элементов и путаной хронологии *Летописи* от использования ее автором фольклора. Н. Банашевич показал, что опровержение С. Миюшковичем доводов Ф. Шишича о раннем происхождении летописи не во всех случаях можно считать основательным. Он вновь настаивал на наличии славянского оригинала либо оригиналов памятника и датировал создание *Летописи* в нынешнем виде уже XII в. При этом ни Н. Банашевич, ни его сторонники отнюдь не преуменьшали значения текстологической работы С. Миюшковича.

Хорватский автор Е. Перичич попытался в своем монографическом исследовании [Perićić, 1991] обосновать принадлежность сочинения (он предпочел название *Королевство славян*, упоминаемое в самом памятнике) перу Григория Барского. Этот архиепископ Дукли возглавлял епархию в 70-х—начале 90-х гг. XII в. Однако доказательств в пользу его исторических штудий, как кажется, не слишком много. Григорий активно боролся за воссоздание Барской архиепископии, ввязавшись в острое соперничество с Дубровником и менее острое — со Сплитом, на который даже пытался опереться. Е. Перичич показал, что взгляды «летописца» соответствуют интересам епископа. Это может указывать на время создания *Летописи* — но не более. Никаких свидетельств высокого церковного статуса создателя в тексте нет.

Взгляды югославянской (как сербской и черногорской, так и хорватской) науки по состоянию начала 90-х гг. на происхождение *Летописи* суммировал Д. Богданович [Богданович, 1991: 127]. *Летопись*

датируется им второй половиной XII в. При этом не исключается наличие в ней отдельных фрагментов XI или даже X в. К X в. ученый относит * *Книгу Готскую* на славянском языке — повествование о заселении Далмации славянами, использованное в начале *Летописи* и породившее, по мнению Д. Богдановича, ошибочное мнение о целостном славянском оригинале. Временем после 1162 г. следует датировать сам латинский перевод, выполненный в Дукле с нескольких славянских письменных источников. Эта точка зрения в целом близка концепции трехчастного деления *Летописи*.

На рубеже веков на изучение *Летописи* оказал влияние ряд факторов, в том числе ненаучного характера. Гражданская война на землях бывшей Югославии крайне обострила восприятие проблемы «этнической» идентификации памятника (сербской, хорватской, «черногорской»). С другой стороны, у части ученых это вызвало естественную реакцию отторжения, способствуя росту скептических настроений. Если говорить о факторах собственно научных, то общее распространение в историографии Восточной Европы новых версий научного скепсиса, тенденций к «постмодернистскому» восприятию средневековой реальности, парафразного и других «филологических» подходов к источникам не могло не отразиться и на изучении столь спорного сочинения, как *Летопись*.

В 2009 г. сербскими учеными Т. Живковичем и Д. Кунчер было подготовлено новое академическое издание *Летописи* с привлечением обеих латинских рукописей и *Хорватской хроники* [Gesta, 2009, 1]. Т. Живкович вернулся к выводам С. Миюшковича о датировке памятника концом высокого средневековья, относя его к началу XIV в. При этом исследователь попытался определить и точное время, и личность автора. Создание хроники связывалось им с именем барского архиепископа Рудгера. По версии Т. Живковича, это был выходец из Чехии, знакомый с большим количеством хроник XII—XIII вв. (от Козьмы Пражского до Гальфрида Монмутского). Он, как постулировалось, работал в рамках «политического проекта» славяно-далматинской знати Сплита и Бара, причем «проект» так и остался нереализованным. Первоначальная сплитская редакция *Летописи* будто бы качественно отражена в *Хорватской хронике*. Только завершающая часть памятника отражает славянский источник конца XII—начала XIII в.

Никаких объективных источниковых данных, подтверждающих исторические занятия Рудгера, не имеется. Для создания его «биографии» и обоснования своей точки зрения Т. Живкович доказывал тождество трех тезоименных персонажей церковной истории рубежа XIII и XIV вв.

В последние десятилетия предпринимались и иные издания *Летописи* как в оригинале, так и в переводе (библиографию см.: [Mužić, 2011: 306—311]). Комментированные издания латинского текста под-

готовили в Черногории — В. Д. Никчевич и М. Богески [Dukljanski prezviter, 2003], в Хорватии — И. Мужич (2011). Трактовка памятника В. Никчевичем исходит из оценки *Летописи* как достоверного источника славянского происхождения, однако созданного изначально на латинском языке. Источниками *Летописи*, латинскими и славянскими, Никчевич считает эпические поэмы X—XI вв. о дукальских королях. И. Мужич придерживается ранней датировки *Летописи* XII в., однако настаивает на первичности *Хорватской хроники* в ее первоначальной редакции. Именно ее он, вслед за рядом предшествующих хорватских ученых, полагает славянским источником латинской *Летописи*.

В отечественной науке обращение к *Летописи попа Дуклянина* имеет давнюю традицию, однако ни одного перевода самого памятника на русский язык не существует. Перевод, содержащийся в исторической работе Ф. Прокоповича [Книга историография, 1722: 185—216], сделан с итальянского перевода М. Орбини. В XIX в. на русский язык О. Бодянским была переведена *Хорватская хроника* [Хорватская хроника, 1867]. Имеется украинский перевод, подготовленный в минувшем веке исследователями-эмигрантами в Канаде [Літопис, 1986]. Итальянская версия *Летописи* в составе сочинения М. Орбини вновь переведена на русский язык в последние годы Ю. Е. Куприковым [Орбини, 2010: 240—278].

Из отечественных ученых исследованием *Летописи* интенсивно занимался Е. П. Наумов. Его работы посвящены происхождению памятника [Наумов, 1969], значению *Летописи* для исторической географии и этногеографии запада Балкан [Наумов, 1985]. Е. П. Наумов довольно высоко оценил *Летопись попа Дуклянина* как памятник историко-культурный, отражающий исторические и этнические воззрения сербов и хорватов, их устную традицию эпохи высокого средневековья. Краткая характеристика истории изучения памятника, теорий Ф. Шишича, С. Миюшковича и Н. Банашевича дана Е. С. Маковой в учебном пособии по славянскому источниковедению [Источниковедение, 1999: 162—163]. Ее оценка *Летописи* скорее скептическая. Критическую позицию по отношению к сведениям *Летописи* и соответствию их подлинной устной традиции занял и анализирувавший имеющиеся в *Летописи* данные о первых князьях А. С. Щавелев [Щавелев, 2007: 151—157]. В контексте формирования идеологии раннесредневековой государственности в регионе рассматривает *Летопись* наряду с другими историческими памятниками О. А. Акимова [Акимова, 2009].

В целом нельзя не признать, что вопросы, связанные с происхождением и датировкой летописи, далеки от окончательного решения. Доказанным, видимо, может считаться (после текстологических штудий С. Миюшковича) отсутствие у перевода М. Орбини самостоятельного значения при реконструкции текста относительно рукописей.

Хорватская хроника, созданная не позднее XV в., определяет верхнюю границу предполагаемого протографа. Невероятно полагать, что *Хорватская хроника* и *Летопись* — произведения одного автора. Их самостоятельные тексты резко расходятся друг с другом в описании событий именно хорватской истории. Можно допустить, что «летописцу» были известны обстоятельства гибели Хорватского королевства, описанные в *Хронике*, и что они просто его не интересовали. Однако упомянутые в *Летописи* хорватские события не находят в *Хронике* ни малейшего отражения. Так, нет упоминаний о короле Степане (Држиславе), сыне Крешимира (II), для правления которого в сильно усеченном списке хорватских королей из *Хроники* просто не находится места. *Хроника*, вероятно, создавалась отчасти в полемических целях. Ее автор отвергал требиньское происхождение хорватских королей, утверждаемое *Летописью*. Потому он и заменил эту родословную легенду бытовавшими в его время преданиями о последних королях Хорватии, выбросив при этом и достоверные подробности хорватской истории, сохраненные *Летописью*.

Дата завершения исторического повествования (середина XII в.) — нижняя граница его появления. Подробность и относительная достоверность (прежде всего пересечения с византийскими историками комниновской эпохи и соотносимость «летописной» генеалогии с реальной хронологией) последней части *Летописи*, видимо, указывает на близость ее прототипа к описываемым событиям. В то же время первая часть летописи, дающая для IX—X вв. десятки княжеских поколений, смешивающая хорватскую, сербскую и приморскую историю, представляется далекой от реальности. Это, однако, само по себе ничего не говорит о ее датировке.

***Летопись попа Дуклянина:* происхождение и содержание**

Единственное четкое свидетельство о происхождении, авторстве и источниках *Летописи* — ее собственное Введение:

Настоятельно упрощенный вами, во Христе братия и почтенные священнослужители святого архиепископского престола Диоклитанской церкви, а равным образом и многими старцами, более же молодежью нашего города, каковая не только слушанием или чтением, но и ратными упражнением — таков уж обычай юных — развлекается, я «Книгу Готскую», которая на латыни «Славянское» зовется «королевство», где все деяния войн их записаны, со славянского письма переложил на латинское, вверяя, вынужден братским обхождением, вашим требованиям старания своей старческой немощи. Однако же да не поверит никто из читателей, будто я записал что-то помимо того, что слы-

шал от отцов наших и древних старцев, передавших истинное повествование.

Взгляды исследователей XIX—XX вв. относительно происхождения *Летописи* в достаточной мере охарактеризованы выше. Очевидно, что все сходились лишь в одном вопросе — автором латинского текста являлся священник из города Бара («поп Дуклянин»). «Диоклитанской» церковь Бара именовалась как преемница античной Диоклии, давшей имя славянской Дукле.

Между тем, как представляется, *Летопись* содержит достаточно однозначные указания и по некоторым другим вопросам, связанным с ее происхождением. Так, например, не следует видеть противоречия в указании автора на «слышанные» им от «старцев» предания с сообщением о письменном славянском оригинале *Летописи*. Ф. Шишича такое сочетание смутило, и он вслед за М. Орбини ввел в текст слово «читал» наряду со словом «слышал» [Шишич, 1928: 292]. С. Миюшкович, доказавший крайнюю вольность перевода М. Орбини, совершенно справедливо отметил в этой связи неосновательность конъектуры [Летопись, 1967: 174]. Он придал фрагменту ключевое значение при оценке им происхождения летописи как целостного, основанного в значительной степени на устном предании латинского сочинения XIV—XV вв.

Между тем если не полагать, что автор хотел противоречить сам себе, то его сообщение об источниках труда достаточно ясно. С одной стороны, он по просьбам сограждан перевел на латинский язык написанную по-славянски и славянским письмом **Книгу Готскую*. С другой стороны, он имел в виду некоторую сомнительность древней славянской традиции среди далматинцев Бара. Характерно, что претензии славян на родство с древними готами романцы по меньшей мере ставили под вопрос и **Книгу Готскую* предпочитали именовать **Славянское королевство*. Удостоверяя славянскую традицию и однозначно указывая на вероятные в ней сомнения, автор подчеркивает, что записанное им теперь на латыни в точности соответствует бытующим в Баре из века в век устным преданиям.

Итак, из содержания самой *Летописи* можно сделать четкий вывод о том, что в основе ее все-таки лежит целостный славяноязычный памятник — **Книга Готская*. Других же данных на этот счет в нашем распоряжении не имеется. Явных доказательств мистификации со стороны латинского «летописца» нет, к тому же ссылка его на многочисленные обращения сограждан с просьбой перевести славянскую **Книгу* как будто полностью развеивает подозрения. Для собственно далматинской историографии XIII—XV вв. (Сплит, Дубровник) вообще не характерен столь живой интерес к славянской старине, который от-

личает *Летопись*. Без славянского оригинала история возникновения памятника становится еще более загадочной.

Но встает другой вопрос — насколько устные далматинские предания, ссылкой на которые летописец доказывает достоверность *Книги, повлияли на оформление латинского текста? Очевидно, такое влияние не могло не присутствовать. Итак, надо иметь в виду, что перед нами едва ли буквальный перевод славянского первоисточника. Скорее, речь должна идти о переложении с привлечением (как минимум с внимательным учетом) местной далматинской традиции. Эта традиция сказывается, вероятно, уже на первых главах памятника — впрочем, учитывая смешанный характер населения древней Дукли и возросшего влияния романской культуры Далмации в связи с христианизацией славянского общества, влияние латинских преданий могло присутствовать уже и в славянском памятнике. Датировка *Книги Готской обусловлена датировкой самого сохранившегося источника. По высказанным в конце историографического обзора соображениям, речь должна идти скорее о второй половине XII в. При этом временная дистанция между «автором» и «переводчиком» *Летописи* неопределима. Ясно, что перевод был выполнен не позднее XIV в. Причем его появление вполне могло быть связано с политическими обстоятельствами эпохи.

При таком подходе (заметим, достаточно традиционном) снимается значительная часть возражений исследователей, находящихся в *Летописи* парафразы различных латинских источников XII—XIII вв. Заметим, что и во второй половине XII в. вполне можно предположить знакомство образованных людей Далмации и Дукли с трудами Козьмы Пражского или Гальфрида Монмутского. С Чехией Сербо-Хорватский регион имел тесные и налаженные культурные связи, и завершенная в середине 1120-х гг. *Чешская хроника* могла достигнуть Далмации очень быстро. Что касается Гальфрида, которому Европа обязана литературным образом короля Артура, то его *История бриттов* уже в середине XII в. стала популярнейшим чтением на Западе. В течение первого века бытования она разошлась во множестве списков, очень рано появились ее переложения. В Далмации могли познакомиться с ней и без предполагаемого посредства других английских хронистов.

Впрочем, географический кругозор «Дуклянина» кажется крайне ограниченным, что ставит под сомнение версию об авторе-эрудите. Он хорошо знал север Балкан, неплохо — Италию, но области, лежащие далее к северу, представлял лишь в самом общем и смутном виде. Даже Чехия у него не упомянута ни разу. Это делает излишне смелым предположение о его происхождении оттуда, тем более что и его представление о Польше весьма смутно. Если он и знал хоть что-то о Британии, то об этом нет вовсе никаких свидетельств.

Совсем ничего удивительного нет в многочисленных лексических схождениях латинского текста *Летописи* с *Вульгатой*. Использование библейских оборотов (например, «родил сынов и дочерей и умер») — совершенно естественное явление средневековой хронистики. Автор **Книги Готской*, должно быть, так же использовал *Славянскую Библию*, что не могло не быть замечено в соответствующих местах латинским «переводчиком». Сопоставление своих персонажей с библейскими через использование библейских образов служило и духовным, и идейно-политическим целям «летописца». Он как бы вскрывал высшее, промыслительное измерение, а с другой стороны — подкреплял права «королей славян» параллелями из священной истории. Использование библейской образности в древнейших литературных памятниках для обоснования власти правителей хорошо изучено на русском материале (см.: [Плотникова, 2010]). В то же время нельзя не отметить натянутости многих предлагавшихся при анализе *Летописи* параллелей.

Одни из них (как ссылки на иноязычный источник труда в его начале у «летописца» и Гальфрида) могут быть случайными совпадениями из-за общности целей. Другие — как сходство конкретных деяний или обстоятельств смерти легендарных королей — легко объясняются фольклорными тропами или просто оказываются иллюзорными. Как, например, иллюзорно предлагавшееся Т. Живковичем [Gesta, 2009, 2: 210—211] сходство между Чаславом *Летописи* и Вортимером Гальфрида Монмутского. Часлав незаконно свергает своего отца Радослава; его роковая война с внешними врагами, венграми, с этим никак не связана. Вортимер отстраняет своего отца Вортигерна мирно, за недееспособность в противостоянии с внешним врагом, саксами. Вортигерн возвращается к власти после гибели сына. Но в *Летописи* возвращения Радослава нет — оно есть только в *Хорватской хронике*, первичность которой являлась лишь гипотезой Т. Живковича. Тождества такого рода, вероятно, можно найти в литературных традициях разных регионов мира.

Как пример поиска лексических параллелей можно привести анализ оборота «in pace quievit» («упокоился с миром»). Не найдя его в *Вульгате*, Т. Живкович заключил, что он воспринят из английских хроник (причем не из Гальфрида) [Gesta, 2009, 2: 193]. Но он сам указывал, что это точный перевод соответствующего греческого оборота, — а можно добавить, что оборот этот в раннее средневековье употреблялся далеко не только на Британских островах. Он отмечен у древних латинских богословов (например у Тертуллиана — Adv. Marc.: III, 3), в литургике, в житиях святых.

Содержательные аргументы в пользу позднего создания *Летописи*, приводившиеся Т. Живковичем, также малоубедительны. Так, он указывал на имена венгерского полководца Киша (погибшего в 1128 г.) и

сербского жупана Тихомила, которые в *Летописи* становятся современниками князя Часлава [Gesta, 2009, 2: 204—205]. Действительно, жупан Тихомир (!), брат Немани, правил во второй половине XII в. Естественно, упоминание его в легендарном контексте сдвинуло бы создание *Летописи* в более поздний период. Однако нет доказательств тождества Тихомила и Тихомира. Имя «[Тих]омир», кстати, является реконструкцией лакуны в единственном источнике — надгробной надписи его сына Первослава [Стојановић, 1902: 5—6]. Кроме того, М. Орбини, делящий Стефана-Симеона Неманю на двух персонажей — Неманю и Симеона, называет сыном первого и братом второго «Тихомила» [Орбини, 2010: 290]. Но даже при тождестве имен тождество персонажей нуждалось бы в обоснованиях. В сербском правящем роду имена воспроизводились часто. Что касается Киша, то «летописец» вполне мог сознательно использовать венгерское имя погибшего несколько десятков лет назад воеводы для объяснения более древнего названия местечка Кишево.

Ряд аргументов Т. Живковича, как уже было показано на примере параллели «Часлав — Вортимер», исходили из его же гипотезы о первичности *Хорватской хроники*. Так, он видел свидетельство позднего происхождения *Летописи* в упоминании о соправительстве Светозара и его сына Радослава. Соправительство, как утверждал исследователь, закрепилось в сербской политической практике только в XIV в. [Gesta, 2009, 2: 193—194]. Однако, во-первых, Т. Живкович сам признавал наличие соправительства отца и сына в единственном случае в Дуклянской державе XI в. Во-вторых, и это более существенно, — о соправительстве Светозара и Радослава говорит только *Хорватская хроника*.

В то же время нельзя не отметить, что Т. Живкович привел достаточно убедительные аргументы в пользу подлинности и независимости от *Летописи* ряда актов XI—XII вв., которые Ф. Шишич считал подлогами. Споры о степени достоверности этих документов насчитывают уже более сотни лет, и вопрос далек от разрешения. В любом случае, самостоятельного значения для датировки *Летописи* сами по себе акты с упоминаниями сербо-дуклянских правителей не имеют. Их содержание, если признать их подлинность, скорее свидетельствует в пользу ее достоверности, а следовательно — и ранней датировки. Зависимость *Летописи* от актов недоказуема. Против этого говорит неуверенность в самой возможности знакомства барского «летописца» с ними. Самые доступные пришлось бы искать в Рагузе; другие введены в церковно-правовой оборот лишь в XVI в. и за пределами Далмации. Кроме того, акты существенно скорректировали бы хронологию *Летописи* как минимум за XI в.

Как видно из примеров, введенная в последние годы дополнительная аргументация против раннего происхождения *Летописи* вполне

уязвима для критики. Приведенные примеры такой уязвимости, однако, нисколько не умаляют большой работы, проделанной последними издателями *Летописи* по выработке критического ее текста и сопоставлению с *Хроникой*.

Разочарование исследователей, надеющихся воссоздать на основе *Летописи* точную картину югославянской истории, понятно. То, что автор **Книги Готской* был славянским «Гальфридом Монмутским», даже если сам не пользовался трудом сочинителя Артурианы, — отчасти правда. Разница с Гальфридом в том, что предысторию британской традиции мы проследить по местным письменным источникам можем. Соответственно, у нас есть более адекватный и «достоверный» материал для реконструкции как первоначальных преданий, так и «реальной» истории. В случае с *Летописью* — мы можем опираться только на нее саму и «внешние» источники. Это, конечно, резко повышает зыбкость любых построений и вероятность ошибок. Однако это не является поводом ни для отказа от таких построений, ни для полной деструкции *Летописи* как первоисточника. Если бы валлийская традиция была представлена для нас только Гальфридом, — следовало ли бы утверждать, что Лира, Вортигерна или Артура всецело придумал он?

Возвращаясь от историографических проблем к источнику, подчеркнем еще раз: введение — единственное место в памятнике, которое может служить определению авторства. Это единственное место, где латинский «переводчик» сам говорит о себе. По тональности и введения, и основного текста можно с определенной долей уверенности заключить, что автором латинского текста был романец, далматинец родом из города Бара. В знании им славянского языка, разумеется, не было ничего необычного — ситуация двухэтничности и двуязычия была типична для городов Далматинского побережья. Фома Сплитский в XIII в. неоднократно упоминает на страницах своей *Истории* фамилии славянского происхождения и прямо сообщает о начале процесса смешения двух народов с момента основания Сплита [Фома Сплитский, 1997: 41]. Тем более такое смешение было характерно для Бара, религиозного и культурного центра славянской Дукли.

Романское происхождение автора доказывается характеристикой его источников. Славяне для него — с очевидностью «они», и «их» **Книга* нуждается в удостоверении со слов «отцов наших». Еще более романским по языку и культуре, не владеющим славянской грамотой, конечно, является и окружение автора, от которого он себя совершенно не обособляет. Это не противоречит ситуации городского двуязычия. По мере укрепления позиций Римской церкви в Далмации славянская грамотность в Дукле, как и дальше на север, неизбежно вытеснялась, уступая место латинице. С этой точки зрения обращенные к автору «просьбы» имели и очевидный идейно-политический подтекст. Перевод **Книги Готской* на латынь должен был перевести славянский

памятник в приемлемую для новых культурных устоев форму. И должен был заменить оригинал, в то же время сохранив его для потомства как памятник независимости Барской церкви (важный в борьбе с Дубровником). Существенным для латинского духовенства в Приморье XII—XIV вв. был и один из центральных тезисов памятника — законность власти королей Дукли (католиков) в противовес правящей династии Рашки.

Из введения с очевидностью следует еще один важный момент. *Книгой Готской назывался славянский оригинал, тогда как латиняне предпочитали называть его **Королевством славян*. Следовательно, как уже было сказано, «готская» легенда вошла в историческую традицию самих славян и укоренилась в ней, в латинской же среде эти тенденции встречали критику. С другой стороны, породила это представление как раз латинская среда. В IX—XI вв. в сплитской житийной литературе возникло отождествление двух волн разорителей Далмации — язычников-славян и приходивших до них ариан-готов [Шишић, 1928: 110—121; Ljetopis, 1950: 29]. Последнее давало в руки латинского духовенства мощную аргументацию в борьбе с хорватским глаголизмом — глаголицу отождествляли с готскими письменами еретика-арианина Вульфилы. Еще в XIII в. так поступал Фома Сплитский, который вообще назвал автором готских писем Мефодия, приписав ему к тому же некие сочинения «против учения католической веры» [Фома Сплитский, 1997: 48].

С другой стороны, для самих славянских авторов «готская легенда» становилась неплохим замещением для отсутствующих в известных им исторических сочинениях (хрониках Иоанна Малалы, Георгия Амартола, Симеона Логофета) упоминаний славян до VI столетия. Подобным образом искал и нашел в виде «нориков» античное замещение славянам и русский автор *Повести временных лет*. Эту тенденцию к превращению «готской» версии славянской истории в источник возвеличения своего этноса через его удревнение подметили и далматинцы. Можно не сомневаться, что славянским авторам наподобие создателя *Книги Готской легенда служила к обоснованию исторических прав на многие древние римские земли. Могла она по-новому использоваться и в глаголической полемике (скажем, через связывание «готской» глаголицы со святым Иеронимом). Поэтому даже Фома, держащийся за «готскую» легенду, существенно ее модифицирует, отличая среди вторгшихся в Далмацию завоевателей готов и славян [Фома Сплитский, 1997: 35]. Под «готами» он, вероятно, имеет в виду авар. В Баре же, в плотном славянском окружении, к претензиям славянских князей на готское наследие относились с еще большей подозрительностью, и «Дуклянин» откровенно пытается это неблагоприятство развеять своим переводом.

Попытки увидеть в легенде историческое зерно лишены источниковых оснований, особенно с учетом ее реальной истории. Между тем Й. Рус в свое время пытался обосновать со ссылками на *Летопись* происхождение славянских «Остроилловичей» от готских Амалов. Последние, таким образом, будто бы правили в Дукле по XII столетие включительно [Рус, 1931: 454—460].

Столь же необудителен и другой концепт Й. Руса, послуживший основанием вышеуказанному, — о тождестве упоминаемых далее в летописи «готских» правителей с историческими готскими королями. Он отождествляет Бруса, Тотилу и Остроила с братьями Валамером, Видимером и Тиудимером, чьи деяния описаны историком VI в. Иорданом. Теория действительно «готского» происхождения первых глав *Летописи* оказала воздействие даже на В. Мошина, который видел в «королях» Сенубальде и Сенулате (Сенудславе) славянские интерпретации имени Теодориха Великого [Ljetopis, 1950: 40, 43].

Между тем достаточно обратиться к тексту Иордана, чтобы иллюзия о сродстве традиций подлинной готской и дуклянской развеялась. В подробном рассказе Иордана о трех братьях-королях нет ни одного совпадающего с *Летописью* географического названия. Обстоятельства их смерти, их отношения между собою совершенно разнятся. Лишь в передвижениях войск Видимера и Тиудимера (первый — в Италии, второй — в Иллирике) можно увидеть отдаленное сходство с Тотилой и Остроилом. Но это, как увидим, просто результат частичного совпадения исторической ситуации V и начала VII в., когда Италия и Далмация одновременно подвергались «варварскому» вторжению. Отец братьев (если сближать его с Сенубальдом «Дуклянина») не был тезкой своего внука Теодориха, сына Тиудимера [Иордан, 1997: 108—116]. К тому же совершенно неясным остается, каким образом Видимер слился с другим готским королем — Тотилой, вместо того чтобы вместе с братьями подвергнуться «славянизации».

Тотила — единственное действительно готское имя, упоминаемое «Дуклянином», и его же без всяких братьев называет в связи с готским нашествием на Далмацию Фома Сплитский. Возможно, слияние в памяти далматинцев военных действий в ходе Готской войны середины VI в., которую вел Тотила, с чуть позднейшим аваро-славянским нашествием и породило «готскую легенду» [Фома Сплитский, 1997: 159]. Кроме того, Тотила смешивался в исторической памяти далматинцев и итальянцев с Атиллой, чьи войска разорили Адриатику в V в. Но всё это бесконечно далеко от искусственных «готских» соотношений по тексту «Дуклянина».

Итак, уже в славянской литературной традиции произошло смешение подлинного устного предания о покорении Далмации с книжной «готской легендой». В результате же латинского «перевода» на славянский оригинал *Книги Готской наложилось воздействие роман-

ского далматинского предания о тех же событиях. Все это необходимо учитывать и при источниковедческом анализе *Летописи*, и при изучении эволюции лежащей в ее основе устной традиции.

Несколько слов надо сказать о других упоминаемых в *Летописи* славянских письменных источниках — **Книге «Мефодий»* и **Житии св. Владимира*. Прежде всего следует отметить, что автор латинского текста нигде не указывает, что видел или читал их сам. Скорее всего, адресация к ним читателя заимствована им непосредственно из славянского источника всего текста — из *Книги Готской. Далее, сомневаться в реальности этих сочинений не приходится. Имя «Мефодий» как будто бы известно «летописцу» только из названия его *Книги, смысла которого он не раскрывал. Между тем столь же явно имеется в виду Мефодий, брат Кирилла-Константина, чья деятельность описана в этом сочинении. *Житие Владимира известно, как уже говорилось, не только из *Летописи*, но и по восходящему к общей с ней основе позднему греческому переложению. Достоверность указаний на другие славянские источники является веским дополнительным доказательством реальности самой *Книги Готской.

Содержание *Летописи* составляет повествование о правлении десятков поколений династии Остроилловичей. По ходу повествования «летописца» она превращается сначала в полулегендарных трebinьских Белоевичей, а затем во вполне исторических дуклянских Воиславичей. Крахом державы последних в середине XII в. «летописец» и завершает свою историю.

Деление *Летописи* на легендарную и исторические части является практически общепризнанным. Однако структура самой легендарной части исследована хуже, и предлагаются разные, подчас взаимоисключающие варианты.

Четко выделяется первая часть (I—V). Она повествует о завоевании и заселении славянами-«готами» Далмации и заканчивается рассказом о приходе болгар и образовании на Балканах Болгарского ханства. Таким образом, исторической основой данной части, подробно рассмотренной в прежних работах автора данной статьи, являются события VII в. «Летописец» называет четверых правителей, ни один из которых по другим источникам не известен: Остроил (собственно «строитель», покоривший Далмацию), Сенудслав (Всеслав?), Силимир и Владин (заклучивший союз с болгарами). Время правления Остроила можно было бы отнести примерно к 630—647 гг., Владина — примерно к 680 г. Однако такие отнесения легендарных персонажей, конечно, более чем условны, и детальное изучение содержания этой части «Летописи» укрепляет в данном выводе.

Судя по упоминаемому факту гибели Остроила в Дукле, источник цепочки княжеских имен — не известное нам ближе родословное предание дуклянских князей. Однако в русле концепции *Летописи* на эту

цепочку как бы нанизаны предания других южнославянских племен — о вторжениях славян в Далмацию и Истрию в союзе с аварами в начале VII в., о выселении сербов из Центральной Европы, о союзе сербов Рашки с болгарами. Кроме того, в русле той же исторической концепции, не только создавшей небывалое единое «королевство славян», но и возведшей род «королей» к древним готам, в переселенческое сказание введен в качестве персонажа (брата Остроила) готский король VI в. Тотила.

Таким образом, конкретно-историческая достоверность этой части *Летописи* весьма мала. Однако она отражает устойчиво бытовавшие в бесписьменном до XI в. обществе предания, которые при тщательной реконструкции могут служить дополнительным историческим источником о событиях VII—VIII столетий. Собственно, представляется, что отказ части исследователей *Летописи* от признания данного обстоятельства объясняется преимущественно неизбежными сложностями такой реконструкции. Изучение архаических раннегосударственных обществ вне Европы показывает, что сохранение в профессионально ориентированной на это среде социально значимых родовых преданий, достоверных в основных чертах, возможно. Подобные предания, скажем, в Западной Африке выживали в относительно устойчивой форме без «литературной» поддержки на протяжении примерно 600 лет (XIII—XIX вв.) [Котляр, 1985: 135—190]. Неполный учет данных сравнительных исследований в области фольклористики — существенный недостаток современного «филологического» подхода в историковедении средневековья.

Следующая часть *Летописи* имеет письменный первоисточник — славяноязычную **Книгу «Мефодий»*. Судя по соответствующей главе *Летописи* (IX), она включала в себя законодательство, землеописание и историко-агиографическое введение, близкое *Паннонской легенде* о св. Кирилле и Мефодии. Название *Книги, конечно, отражает представление об авторстве последнего, — хотя в *Летописи* он не упоминается ни словом, а действует только Константин-Кирилл, креститель хазар, болгар и «славян». Уже в **Книге «Мефодий»* основное действие было перенесено из Моравии на Балканы, и Святополк Моравский, будто бы и принявший крещение от Кирилла, действует на землях древней Далмации. Ливенское, или Дуванское, поле, где Святополк созывает утвердивший христианское законодательство и границы областей собор, расположено на юго-востоке средневекового Хорватского королевства. Очевидно, это указывает на этническую принадлежность составителей итоговой редакции **Книги «Мефодий»*. Наряду с отстаиванием славянских традиций, включая преследовавшуюся латинским духовенством славянскую грамоту, они решали и политические задачи — в частности, утверждение хорватской гегемонии в Далмации.

Возможно, именно **Книга «Мефодий»* навеяла автору *Книги Готской, а затем и «Дуклянину», идею о едином «Королевстве славян» в масштабе всех сербохорватских и далматинских земель. Время создания **Книги «Мефодий»* установить вряд ли возможно. С учетом реальных следов распространения славянской письменности в Сербо-Хорватском регионе едва ли имеет смысл датировать ее ранее XI в.

Граница между первой и второй частями *Летописи* трудноопределима. Повествование о князе-язычнике Ратомире, гонителе христиан-далматинцев (VI), внешне относится к той же дуклянской традиции. Однако более внимательный анализ *Летописи* и предполагаемого содержания **Книги «Мефодий»* приводит к возможности отождествления Ратомира с князем славонских хорватов Ратимиром (упомин. 838). Последний, язычник, враг франков и соперник южнохорватских князей-христиан, вполне годился на роль родоначальника «неправедных королей» в хорватской версии **Книги «Мефодий»*. С другой стороны, уже в ней среднедунайские предания о «гонителях» могли соединиться с балканскими — о борьбе славян с далматинцами. Это и создало иллюзию цельности повествования о первых пяти языческих князьях.

За Ратомиром следуют «четыре неправедных короля» (VII). Это собирательный образ, возможно, отражающий неизвестные нам перипетии истории славянских княжеств Подунавья в первой половине IX в. Их преемник «Сарамир», который прекратил гонения и при котором будто бы началась деятельность св. Кирилла (VIII), — вероятно, исторический князь Великой Моравии Моймир (830—846). Он действительно как минимум терпимо относился к христианству, окончательно утвердившемуся в Моравии уже при его племяннике и преемнике Ростиславе.

Святополк (который, кстати, не назван в *Летописи* сыном своего предшественника) являлся племянником Ростислава и внучатым племянником Моймира. Идентификация Святополка *Летописи* (IX) со Святополком Моравским сомнений не вызывает. В то же время следует отметить, что искусственность помещения моравского князя в историю Далмации была ясна уже в средние века. В устной традиции Хорватии XV в., отражаемой в *Хорватской хронике*, собор на Дуванском поле и утверждение христианского законодательства связывались с именем «короля» Будимира. Из достоверных источников такой неизвестен. Наиболее вероятные его исторические прототипы — хорватские князья Борна (+821) и Трпимир I (+864). С именем Борны связывает крещение хорватов Константин Багрянородный в сочинении *Об управлении Империей* [Константин Багрянородный, 1991: 132—133, 136—137]. Трпимир же заложил основы хорватской государственности. С его именем связано основание династии Трпимировичей и появление самого названия «Хорватия».

Верхняя граница сведений **Книги «Методий»* в составе *Летописи* столь же смутна, как и нижняя. Если сведения из *Книги заканчиваются ссылкой на нее в IX главе — обычная практика средневековых авторов, — то следующий «король», Светолик, якобы сын Святополка, на самом деле вновь является персонажем дуклянской традиции. Он первым был, по преданию, венчан на царство в храме Святой Марии в Дукле (Диоклии) (X). Однако не исключено, что *Книга, помимо историко-агиографического введения, имела и аналогичный эпилог. Тогда Светолика можно было бы идентифицировать со Святополком II, одним из преемников Святополка Моравского. Более вероятно, однако, что Светолик был первым или одним из первых христианских правителей Дукли в IX в. (крестились дукляне, скорее всего, в 860-х гг.). Сходство имен и могло превратить его в сына законодателя Святополка.

Следующая за этим третья часть *Летописи* (XI—XXIV) наиболее сложна по составу. Компиляция различных исторических традиций местами принимает здесь характер как минимум умышленной фальсификации. Автор *Книги Готской или *Летописи* не мог не понимать, что расставляет в произвольной последовательности правителей различных государств и племен, навязывая им к тому же прямое родство между собой. Речь шла о временах сравнительно недавних и документированных как минимум далматинской традицией — IX—X вв. Однако «летописец» оказался в сложной ситуации.

Династия Белоевичей, к родословной которой он должен был затем перейти, управляла в данный период только небольшой областью Требинье, и никакой возможности скрыть это целиком у «летописца» не было. Следовательно, «Королевство», существования которого требовали политические обстоятельства времени, и всех его «королей» следовало отодвинуть в прошлое. Тем более что это позволяло отнести к предкам Белоевичей целый ряд прославленных правителей Хорватии и Сербии времен их становления. Утверждение прав дуклянско-требиньских правителей на Сербию-Рашку являлось одним из лейтмотивов *Летописи*.

Открывается это хаотичное перечисление именами из хорватской истории — «королями» Владиславом (упомян. 821) и Томиславом (упомян. 914—925) (XI—XII). Они изображены как правившие друг за другом «братья», хотя в действительности разделены почти веком. За ними следует Себеслав (XIII), не известный из других источников. Судя по тому, что он воевал с «греками» из-за Скодры, — это персонаж дуклянских преданий. Помещением своим после Томислава он обязан, кажется, исключительно тому, что тоже имел дело с вторгшимися за Дунай венграми. Это позволяет отнести правление Себеслава в Дукле к X в. Сюжет о венграх завершает глава о сыновьях Себеслава — Разбивое и Владимире, из которых последний будто бы женился на венгерской принцессе (XIV). Однако единственный возможный

прототип Владимира, именуемого правителем Рашки, — это сербский князь Властимир (ок. 830—870), правивший еще до прихода венгров на Дунай. Известно, что он был тестем требиньского жупана и активно влиял на ситуацию в Приморье. Это, вероятно, и заставило «летописца» внести его в свою родословную, сделав законным наследником дуклянских «отца» и «брата».

С именем Владимира-Властимира «летописец», едва ли умышленно, возвращает нас в IX в. Хранимир *Летописи*, воюющий против мятежников в Хорватии (XV), — скорее всего, хорватский князь Бранимир (879—892). Затем следуют три имени, не имеющие известных исторических параллелей, — Твердослав, Остривой, Толимир. Ни об одном из них не сообщается ничего конкретного (XVI—XVIII). Возможно, это имена правителей Дукли IX—X вв., но могут они относиться и к иным приморским родословным. «Король» Прибислав, убитый в Боснии (XIX), мог бы быть одноименным сербским князем (891—892), хотя его недолгое правление кончилось не этим. Следующий далее Крепимир (XX), — отражение одного из правителей Хорватии по имени Трпимир. Князь Трпимир I правил в 50—60-х гг. IX в., Трпимир II — в начале 30-х гг. X в. Сын Трпимира Светозар (XXI), женатый на дочери немецкого герцога, истории неизвестен.

Завершающий фрагмент третьей части (XXII—XXIV) чрезвычайно важен для «летописца» с идейной точки зрения. Здесь перекидывался мостик к истории дома Белоевичей, и ключевым персонажем для обоснования их притязаний на власть над всеми сербскими землями являлся сербский князь Радослав (Родослав). Он правил примерно в конце VIII в., был свергнут его сыном Бериславом (согласно дубровницкой традиции) и бежал в Италию. Прибывший, по преданию, оттуда требиньский жупан середины IX в. Павел-Белой являлся родоначальником Белоевичей — и считался (может, и на самом деле был) внуком Радослава.

«Летописец» идет на довольно грубую, но политически эффективную подтасовку сохраненных преданиями фактов. Перескочив через полтора века, он заменяет Берислава на последнего сербского князя из «законной» династии Вышеславичей — Часлава (934—ок. 950). Тем самым пресечение правящего рода Рашки становится закономерным следствием преступления против отца. А хаос, наступивший после описанной в **Летописи* гибели Часлава в бою с венграми и упадок Сербии (последующие правители Рашки не носили княжеского титула) позволяли объяснить, почему Белоевичи уже не правили всем «Королевством славян». Истолковав это малоприятное для своей концепции обстоятельство, автор **Книги Готской* мог спокойнее переходить к описанию правления Белоевичей в Требине.

Четвертая часть *Летописи* (XXV—XXXV) начинается с описания происхождения Павла-Белого и охватывает правление требиньских и

дуклянских князей середины IX—конца X в. Ядро ее, вероятно, — исторически достоверное в основных чертах родовое предание правящего дома. Его содержание и соответствие исторической действительности заслуживает отдельного исследования. Однако надо отметить, что помимо естественных наслоений устной традиции, в этой части также имели место искажения со стороны политически ангажированного «летописца». Здесь эти искажения гораздо четче, чем в третьей части (кроме ее финала), объясняются идейными соображениями. К династии Белоевичей отнесен хорватский король Крешимир, — отражающий Крешимира I (ум. 945) и/или Крешимира II (949—969).

Серьезные хронологические искажения призваны, в первую очередь, затушевать подлинную историю взаимоотношений Требинье с Рашкой, от которой требиньские князья находились в прочной зависимости [Константин Багрянородный, 1991: 150—151]. Потому брак «короля» Прелимира (соответствует историческому Крайне Белоевичу, первому полноправному князю Требинье) с дочерью сербского правителя перенесен из IX в. в 970-е гг., когда Рашка подверглась византийской агрессии. Брак становится милостью требиньского «короля», возвращающего тестю его земли после смерти византийского императора (Иоанна Цимисхия, т. е. в 976 г.). Возможно, исторически такая ситуация в 970-х гг. и имела место, и она могла быть связана с браком княжича Драгимира и дочери сербского жупана Лютомира (этот брак упоминается в исторической части *Летописи*, XXXVII). Кстати, Лютомир, сын и наследник Тихомила, правившего в Сербии после Часлава, в *Летописи* раздвоился — на якобы современника Белого, побежденного им, и тестя Драгимира.

Построения «летописца» создали неразрешимые трудности. Действительно, смерть болгарского царя Петра и смерть византийского императора-завоевателя Болгарии и Сербии (события 970—976 гг.) отнесены к правлению Прелимира. Смерть хорватского короля Крешимира II и воцарение его сына Степана (969) — к правлению сыновей Прелимира. Восстание комитопулов в Болгарии и начало возвышения царя Самуила (976—997) — к правлению Тугимира, правнука (!) Прелимира. Св. Владимир, правнук Тугимира и зять Самуила, начал править около 999 г. и погиб в 1016 г. Очевидно, самые серьезные искажения связаны именно с попыткой обосновать «права» требиньско-дуклянской династии на Сербию и отчасти Хорватию. Но «летописец», хронологической шкалой не пользовавшийся и едва ли знакомый с анналистикой (что скорее подтверждает существование славянской *Книги Готской), этих трудностей не заметил.

Итак, легендарная часть *Летописи* представляет собой крайне сложное произведение, компилирующее различные элементы устной традиции в идейно ангажированное и подвергшееся заметным искажениям целое. Тем не менее данный вывод не обесценивает перспектив

изучения как *Летописи* в целом, так и лежащих в ее основе преданий как исторического источника. Представляется, что сравнительно рано зафиксированные, пусть и в весьма своеобразной форме, предания о южнославянских князьях IX—X вв. могут дать ценную информацию о социально-политической и культурной истории региона.

Что касается исторической части *Летописи*, то она открывается **Житием св. Владимира* (XXXVI) в его единственно из *Летописи* известной древней редакции. Начиная с этого момента и до конца повествования (XXXVI—XLVII), *Летопись* излагает события в относительном согласии с византийскими источниками в хронологии и генеалогии. Однако и здесь мы видим заметные отличия от других синхронных памятников — прежде всего в трактовках конкретных событий, а также в крайне небрежной хронологии. Очевидно, это указывает и на субъективность «летописца», и на использование им в основном устных источников информации.

В свете всего сказанного крайне маловероятно знакомство «летописца» с византийской хронистикой, которое предполагал Т. Живкович. Тогда «летописец» оказался бы единственным латинским историком высокого средневековья, использовавшим памятники византийской хронографии. Однако при признании автора первоначальной *Книги Готской младшим современником падения древней Дукли нужда в подобных допущениях отпадает.

В сообщениях «Дуклянина» о первых князьях прослеживается структура, связанная с использованием устных источников разного типа, лишь отчасти обогащенных из письменной традиции. Основу повествования о первых пяти князьях, например, составили три отдельных сказания эпического характера — о битве при Темплане, о гибели Остроила, о приходе болгар. Связывал их простой княжеский перечень, призванный возвести происхождение некоей династии к временам первоначального заселения славянами Балкан. Правления князей, лишь упоминаемых в перечне, но не являющихся центральными героями сказаний, «Дуклянин» заполняет домыслами и обобщенными характеристиками на основе тех же сказаний и внешних по отношению к устной истории источников (далматинской традиции, **Книги «Методий»*). Кроме того, в ткань труда органично вплетается «готская легенда», фундаментальная для исторической концепции *Книги Готской.

Судя по локализации гибели основателя династии Остроила в Скодре, источник княжеского перечня и как минимум данного сказания — дуклянский. Сербское (возможно дуклянское) происхождение имеет и привязанное к Владину сказание о приходе болгар и их замирении с сербами. Зачином, введением к перечню, объяснявшим происхождение династии, очевидно, служило известное еще Константину сербское предание о двух разделивших народ братьях-князьях. Сказа-

ние же о битве при Темплане практически, несомненно, хорватское и привязано к Остроилу и его «брату» Тотиле искусственно. Вероятнее всего, это произошло не в устной традиции дуклянского двора, а уже при построении **Книги Готской*.

Княжеские перечни хорошо известны как особый жанр исторического экскурса на Руси. К наиболее давним по времени записи перечням (вне летописного текста) относятся списки князей из дополнений и приложений к *Новгородской 1 летописи младшего извода* [ПСРЛ, 2000: 162—163, 465—466]. В основе своей некоторые из них могут восходить как минимум к XII столетию. Самостоятельным произведением изначально являлся и список, включенный переписчиком начала XV в. в версию *Повести временных лет* по Ипатьевскому списку. Он построен по локальному, а не по генеалогическому признаку (как и отдельные новгородские списки) и включает киевских князей от Диры и Аскольда до взятия Киева Бату-ханом в 1240 г. [ПСРЛ, 1998: 1—2]. Самый же древний из сохранившихся списков, принадлежащий автору или кому-то из редакторов *Повести временных лет*, доведен до смерти Святополка II в 1113 г. и органически входит в текст летописи под 6360 (852) г.

Но княжеские списки в своих первоначальных редакциях могут быть и старше летописей. Во всяком случае, с появлением письменности именно перечни такого рода служили во многих странах инструментом для запоминания сообщаемых династийным преданием генеалогических и особенно хронологических данных. Не исключение и славянский мир. Таков *Именник болгарских князей*, легко прижившийся в славяноязычной книжности. Если очистить часть труда первого польского хрониста Анонима Галла, повествующую о языческой эпохе, от общих мест и риторики, то увидим после предания о герое-предке Пясте опять же княжеский список [Галл Аноним, 2009: 272—274]. Еще рельефнее та же структура предстает у первого чешского хрониста — Козьмы Пражского [Козьма Пражский, 2009: 51 и след.]. Вслед за преданием о Кроке и его зяте, родоначальнике Пржемысле, Козьма приводит краткое перечисление языческих князей — и только после этого передает на латыни связанное с одним из них (не последним) пространное эпическое сказание о войне чехов с соседним племенем лучан.

Итак, и у Козьмы, и у Галла с княжеским списком образует единое целое лишь рассказ об основании династии, обосновывающий ее право на власть. Точно так же и русские княжеские каталоги, даже приложенные к летописи, подчас начинаются с краткого напоминания о призвании Рюрика. Очевидно, это соответствует структуре архаического славянского княжеского перечня и в его устном бытовании — он прилагался, постоянно дополняясь, к преданию о происхождении правящего рода.

Ближайшим с точки зрения этногенетической аналогом славянской исторической традиции, очевидно, должна являться традиция германо-скандинавская. В ней жанр «династийной саги», описывающей древнейшую эпоху, достаточно разработан. При этом наиболее архаичный, в традиционном (не латинском) языковом оформлении, вариант представляют исландские «королевские саги». Здесь при описании событий древнейшей истории мы видим (например в *Saga об Инглингах*) ту же стержневую структуру.

Скальдическая поэма — расширенный и поэтически оформленный перечень правителей одной династии — выступает в роли стержня, на который нанизываются отдельные предания, наподобие комментариев и расширений к вычурным скальдическим формулам. Стержневая поэма, передаваемая путем заучивания наизусть, служит и для запоминания предания, и для связывания отдельных преданий между собой. Отметим при этом важное обстоятельство — и сами предания могли оформляться в поэтической форме. И если вычурно-лапидарный стиль скальдической поэзии, особенно в ранний период ее формирования, для этого годился мало, то к услугам хранителей традиции были эпические «эддические» образцы, также использовавшиеся для сложения родословий и повествований об исторических событиях.

У славян все же, насколько можно судить, дело обстояло несколько иначе. «Стержнем» везде, где он фиксируется, выступал сухой княжеский перечень, прилагаемый к родовому преданию о происхождении династии (как у Козьмы Пражского). В отличие от скандинавского примера, перечень не принимал самостоятельной литературной формы, не разворачивался, оставаясь просто «каталогом» князей (впрочем, скандинавам известен и такой жанр). Предания, бытующие отдельно, в более или менее развернутой фольклорной форме, нанизывались на него. Предания эти носили эпический характер и повествовали, как правило, об отдельных войнах племени (например чехов с лучанами) или значимых событиях иного рода. Изучение русской летописной и внелетописной традиции наводит на мысль, что преобладающей формой бытования такого дружинного предания у славян являлась поэтическая. Следы поэтического оформления предания отмечены в *Начальном своде* применительно к родовому преданию Рюриковичей и в *Повести временных лет* применительно к преданию о Кие.

Именно этот жанр дружинной «былины», по всей вероятности, уже в реликтовой форме представляет древнейший (как минимум по описываемым событиям) сохранившийся памятник светского эпоса на славянском языке — *Слово о полку Игореве*. В случае необходимости поведавать историю целого рода в сжатом объеме такие пространные поэмы усекались, цитировались (как в русской летописи за X в.). Цитаты же из них нанизывались на «родослов».

Трудно сказать, поэтический или прозаический характер носили устные тексты дуклянского двора, легшие в основу **Книги Готской*. Эта сторона памятника оказалась напрочь заслонена для нас утратой славянского оригинала. Но по латинскому переложению можно видеть результат работы неизвестного славянского автора. Сложившиеся трафареты латинской хронографии затруднили Козьме и Галлу адекватное воспроизведение славянского династического эпоса. Потому Козьма воспроизвел ситуацию бытования эпоса Пржемысловичей, но не живую его форму, которую лишь два века спустя постарался реконструировать (заметим, еще и с дополнениями) писавший на чешском и в стихах Далимил. Галл же (не будучи, кстати, поляком) вообще отказался от описания деяний Пястов дохристианской эпохи — если и имел о том какой-то материал.

На пути сербского автора подобных препятствий не было. Он был живым носителем традиции и фиксировал ее на родном языке. Поэтому стержень у него свободно растворяется (как оно, конечно, в итоге и получалось при развернутом устном повествовании) в выборке из эпических сказаний об отдельных князьях. При этом весь корпус получил творческую обработку — прежде всего с позиций победившего христианства. Кроме того, еще, вероятно, на поздней стадии устного бытования в ткань древнего эпоса вплелась пришедшая из книжной полемики «готская легенда». Дав устному родослову литературное оформление, автор **Книги Готской* оказался удачным посредником между живой славянской традицией и латинским «летописцем», сохранившим до нас его труд.

В то же время не обошлось и без недочетов. Та или иная степень конфликта между древним эпосом и новой литературно-исторической традицией была неизбежна. Как это часто бывает, ярче всего она проявилась в хронологическом аспекте. Для автора **Книги Готской* хронологические увязки с «внешней» историей были робкой и не слишком значимой, добавим, для основного генеалогического предания попыткой поставить его во всемирный контекст. «Готская» легенда несколько подвела его при создании отправной точки, но затем повествование приобретает довольно логичный с хронологической точки зрения характер и убедительно размещается в VII—IX вв. Однако после описания создания Константином-Кириллом славянской грамоты ситуация резко меняется.

С IX в. перед автором оказалась неупорядоченная смесь из обрывков различных династических преданий и данных письменных источников. Они касались истории Дукли, Хорватии, Рашки, возможно, еще и других южнославянских государственных образований. С точки зрения заданной историко-политической концепции все известные древние «короли» должны были встать в ряд предков дуклянской династии. И автор справляется с этой задачей методами именно родослова,

но никак не летописи. Полностью игнорируя хронологию, он попросту расставляет всех известных князей в генеалогический ряд друг за другом. Только с начала XI в., имея в распоряжении «официальный» родослов еще недавно существовавшей державы, автор обращается к реальной истории. Вкупе с естественными для фольклора фантастическими элементами в описании событий это нанесло непоправимый вред репутации летописи у историков нового времени, начиная с И. Лучича.

Вместе с тем популярность *Книги Готской и ее переложение (быть может дополненное) на латынь указывают на то, что для своего времени и своего народа автор с задачей справился в достаточной мере. И славян, и начавших уже смешиваться с ними далматинцев форма и содержание родослова вполне устраивали, вне зависимости от согласованности его с хронологически выстроенной «большой историей». К тому же отсутствие четких хронологических указаний и удревнение славянского вторжения в Далмацию до V в. теперь служили уже и хорошую службу, отчасти оправдывая фантастическое число поколений, прошедших с тех пор до времен создателей *Книги и *Летописи*.

Известная периферийность дуклянской традиции по отношению к новому центру государственности и новой династии в Рашке привела, однако, к тому, что данные дуклянской *Летописи* и дуклянского предания остались не востребованы позднейшими сербскими авторами. В новом Сербском королевстве и особенно на его развалинах с конца XIV в. мы также наблюдаем сохранение формы «родослова». Она вторгается даже в житийную литературу, объединив ряд королевских житий Неманичей в целостный свод. Известный в нескольких редакциях *Сербский родослов* (Неманичей) стал затем источником для сербского летописания XV—XVIII вв.

Однако у летописцев Неманичей не было ни письменных, ни устных сведений о происхождении первых поколений рода. В истории же своего народа они исходили из укрепившегося в далматинской историографии и при сербском дворе лестного представления об автохтонности сербов на Балканах. Как результат — древнейшая история сербского заселения в Иллирике была полностью подменена довольно странной генеалогической легендой о сербском происхождении древнеримского императора Лициния и о том, будто дед Стефана Немани (!) Бела Урош был внуком или даже сыном Лициния от сестры Константина Святого [Стојановић, 1927: 7—16, 44—46, 53, 57—58, 177, 184—185, 197]. Нелепость этой легенды была очевидна уже в средние века ряду переписчиков и редакторов как на Руси, так и в самой Сербии.

Механизм создания и источники родословной легенды Неманичей довольно любопытны, но выходят за пределы рассмотрения в настоящей работе. Ясно, что она в упомянутой части ни в какой мере не вос-

ходит к сербской устной традиции, являясь всецело порождением книжного вымысла. Однако одно связанное с ней обстоятельство подчеркнуть следует. Консервация архаической формы родослова невольно вела к переносу в письменную литературу характерных черт устного родового предания.

А такое предание строилось вовсе не по модели линейной хронологии, а на основе поколенного счета, и мифологические растяжения времени для предания отнюдь не необычны. Для летописи в собственном смысле прямая увязка Уроша и Лициния представляла бы серьезную проблему. Но родослов, строящийся по иной схеме, проблемы не замечает. Пропуски, подмены и вставки, объединение поколений — не редкость в генеалогическом предании, и применительно к самой родословной Неманичей это демонстрируют различные редакции *Сербского родослова*. Для такого предания оказывается неважным, был ли Урош сыном, внуком или дальним потомком Лициния. Важен сам факт привязки родоначальника знатного рода к знаковому персонажу (не столько к гонителю христиан Лицинию, сколько к его шурину и врагу Константину).

При этом автор христианского родослова ищет и находит такого персонажа в истории Церкви, не задумываясь, конечно, над тем, что его языческий предок провел бы точно такую же (и не более обоснованную) операцию с пантеоном богов и героев. Итак, архаическая схема неожиданным образом срабатывает в условиях новой культуры. Но здесь лежал и просчет создателя легенды. Константин и Лициний принадлежали не фольклору и мифологии, а реальной и писаной истории, к тому же в реальности не сербской. Родослов не мог стать единственным или основным письменным источником информации о них. Научно (на средневековом уровне) познаваемая история христианского мира естественным образом сопротивляется вторжению мифологической архаики и обличает сам мифологизм.

Итак, в Сербии имел место прямой перенос жанра родового предания («родослова») в письменную литературу. При этом переносе перед автором вставляли лишь задачи демифологизации и циклизации преданий, с которыми он в случае с *Летописью попа Дуклянина* по-своему справился. При этом циклизация происходила без помощи чуждого традиции инструментария ученой литературы (скажем, хронологической шкалы «от сотворения») и основывалась на потенциале и обычных приемах самого предания. Но, оказавшись оторвана от живой народной традиции, будучи вынуждена возмещать имеющиеся в «родослове» пробелы за счет сведений из ученой литературы, сербская средневековая историография заходила в тупик абсурдного мифологизирования — как видно на примере легенды о происхождении Неманичей.

Стоит отметить, что болгарская традиция дает нам противоположный вариант бытования и отражения устной традиции, по крайней ме-

ре в части «дописьменного» и дохристианского периода истории. Здесь временная утрата государственной самостоятельности привела к умиранию дружинно-аристократического родового предания (к тому же здесь — неславянского происхождения). Последующие авторы имели дело с народными топонимическими преданиями и вынуждены были «нанизывать» их на чуждую им схему, будь то схема апокрифического «сказания» или византийской хронографии (см.: [Алексеев, 2006: 50—97]). В *Летописи* топонимических мотивов достаточно, но все они логично и жестко привязаны к «княжеской» династической традиции.

Самая богатая, в том числе историческими сочинениями, из средневековых славянских литератур — древнерусская — занимает в этом смысле промежуточное положение. С одной стороны, русские летописцы давали связную и неизбежно (при скудости внешних источников) оригинальную картину прошлого своей страны. С другой стороны, они вплели элементы этой картины в сетку византийской хронографии, обращая даже полные фольклорных элементов предания о ранних Рюриковичах в «летопись».

Далее, родовое предание (Рюриковичей) на Руси, естественно, сохранялось и могло в XI—XII вв. использоваться летописцами. Однако это было, несомненно, родовое предание несколько иного типа, складывавшееся уже в IX—X вв., в условиях христианизации и к тому же зарождения письменной культуры. С этим связано естественное, хотя подчас и более чем парадоксальное переплетение в нем христианских и языческих элементов. Как пример — умаление характерного для древнейших разделов дуклянского «родослова» или, скажем, для русской же народной былины о Волхе Всеславьевиче дружинно-воинского завоевательного пафоса.

Более ранние и более «чистые» образцы родового эпоса могли восприниматься в эпоху Рюриковичей лишь как вводные, «додинастические». Поэтому перед русским летописцем вставала в этой части повествования задача прежде всего циклизации обширного рассыпающегося материала «додинастической» традиции. Он не мог позволить себе ограничиться, как «Дуклянин» или Козьма Пращский, рамками придворного предания — хотя автор *Начального свода* в XI в., возможно, пытался идти по этому пути (см.: [Алексеев, 2012: 47—80]). В итоге в русском летописании уже на раннем этапе его развития отразилось все разнообразие преданий о дописьменной эпохе — от «вводных» к династическому преданию, имеющих в целом вполне «аристократический» облик, до народных топонимических сюжетов.

Возвращаясь к *Летописи пона Дуклянина* и суммируя наши выводы о степени ее «достоверности» (в любом случае условной), можно наряду с вышеприведенными разбивками выделить в тексте следующие части:

1. Описание событий VII—VIII вв. (повествование о первых четырех князьях-Остроиловичах, а также о Радославе). Это предания, записанные спустя века после описываемого в них времени. Притом они подверглись искажению не только в силу этого, но и в результате конструкций автора **Книги Готской*. Тем не менее в основе они отражают подлинные события времен славянского заселения Балкан, известные и из других источников.
2. Описание событий IX—X вв. (включая и трebinьскую легенду) является компиляцией изначально не связанных между собой устных традиций. К ним «приставлены» сведения письменного источника — **Книги «Мефодий»*, чье историческое содержание исходно вообще имеет мало отношения к южным славянам. В основе своей использованные здесь предания более «историчны», чем припоминания о предыдущем периоде. Особенно это относится к родовой легенде Белоевичей, имеющей ключевое значение для «летописца». Однако переработка им преданий в этой части именно поэтому более субъективна, а смещение разных традиций (до легенды Белоевичей) почти бессистемно.
3. Описание событий XI—XII вв. — бесспорно «историческая» часть *Летописи*. Автор **Книги Готской* опирался здесь на сравнительно недавнюю историческую память, в том числе и сохраненную в письменной форме (как минимум **Житие св. Владимира*). Данную часть *Летописи* можно использовать как адекватный первоисточник по истории Дуклянской державы. Однако и здесь следует принимать в расчет преимущественно устные источники информации «летописца».

О переводе

При переводе нами использован латинский текст *Летописи* по изданию Т. Живковича и Д. Кунчер, где привлечены оба ее списка. Текст сверен с факсимиле Ватиканской рукописи по изданию С. Миюшковица. В текстологических примечаниях к переводу отмечены существенные различия Белградского списка — в основном в написании имен (в случаях более исправных чтений используется он) — и отчасти *Хорватской хроники*.

Подведение различий по *Хорватской хронике* несколько выходит за рамки наших исследовательских задач. Вплоть до оригинального финала подавляющая часть расширений текста, предлагаемых *Хроникой*, представляет собой характерное для позднего средневековья литературное украшательство. Для подтверждения можно привести только два примера из описания завоевания «готами» Далмации.

В латинском тексте:

В восьмой же день все с обеих сторон — христиане и язычники — вышли вооруженные и сошлись в великой битве, длившейся от третьего часа дня до самого заката. И судом Божиим, коего никто не дерзнет предсказать, свершилось так, по некоем сокрытым великим прегрешением христиан, что победу одержали жестокие готы; и христиане пали.

В *Хорватской хронике*:

И на восьмой день все с обеих сторон — христиане и помянутые язычники — вооружились и сошлись в великой битве. Итак, начали бой в восьмой день. И начали убивать друг друга, и бились от третьего часа дня до самого вечера. Сражались между собой в битве жестокой и немилосердной, с множеством погибших с одной и с другой стороны. До некоего времени никто не знал, какой стороне следует опасаться поражения, потому что ни одна не уступала, и видно было, что у одних и других живые встают на место мертвых. Потом, в единый миг, и никто не усомнится, что было то по воле Того, о Ком никто не сможет сказать, почему Он сделал так, как сделал, — немилосердные готы победили, может быть, из-за некоего греха, который обрелся в христианах, и без остатка была избита христианская сторона...

В латинском тексте:

Когда посланные императором прибыли туда, то застигли, как и говорилось, Остроила с немногими; однако же тот, будучи мужем твердо-го духа, изготовился и вступил в бой. Когда же бой завязался, Остроил пал и был убит, а бывшие с ним обратились в бегство.

В *Хорватской хронике*:

А Строил, видя это, собрал своих людей и пошел в бой, ибо был он пламенный юнак с храбрым сердцем и сильным телом, сражавшийся, будто лев, и хотя был он изранен многими ранами, но бился, на них невзвзвывая. Окровавленный и усеянный ранами, пал он с коня и не мог бежать. И сумели его убить. А его люди, увидев это, ударились в бегство, хотя многие из них собирались и храбро бились, защищаясь...

Отдельные, прежде всего историко-географические, подробности могут отражать политическую тенденцию составителя *Хроники*. Так, он последовательно вводит в повествование «хорватов», изображая их, в частности, как коренное христианское население Далмации; столь же упорно добавляет упоминания Боснии и т. д. Выразительным примером вторичности *Хроники* является замена имени вполне исторического хорватского (!) короля Томислава на явно ошибочное «Полислав» (Болеслав?).

Некоторые сюжетные отличия могут объясняться и ошибками в воспроизводстве латинского оригинала, и домыслами хорватского писателя. Он, несомненно, располагал устной традицией (которая и отразилась в оригинальном окончании *Хроники*). Но вряд ли эта традиция буквально совпадала с оригинальной *Летописью* (уже литературной обработкой преданий!) настолько, чтобы могла быть использована для ее мелких (!) коррекций.

С учетом всего изложенного, целесообразно отказаться от перевода *Хорватской хроники* и повсеместного подведения различий по ней. В своих отличиях от *Летописи* это самостоятельный памятник, вероятно, XV в., возникший в иных культурных условиях и в несколько иной этнической среде. Его отдельный перевод представляет собой особую научную задачу, и в рамках ее решения соотношение с *Летописью* может быть детально исследовано. Для научно-критического перевода или издания *Летописи Хроника* сама по себе, как было ясно уже С. Миюшковичу, может дать сравнительно мало. Попытка Т. Живковича обосновать значимость избыточной информации *Хроники* для реконструкции оригинального текста не может быть признана убедительной. Однако полезно указать на отличия в написании отдельных имен и географических названий, поскольку теоретически они могут восходить к более исправным или альтернативным чтениям латинского оригинала. Такие различия и будут нами указываться.

Интересную текстологическую и источниковедческую проблему представляют перспективы реконструкции славянского прообраза латинского «перевода». Однако мы и в более ранних работах, и здесь отказываемся от подобных попыток. Причина тому — не только полное отсутствие параллельной славянской письменной традиции, но и отсутствие уверенности, что перед нами именно перевод, а не дополненный пересказ. Отметим, что в некоторых случаях латинский текст действительно кажется переводом или, по крайней мере, напрашиваются славянские соответствия ему. Но воспроизведение подобных конструкций — по сути, «обратного» перевода на славянский — представляло бы разве что литературный (сомнительно), но не научный интерес. В конечном счете нечто подобное за века до нас уже проделал автор *Хорватской хроники*.

ЛЕТОПИСЬ ПОПА ДУКЛЯНИНА

Автор к читателям.

Настоятельно упрощенный вами, во Христе братия и почтенные священнослужители святого архиепископского престола Диоклитанской церкви, а равным образом и многими старцами, более же молодежью нашего города, каковая не только слушанием или чтением, но и ратными упражнениями — таков уж обычай юных — развлекается, я *Книгу Готскую*, которая на латыни зовется *Славянское королевство*, где все деяния войн их записаны, со славянского письма переложил на латинское, вверяя, вынужден братским обхождением, вашим требованиям старания своей старческой немощи. Однако же да не поверит никто из читателей, будто я записал что-то помимо того, что слышал от отцов наших и древних старцев, передавших истинное повествование¹.

- I. В то время, когда в Константинополе правил император Анастасий, который и себя, и многих других замарал евтихианской ересью, в Риме же восседал папа Геласий, когда блистали в Италии Герман, епископ, и Сабин, епископ Каносского престола, а также почтенный муж Бенедикт с горы Кассинской, извергся из северной страны некий народ, который именовался готы, народ дерзкий и неукротимый, князьями над коим были три брата, сыновья короля Сенубальда², имена которых были следующие: первый Брус, второй Тотила, третий Остроил.
- II. Из них Брус, который из всех был старшим, по смерти отца воссел на его место и правил вместо него в родной своей земле. Тотила же и Остроил, дабы имена свои сделать великими, по совету и воле первородного брата, совокупив весьма великое и могучее войско, вышли из своей земли, победоносно прибыли в Паннонскую провинцию и войной завладели ею. После чего с могучим множеством достигли Темпланы³. Тогда

---

¹ В *Хорватской хронике* введение «Автор к читателям» отсутствует. Вместо него стоит только: «Во имя Бога Всемогущего, Творца неба и земли».

² Конъектура С. Миошковича; в оригинале: Senuladi, Senualdi. По Т. Живковичу — Senudslavi. В *Хорватской хронике*: «Сфихолад».

³ В *Хорватской хронике*: «Тарновина».

король далматинский, который располагался в великом и дивном граде Салоне, отправил гонца с письмом к королю Истрии, чтобы, соединив войска, одновременно выступить навстречу тем и дать им отпор. Итак, оба, соединив войска своих народов, выступили навстречу готам. Придя таким образом, разбили лагерь близ тех. Тогда, на протяжении восьми дней, поскольку от лагеря до лагеря было близко, с обеих сторон выходили воины, рая и убивая друг друга в поединках. В восьмой же день все с обеих сторон — христиане и язычники — вышли вооруженные и сошлись в великой битве, длившейся от третьего часа дня до самого заката. И судом Божиим, коего никто не дерзнет предсказать, свершилось так, по неким сокрытым великим прегрешениям христиан, что победу одержали жестокие готы; и христиане пали, и убит был король Истрии, и многие тысячи христианского люда умерли от меча, и огромное множество было уведено в плен. Однако король далматинский с немногими могучими воинами ушел и бежал в свой град Салону. После этого, поскольку войско Тотилы и Остроила, его брата, было велико, а народ прибавился многократно, они, посоветовавшись со своими вельможами, разделили войско. И Тотила, пройдя со своим войском Истрию и Аквилею, ворвался в Италию и бился там в великих битвах, области же и грады во множестве опустошил и сжег. Оттуда вскоре приступил к острову Сицилия, когда пришло время конца его жизни, как предсказывал ему слуга Божий Бенедикт. Остроил же, брат его, со своим войском вступив в Иллирийскую провинцию, учинил жестокую войну, в коей никто не мог ему противостоять, овладел всей Далмацией и приморскими областями и наконец, прибыв, осел в Превалитанской округе. Встав тут на отдых с некоторой частью воинов, отправил сына своего, звавшегося Сенудслав⁴, покорить загорские области. Между тем император города Константинополя, собрав войска, отправил их против Остроила, о котором слышал, что тот пребывает с немногими в Превалитанском городе. Когда посланные императором прибыли туда, то застигли, как и говорилось, Остроила с немногими; однако же тот, будучи мужем твердого духа, изготовился и вступил в бой. Когда же бой завязался, Остроил пал и был убит, а бывшие с ним обратились в бегство. С тем императорские люди, забрав свою добычу, и возвратились в свою землю.

---

⁴ Так в Белградском списке. В Ватиканском: «Сенулас» и «Сенудилай». В *Хорватской хронике*: «Сфиолад».

- III. Когда сын его Сенудслав услышал об отцовской смерти, он как можно быстрее поспешил с войском за императорскими людьми, чтобы отплатить за смерть отца, но нимало не преуспел. Приняв в итоге королевство и правя вместо отца, он породил сына, которого назвал Силимир. Границы же его королевства были от Вальдевина до самой Полонии — как приморские, так и загорские области. И многожды стеснив и преследуя христиан, которые обитали в приморских городах, он умер в двенадцатый год правления.
- IV. Сему наследовал в правлении сын его Силимир, который хотя и был поганый и язычник, но все же со всеми пребывал в мире, любил всех христиан и менее всего их преследовал. Он даже заключил с ними договор, и они сделались его данниками. Он преисполнил множество славян, и в его дни земля успокоилась. Он родил сына, которого назвал Бладин. Смерть его случилась в двадцать первый год правления.
- V. Сын его Бладин получил королевство, и ходил путями отца, и обладал королевством отца своего с миром. Он породил сына, которого назвал Ратомир, каковой с детства весьма проявлял неотесанность и высокомерие. В правление Бладина вышло бесчисленное множество народа с великой реки Волги, от коей они и получили имя; от реки Волги — вулгары, как и до настоящего дня зовутся. Со своими супругами, сыновьями и дочерьми, а также со всем имуществом и достоянием весьма великим они прибыли в провинцию Силлодуксии. Предводителя их звали Крис⁵, на своем языке они обычно именовали его «каган», что на нашем языке означает «император», ему же было подчинено 9 князей, которые правили и судили народ, поскольку тот был многочислен. Итак, напав на Силлодуксию, они завоевали ее. Потом победоносно прошли всю Македонию, вслед за чем и всю провинцию латинов, которые в то время назывались романами, недавно же прозвались моровлахами, т. е. черными латинами. Император много воевал против них, сидя в своей земле, но, никак не в силах превозмочь, отправил к ним и заключил с ними мир; и с тем оставил их. Сходным образом и король Бладин решил, из-за огромного множества народа, заключить с ними мир. И оба народа весьма почитали друг друга — готы, т. е. славяне, и вулгары, и главным образом из-за того, что те и другие были язычники и все одного языка. Потом же вулгары, безопасно заняв весь край, построили себе усадьбы и деревни и населили страну, в которой и остаются доднесь.

---

⁵ В *Хорватской хронике*: «Борис».

VI. Между тем умер Бладин, и стал править после него сын его Ратомир, который, с детства ненавидя имя христианское, стал в крайней степени христиан преследовать, желая уничтожить на земле и в своем королевстве их имя, и множество городов их и селений разрушил, а оставшихся угнал в рабство. Христиане же, видя себя в великой неволе и гонении, собирались на высочайшие горы и в укрепленные места, строили по возможности замки и дома и так избегали их рук, покуда Бог не посетит их и не спасет.

VII. По смерти же Ратомира из его рода правили после него четыре неправедных короля, не в одно и то же время, но один за другим в свой черед. В те времена постоянно преследовались христиане; поскольку же речь о ненавистниках и гонителях христиан, то долго было бы повествовать об их нечестивых деяниях и жизнях, потому что торопимся дойти до лучшего и приятнейшего. Однако же в их дни многие христиане из Приморских и Загорских областей, не желая загрязняться их скверным обычаем, каждодневно бежали. Отовсюду собирались они в горы и оставались в укрепленных местах, предпочитая выносить гонения и невзгоды, но спасти свои души, чем радоваться времяпровождению с язычниками, принуждающими души потерять.

VIII. После смерти четырех неправедных королей родился в их роду некто Сарамир⁶, который, приняв власть, перестал преследовать христиан. Во времена его процвел, как роза, в городе Фессалонике некий философ по имени Константин, сын ведомого патриция Леона, муж, с детства известный всяческой святостью, а также и проникновением в Божественные Писания. Сей святой муж, наставленный Святым Духом, выйдя из своего города Фессалоники, прибыл в провинцию Хазария, где многих философов опроверг в многодневном диспуте. Своим учением и проповедью обратил всю провинцию Хазария к вере в Иисуса Христа и крестил там всех во имя Отца и Сына и Святого Духа. После чего обратил весь народ болгарский и также окрестил их в веру Святой Троицы.

IX. Между тем умер король Сарамир, и принял королевство его [сын?]⁷ по имени Светолек⁸. В правление названного короля

---

⁶ Так в Белградском списке. В Ватиканском при первом упоминании «Званимир». В *Хорватской хронике*: «Сатимир».

⁷ Конъектура. Строго говоря, ни в одной версии Святополк не назван сыном Сарамира. В *Хорватской хронике*: «принял королевство и начал править муж добрый и праведный именем Будимир».

Светоплека отправил папа Стефан письмо почитаемому мужу Константину, учителю, призывая его к себе. Ибо слышал о нем, что проповедью своей обратил он неисчислимый народ, и потому желал его видеть. Вследствие сего Константин, святейший муж, назначил пресвитеров и, составив письма славянскому языку, перевел Христово Евангелие, и Псалтырь, и все божественные книги Ветхого и Нового Завета с греческих писем на славянские, а также установил им мессу по греческому обряду; утвердив в Христовой вере, простился с теми, кого обратил в веру Христову, и тотчас же поспешил в Рим по слову апостолика. Когда же следовал через королевство короля Светоплека, с почетом был им принят. Затем человек Божий, Константин, чье имя впоследствии папа Стефан переименовал на имя Кирилл, посвятив его в монахи, начал проповедовать королю Евангелие Христово и веру в Святую Троицу, так что от той проповеди король Светоплек уверился Христу и крестился со всем своим королевством, и сделался правоверным и истинным служителем Святой Троицы. Несколько дней после этого оставался блаженнейший муж с королем, утверждая его в вере и учении Христовом, а попрощавшись со всеми служащими Христу, проследовал в Рим. В ту пору настала великая радость, и христиане, сойдя с гор и из укрытий, где были они рассеяны, принялись восхвалять имя Господне и благословлять Спасящего возлагающих упование на Него. После этого король Светоплек приказал христианам, говорившим на латинском языке, вернуться всем по своим местам и отстроить города и села, которые некогда были разрушены язычниками. Также подумалось королю, что с его времени надо запомнить и запечатлеть, сиречь описать, пределы и границы всех провинций и областей его королевства, так, чтобы каждый род отныне знал границы и пределы своих провинций и областей. Собрав для того всех мудрецов своего королевства, высказал он им эту мысль, но ни одного не нашлось в то время, кто смог бы ответить королю по этому поводу. Тогда король, исполненный Божественной мудрости, принял здравый совет и отправил мудрых и знатных мужей послами к почитаемому апостольскому мужу, папе Стефану, и к императору града Константинополя Михаилу с просьбой и молением — оказать милость поискать среди мудрейших людей древние грамоты, где записаны границы и пределы этих провинций и областей, сиречь земель. Когда же ко-

---

⁸ В Ватиканском списке: «Светопелек», в одном случае «Светопелк». В *Хорватской хронике*, значительно отличающейся в соответствующей главе: «Будимир».

ролевские послы пришли в Рим и слова королевские папе Стефану поведали, почтенный папа возрадовался великой радостью, более всего тому, что представился случай послать мудрейших мужей, дабы они пока еще нового и юного в вере короля и народ его вскормили и насытили хлебом небесным и словом жизни. Потому он послал своего викария, именем Гонорий, святой Римской церкви пресвитера и кардинала, коему дал власть вязать и разрешать, искоренять и разрушать, строить и насаждать, как оно в обычае, когда по частям света посылаются легаты, сиречь викарии, Римского престола, — и двух других кардиналов и епископов приказал ему взять с собой, чтобы невозделанному еще в вере народу освящали епископов, равно и церкви, повседневно сея в их сердцах слово жизни. Когда же кардиналы и епископы прибыли, они нашли короля на Далмском поле ⁹, будучи приняты им с великой честью и почетом. Затем король повелел собраться на том же Далмском поле всему народу земли и своего королевства. Между тем, пока народ собирался, прибыли знатные и мудрые послы, отправленные императором Михаилом, — Лев и Иоанн и другие мудрецы, — каковые были с почетом приняты королем и кардиналами. Итак, когда собрались все, говорящие как на латинском, так и на славянском языке, то под водительством апостольского викария Гонория и христианнейшего короля Светоплека устроили собор, длившийся 12 дней. Из каковых дней восемь толковали Божественное и Святое Писание и церковные установления. Остальные же четыре дня определяли о власти короля, о дуксах, комитах и центурионах ¹⁰ и о королевских установлениях. Оглашены были на том же соборе вслух всего народа посланными от апостолика и императора древние грамоты, как латинские, так и греческие, о разделении провинций и областей, сиречь земель, как записали и определили их древние императоры, и довольны были король и весь народ. При окончании собора, в 12-й день, руками Гонория, викария и кардинала, а также епископов король был помазан и коронован по обычаю римских королей, и была великая радость среди народа и во всем его королевстве. После этого повелел король посвятить архиепископов — одного в Салоне, а другого в Диклии. Схожим образом было посвящено много епископов, и церкви, которые были разрушены и оставались оскверненными, были восстановлены и освящены. Установил также король,

---

⁹ Дуванское поле. В *Хорватской хронике*: «Хливай» (Ливно?).

¹⁰ Как выясняется далее, этим понятиям соответствуют славянские «бан», «жупан» и «сотник».

что никто не должен тревожить никакую церковь и иметь никакую власть или господство ни над какой церковью, кроме одного архиепископа или епископа, согласно закону этой же церкви. Те же, кто сделает так каким-либо способом, нанесут обиду королевской короне. После этого, согласно содержанию грамот, прочитанных народу, написал он грамоту, разделив провинции и области своего королевства пределами их и границами соответственно течению рек. Там, где реки стекают с гор и впадают на юге в море, — зовется Приморье. Там же, где реки текут с гор на север и впадают в великую реку Дунай, — зовется Сербия. Затем же Приморье разделил на две провинции: от местности Далма, где тогда находился король и состоялся собор, до Вальдевина назвал Белой Хорватией, которая именуется Нижней Далмацией. Каковой Нижней Далмации, с согласия господина папы Стефана и его легатов, установил митрополией Салонскую церковь, под водительство коей поставил следующие церкви — именно Сплит, Трогир, Скрадин, Арансону, которая теперь замок Задар, Нин, Раб, Осор, Веглино¹¹ и Эпидавр, который теперь зовется Рагузой. Также от той местности Далма до города Бамбалона, который теперь зовется Диррахий¹², назвал Красной Хорватией, каковая и Верхней Далмацией именуется, и как Нижней Далмации назначил митрополией Салонскую церковь, схожим образом Верхней церковь Диоклитанскую, согласно древнему праву, установил митрополией, объявив ее водительство над следующими церквями — именно Антибари¹³, Будву, Котор, Улцинь, Свач, Скодру, Дриваст, Полат, Сербию, Боснию, Травунию, Захумье. Сербию же, которую и Загорьем называют, разделил на две провинции: одну, на запад от великой реки Дрина вплоть до Сосновой¹⁴ горы, он назвал Боснией; другую, от той же реки Дрины на восток вплоть до Липляна и Лаба, назвал он Рашка. В каждую же из провинций назначил банов, т. е. дуксов, из своих кровных братьев, и жупанов, т. е. комитов, и сотников, т. е. центурионов, из числа знатнейших в этих провинциях. А каждый из банов, т. е. дуксов, имел под своей властью семь сотников, которые справедливо и правосудно судили народ, собирали дань и передавали бану. Баны после этого половину выплачивали королю, а половину удерживали сами. Комитам же, т. е. жупанам, велено было иметь под властью одного сот-

---

¹¹ То есть Крк.

¹² Драч.

¹³ Бар.

¹⁴ Борова Глава.

ника, который был при нем [комите] схожим образом, чтобы судить народ по справедливости. И две трети дани комиты, т. е. жупаны, выплачивали королю, треть же оставляли в своем распоряжении; банам же, т. е. дуксам, не давали никакого отчета, но каждый держал жупанию и владычествовал в своей провинции и области, давая отчет одному королю. Он установил много законов и добрых правил. Кто пожелает, может прочесть славянскую книгу, называемую *Мефодий*. Там он найдет все то доброе, что установил милостивейший король. С завершением всего этого кардиналы и епископы, а также императорские послы, получив королевское разрешение и воздав хвалу Богу и королю, с великой честью и великими дарами, полученными от короля, вернулись в свои места. Схожим образом новоназначенные баны, и жупаны, и сотники, со всем народом восхвалив Бога и возблагодарив короля, отправились каждый в свою провинцию и область. После сего святейший король правил 40 лет и четыре месяца, и родил сынов и дочерей, и умер в семнадцатый день марта месяца, и был погребен в церкви Святой Марии в городе Диоклии почетно и с великой процессией. Тогда собравшийся народ оплакал его со слезами и в той же церкви, где он был погребен, возвел его сына Светолика. И там же был он помазан и коронован архиепископом и епископами. С этого-то дня установился обычай избирать и поставлять всех королей сей земли в той церкви.

- X. Затем Светолик, приняв королевство, следовал путями отца своего и ходил в заповедях Господних, со всеми имея мир, и родил он сынов и дочерей, и умер в 12-й год своего правления. Владислав¹⁵, сын его, стал править после него.
- XI. Приняв королевство, Владислав, муж от природы сильный, позабыл Господа Бога своего и уклонился от путей отцов своих, не ходил право перед Господом, но запятнал себя множеством нечистот. Потому-то, выехав в один из дней на охоту, Божьим правосудием упал он в яму и умер.
- XII. Томислав¹⁶, его брат, стал править вместо него, муж от природы сильный, но не подобный своему брату. В правление Томислава венгерский король по имени Аттила двинул войска, чтобы побороть его. Но король Томислав был сильный, молодой и могучий воин, сходилсся с ним во множестве битв и всегда обращал его в бегство. Родил король Томислав сынов и дочерей и в 13-й год своего правления умер.

---

¹⁵ В *Хорватской хронике*: «Степан Владислав».

¹⁶ В *Хорватской хронике*: «Полислав».

- XIII. Себеслав, сын его, наследовал королевство отца своего. В то время греки пришли и осадили город Скодру. Когда же услышал об этом король Себеслав, то собрал множество родов, и, придя, ворвался в их стан и обрушился на греков, и многие погибли от меча, а очень многих взяли пленниками, а иных обратили в бегство. Пока это происходило, Аттила, король венгерский, с войском вошел в землю короля Себеслава и разграбил, порушил и пожег большую часть земли его и возвратился в свои места. Оттуда пошел он в западную сторону. Себеслав же король, вернувшись и не найдя его, начал восстанавливать свою землю. И родилось у него двое сыновей-близнецов, и одного назвали Разбивой, что на латыни означает «разбивающий роды», а младшего Владимир. Правил 24 года и умер.
- XIV. После него правили сыновья его, разделив королевство, потому что они были близнецы, и Разбивой правил Приморьем, Владимир же Сербией. И взял он в жены дочь венгерского короля и родил с ней сынов и дочерей, и настал прочный мир между венграми и славянами. После сего умер Разбивой на седьмой год своего правления. Владимир же принял все королевство и умер на 20-й год своего правления.
- XV. Правил после него сын его Хранимир. В его время восстала Белая Хорватия, и изгнали его оттуда. Тогда король выступил на них, собрав роды из Рашки и Боснии. Но они собрались на Хумском поле и изготовились к битве, в которой пал король и умер.
- XVI. Принял королевство после него Твердослав, сын его, и восстановил королевство отца своего и умер¹⁷.
- XVII. После него правил Остривой¹⁸, его племянник, потому что детей у короля Твердослава не было. Родив сынов и дочерей, король Остривой на 22-й год умер.
- XVIII. Принял королевство сын его Толимир, в чьи дни возрадовалась вся земля, и родил он сынов и дочерей и умер.
- XIX. После него правил Прибислав, сын его, который совершил множество несправедливостей. Потому однажды поднялись на него в некотором числе вельможи Боснии и убили короля и тело его бросили в реку.
- XX. Тогда Крепимир¹⁹, сын его, вместе с баном, пленил их всех, расточил и предал злой смерти, перебив их. После этого же Крепимир принял королевство и правил на месте отца. В то

---

¹⁷ В *Хорватской хронике* эта главка отсутствует.

¹⁸ В *Хорватской хронике*: «Хривой» (племянник Хранимира).

¹⁹ В *Хорватской хронике*: «Цепимир».

время пришли германцы²⁰ и, захватив Истрию, собрались вступить в Хорватию. Тогда король Крепимир, собрав великую силу своего народа, приготовился к войне. Начав войну, предал их король мечу, и погнал их, и изринул их из всех своих земель. После этого германский герцог²¹ отправил послов к королю Крепимиру, чтобы отдать дочь свою в жены сыну его Светозару. Порадовало это короля, потому что сам герцог был двоюродным братом императора, и принял он его дочь в жены для своего сына, и настал между ними прочный мир. Правил король Крепимир 25 лет и один месяц²² и умер.

XXI. Правил после него Светозар, сын его, который был кроток и благочестив и жил в страхе Господнем, и породил сына, которому дал имя Радослав, после чего упокоился с миром.

XXII. После него правил Радослав, который следовал путями отца своего, украшенный всяческими добродетелями. Сверх того, породил он сына, которого назвал Часлав²³ и который в пору молодости стал выказывать неповиновение отцу. В то время бан Белой Хорватии со всеми своими восстал против короля. Тогда король Радослав, собрав войско, часть войска дал своему сыну Чаславу, а часть взял себе. После этого, окружив мятежников со всех сторон, они захватили их и разграбили. Но король, сколь многих не захватил, позволил им разойтись на волю. Сын же его Часлав плененных раздал в рабство воинам. По этой причине недовольны были воины, бывшие с королем, и оставили его, перейдя к Чаславу, его сыну. Часлав тогда превознесся в гордыне, прогнал отца из его королевства и по совету воинов начал преследовать его. Наконец достиг король в бегстве места, которое называется Ластва. Потом, увидев, что может избежать рук своего сына, с немногими, кто любил его, пришел он на берег моря. После этого, поскольку Часлав со своими был уже близко, пораженные страхом всадники сорвались с места, бросились в плавь и достигли некоей скалы, не очень удаленной от берега, и таким образом король спасся. Не по многом времени волею Божьей проходил мимо корабль, который был из Апулии. Тогда король и бывшие с ним начали кричать и звать моряков, и моряки, подойдя на веслах, увидели, что происходит. Как только же узнали они обстоятельства, то с почетом приняли они короля и всех с ним и доставили их в город Сипонт. Оттуда направился в Рим к мощам апостолов

---

²⁰ В оригинале: *alamani, alemani*. В *Хорватской хронике*: «немцы».

²¹ *Dux*. В *Хорватской хронике* не переведено.

²² В *Хорватской хронике*: «и семь месяцев».

²³ В *Хорватской хронике*: «Сеислав».

Петра и Павла. С того дня скала та зовется Радославов камень²⁴, сиречь скала. Часлав же, проклятый отцом, начал править. В то время был в округе Срага юноша по имени Тихомил, сын одного пресвитера из деревни Рабичи, пасший стада овец одного князя²⁵ по имени Будислав, а поскольку Тихомил был сильный и могучий охотник и очень легок в беге, то князь, когда бы ни выходил на охоту, брал его с собой. В один из дней, будучи на охоте, Тихомил не намеренно, а по случаю ударил палкой, что держал в руке, собаку по имени Палуша, и убил ее. Потому, сильно напуганный, ибо князь очень сильно любил ее, он ударился в бега и пришел к Чаславу, который сразу же его принял.

XXIII. Между тем в правление короля Часлава пришел в Боснию со своим войском Кис, венгерский князь, опустошив и разграбив эту провинцию. Тогда король вышел, собрав народ, и встретил его в Дринской жупании у реки, где принял бой; вышеупомянутый юноша Тихомил, будучи изранен врагами со всех сторон, набросился и убил венгерского князя, и отрубил ему голову, и представил королю. Пало в тот день бессчетно венгерского рода в месте, что зовется до нынешнего дня Цивелино (что значит примерно «визг скота»), ибо венгры, влекомые на смерть, визжали там, будто свиньи; место же, где был убит князь Кис, — Кишево). После этого король Часлав, весьма счастливый, отдал Тихомилу Дринскую жупанию. И дочь бана Рашки дал ему в жены за то, что убил он князя Киса. Жена же князя, услышав о смерти мужа своего, пошла к королю Венгрии, прося его о помощи и войске, дабы отомстить за смерть своего супруга. Получив же без числа народу, пошла на короля Часлава и нашла его в Среме. Король же ничего не ведал, а венгры ночью обрушились на его стан, и пленен был король Часлав со всеми своими родичами, а жена Киса приказала связать их по рукам и ногам и бросить в реку Саву. Так и стало — обратились на главу его злодейство и грех, сотворенные им в отношении отца своего, и сгинул он и весь дом его²⁶.

---

²⁴ В Белградском списке: *саміч*; в Ватиканском: *самі*. Возможно, в протографе *самін*.

²⁵ *Principis*.

²⁶ Здесь завершается общий текст *Летописи* и *Хорватской хроники*. В последней следуют главы о возвращении Радослава (вероятно, искусственная связка с дальнейшим текстом), о короле Коломане, об исторических хорватских королях конца XI в.: Крешимире и Звонимире; о подчинении Хорватии венграми. Схождений с оригинальной латинской летописью эта часть *Хроники* не имеет. В последней есть только сведения о Крешимире, но иные (см. ниже) — там имеется в виду Крешимир II, отец Степана Држислава и совре-

XXIV. После этого земля осталась без короля, и баны начали господствовать в своих землях, каждый над какой-то провинцией и областью, подчинив себе жупанов и получая от них дань, как обычно получал король. Имя же короля никто не смел себе присвоить. Также и Тихомил по смерти тестя правил надо всей Рашкой²⁷, однако ни королем, ни баном не смел себя называть, но только великим жупаном, потому что он предводительствовал остальными жупанами Рашки. Господствовали так над землей долгое время.

XXV. Между тем родичи короля Радослава и воины, которые были с ним в Риме, когда услышали они, что случилось, пожелали, чтобы король взял себе жену. Тот, побужденный ими, женился на римлянке, госпоже весьма знатного происхождения, от коей породил сына, названного Петрислав. После этого в старости доброй умер и был погребен с большими почестями в церкви Святого Иоанна Латеранского.

XXVI. Петрислав после того взял в жены знатную римскую девицу, от которой породил сына, названного Павломир. Прожив после того много лет со своими родичами-римлянами, он также умер. После же смерти его родичи его начали враждовать с остальными римлянами, и началась жестокая война в самом городе, как там часто случается. Павломир, достигший поры молодости, стал весьма сильным и храбрым воином, так что в городе Риме не было подобного ему. Потому его родичи, а равно и другие римляне, и переменяли ему имя, дав ему имя Белло²⁸, ибо ему весьма нравилось ратное дело. В то время с Сицилии приплыл флот — большое число сарацинских кораблей, каковой флот по-гречески зовется *miria armeni*, сиречь «десять тысяч парусов». Все прибрежные города они разорили. Латины же обратились в бегство в горы, где обитали славяне. Когда же сарацины вернулись в свою землю, то латины захотели возвратиться в свои города, но славяне захватывали их, чтобы удержать в рабстве. После отпустили они большинство латинов при том условии²⁹, что те все время будут платить им дань и исполнять службу. Итак, начали отстраивать прибрежные города, разрушенные сарацинами. Около этого же самого времени римские родичи Белло, т. е. Беллимира, не способные больше противостоять козням владетельных римлян и их вра-

---

менник болгаро-византийских войн второй половины X в., а не действующий в *Хронике* Крешимир IV, предшественник Звонимира.

²⁷ В Белградском списке: «над землей Рашки».

²⁸ Б е л л о (лат.) — ‘воевать’.

²⁹ Раст.

жде, отнюдь не желая притом и смиряться, заключив мир с врагами, все вышли из города с Белло — жены, сыновья и дочери и воины пять сотен числом, не считая женщин и детей, — и пришли в Апулию. Здесь они взошли на корабли и переправились в округа Далмации, прибыв в гавань, которая зовется Гравоса и Умбла; славяне же прислали гонцов к Белло, т. е. Павломиру³⁰, чтобы пришел он принять королевство своих отцов, и потому последовали за ним. Родичи же его, сойдя с кораблей, построили замок и поселились там. Люди из города Эпидавра, остававшиеся в горах и лесах, услышав, что Белло прибыл с римлянами и построил замок, собрались, пришли и вместе с ними построили город у моря, на морском берегу, каковой на эпидаврском языке называется laus. Потому город был назван Лаузий, что позже с заменой L стало произноситься Рагуза. Славяне же называют его Дубровник, т. е. «Лесной»³¹, потому что те, кто строил его, вышли из леса.

XXVII. Между тем прослышали баны и жупаны земель о прибытии Белло, внука короля Радослава, и возрадовались они и большинство народа земли славянской. Со всех сторон устремились они к нему, и первыми пришли обитатели области Требинье³², и привели они его в Требинье с великими почестями. Позже пришли в Требинье баны с жупанами и сотниками, приняли его с почетом и в день Вознесения Господня поставили его королем. Только жупан Рашки, происходивший из рода Тихомила, не захотел со всей своей провинцией прийти к королю. Тогда король, разгневавшись, собрал войска и пошел на Рашку. Лютомир же, жупан Рашки, собрав народ, сходным образом изготовился к войне. Итак, война началась, и у реки Лим народ жупана Рашки пал и обратился в бегство. Затем король со своим войском погнался за ними до другой реки, которая зовется Ибибро³³, где, пока убегающий жупан переправлялся по мосту, некие из бывших с ним, желая услужить королю, поразили его мечом и сбросили с моста в реку, и он умер. Король же принял королевство своих отцов, и утишилась земля его попечением. Из-за этой победы римляне, бывшие с королем, построили в Рашке церковь в честь блаженного апостола Петра, в близлежащем местечке Калдани, а не очень вдалеке от этой церкви на одном пригорке король построил замок, названный по его имени Белло. Вышеназванную же церковь он

---

³⁰ Ватиканский список: «Павлимиру».

³¹ Sylvester sive Silvestris.

³² Tribunia.

³³ Ибар.

решил сделать епископатом и утвердил там епископа и епископат — до сего дня. После этого начал король обходить землю и свое королевство. И в то время, когда находился король в округе Срема, сремяне, соединившись с венграми, затеяли с королем битву, в каковом месте и пали сремяне с венграми, и было им великое побоище. И с того дня равнина, на которой случилось сражение, слывет Беллина по имени короля — из-за победы, которую одержал здесь король в тот день. После того венгры послали к королю, ища мира. Посему король заключил с ними следующий договор: чтоб от того дня и впредь они не смели переходить реку Саву от того места, где она начинается, и по всему течению вплоть до великой реки Дуная, куда она впадает, — ни люди не перейдут на ту сторону, ни они на эту, — это понравилось им, и они заключили мир. В некий из дней же, придя в свой город Требинье, он внезапно умер своей смертью. Погребли его в церкви Святого Михаила в том же городе с великими почестями. И народ плакал по нему много дней, а на седьмой день по его упокоении жена его произвела на свет сына, которого назвали Тишемир, что на латыни означает «утешитель народа».

XXVIII. После смерти короля те, кто был из рода Тихомила, начали править Рашкой, а все баны, как в прежнее время, господствовать над своим, и не пеклись они нисколько о королеве и ее сыне. Одно Требинье повиновалось королеве³⁴ — из-за того, что в Требинье и Лаузии была у нее родня и там не смели восставать. После того как мальчик вырос, в жены ему взяли дочь бана Белой Хорватии Чудомира, которая родила двух сыновей, Прелимира и Крешимира. После же того, как мальчики выросли, Тишемир послал к своему тестю, правившему в Белой Хорватии, сына с повелением собрать народ и идти на бана Боснии. Сам же с сыном своим Прелимиром, собрав родичей и народ Требинье, пошел воевать против бана, правившего Превалитанской областью. Бан, собрав свой народ, изготавился к битве. Но пока шло сражение, пал бан и умер. Пал и Тишемир, раненый, а позднее умер. Прелимир, сын его, выиграл битву и принял всю Красную Хорватию, и был коронован королем, и начал править землей и королевством отца своего.

XXIX. Крешимир же, брат его, вместе со своим дядей³⁵ с боем добыл Ускопье, Луку и Пливу. Бан же Боснии, увидев, что не может устоять против них в сражении, бежал к королю Венгрии. Крешимир тогда взял всю Боснию и подчинил ее. После

---

³⁴ В Белградском: «слушалось королеву».

³⁵ Avunculo.

же смерти отца своей матери господствовал он и над Белой Хорватией.

XXX. В то время умер болгарский император³⁶ по имени Петр, сидевший в великом городе Преслава, а греческий император, собрав великую силу рода своего, занял всю Болгарию и подчинил ее своей власти. Вернувшись затем в свой дворец, он отпустил свое войско. Те же, кто предводительствовали войском, пошли с войском и взяли всю провинцию Рашка. Жупан же Рашки бежал и пришел к королю Прелимиру с сыновьями Пленой и Радиградом и с дочерью своей по имени Прехвала, и нашли короля в жупании Оногошт. Король же Прелимир, увидев, что дочь его очень красива и складна во всех членах, ранен был любовью в самое сердце и, призвав своих отроков, приказал им поговорить с жупаном, отцом девицы, — не хочет ли он по доброй воле подчиниться королевской власти сам и со всей своей областью и поклясться в верности королю и его сыновьям, — зная, что король возьмет в жены его дочь. Когда жупан услышал это, то исполнился радости и присягнул со своими сыновьями королю и его сыновьям. Обещал он исполнять все, что король ему повелит. Тогда король взял в жены его дочь и на по-королевски справленной свадьбе дал ее семейству в Требессе то, что на латыни называется «наследством»³⁷, и поставил Радиграда жупаном в Оногоште. Спустя непродолжительное время после этого умер греческий император, и король Прелимир с тестем послали к своим друзьям рашанам, чтобы они, ничего уже не страшась, убивали греков, которые владычествовали над ними. Так оно и произошло. В день после истребления всех греков прибыл король со своим тестем и с родней и подчинил всю Рашку, и поставил своего тестя, как и прежде, великим жупаном, и свойственников поставил жупанами под властью их отца, чтобы господствовали над своей провинцией и обладали ею, за исключением относящегося к правам короля. После того родились у короля Прелимира четыре сына, чьи имена следующие: первородный Хвалимир, второй Болеслав, третий Драгислав, четвертый Всевад³⁸, — каковым и разделил землю следующим образом: Хвалимиру дал Зету с городами и следующими жупаниями: Лушка, Подлужье, Горска, Купелник, Облик, Прапратна, Черменица, Будва с Кучевом и Грбалем. Болеславу дал Требинье со следующими жупаниями: Любомир, Ветаница, Рудина,

³⁶ Очевидно, перевод славянского «царь».

³⁷ Перевод славянского «дедина» или «отчина/батчина».

³⁸ Svevladus.

Крушевица, Врм, Рисан, Драчевица, Конавле, Жрновица. Драгиславу дал Хумскую область и следующие жупании: Стон³⁹, Попова, Жабска, Лука, Велика Гора, Имотска, Веченик, Дубрава и Дебрь. Всеvlаду дал область, которая по-славянски называется Подгорье, а на латыни Submontana, и следующие жупании: Оногошт, Морача, Комарница, Пиво, Гацко, Невесенье, Кчево, Ком, Дебрско, Неретва и Рама, каковые четыре области зовутся Тетрархией. Король Прелимир прожил много лет, и увидел сыновей своих сыновей, и умер в старости доброй, и был погребен в Рашской епископии, в церкви Святого Петра, с большими почестями, благоговением и славой.

XXXI. Крешимир же, брат его, породил сына, которому дал имя Стефан. Тот после смерти отца правил Белой Хорватией и Боснией, а после него — те, кто долго ещё правили в Хорватии. Он [Крешимир] породил от одной наложницы сына, хромого на обе ноги и не способного долгое время ходить, которого назвал Легец. Этого Легца по смерти отца его Крешимира доставили в Требинье к его двоюродному брату Болеславу. Прислуживала ему девица, некая Ловица именем, которую он полюбил и впоследствии взял в жены. Родилось от нее семеро сыновей, которые возросли молодыми воинами, проворными с оружием. Сыновья короля Прелимира, оставив пути отца своего, начали грубо и надменно обходиться с народом, которым управляли. Потому народ их стал весьма недоволен. Но поскольку долго их своеволия невозможно было выносить, отправил народ тайных посланцев к вышеупомянутым 7 братьям и заручился их помощью в том, чтобы одновременно восстать и уничтожить королевских сыновей и внуков. Итак, 7 братьев, посоветовавшись с отцом, по совету народа и воле отца, со всем народом восстали и стали преследовать королевских сыновей и предали их острию меча от мала до велика. Но спасся один, по имени Сильвестр, сын Болеслава, с матерью своей Кастрекой, и бежали они в Лаузий, который теперь Рагуза, откуда и мать Сильвестра была родом. После того как сыновья Легца учинили братоубийство, сиречь человекоубийство, начал править землей отец их, обосновавшись у Которского залива, где в месте, что зовется Траект⁴⁰, выстроил себе замок и двор. Но Всемогущий Бог, Которому нравится все доброе и не нравится никакое зло и грех, в краткое время поразил отца, хромого телом и душой, и сыновей его болезнями и невзгода-

---

³⁹ Stantania.

⁴⁰ Превлака.

- ми, — так что как они поразили братьев своих и племянников, так и сами умерли, и ни одного из них не осталось.
- XXXII. Когда это увидел народ, то был поражен великим страхом, — разом оставшись без короля, посоветовались они, направились в Лаузий и привели оттуда Сильвестра, который один остался из рода прославленного короля Прелимира, и поставили его королем. Итак, король Сильвестр, приняв королевство, управлял всей Тетрархией со страхом Божиим и правосудно, родил сына, которому дал имя Тугимир, и почил в мире.
- XXXIII. Тугимир унаследовал королевство и, взяв жену, породил сына, которого назвал Хвалимир. В ту пору поднялся в роду болгарском некто Самуил, который сам повелел называть себя императором и, сразившись во множестве битв с греками, прогнал их из всей Болгарии, так что в его время греки не смели приближаться туда.
- XXXIV. По смерти же короля Тугимира унаследовал королевство сын его Хвалимир, который, взяв жену, породил от нее трех сыновей. Первородного звали Петрислав, и правил он область Зета, второго — Драгимир, что правил Требинье и Хумом; третий же — Мирослав, что держал область Подгорье. После того как оставил страну сыновьям, [Хвалимир] в старости доброй умер.
- XXXV. По прошествии некоторого времени Мирослав решил по случаю повидать своего старшего брата и отправился в ладьях; когда же плыли через Блату, внезапно поднялась буря, и сгнули он и те, кто был с ним. Землей его завладел его брат и правил вместо него. После сего породил король Петрислав сына, которого назвал Владимир, и почил в мире. Погребен он в церкви Святой Марии в местности, что называется Газена.
- XXXVI. Дитя же Владимир, приняв королевство, возростал, украшенный всяческой мудростью и святостью. И в то самое время, пока еще Владимир был отроком и правил на месте отца своего, вышесказанный Самуил, болгарский император, собрав великое войско, пришел в области Далмации на землю Владимира. Король же, который был святым мужем и не хотел, чтобы кто-то из его людей сгинул в войне, смиренно отступил и взошел на гору, зовущуюся Облик, со всем своим родом. Придя после того с войском и увидев, что с королем совладать не сумеет, император оставил часть своего войска у подножия горы, а с частью его сам пошел завоевывать город Улцину. Между тем на горе Облик водились ядовитые змеи, от укуса которых любой тотчас и без промедления умирал, и начали они причинять великий ущерб как людям, так и животным. Тогда король Владимир излил со слезами молитву Господу, чтобы

Бог Всемогущий избавил его народ от этой губительной отравы. Услышал Бог молитву служителя своего, и с того дня никто из них не был ужален, но — и до сего дня — если человек или какой зверь будет на той горе ужален змеей, то сохранится здоров и без какого-либо вреда. Так и выходит, что с того дня, в который молился блаженный Владимир, на этой горе змеи как бы без яда — до самого нынешнего дня. Между тем император отправил к королю Владимиру посланцев, чтобы он сошел с горы со всеми, кто с ним, но король отказался. Жупан же того места, делами схожий с Иудой-предателем, послал к императору, говоря: «Господин, если по нраву это твоему величию, я выдам тебе короля». На что император отвечал: «Если ты преуспеешь, то милость мою обретешь и будешь весьма велик». Тогда король, собрав всех, кто был с ним, заговорил с ними так: «Должно мне, братья возлюбленные, как вижу я, исполнить слова Евангелия, где сказано: „Пастырь добрый полагает жизнь свою за овец“. Лучше поэтому, братья, чтобы я положил душу свою за вас всех и добровольно отдал тело свое на убой или истребление, чем вам угрожали бы голод или меч». Потом, после этого и много иного, сказанного им, ради общего блага пошел он к императору. Император же тотчас отправил его в изгнание в округу Охрида, в место, что зовется Преспа, где пребывал и двор самого императора. После этого, собрав войско, он долгое время сражался против Улциня, но никак не сумел захватить его. Исполнившись оттого гнева, он начал разрушать, жечь и грабить по всей Далмации — города Котор и Лаузий, выжегши равно и села, — и опустошил всю провинцию, так что земля казалась необитаемой. Так, опустошая, прошел император как прибрежные, так и горные области до самого Задара. Затем через Боснию и Рашку возвратился в свои места. Между тем Владимир содержался в узах, проводя дни и ночи в посте и молитве. Ангел Господень явился ему в видении, укреплял его и возвещал грядущее — как Господь освободит его из этого узилища, и как мученичеством достигнет он Царствия Небесного, и как обретет неувядающий венец и награды жизни вечной. А блаженный Владимир, укрепленный ангельским видением, более и более прилежал к молитве и посту. И вот в один из дней дочь императора Самуила Косара, отмеченная и вдохновленная Святым Духом, пришла к отцу и попросила у него дозволения спуститься со своими служанками и омыть головы и ноги узников и пленников, — что отец ей и разрешил. Итак, она спустилась и занялась своим добрым делом. Между этим заметив Владимира и увидев, что он красив на вид, смирен, кроток, рассудителен, что исполнен он мудро-

сти и благодати Господней, остановилась она поговорить с ним. Показались ей речи его слаще меда и пчелиных сот. Потому, не по причине похоти, но потому, что сострадала она юности и красоте его и услышала, что был он королем и вырос в королевском колене, полюбила она его и с приветом ему удалилась. Затем, желая спасти его от уз, она пришла к императору и, простершись у ног его, заговорила так: «Отец мой и господин, знаю, что собираешься ты дать мне мужа, согласно обычаю. И теперь, если это угодно твоему величию, или отдай мне в мужа короля Владимира, которого ты держишь в цепях, или знай, что я умру прежде, чем возьмет меня другой муж». Император, услышав это, поскольку очень сильно любил свою дочь и поскольку знал о королевской родословной Владимира, тому обрадовался и согласился на ее прошение. Немедленно послал он за Владимиром, чтобы отвели его в баню и одели в королевские одежды; велел ему предстать перед собой, милостиво посмотрел на него, поцеловал в виду вельмож своего царства и отдал ему дочь в жены. Отпраздновав по-царски свадьбу своей дочери, поставил император Владимира королем и отдал ему землю и королевство отцов его и всю землю Драцскую⁴¹. Потом послал император за Драгимиром, дядей короля Владимира, чтобы явился и принял землю свою Требинье, и собрал народ, и населил землю — что тот и сделал. Король же Владимир жил со своей женой Косарой во всяческой святости и чистоте, возлюбив Бога и служа ему днем и ночью, и управлял вверенным ему народом со страхом Божиим и правосудно. По прошествии недолгого времени скончался император Самуил, и сын его Радомир принял империю. Сей возрос сильным мужем и сражался во многих битвах с греками при императоре греческом Василии, присвоив все земли вплоть до Константинополя. Император же Василий, страшась потерять империю, отправил тайных послов к Владиславу, двоюродному брату Радомира, говоря: «Почему не мстишь кровь отца своего? Возьми от меня золото и серебро, сколько покажется тебе нужным, заключи с нами мир и бери королевство»⁴² Самуила, который отца твоего и братьев его перебил. И, если сумеешь, убей сына его Радомира, который теперь держит коро-

---

⁴¹ Ватиканский список: Duracenogum; Белградский: Dracenogum. Некоторые переводчики трактуют это именование как «землю Улцинскую», но тот же оборот явно по отношению к округе Драча (Диррахия) употребляется в 38-й главе. Кроме того, и ниже речь о Драче как владении Владимира.

⁴² Точное со стороны автора словоупотребление (regnum). Василий II и не должен признавать государство Самуила империей (imperium).

левство». Услышав это, Владислав согласился, и в некий день, когда Радомир направился на охоту, сам поехал с ним, поразил его и убил. Так умер Радомир, и стал править вместо него Владислав, убивший его. Приняв же империю, отправил он посланцев к королю Владимиру, чтобы тот пришел к нему. Услышав это, королева Косара удерживала его, говоря: «Господин мой, не ходи, чтобы не выпало тебе то же, что моему брату, но позволь мне одной отправиться, увидеть и услышать, как настроен король⁴³. Если захочет погубить меня, пусть погубит. Лишь бы ты не погиб». Итак, убедив мужа своего, королева пошла к своему двоюродному брату, который принял ее с почестями, однако обманными. После этого отправил послов к королю во второй раз, даря ему золотой крест с поручительством, говоря: «Отчего колеблешься прийти? Вот, жена твоя со мной, и не претерпела от меня никакого зла, и в почете мною содержится. Прими ручательство креста и приходи, чтобы я мог видеть тебя, а потом почетно и с дарами возвратишься со своей женой в свои места». Король же отвечивал: «Ведомо, что Господь наш Иисус Христос, когда претерпел за нас, не на золотом или серебряном кресте подвешен был, а на деревянном. Посему, если истинно твое ручательство и слова твои истинны, пошли мне со священнослужителями деревянный крест, и ручательство, и силу Господа нашего Иисуса Христа, на Коего уповаем и на Крест Животворящий, и с драгоценным деревом приду». Тогда тот, призвав двух епископов и одного отшельника и злобно солгав им о своем ручательстве, дал им деревянный крест и послал их к королю. Сии пришли, приветствовали короля и ручательство вместе с крестом ему дали. Король же принял крест, склонил лицо свое до земли, и целовал его, и возложил себе на грудь. Затем, взяв с собою немногих, пошел к императору. Император же приказал залечь в ожидании его на дороге, чтобы, когда пойдет он со своей стороны, они восстали на него и предали его смерти. Но Бог Всемогущий, который с детства хранил служителя своего, не пожелал, чтобы принял он усение вдали от людей. Послал Он ангелов своих, которые оберегали его. Когда проходил он местами, в которых были засады, лазутчики видели сопровождавших короля воинов как будто с крыльями и со стягами в руках. И когда они поняли, что это ангелы Божии, то перепугались и разбежались кто куда. Король же пришел к императорскому двору, в место, что зовется Преспа, и когда прибыл, то принял-

---

⁴³ Автор вновь точен — для Косары Самуиловны, в свою очередь, узурпатор Владислав только гех.

ся, как обычно, молиться Богу Небесному. Когда же император узнал, что король пришел, то разгневался великим гневом. Ведь рассчитывал он в сердце своем, что того убьют по дороге, прежде чем придет к нему, чтобы не казаться соучастником или согласным на смерть его, ибо поклялся и руками епископов и отшельника крест ему дал, — вот почему на пути его залегали те засады. Но теперь, видя, что обнаруживается злокозненное дело, во время завтрака послал душегубов обезглавить его. Король меж тем молился, а воины окружили его. Король же, все поняв, воззвал к епископам и отшельнику, присутствовавшим в том же месте, говоря: «Что это, господа мои? Что сделали? Почему так меня обманули? Почему, речам вашим и клятвам поверив, я без греха умираю?» Но они устыдились и не смели посмотреть в лицо ему. Тогда король сотворил молитву и исповедь, приняв плоть и кровь Господню; взяв же руками крест, полученный от императора, сказал: «Молитесь за меня, господа мои, и пусть вместе с вами этот чтимый крест в день Господень будет мне свидетелем, что умираю я без греха». Затем поцеловал он крест, попрощался с епископами и, всеми оплакиваемый, вышел из церкви; воины же сразили и обезглавили его в дверях церкви, при наступлении 22-го дня мая. Епископы же забрали тело его в ту же церковь с гимнами и молитвами и погребли его. Господь же явил заслуги блаженного мученика Владимира — многие пораженные различными недугами ходили в церковь и, помолившись на его могиле, исцелялись. Ночью же там являлся всякому Божественный свет, как будто пылало множество свечей. Жена же святого Владимира плакала плачем более великим, чем может быть сказано, много дней. Император же, увидев чудеса, которые сотворил Бог, раскаялся и изрядно испугался и позволил двоюродной сестре забрать тело и похоронить его там, где ей будет угодно. Коротко говоря, она взяла его тело и принесла в место, что зовется Краина, где был его двор, и схоронила в церкви Святой Марии. Там лежит его тело, оставаясь нетленным и благоухая как бы множеством неведомых ароматов, и в руках держит он крест, полученный от императора. И множество народа собирается в той церкви каждый год на праздник его, и заслуги его и заступничество даруют многие блага возвышенным сердцем просителям, вплоть до сего дня. Жена же блаженного Владимира Косара стала монахиней, благочестивой и святой жизни, и, окончив жизнь в той же самой церкви, была погребена у ног своего супруга. И вот, в то же самое время, когда было перенесено тело святого Владимира из Преспы в Краину, император Владислав, собрав войско, пошел завладеть землей блаженного

Владимира и городом Диррахий, согласно обещанию императора Василия за учиненные им убийства. Когда же остановился он перед Диррахием, в один из дней, за трапезой и развлечением внезапно явились ему вооруженные воины в обличье святого Владимира. И пораженный страхом великим, громко возопил он: «Спешите, воины мои, спешите и защитите меня, ибо Владимир хочет меня убить!» И с этими словами вскочил он со своего престола, чтобы бежать. И немедля был он поражен ангелом, и упал наземь, и умер телом и душою. Тогда князья его и воины, и весь народ, пораженные великим ужасом и страхом, предали огню свой стан и той же ночью все бежали восвояси. Так и вышло, что негоднейший убийца, который, сидя за завтраком, приказал обезглавить святого Владимира и сделал его мучеником, в час ужина был поражен, чтобы стать ангелом сатаны. Кто желает знать, сколько и каких добродетелей и чудес соизволил Бог явить через блаженного Владимира, служителя своего, того отсылаю к *Книге деяний* его, где все сделанное им описано по порядку и признается, что был он святой муж, единокорный Господу, и Бог пребывал с ним, ему же честь и проч.

XXXVII. Тем временем Драгимир, брат [отца]⁴⁴ блаженного Владимира, услышав о смерти императора, собрал народ и войско, чтобы присвоить землю и королевство отцов своих. И вот, дойдя до залива у города Котор, приказал народу переправляться. Которцы же вывели навстречу ему суда, в изобилии нагруженные хлебом и вином, и дали ему много провизии и пригласили отобедать на острове, что зовется Святой Гавриил. Он же с немногими сел на судно и приплыл в то место. И когда трапезу приготовили и увидели которцы, что Драгимир с немногими, а их множество, и что никто не сумеет поддержать его с суши, поскольку он на острове, то начали говорить между собой, один с другим: «Император болгарский мертв, и короли сей земли мертвы. Один этот остается из их рода. Если будет жив и овладеет землей, нехорошо нам будет. Будет он притеснять нас так же, как притесняли другие короли, что были отцами его и братьями. Потому убьем его, и не останется больше этих отродий притеснять и беспокоить нас или чад наших». Так повторяли они друг другу, сидя за трапезой. И когда разгорячились вином, восстали они на него, чтобы убить. Он же, увидев, схватил свой меч, вбежал в церковь, встал внутри и обнажил клинок, защищаясь. Но они, встав снаружи, войти не посмели. Потом некоторые из них взобрались наверх, проломили крышу церкви и, сбросив в церковь камни и бревна, уби-

---

⁴⁴ Пропущено в обоих списках. См. выше.

ли его. После чего, сев на суда, бежали. Народ же, увидев случившееся, вернулся по своим местам. Жена же Драгимира по смерти мужа своего вернулась к себе на родину. Была она дочь Лютомира, великого жупана Рашки. Там, вернувшись беременной и с двумя дочерьми, она нашла отца своего скончавшимся. После чего удалилась вдвоем с матерью в Боснию к своим дядьям⁴⁵. По дороге же родила она дитя мужского пола, в Дринской жупании, в месте, зовущемся Брусно, и нарекла ему имя Доброслав. Каковой, выращенный в Боснии до отрочества, затем был отправлен его старшими родичами на воспитание в Рагузу. Там взял он в жены прекрасную девицу, внучку императора Самуила, который не имел сыновей, — от коей породил пятерых сыновей, чьи имена следующие: Гоислав, Михайло⁴⁶, Саганек⁴⁷, Радослав и Предмир.

XXXVIII. А после смерти Владислава, императора болгарского, император Василий, собрав великое войско и множество кораблей, начал завоевывать земли и покорил всю Болгарию, Боснию и Рашку, и всю Далмацию, и все приморские области вплоть до пределов Нижней Далмации. Доброслав же, будучи мудр и одарен, подчинился грекам и стал как будто бы их помощником и соратником. С ними ездил он по провинциям и втайне давал советы грекам, чтобы вели себя жестко и несправедливо с народом. Схожим образом и народу говорил втайне: «Зачем терпите вы такое великое зло от греков? Неправо судят вас, добро отнимают, жен соблазняют, ваших дочерей-дев развращают и оскверняют. Никогда отцы мои, которые были королями прежде меня, такого с вами не творили. Великое это и тяжкое зло». И поскольку делал он так повсеместно, народ стал прислушиваться к нему и весьма возлюбил, греков же сильно возненавидел. Между тем посоветовался народ меж собой, и в некий день при общем согласии, отправив друг к другу посланцев и грамоты, со всех сторон восстал, перебив за один день всех греческих вельмож, сколько их нашлось по всей Далмации. После этого собрался весь народ и послал к Доброславу и его сыновьям, чтобы они пришли и приняли королевство и землю отцов своих. Он же явился со своими пятью сыновьями, теперь молодыми и доблестными воинами, и принял королевство. И начал сражаться с греками, и покорил земли вплоть до Аплицы. Тогда император греков, разгневанный, призвав одного из своих дуксов по имени Арменопул, прика-

⁴⁵ Avunculos.

⁴⁶ Michala.

⁴⁷ Конъектура. В Белградском списке: Saanes; в Ватиканском: Scarus.

зал ему пойти и одолеть короля Доброслава и его сыновей. Тот, собрав великую армию из [знатных] воинов и пехоты, пришел на Зетское поле. Король же Доброслав, собрав войско, отдал часть войска четырем из своих сыновей и послал их в местность, зовущуюся Вранина⁴⁸, к востоку оттуда, чтобы там дожидались они исхода войны. Сам же с сыном своим Радославом на западе обрушился на греков и стал их весьма сильно истреблять. Радослав же, сильный и доблестный юноша, разя десницей, пробился до самого дукса, — какового, узнав, ударил мечом и сбросил с коня наземь. При виде этого греки обратились в бегство, и было избито их такое множество, какого никто не сочтет. На многих же из этих беглецов, когда они уже мнили себя спасшимися, поднялись находившиеся на востоке королевские сыновья и перебили их. И было в тот день сокрушение и великое истребление греков. Королевство же Доброслава росло и умножалось день ото дня. Дал, наконец, король сыну своему Радославу жупанию, зовущуюся Гацка⁴⁹, поскольку оказался он доблестен на войне и победоносен. Когда же император греков услышал о происшедшем, то, разгневавшись великим гневом и исполнившись сердечной скорби, отправил послов, а с ними немало золота и серебра, — в дар жупану Рашки, и бану Боснии, и князю области Хумской, чтобы те послали армию и роды на короля. Тогда жупан и бан, собрав множество народа, послали к Лютовиду, князю области Хумской, чтобы все множество соединить, а он бы стал князем и предводителем всего народа. Как и стало. Император же, со своей стороны, собрал еще большее войско, чем собирал прежде, и отправил его в Диррахий, приказав некоему топарху Курсилию, который в те дни держал Диррахий и всю землю Драчскую, собрать весь народ Драчской земли, возглавить все войско, пойти и пленить короля и сыновей его, где бы они ни обретались. Итак, Курсилий со всем войском пошел и расположился на поле у города Скодры, чтобы там собрались все. Собрались же они в таком великом числе, что едва находилось им место на той земле. После чего, перейдя реку Дрину, достигли поля у города Антибари. А князь Лютовид со своим войском прибыл в Требинье. Король же Доброслав с сыновьями своими и с родом, оставаясь в Черменице и видя великое множество греков, устранился, как бы Лютовид не перешел залив и не окружил бы их. Призвал он пятерых своих сыновей и сказал им: «Видите вы, дорогие дети, сколь велико греческое вой-

---

⁴⁸ Vurania.

⁴⁹ Белградский список: Kezca; Ватиканский: Kerza.

ско и сколь нас немного в сравнении с ними. Воспротивиться им ратной силой, как видится мне, мы никак не сумеем. Поступим поэтому вот как: двое из вас, Радослав и Гоислав, останутся, а трое других, взяв каждый по 10 удалцов с трубами и рогами и поднявшись на горы, расставят их по вершинам гор так, чтобы греки сочли себя окруженными. Я же с теми, кто будет со мной, посреди ночи нападу на их лагерь. И когда вы услышите звуки рогов и труб, то подобным же образом с вершин гор трубите в рога и трубы и кричите громкими голосами. После чего понемногу спускайтесь к их лагерю, приближаясь, а когда окажетесь вблизи, то не бойтесь, но будьте стойки и сражайтесь мужественно. Ибо Бог Всемогущий предаст их в руки наши». Итак, в вечерние часы три сына короля поднялись в горы и сделали так, как приказал король. В тот же час некий антибарец, друг короля, желая напугать греков, явился к Курсилию и сказал ему: «Берегись, господин, берегись, господин, и будь осторожен, и посмотри, как бы тебе бежать с этим множеством. Следует тебе знать, что великим множеством окружен ты со всех сторон». Каковые слова распространились по стану, и все были поражены крайним ужасом. Немедленно приказал Курсилий всем оставаться при оружии, бодрствовать и выставить дозоры на расстоянии от лагеря. Между тем король со своим войском выступил в ночной час, понемногу и тихо приближаясь к их лагерю. В полночь же дошли туда, где были греческие сторожа и дозорные, и, напав на них, одних убили, а другие обратились в бегство. Увидев это, греки весьма встревожились. Вскоре король протрубил, и те, кто был с королем, затрубили в рога и начали кричать громкими голосами. Также и сыны короля, бывшие в горах, схожим образом начали здесь и там трубить в рога и трубы и кричать. После чего, медленно спускаясь по склонам гор, приблизились к врагу. То же самое делал и король. Греки же весьма перепугались и, слыша, что те медленно спускаются, но из-за темноты не в состоянии их увидеть, подумали, что их великое множество, как и слышали от антибарца. Когда же они услышали звуки труб и рогов и крики вплотную поблизости и прямо над собой, то пораженные ужасом, обратились в бегство. И когда поняли король и те, кто был с ним, что греки пустились в бегство, то, с приближением зари, ворвались в их лагерь, стали ранить, избивать и истреблять их, преследуя по пятам. Точно так же и сыновья короля с разных сторон разили и истребляли их. И когда преследовали и убивали их король с сынами своими и своим родом, миновали поток, текущий через Прапратну, и пришли в лес, то Гоислав, не узнав отца своего, — ибо были покрыты оба кро-

вью и пылью и один не узнал другого, — напал на отца и сбросил его с коня наземь, хотя и не ранил. Тогда тот вскричал громким голосом: «Боже помилуй, Боже помилуй!»⁵⁰ — по каковому крику сын тотчас узнал его и, сразу соскочив с коня, обнял ноги отца со словами: «Помилуй, отец, не узнал тебя». На что король: «Не бойтесь, сыновья, ибо пока еще милость Божья с нами, потому что не ранили вы и не убили меня». Тогда король, остановившись на том месте, назвал и нарек тому месту имя «Божья милость»⁵¹, что на латыни означает «милость Бога», каковая местность зовется так до сего дня, ибо милость явил Бог королю, что не был он убит своим сыном и что столь великое множество отдал Бог в руки немногих. А сыновья короля преследовали врага до самой реки Дрины, рая и убивая, а равно и захватывая их, и многих привели связанными к отцу в «Божью милость». Курсилий же спасся тяжело-раненый, но когда добрался до поля у города Скодры, то умер. В каком месте установлен крест, до сего дня зовущийся крестом Курсилия. После этого король послал сына своего Гоислава навстречу князю Лютовиду, дав ему 50 греков, пленных и израненных, чтобы, приблизившись к врагу, отправил их, так израненных и истекающих кровью, в стан князя Лютовиды, и греки рассказали бы ему, что случилось с ними. А если греки не захотят идти, то всем отрубить голову. Так поступил король, чтобы князь со своим войском, увидев их так вырезанными, был потрясен страхом. Гоислав же сделал все, как приказал ему отец. Итак, войско, двинувшись, перешло залив и достигло Конавле. Взошли на гору, что зовется Клобук. Затем, поскольку войско Лютовиды было совсем близко, отправили в его стан вышесказанных греков. Когда те, кто был с Лютовидом, увидели и услышали, что случилось, то весьма устрашились. Лютовид же, поскольку был муж воинственный и проворный с оружием, нисколько не испугался. Итак, послал он к Гоиславу, говоря: «Одаренность твоя нисколько меня не беспокоит. Но если ты муж и на что-то способен, то возьми с собой двух воинов, и я сделаю так же, и спустимся на равнину сразиться — тогда узнаешь, каков я». Понравилась внешне эта речь Гоиславу, и немедленно, взяв с-собой двух храбрых воинов, спустился он на равнину. Схожим образом спустился и князь. Но когда они начали сражаться, один из воинов Гоислава, именем Удоб, набросился на князя Лютовиды, поразил его и свалил наземь. Тогда другой начал кричать: «Бегите, соратни-

⁵⁰ В оригинале по-славянски: *Boxe* (Белгр. *Bose*) *pomiluy*.

⁵¹ *Boxya* (*Bosya*) *milost*.

ки и товарищи, бегите, ибо пал и умер Лютовид!» Из-за этой гибели все стали разбегаться. Лютовид же, будучи ранен, забрался на своего коня и постарался бежать. А те, кто был с ним, увидев его павшим и раненым, все обратились в бегство. А Гоислав со своими преследовал их весь тот день, забрал у них добычу и возвратился с победой восвояси. И с того дня оставалась земля на попечении короля и сынов его, и не было никого, кто посмел бы им воспротивиться, но все поддерживали с ними мир. Между тем король Доброслав много благ дал антибарцу, который передал Курсилию, будто тот окружен великим множеством, — постановив, что ни сам он, ни сыновья его никогда не забудут об этом деле. После этого сыновья короля завоевали всю землю Драчскую до реки Воюши. Построили они там крепость и поселили в ней сильных мужей. Те же ежедневно выходили на греков и брали их в плен. Правил же славный король Доброслав 25 лет и умер, лежа в своей постели, в Прапратне, на своем дворе. Сыновья же его, собравшись, плакали по нему и погребли его в церкви Святого Андрея с великими почестями и славой.

После кончины короля его сыновья с королевой, матерью своей, собрались и решили разделить земли и области отца своего, чтобы каждый обладал своей долей. Итак, Гоислав с младшим братом Предимиром взял Требинье и Грбаль, Михайло — Облик, и Прапратну, и Черменицу, Саганек же — Горску жупанию, Купелник и Барези, Радослав — жупу Лука, Подлужье и одну жупу в Будве, Кучеву. После чего королева с первородным своим сыном Гоиславом правила королевством и сыновьями. И никто из них не называл себя королем, пока жива была королева-мать, но только кнезами⁵² они себя называли. И через некоторое время Гоислав слег в постель, и пока лежал в своей постели больной, некие из требиньцев, звавшиеся Скробимези, посовещавшись, пришли и убили его, лежащего на ложе. И брата его, Предимира, схватив, схожим образом умертвили. Затем сделали главой себе и господином одного по имени Доманек. Услышав это, братья их Михайло, Саганек и Радослав собрали войско, пришли в Требинье и, захватив тех убийц, поразили различными казнями, злой смерти предали их. Но Доманек с некоторыми убежал. Затем, оставив там Саганека, Михайло и Радослав возвратились в Зету. Спустя недолгое время Саганек устранился и вернулся в Зету, в свои жупании. Доманек же пришел обратно и вступил в Требинье. Когда же Михайло увидел, что Саганек не желает идти в Требинье, при-

⁵² Белградский список: knesi; Ватиканский: kinesii.

звал он к себе Радослава, сказав ему, чтобы он пошел и защитил область Требинье, — а тот ответил, что никому не хочет уступать свою долю, доставшуюся ему в Зете. Тогда Михайло и Саганек испугались, как бы греки не вторглись в страну, — ибо греки уже готовились выступить, а они собирались идти навстречу, — и перед вельможами земли поклялись Радославу оба брата и грамоту ему написали, что он и его наследники владеют частью Зеты, а если сумеют добыть себе Требинье или какую другую область, то она будет его и его наследников наследством и владением без препон и притязаний их или их наследников, и никогда они или их наследники притязать на то не будут. Тогда Радослав, собрав роды, выступил, и вошел в Требинье, и разгромил Доманека, и заточил его, и убил. После чего вступил в область Хумскую и завладел ею.

XI. Тем временем умерла королева, и Михайло принял королевство. И было у него семеро сыновей, чьи имена следующие: Владимир, Прияслав, Сергей, Дерия, Гавриил, Мирослав и Бодин. И поскольку было у него семь сыновей, приняв королевство, не соблюл он завет брату своему Радославу и забрал его жупани в Зете и отдал своему сыну Владимиру. Тем временем умерла жена короля, и Михайло взял себе другую жену, гречанку, двоюродную сестру императора. И породил от нее четверых сыновей, имена коих следующие: первый — Доброслав, второй — Петрислав, третий — Никифор, четвертый — Феодор. От Доброслава, от Никифора и от Феодора потомства не осталось, от Петрислава же родил(ся?)...⁵³ ...Бодин, который господствовал над всем королевством; Владимир с братьями своими пошел в Рашку и завладел ею. И отдал ее [Михайло] под власть сына Петрислава. После чего пошли в Болгарию, и сражались во множестве битв с греками и с болгарами, и овладели всей Болгарией, каковую провинцию отдал король Михайло под управление сына своего Бодина. Бодин же возложил себе на голову диадему и велел называть себя императором. Император греческий, услышав это, разгневался и, собрав огромное множество, послал одолеть Бодина. А Бодин, собрав множество, выступил навстречу тем. В день, когда сошлись они, с обеих сторон много народа было изрублено и ранено. Тут разгромлен был Бодин, болгарский император, и пленен греками, и по приказу императора отправили его в ссылку в город Антиохию. Другие же братья Бодина, поскольку прогневался Бог на грех отца их из-за клятвопреступничества, раз-

---

⁵³ Явная лакуна в обоих списках. По нашему мнению, Стефан (см. комментарий).

езжали туда и сюда по провинциям, и вели множество войн, и все погибли на войне при жизни отца своего — конечно, не в один день, но каждый в свое время. Правил же король Михайло 35 лет и умер. Погребли его с великими почестями в монастыре Святых мучеников Сергия и Вакха.

XLI. После этого принял королевство Радослав, брат его, у которого было восемь сыновей и четыре дочери. Имена сыновей его следующие: первый Бранислав, Градислав, Хвалимир, Станихна, Кочапар, Гоислав, Доброслав и Пицинек. Был же король Радослав миролюбив и кроток и страшился Бога всю свою жизнь. В течение правления своего прослышал он, что Бодин, племянник его, жив, а император, сославший того, умер. Услышав это, послал в Антиохию, и похитили того из-под стражи и отвели к нему. Король и сыновья его возвращенного с радостью приняли. Дал ему король Грбаль и Будву. В шестнадцатый год правления короля Радослава Бодин позабыл добро, которое сделал ему король. Не устоял он в верности, но, посоветовавшись со своей мачехой и с четырьмя ее сыновьями, которые были братьями ему по отцу, восстал против короля со своими братьями. Король же, поскольку был кроток и миролюбив, не захотел ввязываться в войну с ним, но с сыновьями своими смиренно удалился в область Требинье. Там, будучи стар и исполнен днями, почил он с отцами своими и был погребен с великими почестями в монастыре Святого Петра на Поле.

XLII. После сего Бодин принял королевство, вступив в Зету, и начал воевать со своими двоюродными братьями. Тогда Петр, достопамятный муж, сидевший архиепископом в Антибари, видя великую распрю и несогласие между братьев, стал посредничать сам с клиром и народом, говорил с ними и утвердил между ними мир. Поклялись друг другу Бодин с братьями, что жить будут мирно и тихо. Между тем у Бранислава родилось шесть сыновей, имена которых следующие: первородный Предика, Петрислав, Градихна, Твердислав, Драгило и Грубеша. У Бодина же короля от Яквинты, дочери Архириза из города Бари⁵⁴, родилось четыре сына, которым имена следующие: Михайло, Георгий, Архириз и Фома. Бодин, заключив договор с братьями, пошел в Рашку и завоевал ее, завладев ею. И поставил он там жупанами двоих от своего двора, Вукана⁵⁵ и Марко, и они присягнули, что они и дети их будут собствен-

---

⁵⁴ De civitate Varensi. Толковать как «Бар» неверно, поскольку этот город в *Летописци* — всегда либо «Диоклия», либо «Антибари».

⁵⁵ Belcano.

ными людьми короля Бодина и детей или наследников его. Затем взял Боснию и поставил там кнезом Стефана. После того как принял смерть Роберт Гвискар, правивший франками, что были в Диррахии и во всей земле Драчской, получил король Бодин всю землю Драчскую и сам город Диррахий. После чего, заключив мир с императором, вернул ему город. Тем временем Яквинта, жена Бодина, видя, как сыновья Бранислава растут и множатся, весьма печалилась. Ибо страшилась она, как бы после смерти мужа ее Бранислав или его сыновья не получили бы королевство. Оттого-то всегда завидовала им и искала подходящего времени, чтобы уничтожить отца и сыновей. Потому однажды, когда Бранислав с братом Градиславом и сыном Предикой попросту пришел к королю в город Скодру, Яквинта, увидев, что пришли они одни, обрадовалась, пошла к королю и начала дерзко настаивать и говорить, чтобы их захватили и бросили в узилище, — иначе не будет ему жизни с ними, если этого он не сделает. Говорила так: «Знаю, что как только ты умрешь, эти получают королевство. Дети же твои подьедать будут у них за столом». Чего же более? Побежден был король Бодин женой, как Ирод Иродиадой, — и когда сидели они за ужином и веселились, пленили их по приказу короля и поместили в узилище, и поскольку не воспротивился король воле жены своей, клятвopеступником стал за трапезой, как Ирод-убийца. Когда слышали братья и сыновья и племянники их, то, собрав весь свой род, как один ушли в Рагузу и вступили в город с четырьмя сотнями вооруженных мужей. Когда король слышал, что они бежали, то собрал войско, пошел и осадил город и начал одолевать их. Тогда братья и сыновья кнеза Бранислава и те, кто был с ними, выходя из города с оружием, ежедневно стали устраивать великое побоище войску короля Бодина. В один из дней, когда они пошли на вылазку и многих убили и ранили, Кочапар, бившийся с копьем в руке, пронзил и убил некоего Косара, которого королева очень любила. Увидев это, королева распустила волосы, стала раздирать себе лицо и плакать, говоря мужу своему: «Увы, увy, увy, не видишь ли ты, о король, как истребляют твоих? Родители этих у нас, а они не перестают каждодневно ранить твоих и убивать! Ты не видишь, что творит Кочапар? Почему позволено жить их братьям, которых держишь в оковах?» Тогда король, разгневанный, протер руку свою к мечу и приказал обезглавить кнеза Бранислава с братом его и сыном перед городом Рагузой на глазах родичей — и так присоединил к своему клятвopеступлению убийство. Тогда епископы и аббаты, которые пришли просить короля не обезглавливать их и хотели утвердить между ними

мир, увидев, что они уже обезглавлены, — ибо пришли слишком поздно, — очень опечалились и стали яростно увещевать и упрекать короля, что он послушался слов жены своей и убил своих братьев. Король, тотчас раскаявшись, горько заплакал, и поскольку были то его братья, приказал похоронить их с почестями. Епископы же и аббаты взяли их тела и погребли с великой процессией в монастыре Святого Бенедикта на острове перед Рагузой. После этого братья их, и сыновья, и прочие, бывшие в городе, почувствовали, что кое-кто хочет сдать город королю, и, приготовив корабли и все сев на них, уплыли в Сплит. Оттуда отплыли в Апулию, а оттуда — в Константинополь к императору. Король же взял город Рагузу и построил там замок. А затем возвратился в Скодру. Правил он 26 лет и в 22-й обезглавил своих братьев. Когда же истекло 26 лет и пять месяцев, умер в своем королевстве. Был он погребен, согласно королевскому обычаю, в монастыре Святых мучеников Сергия и Вакха.

XLIII. Тогда Михайло, сын его, захотел унаследовать королевство, но поскольку народ земли не хотел его из-за злодеяния матери, поставили они себе королем Доброслава, брата короля Бодина. Он, начав править, стал грубо обходиться с народом. Тем временем братья и сыновья кнеза Бранислава, услышав, что король Бодин мертв, по приказу императора прибыли в Диррахий, где Гоислав взял жену и обитал со своими племянниками. Кочапар, тоже брат их, пошел в Рашку, откуда с жупаном Вуканом, собрав народ, выступил против короля Доброслава. Король же, собрав народ, хотел защищаться. И вот, начав войну в Диоклии, над рекой, что зовется Морача, разгромлены были люди короля Доброслава, а сам он пленен. После этого Кочапар с Вуканом, отослав короля Доброслава связанным в Рашку, пошли и захватили Зету и разграбили большую часть Далмации. Вукан после этого ушел в Рашку, а Кочапар остался в Зете. После этого стал Вукан с рашанами строить козни Кочапару, чтобы погубить его, а тот, распознав это, удалился в Боснию и взял в жены дочь боснийского бана, а по прошествии немногого времени умер, воюя в Хуме.

XLIV. Между тем народ, собравшись, поставил себе королем Владимира, сына Владимира, сына короля Михайлы. Он, пока правил, любил мир и со всеми пребывал в мире. Собрал он к себе всех своих братьев и взял в жены дочь жупана Рашки, и отдыхала земля 12 лет⁵⁶. После же того, как взял король дочь Вукана, отпустил жупан короля Доброслава, которого держал в

⁵⁶ Белградский список: «22 года».

узах, потому что был тот дядей короля Владимира. Когда же он, отосланный, пришел к своему племяннику, король, увидев его, тотчас приказал схватить и заключить в темницу. Оставался он в темнице, пока правил племянник его Владимир. На 22-м же году правления Владимира королева Яквинта по совету неких злых людей, которые были врагами жупана Вукана, изготовив смертельное зелье в Которе, где находилась, дала им. Они же, придя в Скодру, дали напиток королю через его служителей, обманутых ими, и слег он в постель. Королева же Яквинта, зная, что он умирает, пришла с сыном своим Георгием в Скодру под предлогом навестить короля, который, увидев ее, отринул ее от себя и приказал выйти вон. Она, выйдя, сказала стоявшим там: «Почему король так ведет себя? Что дурного я сделала? Если желает знать господин король, то это дядя Доброслав, которого держит он в узах, подстроил, чтобы умер господин король». Сказала же это она, желая погубить Доброслава, чтобы он не унаследовал королевства. Удалившись немедленно оттуда, пошла она в Горицу — дожидаться смерти короля. Позже послала она тайно к людям короля, обещая им многое, если по смерти короля изведут они Доброслава, что и было сделано. Ибо король умер и был погребен в монастыре Святых Сергия и Вакха. Люди же короля, приняв в связи с этим совет Яквинты, сговорились на короля Доброслава, извлекли его из темницы, выкололи ему глаза, отрезали яички и заключили его в монастыре Святых Сергия и Вакха, где, прожив с монахами долгое время, он после того умер.

XLV. После смерти короля Владимира начал править Георгий, сын королевы Яквинты. На второй же год правления своего захотел он тайно захватить сыновей Бранислава, но отнюдь не преуспел. Прознали они о том неким образом и ушли к дяде своему Гоиславу в Диррахий. Один Грубеша был схвачен и помещен в темницу в Скодре. Тем временем дукс Калоиоанн Комнин⁵⁷, собрав сильное войско, пошел с Гоиславом и его племянниками на короля Георгия. Король, также собрав народ, приготовился воевать с ними. Когда же началась война, то разгромлены были сторонники короля Георгия, много было убитых и много плененных. А король с немногими спасся и бежал в Облик. После чего дукс и прочие, одолев город Скодру, взяли его. Там, когда извлекли Грубешу из темницы, по приказу императора народ поставил его королем, а дукс, оставив ему войско, вернулся в Диррахий. Поскольку Грубеша был доблестный воин, исполненный мужества и смелый на брани, король Георгий

---

⁵⁷ Cumano.

гий, услышав о его воцарении, бежал в Рашку. Мать же его была пленена в Которе и отведена в Константинополь, где и умерла. Правил король Грубеша 7 лет, и покоилась земля во дни его, и многое возрождалось. Ибо дал Бог во дни его изобилие хлеба и вина. Исполнилась вся земля довольства. Наконец, в седьмой год его правления пошел на него король Георгий с рашанами. Изготовившись к войне, погиб на войне этой король Грубеша, отважно сражавшийся и бившийся перед городом Антибари. И был погребен он с почетом в епископии города того, в церкви Святого Георгия. После этого король Георгий присвоил королевство, но не землю. Послал он к оставшимся в живых братьям короля Грубеша, Драгихне и Драгиле, и сотворил с ними мир, и поклялся, что разделит с ними землю и никакого зла им не сделает. Они же пришли, поверив истинности его клятвы. Дал он им часть земель и жупаний в Зете и весьма возлюбил их. А делал это король, чтобы так обмануть Градихну, третьего их брата, привлечь его к себе и затем их погубить. А Градихна, пребывая в Рашке, взял там жену и породил трех сыновей: первого Радослава, Иоанна⁵⁸ и Владимира. Драгило же со всей землей своей вступил в Подгорскую область и присвоил Оногшт и многие другие жупании. Король же, увидев, что поступает благоразумно, был весьма доволен. Затем по совету Драгилы собрал король войско, и пошел в Рашку, и с боем взял ее, и разорил. Нашли там в темнице Уроша, отправленного в нее старшими родичами. Извлекши его оттуда, дали ему жупанию Рашки. Потом король со всеми своими вернулся восвояси с великой добычей. Градихна тем временем удалился в Хум. Потом, видя, что Драгило с братом и племянниками ведет себя благоразумно и возрастает с каждым днем, и увеличивается любовь к ним всего народа, ведомый завистью и страхась того, что народ земли его не сильно любит и лишится он королевства, велел [король] схватить Михайлу, сына короля Владимира, а за ним и Драгилу заключить в темницу. Драгихна же с четырьмя своими сыновьями — Первушей, Грубешей, Неманей и Сирком — спасся и бежал в Диррахий...⁵⁹ ...Когда же [Градихна] услышал, что брат его и племянники заточены в оковах, то и сам направился в Диррахий. После этого дукс Пиригеоргий⁶⁰ с Градихной и Драгихной, собрав народ и великое войско, пошел и занял земли до

---

⁵⁸ В тексте: Lobasi (Ват.), Lobarì (Белгр.). Вероятно, искажение от Ioan(n)i. Так в 46-й главе.

⁵⁹ Возможно, лакуна в обоих списках. Далее речь явно о Градихне.

⁶⁰ Pirigordi.

самой Вранины и до Антибари, но поскольку дукс хотел направиться в Константинополь, Градихна оставил племянника своего Уроша в Облике на страже замка, а сам проводил дукса до Диррахия. Король же Георгий в гневе приказал лишить племянников своих Драгилу и Михайлу света небесного — за то, что Градихна со своим братом повоевали его. После же того, как дукс Пирогеоргий ушел в Константинополь, пришел другой дукс в Диррахий, Кир Алексей Кондостефан. Тем временем король Георгий, собрав народ, пошел и осадил Облик. Урош же со своими храбро оборонялся. Дукс же кир Алексей и Градихна с братом, услышав это, собрали войско и пошли на короля. Поскольку же короля теперь ненавидел весь народ, никто не доложил ему об этом, пока не пришел дукс с Градихной и с войском. И ударили они по его стану, и убили и ранили многих, и погнали прочь. Король тогда спасся и бежал в Черменицу. А дукс после его разгрома оставил Градихну с войском, сам возвратившись в Диррахий. Тогда, поскольку из-за терзаний и войны земля уже запустела и с каждым днем более и более опустошалась, восстал Котор⁶¹, а за ним вся земля короля Георгия. Градихна же со своими начал захватывать землю и преследовать короля, с другой же стороны того преследовали рашане. Король же со своими прятался, бегая туда и сюда по горам и лесам. Когда же увидел король, что преследуем он со всех сторон, то, не зная, что делать ему, пошел в замок, зовущийся Оболонь. Тогда Градихна присвоил земли вплоть до Котора, кроме замка, удерживавшегося королем. Между тем в Скодру пришел дукс, и Градихна послал к нему, чтобы он, как только сумеет, захватил замок и короля. Тот же выступил с войском и осадил замок. Тогда те, кто казались друзьями и спутниками короля и ели его хлеб, подняли на него пяты свои, и одни снаружи, другие изнутри передали замок и короля киру Алексею, а дукс, заполучив его, увел в Диррахий. Оттуда свя-занным и под стражей отправил его в Константинополь, где он и умер в темнице.

XLVI. После этого народ, собравшись, поставил королем Градихну, который, получив королевство, начал управлять народом со всей справедливостью. Был это муж поистине страшющийся и любящий Бога, благочестивый и милостивый, покровитель и защитник вдов и сирот, во всех своих делах зачинатель всяческого блага. Когда же те, что были рассеяны по областям и провинциям и в Апулии, услышали о добродетельной его жизни, то возвратились в свои места и округи. И наполнялась и

---

⁶¹ Здесь: Decatarus.

населялась земля, которая уже пребывала как бы разрушенной и опустошенной. А король Градихна во дни правления своего выносил многие заговоры и несправедливые преследования от злых людей, но Бог избавил его от них всех. Когда же истекло 11 лет его правления, направился он путем всякой твари и опочил с отцами своими в мире. Был погребен он с почестями и с величием в монастыре Святых мучеников Сергия и Вакха руками сыновей своих — кнезя Радослава, Иоанна и Владимира.

XLVII. После этого направился кнезь Радослав к императору Мануилу, и принял тот его хорошо и дал ему всю землю во владение, чтобы правил ею так же, как держал отец его. Затем, придя от императора, кнезь Радослав стал держать землю и править со своими братьями. После этого поднялись некие злодеи, враги истари, и восстали на них, и привели Десу, сына Уроша, и отдали ему Зету и Требинье. Радослав же и братья его удержали области приморские с городами Котором⁶² и Скодрой и не переставали постоянно сражаться и бороться против сына Уроша и против других врагов, отбирали, насколько могли, восставшие земли, а то, чем завладели, храбро защищали и т. д.⁶³

---

⁶² Decatarum.

⁶³ Так в оригинале (etc.) Возможно, обрыв текста перевода.

КОММЕНТАРИЙ

Нижеследующий комментарий к *Летописи попа Дуклянина* построен исходя из нескольких задач. Сначала мы рассмотрим источники и пути складывания той «исторической» картины, которая выстраивается в легендарной части повествования. Здесь, соответственно, предметом нашего внимания будут как эволюция фольклорной и литературной традиции, так и давшие ей почву события, известные нам из достоверных источников. Начиная с «Требиньской легенды», и особенно применительно к «исторической» части, *Летопись* уже может претендовать на роль равноправного источника. Соответственно, и комментарий примет несколько иной характер. Он в большей степени будет отсылать теперь к собственно историческому факту, параллельным источниковым свидетельствам. Тем самым, по крайней мере применительно к событиям XI—XII вв., становится возможным создать для читателя целостную историческую картину описываемой эпохи. Без этого, в свою очередь, специфика отражения исторической реальности в *Летописи* не будет вполне очевидна.

Структура комментария отсылает к главам «летописного» текста. Этим путем шли и прежние создатели развернутых комментариев к *Летописи* — Ф. Шишич и Т. Живкович. Все встречающиеся в соответствующих главах реалии, включая сведения о персоналиях, поясняются в рамках общего комментария к главе. Пояснение немногочисленных в *Летописи* специфических терминов дается в терминологическом словаре. Встречающиеся в тексте географические названия, кроме неидентифицируемых, читатель найдет на прилагаемой карте.

Введение Летописи и значение его для изучения памятника достаточно охарактеризованы в Предисловии. Здесь еще раз отметим, что предлагаемые к тексту Введения литературные параллели вполне естественны для средневековья и не свидетельствуют о недостоверности описанной ситуации.

Глава I

Хронологические указания в начале фрагмента относятся к действительным событиям остготской истории, что и легло в основу теории

Й. Руса. При императоре Анастасии (491—518) и папе Геласии I (492—496) произошло завоевание Италии Теодорихом Великим. Но святой Бенедикт, как выясняется далее, попал сюда как современник исторического Тотилы и Готской войны VI в. Итак, само хронологическое указание носит компилятивный характер и стало результатом смешения далматинского предания о Тотиле с воспринятой через книги исторической информацией о готах в Италии. Источником этой информации могли послужить автору **Книги Готской* как переводные византийские, так и латинские источники.

Заметим, что за вычетом этой надуманной синхронизации хронология начальных глав *Летописи попа Дуклянина* выглядит в целом довольно стройно и непротиворечиво. У нее две вполне согласованные между собой опорные точки — изобретение и внедрение славянской азбуки в 60—80-х гг. IX в. и приход болгар на Балканы около 680 г. Отсчитывая вглубь от последней даты на основе указанных самой летописью сроков правления, мы получаем дату смерти Остроила — не позднее 647 г. Это вполне соответствует времени прихода на Балканы сербов и хорватов при императоре Ираклии (610—641), указанному Константином Багрянородным, свидетельства которого будут приведены далее.

Как объяснить подобную точность у пользовавшегося в конечном счете устной традицией «летописца»? Можно заключить, что в основе **Книги Готской* лежал закрепленный традицией родовой перечень предков дуклянской династии (или сербских князей?). Можно также предположить, что он был достаточно рано записан. Аналогичный по характеру *Именник болгарских князей* был записан в VIII в., а уже в IX—X вв. переведен на славянский язык.

С другой стороны, некоторые хронологические указания на VII в. как время разорения Далмации содержала и письменная далматинская традиция, отраженная в XIII в. Фомой Сплитским. Дата же болгарского вторжения конца 70-х—начала 80-х гг. VII в. в принципе могла быть рассчитана на основе данных византийских авторов. Следует, однако, отметить, что русскому автору *Повести временных лет* такой расчет произвести не удалось и он отнес приход болгар к временам прежде правления Ираклия. К тому же если «летописец» действительно сознательно, на основе лично своего точного расчета, датировал правление Остроила VII столетием, мог ли он делать его не только братом Тотилы, но и современником Анастасия? Кажется все-таки, что автором **Книги Готской* двигало исключительно дуклянское родовое предание, для которого он и искал точки привязки во «внешней» истории.

Парадоксально, но хронологическая достоверность *Летописью* теряется позднее, с изложением событий IX в. Причина тому — идейная концепция автора о едином «Славянском королевстве», заставившая

его выстраивать в один родословный ряд князей Рашки, Дукли и Хорватии.

Именослов *Летописи* представляет собой неисчерпаемый, наверное, источник для различных реконструкций. Так, например, очевидно, что имена «Сенубальд» и «Сенудслав» (Сенудилай в Ватиканском списке), которые Ф. Шишич равным образом прочитывал как «Все-влад», интерпретировать более чем затруднительно. Второе из них в Ватиканском списке с очевидностью испорчено. Вместе с тем ясно и то, что за этими именами стоят какие-то искаженные славянские формы, быть может, действительно на «Все-». После открытия Белградского списка стало ясно, что «Сенудслав» — скорее «Всеслав», чем «Все-влад».

Имя «Брус» может быть интерпретировано как славянское, хотя выглядит необычно. При прямом славянском толковании оно вступает в курьезную семантическую переключку с именем «Дерван», которое носил упоминаемый под 631 г. франкским историком Фредегаром князь лужицких сорбов [Свод, 1995: 370—371]. В принципе, Дерван вполне мог бы быть братом перешедшего на службу Ираклию «архонта Серба». Но все же разумнее, как представляется, отнестись к этой заманчивой ономастической игре как к случайному совпадению.

Об имени «Остроил» — единственном в 1-й главе несомненно славянском — речь пойдет далее, поскольку оно, на наш взгляд, связано с раскрываемой в следующей главе сюжетной функцией этого персонажа.

Глава 2

Повествование *Летописи попа Дуклянина* (изначально же — *Книги Готской) о славянском завоевании западных Балкан интересно и уникально тем, что лишь в этом случае мы можем напрямую сопоставить славянскую родословную и переселенческую легенду с внешними источниками. Подобное сопоставление можно произвести и на материале славяно-болгарских исторических сочинений — таких как *Апокрифическая летопись* или заметки при *Хронике* Манассии. Но там речь идет не о целостном, внутренне согласованном генеалогическом предании (каким выглядит рассказ *Летописи*), и, кроме того, очевидным было литературное воздействие извне, едва видимое в *Летописи*. Более того, в случае с *Летописью* — и этим она действительно уникальна — мы можем проследить по письменным источникам практически весь путь эволюции предания, тем самым оценив и степень его достоверности в изложении исторических фактов, и механизмы складывания устной традиции и ее интерпретации в историческом труде.

Фактический материал, лежащий в первооснове предания, отражился в группе синхронных и чуть позднейших письменных источников конца VI—начала IX в. Это *Послания* папы Григория Великого, *Акты* VI Вселенского собора, *Бревиарий* патриарха Никифора, *Хронография* Феофана Исповедника и *История лангобардов* Павла Диякона. Известия эти уточняются и детализируются данными археологии. Кроме того, к ранним источникам по характеру примыкает известие римской *Книги понтификов* (XI—XIII вв.), которое могло основываться не столько на устном предании, сколько на несохранившихся актах папского престола.

Известия Константина Багрянородного (*Об управлении Империей*, середина X в.) имели иное происхождение. Они представляли собой уже синтез как далматинской, так и устной сербохорватской традиции. В условиях начавшегося в IX в. взаимного смешения славян и далматинцев эти традиции неизбежно соприкасались и взаимно переплетались. Константин, приводящий, что особенно ценно, разные варианты преданий, фиксирует начальный пункт этого взаимопроникновения. Конечный его итог применительно к Далмации фиксируется прежде всего *Историей* Фомы Сплитского. В некоторых аспектах его картина событий ближе к Константину, чем картина «Дуклянина», — это свидетельствует о большей устойчивости далматинской традиции, развивавшейся в рамках письменной городской культуры. «Дуклянин», писавший, вероятно, ранее Фомы, тем не менее передает гораздо далее зашедший процесс циклизации преданий, их удаление от фактической реальности прошлого. Итак, рассмотрим эту эволюцию в деталях.

Проникновение славян в Далмацию было связано в первую очередь с аварскими войнами конца VI—начала VII в., которые привели к падению европейской границы Восточной Римской империи. Славяне в этих войнах, наряду с лангобардами, выступали, как правило, в качестве союзников авар. Первые сообщения о начавшемся славянском завоевании Далмации и Истрии относятся к самому рубежу веков и обнаруживаются в *Посланиях* римского папы Григория Великого.

В мае 599 г. Григорий писал византийскому экзарху Италии Калинику:

Наряду с тем, что вы сообщили мне о победах над славянами, знайте, что великой радости исполнен я оттого, что податели сего... направлены вашим превосходительством к святому Петру... [Свод, 1995: 351].

Итак, в 599 г. имели место первые, еще удачные для ромеев столкновения со славянами на севере Италии, как выясняется из следующего упоминающего о них послания — в «истрийском входе». В этом послании салонскому епископу Максиму от июля 600 г. Григорий пишет:

По поводу же народа славян, который сильно вам угрожает, я весьма сокрушаюсь и тревожусь. Сокрушаюсь от того, что уже, вместе с вами, претерпеваю. Тревожусь, ибо через истрийский вход они начали уже вторгаться в Италию [Свод, 1995: 351].

Таким образом, речь идет не только о нападениях на Истрию, но и о вторжении в Далмацию.

О вторжении в Истрию в 601—602 гг. сообщает и Павел Диакон: «Между тем лангобарды, вторгшись вместе с аварами и славянами в пределы истрийцев, опустошили все огнем и грабежами» [Свод, 1995: 484—485]. В результате этот участок имперской границы пал. Вторжение открыло дорогу для заселения Истрии словенцами, начинавшегося, судя по археологическим материалам, как раз в эти годы. Вторжения в Истрию сопровождалась разорением ромейских городов и крепостей [Седов, 1995: 323].

В 603 г., уже после переворота Фоки в Константинополе, открывшего дорогу массовому аваро-славянскому вторжению в европейские провинции, славяне в ходе тех же войн лангобардов с ромеями получили возможность еще глубже проникнуть в Италию. В июле 603 г. лангобардский король Агилульф «осадил вместе со славянами, которых хаган, царь аваров, прислал ему на помощь, город Кремону и, захватив его 21 августа, разрушил до основания. Таким же образом овладел он и Мантуей...» [Свод, 1995: 484—485]. Еще одно, вероятно, окончательное разорение Истрии датируется 611 г.: «В том же году славяне самым плачевным образом разграбили Истрию, перебив воинов» [Свод, 1995: 486—487]. На этот раз они действовали не только без лангобардов, но вопреки миру, который заключил с Империей король Агилульф. Итак, сведения *Летописи попа Дуклянина* о вторжении «Тотилы» в Италию через Истрию обязаны своим происхождением отнюдь не только «готской легенде».

О ходе военных действий собственно в Далмации после 602 г. нет вполне надежных сведений. События восстанавливаются, как правило, с привлечением известий Константина Багрянородного и Фомы Сплитского. Однако центральный сюжет их повествований — захват и разрушение славянами Салоны и Эпидавра — подтверждается археологически. По данным археологии, падение далматинских городов произошло около 614/615 г. Местные жители нашли убежище преимущественно на островах, как и свидетельствуют поздние авторы (см.: [Алексеев, 2009: 230—233 и примечания]). Как раз к этому времени относится наибольшее опустошение европейских провинций и расселение в них славян. О захвате ими Греции в этот период сообщает испанский автор Исидор Севильский, современник событий [Свод, 1995: 354—357].

Ситуация на побережье, кажется, несколько стабилизировалась к 640 г. По сведениям *Книги понтификов*, папа Иоанн IV, уроженец Далмации, при вступлении на престол в 640 г. отправил на свою родину аббата Мартина, который собрал на опустошенных землях христианские реликвии и перенес в Рим мощи салонских святых Домния и Анастасия, покровителей Салоны [Documenta, 1877: 277].

Между тем на тот момент по меньшей мере какая-то часть Далматинского побережья находилась в руках славян. Согласно Павлу Диакону, в 642 г. славяне по Адриатике переправились в Южную Италию. Теперь они были, однако, не союзниками, а врагами лангобардов, беневентского герцога Айо:

...Славяне, явившись со множеством кораблей, разбили лагерь неподалеку от города Сипонт. Так как они устроили вокруг своего лагеря скрытые ямы, то, когда Айо пошел против славян в отсутствие Радоальда и Гримоальда и хотел их разбить, конь его упал в одну из этих ям, и сам он вместе с немалым числом других был убит набросившимися на него славянами. Как только об этом было сообщено Радоальду, тот, быстро явившись, заговорил с этими славянами на их собственном языке. Когда же он сделал их вследствие этого менее воинственными, то, тотчас напав на них и подвергнув их большому избиению, он и за смерть Айо отомстил, и тех врагов, которые еще оставались, вынудил бежать из тех пределов [Свод, 1995: 486—487].

Это первое упоминание о славянских морских набегах по Адриатике.

Судя по деятельности аббата Мартина, между Империей и «западными» славянами Балкан отношения к началу 640-х гг. нормализовались. Однако к 670-м гг. они, видимо, вновь были враждебными. Во всяком случае, после побед Византии над арабами (Кизикская морская битва 673 г. и выгодный мир 678 г.: [Большаков, 1998: 163—164]) и лангобарды, и «западные» славяне заключают с ней новый мир по инициативе и под главенством аварского кагана, напуганного ромейским успехом. Об этом сообщают пользовавшиеся общими источниками Никифор и Феофан. В *Бревиарии* Никифора:

Услышав об этом, живущие в западных краях, т. е. игемон аваров и тамошние архонты соседних на западе иноплеменников, также запросили мира, отправив через послов дары василевсу. Так как василевс склонился к этому, воцарились в дальнейшем мир и покой и на Востоке, и на Западе [Свод, 1995: 226/227].

Здесь упоминание славян можно лишь угадывать. Однако конкретнее позволяют сделать вывод об их участии сведения Феофана:

Узнав об этом, и обитатели западных краев, и аварский каган, и тамошние риксы, экзархи, кастальды и предводители западных народов

отправили через посланников дары василевсу, обращаясь с просьбой даровать им благодать мира. Посему василевс, снизойдя к их просьбам, пожаловал им государев мир. И великая тишина утвердилась и на Востоке, и на Западе [Свод, 1995: 274/275].

Под кастальдами с очевидностью имеются в виду представители лангобардов, «риксы» же и «экзархи», на что справедливо указывал в этой связи Г. Г. Литаврин, в данном контексте — «прежде всего предводители (вожди племен и племенных союзов) славянских народов» [Свод, 1995: 312]. Термин германского происхождения «рикс» со второй половины VI в. более чем на век стал одним из основных обозначений славянских вождей в византийских источниках. Но и без того видеть в риксах и экзархах, соседящих с Византией с запада и близких с аварами, кого-то иного (лангобардские кастальды обособлены от них в тексте) едва ли возможно.

К 680-м гг. относится первое достоверное свидетельство о распространении христианства в сербохорватских землях. Его трудно не поставить в связь с миром, который здешние правители заключили с Империей в 673—678 гг. В послании римского папы Агафона, оглашенном на VI Вселенском соборе в 680 г. и подчеркивавшем важность единства Церкви, говорилось:

Среди народов и лангобардов, и славян, а не только франков, готов и бриттов большинство признают, что они из наших собратьев. А они не перестают интересоваться этим, чтобы быть осведомленными о том, что совершается в делах веры апостольской [Свод, 1995: 212].

Очевидно, что должны иметься в виду «западные» славянские земли. Трудно не сопоставить слова Агафона и с сообщениями Константина Багрянородного о крещении хорватов и сербов в VII в.

Согласно дубровницкой легенде, подкрепляемой весьма сомнительной грамотой папы Захарии от 16 июня 743 г. (список XI в.), последний учредил в «Эпидавре» (преемником какого являлся на тот момент Дубровник-Рагуза) архиепископию. Епархия архиепископа Андрея охватывала «Захулмское королевство и королевство Сервулию, Трибунское королевство и города Котор или Росу [крепость близ Котора и второе его название], а также Будву, Авару [Антибари?], Лицинию [Улцинь], также Скодру, равно же Дриваст, а также Полат [Пилот]» [Codex, 1967: 1—3].

Сомнений грамота вызывает немало. Часть упомянутых в ней «городов» (Скодра, Улцинь, Будва) лежала в руинах или была захвачена славянами, а часть (Дриваст, Полат) появляется в других источниках лишь позже. В случае подлинности грамота являлась бы первым источником, упоминающим балканских сербов, а также Требинье и Хум. Но определение Захумья, Сербии и Требинье как равнозначных «ко-

ролевств» вызывает в свете известий Константина Багрянородного серьезные вопросы. С другой стороны, в Риме 740-х гг. реальная ситуация в Южной Далмации вряд ли была хорошо известна. Для рагузских же информаторов Захарии связи с Хумом и Требинье были важнее, чем с загорской Сербией. В сугубо формальной иерархии славянских владетелей они могли плохо разбираться и сами.

Этим синхронные или напрямую восходящие к синхронным письменным источникам сведения о ситуации в далматинских землях исчерпываются. По понятным причинам византийских авторов в VII в. и позднее, до времен правления Василия I, мало интересовало происходящее в отрезанной и опустошенной Далмации. Их внимание было приковано к событиям во Фракии и Македонии, а с начала IX в. — также в Греции.

Положение изменилось ко времени Константина Багрянородного. В своих трудах он уделяет немало внимания деятельности своего деда по восстановлению контроля над западными землями и упорядочению отношений далматинцев со славянами [Продолжатель, 1992: 122—123; Константин Багрянородный, 1991: 112—115; 134—135]. Проснувшийся в связи с этим интерес к прошлому Далмации породил обширный исторический очерк, в котором сербская, хорватская и далматинская исторические традиции истолкованы в русле официальной ромейской идеологии.

Основу описания захвата Далмации славянами в 29-й главе труда Константина (*О Далмации и соседствующих с ней народах*) составило романское далматинское предание [Константин Багрянородный, 1991: 361]. В то же время автор не очень хорошо знал географию Далмации, он, например, явно смешивает Саву с Дунаем. Согласно Константину, Далмацию заселили выходцы из Рима, переведенные императором Диоклетианом, который якобы построил здесь крепости Аскалаф и Диоклею (Диоклию).

Владение этих римлян простиралось до реки Дунай. Когда некоторые из них пожелали переправиться через реку и узнать, кто живет по ту сторону ее, то, переправясь, они нашли славянские безоружные племена, которые называются также аварами. Ни эти люди не знали, что кто-нибудь живет по ту сторону реки, ни те, что кто-либо обитает по сю сторону. Поскольку же римляне застали аваров безоружными и к войне не подготовленными, они, пойдя войною, забрали добычу и полон и вернулись. С тех пор римляне установили две смены и, отслужив от Пасхи до Пасхи, меняли свое войско, так что в Великую Святую Субботу они встречались друг с другом: одни — возвращаясь от укреплений, другие же — отправляясь на эту службу. Ибо близ моря, ниже той же самой крепости, есть крепость под названием Салона, размером в половину Константинополя, в коей все римляне сходятся, вооружаются и направляются отсюда к клисуре, отстоящей от этой самой крепости на

четыре мили, которая и доныне зовется Клиса, ибо затворяет идущим с той стороны. Оттуда же уходят к реке. И так эта смена осуществлялась многие годы, и славяне по ту сторону реки, называемые также аварами, поразмыслив, сказали: «Эти римляне, которые переправились и взяли добычу, отныне не перестанут ходить против нас войной. Поэтому сразимся-ка с ними». Засим славяне, они же авары, посоветовавшись таким образом, когда однажды римляне переправились, устроили засады и, сражаясь, победили их. Взяв их оружия, знамена и прочие воинские знаки и переправившись через реку, названные славяне пришли к клисуре. Увидев их, находившиеся там римляне, приметя также знамена и вооружение своих единоплеменников, сочли и их самих таковыми. Когда же названные славяне достигли клисуры, они позволили им пройти. Пройдя же, славяне тотчас изгнали римлян и овладели вышеупомянутой крепостью Салона. Поселяясь там, с той поры они начали понемногу разорять римлян, живших в долинах и на возвышенностях, уничтожали и овладевали их землями. Прочие же римляне находили спасение в крепостях побережья и доныне владеют ими... [Константин Багрянородный, 1991: 110—113].

В известии Константина с очевидностью есть рациональное зерно. Однако изложение уже довольно далеко от реальных фактов и насыщено фольклорными деталями. Так, явно из фольклора пришла убежденность в том, будто далматинцы случайно обнаружили живущих за рекой авар-славян. Фантастическим, нацеленным скорее на унижение противника, выглядит представление их как «безоружных племен» и описание длительных, многолетних разорений их земель римлянами [Константин Багрянородный, 1991: 362]. Не соответствует действительности, как мы уже видели, и то, что Салона была захвачена немедленно после вторжения в Далмацию, в результате военной хитрости. Между вторжением в Далмацию и взятием Салоны прошло в реальности не менее 15 лет. Как увидим далее, это отражено и в далматинской традиции; не говорит о немедленном взятии Салоны и *Летопись попа Дуклянина*.

Вместе с тем известие Константина отражает как некоторые исторические факты, так и наметившиеся тенденции устной традиции, далматинской и славянской. Главная из них — отождествление разных отрядов и волн завоевателей Далмации. Константин еще помнит имя авар, но для него они тождественны славянам. В этом он парадоксально отличается от писавшего позднее Фомы, который, как уже говорилось, авар не знает, но зато отделяет славян от «готов». Еще один важный момент — возвеличение Салоны («размером в половину Константинополя»). Оно находит отражение не только у Фомы, что вполне естественно, но и в *Летописи попа Дуклянина* («великий и дивный град Салона»). Здесь, очевидно, имеет место пример взаимопроникновения славянского и романского преданий, тем более что победа над

столь великим городом возвеличивала победителей, вопреки тенденциям далматинской традиции.

Далее в той же 29-й главе Константин, имея в виду последующее изложение и ссылаясь на него, подчеркивает подвластность далматинских славян Империи с царствования Ираклия (610—641). Среди этих славян исчисляются «хорваты, сербы, захлумы, тервуниоты, каналиты, диоклетианы и аренданы, именуемые также паганами». Отложение славян, повлекшее за собой их повторное присоединение при Василии, произошло, согласно этой версии, при Михаиле Травле (820—829). В связи с этим Константин, уже противореча последующему изложению сербской и хорватской истории, отмечает, будто «архонтов, как говорят, эти народы не имели, кроме старцев-жупанов, как это в правилах и в прочих Славиниях. Помимо этого, большинство этих славян не было крещено, и долгое время они оставались нехристиами» [Константин Багрянородный, 1991: 112—113]. Вероятно, здесь представлена та же тенденция к принижению славян. Впрочем, в зыбкости предполагаемого их крещения в VII столетии, как и в демократизме славянского общественного строя, сомневаться не приходится. Константин мог иметь в виду, во-первых, вполне реальное язычество славянской массы, во-вторых — отсутствие полноценно наследственной (и постоянно получающей подтверждение «архонтства» из Константинополя) власти даже у сербов и хорватов. Реальная власть князей, конечно, весьма была ограничена жупанами, которые на раннем этапе действительно являлись скорее родоплеменными старшинами.

В последней части 29-й главы Константин вновь возвращается к далматинским преданиям, рассказывая об отдельных романских городах Далмации. В связи с этим он передает рассказ о захвате славянами Эпидавра: «В то время, когда славяне, живущие в феме, захватили прочие укрепления, они овладели также и этой крепостью. Одни были убиты, другие обращены в рабство. Сумевшие сбежать и спастись поселились на обрывистых местах...» — на месте будущего Дубровника (Раусия). К ним присоединились и некоторые беженцы из Салоны [Константин Багрянородный, 1991: 122—123]. Об опустошении множества прибрежных крепостей еще раз сказано в самом конце главы [Константин Багрянородный, 1991: 126—127].

В следующей, 30-й главе труда Константина (*Рассказ о феме Далмация*) история падения Салоны излагается заново — и с существенными отличиями. К тому же в этой главе она соединена в единой логике исторического повествования с преданием о приходе на Балканы хорватов. Особенности построения главы приводят к выводу о происхождении ее из разнородных источников, в том числе далматинских и славянских, но подвергшихся обработке константинопольского автора, плохо знавшего географию Далмации. В то же время исторические события он знал явно лучше [Константин Багрянородный, 1991: 368—

369]. Все это наводит на мысль об использовании столичным жителем некоего письменного источника далматинского происхождения, возможно, отразившего немногим более раннюю (и достоверную) стадию бытования традиции, чем глава 29.

Как уже говорилось, предание о взятии Салоны перелagается в главе 30 с существенными отличиями:

Близ Аспалафа имеется крепость, которая именуется Салоной... Крепость эта была главной во всей Далмации. Поэтому ежегодно из прочих крепостей Далмации конные стратиоты собирались и высылались из Салоны числом до тысячи для несения стражи на реке Дунай против аваров, ибо авары сделали своим местом пребывания противоположную сторону реки Дунай, где ныне турки, ведя кочевую жизнь. Отправляясь ежегодно, жители Далмации часто видели на той стороне реки скот и людей. Поэтому вздумалось им однажды переправиться и поведать, кто же эти люди, живущие там. Итак, переправясь, они обнаружили одних аварских жен и детей, тогда как мужчины и юноши находились в военном походе. Поэтому, совершив внезапное нападение, они захватили их в полон и без ущерба вернулись, доставив эту добычу в Салону. Затем, когда авары возвратились из похода и узнали о случившемся — в чем они пострадали, они взволновались, недоумевая, однако, откуда им нанесен удар. Поэтому они решили подождать случая, чтобы из него узнать обо всем. Далее, когда, как обычно, были снова отправлены из Салоны таксеоты (однако это были не те, что ранее, а другие, хотя они то же самое в отношении тех держали в помыслах), они переправились против аваров, но так как те оказались собравшимися воедино, а не рассеянными, как прежде, не только ничего не сделали, но и претерпели самое ужасное. Ибо одни из них были убиты, а прочие были схвачены живыми, никто не избежал рук. Порасспросив пленных, кто они и откуда, и узнав, что от них они претерпели упомянутый удар, а также попытав о достоинствах их земли и словно полюбив ее уже по слуху, авары заключили живых пленников в оковы, надели на себя их одежды, как носили их те, и, сев на коней, взяв в руки их знамена и прочие значки, которые те носили с собой, все поднялись в воинском порядке и двинулись против Салоны. Поскольку же при допросах они узнали и время, когда таксеоты возвращаются с Дуная (а это была Великая и святая суббота), они прибыли как раз в этот день. Основная масса войска, когда они были уже где-то поблизости, затаилась, а около тысячи, которые имели для обмана коней и одежды далматинцев, вышли открыто. Жители крепости, признав свои значки и одеяния, зная также и день, в который те по обычаю возвращаются, открыли ворота и приняли прибывших с радостью. Авары, войдя, тотчас овладели воротами и, знаком осведомив о свершенном деле войско, приготовились к вторжению и нападению. Так они перебили всех жителей города, а затем овладели всей страной Далмацией и поселились в ней. Одни городки у моря не сдались им и были удержаны ромеями и то лишь потому, что средства для их жизни они добывают на море. Итак, увидев, что

земля эта прекрасна, авары поселились на ней [Константин Багрянородный, 1991: 128—131].

Нетрудно заметить, что тональность первого варианта далматинского предания в этой версии повторяется с точностью до почти наоборот. Авары более не унижаются, не представляются как «безоружный народ» — и это соответствует исторической действительности. Напротив, о действиях далматинцев говорится с оттенком осуждения и даже издевки. Они показаны способными воевать лишь с женщинами и детьми — и не способными противостоять достойному противнику. Наивность впустивших врага салонцев в этом контексте предстает едва ли достойной сочувствия. Вряд ли такая точка зрения отражает изначально далматинскую версию событий. Хотя с морализаторских позиций весьма вероятно ее восприятие в Далмации — Фома бичует грехи своих соотечественников перед славянским вторжением [Фома Сплитский, 1997: 34—35] гораздо более жестко, чем «Дуклянин», невнятно говорящий о «некоем прегрешении».

В связи с происхождением осуждающей далматинцев версии любопытно, что авары, чей кочевой образ жизни специально подчеркивается, более не отождествляются со славянами (что, конечно, достоверно) и что славяне вообще не упоминаются среди первых завоевателей Далмации и захватчиков Салоны (а это совершенно недостоверно). Этим достигается двойной эффект. С одной стороны, со славян в целом снимается ответственность за разорение далматинских городов. И это несмотря на то, что в начале главы Константин обещает рассказать, как Далмация «была захвачена народами славян» [Константин Багрянородный, 1991: 126—127]. С другой стороны, хорваты (славяне!) жестко противопоставлены первой волне завоевателей, своим врагам, по этническому признаку. Тем самым именно славяне предстают «героической» стороной в сказании о покорении ими Далмации. Из этого, с учетом того, что в нижеследующем тексте Константин определенно использует хорватские родовые предания, следует, что именно славянская традиция сохранила память о завоевании Далмации в этой версии. Указание далее на то, что авары смешались с хорватами, отчасти сохранив свое имя и самосознание, как бы указывает на путь сохранения в хорватской среде относительно благожелательной к аварам версии взятия Салоны.

С исторической действительностью, память о которой могла сохраниться в письменных источниках, повествование 30-й главы связывает указание на то, что стражу к границе направляли как раз против авар. Таким образом, они больше не предстают неизвестным народом, хотя реликт этого фольклорного мотива в тексте есть. Более достоверно, чем многолетние набеги римлян на «безоружных» авар, выглядит и сообщение о двух рейдах из Салоны — удачном и неудач-

ном. Его можно сопоставить с известиями синхронных источников и согласовать с хронологией аварских войн конца VI в. [Алексеев, 2009: 176—177, 471—472]. Однако сохраняется и главный, на тот момент, вероятно, превалявавший в известной Константину далматинской традиции, элемент недостоверности — утверждение о моментальном, с помощью военной хитрости, взятии Салоны после вторжения в Далмацию. Далее исчезает упоминание о Клисе. Между тем как раз упоминание Клиса в первой версии, возможно, указывает на путь сложения предания — именно Клис должен был первым распахнуть ворота захватчикам. Очевидно, глава 30 в известном смысле отражает механизм искажения действительности — события в устной традиции «стягивались» в одну точку, и взятие Клиса в конечном счете было полностью заслонено взятием Салоны.

Сразу после второго варианта далматинского предания Константин переходит к изложению первого своего варианта предания хорватского:

Хорваты же жили в то время за Багиварией, где с недавнего времени находятся белохорваты. Один из родов, отделяясь от них, а именно пять братьев: Клука, Ловел, Косендис, Мухло и Хорват — и две сестры, Туга и Вуга, вместе с их народом пришли в Далмацию и обнаружили, что авары завладели этой землей. Поэтому несколько лет они воевали друг с другом — и одолели хорваты; одних аваров они убили, прочих принудили подчиниться. С тех пор эта страна находится под властью хорватов. В Хорватии и по сей день имеются остатки аваров, которых и считают аварами. Прочие же хорваты остались у Франгии и с недавних пор называются белохорватами, т. е. «белыми хорватами», имеющими собственного архонта... От хорватов, пришедших в Далмацию, отделилась некая часть и овладела Илириком и Паннонией. Имели и они самовластного архонта, ради дружбы обменивавшегося посольствами с архонтом Хорватии. В течение нескольких лет хорваты, находящиеся в Далмации, подчинялись франкам, как и прежде, когда они жили в собственной земле... [Константин Багрянородный, 1991: 130—133].

Далее он описывает восстание хорватов против франков и их крещение при «архонте» Порине (Борна, ум. 821) [Константин Багрянородный, 1991: 132—133, 371]. Завершает главу рассказ о примирении теснимых на островах паганами далматинцев с хорватами при Василии I [Константин Багрянородный, 1991: 134—135].

Как уже говорилось, в контексте главы 30 очевидно жесткое противопоставление двух волн завоевателей по этническому принципу и, менее четко, по образу жизни — кочевые авары против славян-хорватов. Последующий рассказ о восстании против франков и самостоятельном крещении хорватов из Рима подчеркивает стремление хорватского предания обосновать права своих князей на отвоеванные ими

земли. Об именах хорватских предводителей, отмеченных только здесь, нельзя сказать ничего сверх того, что они отражают деление хорватского племенного союза на семь «родов» — малых племен патристического происхождения. С *Историей* Фомы Сплитского (отчасти) и особенно с *Летописью попа Дуклянина* предание Константина сближает указание на центральноевропейскую прародину славянских пришельцев.

Сходную по основной тональности, но отличающуюся в деталях версию происхождения балканских хорватов дает Константин в главе 31 — *О хорватах и о стране, в которой они живут в настоящее время*. Эта версия также хорватская по происхождению, но отражает иную тенденцию в устной традиции. По мнению Е. П. Наумова [Наумов, 1982: 169—171] и О. А. Акимовой [Константин Багрянородный, 1991: 374—375], в главе 31 находит отражение «княжеская» версия ранней хорватской истории, тогда как глава 30 есть отражение «старых племенных сказаний». «Княжеская» версия при этом являлась (или стала под пером Константина) к тому же и провизантийской.

Константин повторяет и в главе 31:

Хорваты, ныне живущие в краях Далмации, происходят от некрещеных хорватов, называвшихся «белыми», которые обитают по ту сторону Турции, близ Франгии, и граничат со славянами — некрещеными сербами. Хорваты на славянском языке означает «обитатели большой страны». Эти хорваты оказались перебежчиками к василевсу ромеев Ираклию ранее, чем к этому василевсу Ираклию перешли сербы, в то время, когда авары, пойдя войною, прогнали оттуда римлян, выведенных из Рима и поселенных там василевсом Диоклетианом... Когда упомянутые римляне были прогнаны аварами, в дни того же василевса ромеев Ираклия, их земли остались пустыми. Поэтому, по повелению василевса Ираклия, эти хорваты, пойдя войною против аваров и прогнав их оттуда, по воле василевса Ираклия и поселились в сей стране аваров, в какой живут ныне. Эти хорваты имели в то время в качестве архонта отца некоего Порга. Василевс Ираклий, отправив [посольство], приведя священников из Рима и избрав из них архиепископа, епископа, пресвитеров и диаконов, крестил хорватов. Тогда у этих хорватов архонтом был уже Порг... Эти крещеные хорваты не желают воевать против чужих стран, лежащих вне их собственной, ибо они при василевсе ромеев Ираклии получили некое предсказание и постановление от папы римского, пославшего священников и их крестившего. Эти хорваты после крещения заключили, собственноручно подписав, договор и дали святому апостолу Петру нерушимые твердые клятвы, что никогда не отправятся в чужую землю и не будут воевать, а, напротив, будут хранить мир со всеми желающими, получив, в свою очередь, от самого римского папы молитву, согласно которой если какие-нибудь иные народы выступят против хорватов и принудят их воевать, то Бог ранее самих хорватов вступит в бой и защитит их, а ученик Христа Петр дарует им победу [Константин Багрянородный, 1991: 136—139].

Далее следует рассказ о миссии к хорватам Мартина. Мартин, однако, согласно сочинению *Об управлении Империей*, приезжал к хорватскому королю Трпимиру II, современнику Константина, спустя «много лет» после Борны. Здесь уже вряд ли может идти речь о частых в хорватских главах хронологических смещениях. Мартин Константина к тому же являлся мирянином и не был, кажется, официальным посланцем римского папы. Итак, вероятнее всего, речь идет просто о совпадении имен.

Хронологические смещения (как перенесение времени правления Борны в VII в.) делают очевидным фольклорное в конечном счете происхождение и этого предания. Тенденции его достаточно прозрачны. Во-первых, утверждается идея княжеского единовластия и династической преемственности («отец» Борны предводительствует всеми хорватами во времена Ираклия). Во-вторых, утверждается идея законности перехода далматинских земель хорватам. Ко времени их появления территория была уже полностью опустошена аvaraми. Хорваты пришли не сами по себе (как в первой версии), а по приглашению византийского императора Ираклия. От него же они получили свою землю [Наумов, 1982: 173]. В условиях усиления военного и дипломатического влияния Империи подобные напоминания становились отнюдь не лишними, превращаясь в важный элемент государственной идеологии. Отношения же с франками и зависимость от них балканских хорватов теперь вовсе не упоминаются. Наконец, очевидно патриотический характер носит легенда о договоре с папой. Она утверждает одновременно и миролюбие хорватов, и их готовность отстаивать собственную страну от любого, сколь угодно сильного врага. В этом плане она перекликается с преданием из предыдущей главы о восстании против франков. Новым моментом (и также откровенно патриотического характера) является и ложная этимология названия хорватов, на самом деле иранского по происхождению [ЭССЯ, 1981: 149—152].

Некоторые элементы этой версии, безусловно, соответствуют исторической действительности. Так, разорение аvaraми Далмации действительно относится ко времени Ираклия, и логично довериться свидетельству Константина о приходе хорватов сразу следом за этими событиями. Вместе с тем сохраняется характерное противопоставление неславянских завоевателей авар хорватам, которые предстают теперь уже как освободители Далмации. Это, как и указание на центрально-европейскую прародину (теперь еще и на исконное соседство с сербами), — общие элементы двух вариантов.

Общим является и указание на крещение хорватов при Борне. Однако теперь оно отнесено ко времени правления Ираклия, на два века назад. С учетом послания папы Агафона 680 г., логично предположить, что к хорватам дважды (или даже более раз) отправлялись хри-

стианские миссии. Первая из них вполне может быть отнесена к правлению Ираклия. В пользу этого свидетельствует и визит Мартина (папского посланца из *Книги понтификов*) в конце правления Ираклия, в 640 г.

В 32-й главе (*О сербах и о стране, где они живут*) Константин переходит к изложению сербской истории. В этой главе его труда со всеми основаниями видят отражение уже сербской родословной традиции, отраженной, как иногда полагают, в «Хронике сербских правителей» [Острогорски, 1970: 76—82]. При крайней гипотетичности «Хроники» и явной византийской обработке сведений в официозном духе, использование собственно сербской традиции в труде Константина отрицать невозможно.

Константин пишет:

Сербы происходят от некрещеных сербов, называемых также «белыми» и живущих по ту сторону Турки в местности, именуемой ими Воики. С ними граничит Франгия, а также Великая Хорватия, некрещеная, называемая также «Белой». Там-то и живут с самого начала эти сербы. Но когда двое братьев получили от отца власть над Сербией, один из них, взяв половину народа, попросил убежища у Ираклия, василевса ромеев. Приняв его, сам василевс Ираклий предоставил ему в феме Фессалоники как место для поселения Сервии, которая с той поры и получила это прозвание. Сербами же на языке ромеев зовутся рабы... Это прозвище сербы получили потому, что стали рабами василевса ромеев. Через некоторое время этим сербам вздумалось вернуться в свои места, и василевс отослал их. Но когда они переправились через реку Дунай, то, охваченные раскаянием, возвестили василевсу Ираклию через стратига, управлявшего тогда Белеградом, чтобы он дал им другую землю для поселения. Поскольку нынешняя Сербия, Пагания, так называемая страна захлумов, Тервуния и страна каналитов были под властью василевса ромеев, а страны эти оказались безлюдными из-за аваров (они ведь изгнали оттуда римлян, живущих в теперешней Далмации и Дирахии), то василевс и поселил означенных сербов в этих странах. Они были подвластны василевсу ромеев, который, приведя пресвитеров из Рима, крестил их и, обучив хорошо совершать дела благочестия, изложил им веру христианскую... Затем, когда умер сей архонт Серб, прибегнувший к василевсу, по наследству правил его сын, затем внук и так далее — архонты из его рода. Через некоторое время был в этом роду и среди них Воисеслав... [Константин Багрянородный, 1991: 140—143].

Правнук этого Вышеслава, Властимир, — современник болгарского князя Пресиана (836—852). Таким образом, поименный перечень сербских правителей начинается у Константина примерно со второй половины VIII в. В других источниках первым именам (Вышеслав, Родослав, Просигой) прямых соответствий нет. Только Радослав, персонаж *Летописи попа Дуклянина* и дубровницких *Анналов*, может быть сопоставлен с Родославом. Речь об этом пойдет позднее.

За 32-й главой следует несколько глав, описывающих другие (кроме Рашки) сербские племенные княжения. Большинство из них, как отмечается, находились изначально под властью того же первого «архонта» сербов, хотя ко времени Константина уже отделились от Рашки. Кроме уже названных захлумов, тервунитов, каналитов, паганов, теперь в перечень попадают и диоклетиане (дукляне). Им специально посвящена глава 35 [Константин Багрянородный, 1991: 150—153]. Однако как раз применительно к дуклянам «архонт Серб» не упоминается. Они ставятся в ряд сербских племен между тервунитами и паганами, но как будто слегка обособленно. О Дукле говорится лишь: «Порабощенная также аварами, и эта страна запустела и была вновь заселена при василевсе Ираклии, как и Хорватия, Сербия, страна захлумов, Тервуния и страна Канали». Таким образом, утверждается как будто исконная независимость Дукли от сербских и хорватских князей.

Из сопоставления источников можно заключить, что племя дуклян возникло в результате смешения продвинувшихся на юг сербов с закрепившимися здесь ранее славянами. Как видно из *Летописи*, в XII в. Сербское Приморье, Дуклю и земли на юг до Диррахия именовали еще Червонной Хорватией (в отличие от собственно Хорватии — Белой). Название «Червонная» в данном случае может восходить к упоминаемому *Баварским географом* IX в. древнему племени червян — легендарным предкам лендзян (см.: [Алексеев, 2009: 36]). Именно эти славяне ранее овладели Скодрой и Диоклией и разорили их. После хорватского вторжения они освободились от аварской зависимости. Под влиянием сербов дукляне заключили пакт с Ираклием, но в сербский племенной союз не вошли. В дальнейшем Дукля, при тесных связях с сербскими племенами, сохраняла полную независимость. В этническом смысле дукляне лишь к XI в. стали сербами.

Сходство отдельных мотивов в сербском родословном предании по Константину с *Летописью попа Дуклянина* бросается в глаза. Основатель сербской династии предстает как один из двух братьев, разделивший с братом народ, но не власть над прародиной. Надо учитывать, что третий брат, Тотила, в **Книге Готской* — персонаж, занесенный из литературных источников. В случае с сербами мы вновь, как и в главе 31 (и в *Летописи*), имеем дело с «княжеской» по характеру родословной легендой. Она сконцентрирована на правящей династии и упоминает лишь ее родоначальника. Прародина сербов, как и хорватов, Константином помещается в Центральной Европе, что с очевидностью имеет рациональную основу.

Тем рельефнее отличия предания X в. от *Летописи*, и прежде всего основное. Сербь, как и хорваты, у Константина — не враги, а союзники (хотя бы на время) христианских государств. Они враги захватчиков-авар и подданные императора Ираклия. Сербь, как и хорваты, бы-

ли по приказу Ираклия крещены из Рима (кроме отвергнувших крещение и тогда, и при Василии I паганов-арендан). В то же время следует отметить, что применительно к сербам Константин ничего не говорит о войне с аварами. Приход сербов у него следует за приходом хорватов. Следовательно, авары уже разгромлены и покорены хорватами, и освобождать от них территорию у сербов необходимости нет. Ираклий должен лишь заселить новыми подданными пустующие земли. Этот мотив, закрепляющий права славянских князей и жупанов на древние имперские провинции, повторяется в сербохорватских главах труда Константина рефреном. Он работал не только на славянские правящие династии, но и на Константинополь, — обосновывая признание Василием I суверенитета Сербии и Хорватии.

След тенденциозной обработки сербского предания Константином или его сотрудниками — ложная, принижающая этимология слова «сербь». Она явно противоречит данным того предания, в которое вставлена. Согласно ему, сербы назывались так еще на европейской прародине, где остались лужицкие («белые») сербы. Имя «архонта» Серб, скорее всего, — лишь этническое определение взамен неизвестного Константину личного имени основателя династии. Характерно, что он не называет и легендарного «отца» Борны. В то же время другая ложная этимология — для македонских Сервий, — скорее всего, почерпнута из сербского придворного предания. Она может отражать какие-то, не исключено, что отчасти и основательные, старинные приказания сербских князей на македонские земли.

Итак, сведения Константина Багрянородного представляют нам далматинскую, хорватскую и сербскую исторические традиции на самой ранней стадии их взаимопроникновения. Большинство основных мотивов переселенческого предания **Книги Готской* здесь уже представлены. Другие (отождествление аваро-славян с готами) вскоре появятся в далматинской книжности. Однако, как мы видели, мотивы эти у Константина представлены врозь, не в рамках цельного повествования. Они относятся к разным сюжетам, более того — к разным этническим традициям. Театр описанных у «Дуклянина» военных действий указывает как будто на события, связанные с возникновением хорватских средневековых княжеств. Однако не только место возникновения его труда, но и приводимая им родословная правителей указывает уже на Сербию. Наконец, и самое главное, война с салонскими христианами в логике традиции X в. должна быть связана вовсе не с хорватами и не с сербами, а с предшествующей волной завоевателей — аварами и зависимыми от них славянами. Это и более соответствует исторической действительности, насколько она может быть воссоздана на основе сопоставления данных Константина с отрывочными сообщениями более ранних письменных источников.

Механизм сложения славянской традиции в той форме, которая отложилась в *Летописи*, вскрывает немногим более поздний ее источник — *Историю* Фомы Сплитского. Основываясь в большей степени на письменной традиции, Фома более консервативен, чем *Летопись*, и при описании славянского завоевания Далмации ближе к известным историческим фактам. При этом он мог фиксировать как далматинскую (на месте, в отличие от Константина), так и более раннюю, в сравнении с *Летописью*, стадию славянского исторического предания. Он сам в качестве своих источников указывает как «предания» и даже «позднейшие предположения», так и «письменные свидетельства» [Фома Сплитский, 1997: 35].

Начав изложение истории разрушения Салоны с указания, что та «была разрушена при готах», Фома вводит в повествование Тотилу. Тот будто бы вторгся в Италию «из земель Тевтонии и Полонии», предварительно опустошив Далмацию. Но Салону он разорил лишь «частью» [Фома Сплитский, 1997: 35]. Здесь, конечно, отражаются события нашествия Атиллы в V в. и отчасти Готской войны середины VI в.

Фома продолжает:

Вместе с Тотилой из земель Полонии пришли семь или восемь знатных племен, зовущихся лингонами. Видя, что земля Хорватии будет удобна им для поселения, так как там остались редкие обитатели, они истребовали и получили ее от своего вождя. И так оставшись там, они начали теснить местных жителей и силою поработать их. Хорватия — горная страна, с Далмацией она граничит с севера. Эта страна в древности звалась Курецией, и народ, который теперь именуется хорватами, назывался куретами или корибантами...

Далее Фома сообщает все известное ему о куретах античных мифов и возвращается к своему повествованию:

Итак, эти массы людей перемешались и стали одним народом со схожими образом жизни и нравами и одним языком. У них появились собственные вожди. И сколь бы ни были они злобны и необузданны, все же они были христианами, хотя и очень невежественными. Притом они были заражены язвой арианства. Многими они назывались готами, и тем не менее это славяне, судя по собственному имени тех, которые пришли из Полонии или Богемии. И вот они-то, как было сказано, нападали на латинян, которые населяли приморские земли, и прежде всего на Салону, бывшую главным городом всей провинции [Фома Сплитский, 1997: 35—36].

Далее подробно описываются осада и взятие славянами во главе с «готским предводителем (*dux*), стоявшим во главе всей Славонии», Салоны, опустошение города, бегство жителей на острова, их набеги на захвативши побережье славян и миссия Мартина [Фома Сплитский, 1997: 36—39].

Итак, по Фоме, в завоевании Далмации участвовали три племени: готы, приведенные ими «лингоны» (они же славяне), хорваты («куреты»), причем последние будто бы уже жили в Далмации и лишь позже смешались с «лингонами». Писавший на три столетия ранее Константин Багрянородный говорит о двух враждебных друг другу волнах завоевателей — аваро-славянах («славянские... племена, которые называются также аварами») и хорватах. Славяне, пришедшие, судя по Константину и более ранним источникам, с аварами, несомненно, тождественны «лингонам» Фомы. Позже, с VII в., они действительно смешались с хорватами.

Лингоны — древнее кельтское племя. «Лингоны» Фомы обычно, и, видимо, справедливо толкуется как ученое искажение племенного названия лендзян [Фома Сплитский, 1997: 159—160]. Непосредственным источником для образования формы «лингоны» могло послужить венгерское *lenguen* ‘лендзяне, поляки’ [ЭССЯ, 1988: 44]. Далмация в XIII в. входила в состав Венгерского королевства. Доказательством участия лендзян во вторжениях авар в Иллирик может служить топоним *Ledan* [ЭССЯ, 1988: 44]. Фома сообщает о племенах, которые в своих названиях сохраняют память о приходе из «Богемии» (ср.: «Воики» Константина) или «Полонии». Итак, есть основание видеть в лендзянах тех самых славян, которые вместе с аварами («готами») в начале VII в. захватили Далмацию и о которых писал также Константин Багрянородный.

Фома точнее Константина, отличая вторгшихся в Далмацию славян от довлевшего над ними иноэтничного элемента. То, что этот элемент стал у него «готами», — дань уже сложившейся в Далмации традиции. В противопоставлении Фомой «готов» и славян отчетливо видна политическая тенденция. Он полемизирует с «готской легендой», которая, зародившись в Далмации, уже перешла ко дворам славянских князей и породила **Книгу Готскую*. С другой стороны, выгодный для латинского духовенства мотив «готской легенды» — мнимое арианство славян — Фома поддерживает и подчеркивает. У него этот мотив переплетается с известным и Константину (и игнорируемым «Дуклянином») преданием о раннем (до IX в.) крещении сербских и хорватских племен. Но если у Константина это крещение «римское», то у Фомы, естественно, арианское.

Более, чем Константин, прав Фома и в другом — Салона пала не сразу после вторжения. Очевидно, эта оригинальная и достоверная версия родилась у хрониста из сопоставления далматинских и хорватских преданий. По Фоме, возможно даже реконструировать стоявшие за ней события. Во вторжении «готов» (авар) участвовали «лингоны» (лендзяне). Когда внутренняя Далмация была разорена и в ней «остались редкие обитатели», лендзяне «истребовали и получили ее от своего вождя», надо думать — аварского кагана. Славяне постоянно на-

падали на Приморье, где еще держались местные «латиняне», «прежде всего на Салону». Об этом, собственно, и сообщал в Рим папе Григорию епископ Максим, говоря, что «народ славян» «сильно угрожает» салонитам. Около 615 г. Салона наконец пала после описанной Фомой осады, а ее жители бежали на острова.

Фундаментальное новшество в схеме Фомы, итог длительного компилирования разнородных традиций — слияние двух описанных Константином волн завоевателей. Оно подготавливалось и в Далмации — по мере удаления от времени событий и усугубления конфликтов местных городских коммун с сопредельными славянскими жупанами, и в Хорватии — по мере растворения авар (еще сохранявших самосознание при Константине) и лендзян в хорватской среде. Соответственно, для далматинцев различие между аваро-славянами и хорватами постепенно размывалось, их враждебные действия в прошлом воспринимались уже как совместные. Для хорватов же в XII—XIII вв. исчезала сама память об этом различии, результат чего мы наблюдаем в *Летописи попа Дуклянина*.

Фома еще различал разные компоненты завоевателей — и нуждался в объяснении этого различия. Не исключено, что ему требовалось объяснить и сохранившиеся в предании следы противопоставления лендзян, аваро-славян хорватам. Вышел он из затруднения своеобразно — через легенду об автохтонности хорватов на Балканах и их фантастическом тождестве с античными куретами.

Подобного рода искусственные построения — не редкость в средневековой литературе. Автохтонность хорватов позднее нашла отклик и в их нарождающейся исторической литературе. В то же время, как справедливо указывает О. А. Акимова, «трудно сказать, насколько широко была распространена идея о тождестве хорватов и куретов... В других синхронных хронике источниках она не представлена» [Фома Сплитский, 1997: 161]. Не исключено, таким образом, что единственным создателем и передатчиком легенды на том этапе являлся сам Фома. Но высказанная в рамках далматинской историографии идея автохтонности современных славянских народов на Балканах (пусть и не как славянских), разумеется, встретила благодарный отклик в среде славянской знати и духовенства. Уже в XIV в. по образцу растиражированной в Далмации куретской легенды и в еще более фантастическом оформлении возникает легенда о сербской автохтонности.

Неудивительно, что *История* Фомы многое приписываемое Константином хорватам — деление на семь родов, центральноевропейскую прародину — связывает с отличающимися от них подвластными «готам» славянами. Впрочем, это, скорее всего, как раз «общие места» славянских преданий о переселении на запад Балкан. Лендзяне («лингоны»), конечно, также пришли из Центральной Европы, а семь — типичный для славянского фольклора числовой определитель. Впрочем,

упоминание о «семи или восьми племенах» — четкое указание на наличие разных вариантов предания (изначально разных преданий?). На вероятную разницу между «хорватской» и «лендзянской» версиями переселенческого эпоса указывает и различие происхождения отдельных родов из «Богемии» (хорваты?) и «Полонии» (определенно лендзяне).

Фома Сплитский фиксирует итоговое состояние исторической традиции о славянском завоевании в Сплите и Хорватии. Для земель к юго-востоку, для Сербии и Дукли, аналогом является, конечно, свидетельство *Летописи попа Дуклянина*. Судя по данным Фомы, к XII—XIII вв. в славянском предании уже произошло слияние различных волн переселенцев. Автор же **Книги Готской* был еще и истовым приверженцем «готской легенды» в ее славянизированной форме. Он пользовался, что явствует и из этой, и из последующих глав летописи, как сербо-дуклянскими, так и хорватскими историческими преданиями. Перед автором в итоге встала непростая задача — создать из как минимум двух отличающихся друг от друга, пусть и родственных, традиций единое повествование и привести его в соответствие с книжной легендой о готах. Вполне возможно, что предшествующие неизвестные поколения придворных носителей предания уже произвели эту операцию в какой-то части. Но и в этом случае автору **Книги* необходимо было придать результату литературную форму.

Даже по латинской *Летописи* можно судить, что с задачей дуклянский историк справился. О стилистических тонкостях (которыми изобилующий повторами, тавтологиями и затянутостями текст явно не блещет) мы вряд ли можем сделать объективный вывод. Но славянский автор создал внутренне непротиворечивое, целостное повествование, которое работало на главный его концепт — преемство дуклянской династии по отношению к древним готам и права ее на все «Королевство славян», в том числе на хорватские земли.

О происхождении отдельных компонентов сюжета уже говорилось. Базовый остов, к которому была присовокуплена «готская легенда» с фигурой Тотилы, — сербское переселенческое предание о двух братьях-князьях, из которых младший с половиной народа отправился на Балканы, а старший остался править на прародине. Но на этот остов оказалось искусно, если не сказать органично, нанизано изначально чуждое, даже противлежащее ему предание об аваро-славянском завоевании Далмации и победоносной войне славян с римлянами. Это предание, судя по 30-й главе трактата Константина, долгое время сохранялось среди потомков авар в Хорватии, а после падения Хорватского королевства слилось у хорватской аристократии с собственной переселенческой легендой. Теперь сербский автор, объединяя традицию сербскую с хорватской, включил новую версию прихода хорватов (по сути же — предание об аваро-славянском нашествии) в свой труд.

Следует учесть, что сербы с аварами на Балканах не воевали или, по меньшей мере, ко временам Константина о такой войне не помнили.

Исторические события, описанные в *Летописи*, имеют точки соприкосновения с реальностью, предстающей нам из неславянских источников, но лишь отчасти непосредственно с ней совпадают. Совпадают мотивы центральноевропейской прародины и братьев-князей, которые и у Константина восходят к славянскому преданию. Совпадает (след достоверной «аваро-славянской» традиции) мотив одновременного вторжения в Далмацию и Истрию. Однако в других источниках нет ни следа решающей битвы у Темпланы, как не упоминается нигде и сам этот топоним. В связи с этим Ф. Шишич предлагал принять конъектуру «Тевтония», что встретило справедливую критику С. Миюшковича [Летопис, 1967: 177]. Нет в других источниках и параллелей героической гибели Остроила. У Константина «архонт Серб» — не враг Империи, и умирает он, насколько можно судить, своей смертью.

Между тем очевидно, что именно эти два эпизода являлись сердцевинной изложения в **Книге Готской* и остались таковой в *Летописи*. Все остальное — скорое перечисление завоеваний и искусственные привязки к Тотиле — лишь связующие звенья. Характерно, что ключевое для всех остальных источников событие — взятие Салоны — в *Летописи* лишь подразумевается, но не называется прямо.

Разгадка этого парадокса довольно проста. Автор **Книги Готской* использовал славянские эпические сказания о завоевании Балкан, увязывая их с родословным преданием воспеваемой династии. В этих сказаниях на первое место могли выйти какие-то локальные или не отмеченные более ранними авторами события, не значимые с точки зрения «внешних» историков. Например, какая-то довольно крупная, но имевшая местное значение битва между завоевателями-славянами и ромейскими карательными отрядами. Скажем, под 658 г. Феофан сообщает об успешном походе императора Константа II против «Славиний» (видимо во Фракии), но без всяких подробностей [Свод, 1995: 272—273]. Между тем гибель любого из славянских предводителей в этом или ином подобном мероприятии могла создать почву для сказания, подобного отраженному в *Летописи*. Для этого достаточно было существования на протяжении какого-то времени знатного рода, возводившего себя к погибшему.

Конечно, не случаен тот факт, что гибель Остроила локализуется в «городе Превалитанском», т. е. в Скодре, древней столице Дукли. Это указывает на происхождение сказания и — лишний раз — на характер всей **Книги Готской* как прежде всего дуклянского произведения, созданного для прославления местной династии.

К числу неистребимых черт дружинного (как, впрочем, и ранних произведений народного) эпоса относится ярко проявившийся в *Ле-*

тописи завоевательный пафос. На славянском материале тенденция эта особенно заметна на примере весьма архаичной русской былины «Волх Всеславьевич», отражающей, насколько можно судить, настроения эпохи славянских набегов на богатые южные страны в VI—IX вв. [Алексеев, 2009: 73—75].

Симпатии автора **Книги Готской* и тем более барского переводчика как будто должны были быть всецело на стороне христиан. Очевидно, что — для самих автора и переводчика так оно и есть. Но не для их источников. А на решительное насилие над материалом создатели текста не пошли. Сходным образом и автор русского *Начального свода* пошел в большинстве случаев за древним дружинным преданием, воспевая доблести язычников Олега Вещего и Святослава, причем проявленные в войнах с Византией.

Как результат — в *Летописи* противники славян отнюдь не демонизируются, и автор сохранившегося текста, конечно, сочувствует их бедам. Текст о нашествии «варваров» начинается традиционно для латинской и христианской в целом историографии — с описания дерзости и свирепости внезапно «извергшихся» из чужих земель врагов. Но с другой стороны, рефреном повторяется идея неодолимости и победоносности славян-«готов» при одновременном подчеркивании мощи и величия их противников. Любопытно, что византийские наместники Истрии и Далмации в славянском эпосе превратились уже в самостоятельных «королей». Они, однако, и вдвоем оказываются не в силах победить Остроила — только войско, посланное из самого Константинополя, смогло его одолеть, и то благодаря коварству. Выспренное же описание гибели Остроила в бою с превосходящими силами врага воскрешает в памяти сцены из южнославянского и русского героического эпоса.

Хронология правления Остроила, согласно *Летописи*, определяется сроками правления его ближайших преемников — до прихода на Балканы болгар в 679—680 гг. Эти указания, как уже говорилось, прямо противоречат заявленным в начале текста синхронизмам. Выходит, что Остроил должен был править в первой половине VII в. и пасть не позднее 647 г. Все это (кроме самих обстоятельств правления и смерти) как будто согласуется с данными Константина об «архонте Сербе». Однако в Остроиле, по указанным выше причинам, гораздо логичнее видеть первого князя-родоначальника дуклян, о котором Константин не говорит ничего. К проблеме достоверности данной хронологии мы еще вернемся ниже. Здесь же отметим, что она может, в принципе, указывать как на приход хорватов и сербов между 626 и 641 гг., так и на более раннее вторжение в Далмацию аваро-славян.

Что касается самого Остроила, прямого предка (если верить *Летописи*) дуклянских князей, то его имя, вне сомнений, славянское. Однако это не типичный для славянских князей двусоставный антропоним.

Между тем почти все преемники Остроила и, кажется, его отец «Сенубальд» носят именно двусоставные имена. Вспомним, что Константину, записывавшему сербские и хорватские предания, не были известны имена князей-родоначальников династий («отец Порга», «архонт Серб»). Встает вопрос — не были ли имена эти на каком-то этапе, еще при оформлении «княжеской» версии преданий при языческих дворах, табуированы? Запрет на оглашение подлинных имен родоначальников мог иметь как религиозные, так и вполне приземленные политические основания. Предок династии как бы отрывался от почвы родовых преданий, становилось возможно приписывать ему деяния различных местных героев-предков. В конечном счете он с неизбежностью поглощал их всех, что и случилось во второй из Константиновых хорватских версий (в главе 31).

Имя Остроила в таком случае можно интерпретировать как эпитет князя-родоначальника, произведенный от глагола «устроить». В любом случае такая этимология имени, данного в династическом предании герою-родоначальнику, выглядит убедительно.

Правда, в писаной *Летописи* Остроил едва ли может быть определен как подлинный «устроитель» государства. Но это совсем не значит, что он не являлся таковым в исходном, еще языческом предании, для которого «устроение» вполне могло быть тождественно первичному завоеванию. Лишь при литературной обработке функции мирного «устроения» неизбежно перетекали от первых двух князей к их преемнику, миролюбивому Силимиру. Для дружинного же эпоса миролюбие едва ли было достойной правителя чертой. Скорее уж в качестве «устроителя» мог представлять сын Остроила, с которым *Летопись* связывает силовое определение границ государства.

Глава 3

Лаконичное описание правления Сенудслава (Всеслав?) кажется только пространным эпилогом к сказанию о гибели его отца. Действительно, безуспешная погоня сына-мстителя и его последующая борьба с врагами — логичное завершение предшествующего сюжета. Описание же границ «королевства» предопределено упоминанием о том, что Сенудслав был отправлен отцом покорять «загорские области» (т. е. Рашку с Боснией). Подразумевается, что поход был успешен; Приморье же захватил еще Остроил.

Территория королевства отвечает идеальному представлению дуклянского автора о едином «королевстве славян», включающем и сербские, и хорватские земли. При этом следует помнить, что центр ориентации уже перенесен в земли Дукли (Превалитании). Вальдевин — без сомнения, хорватский Винодол. Сложнее с идентификацией «Полонии». Не только Ф. Шишич, но и С. Миюшкович [Шишић, 1928: 424;

Летопис, 1967: 182] решительно идентифицировали ее с Пояном. Таким образом, следует думать, что представлена протяженность владений с севера на юг, причем включая значительную часть Албании и Македонию. Логичнее было бы увидеть здесь Бояну — тогда речь действительно о южных границах Дукли у моря.

Между тем в тексте [Летопис, 1967: 127] четко читается *Poloniam*, в чем трудно увидеть нечто иное кроме латинского обозначения Польши — как и сделал Т. Живкович. Конечно, можно предположить, что латинский переводчик, столкнувшись с незнакомым топонимом, заменил его более понятным словом. Но это не более чем догадки. В то же время, находясь в пространстве эпического повествования, мы вполне можем допустить сопоставление в нем несопоставимых, на наш рациональный взгляд, географических ориентиров — небольшой жупы на знакомом Далматинском побережье и огромного королевства на далеком севере. Следует помнить, что Польша выступала в далматинском предании как прародина местных славян. Таким образом, текст «Летописи» может отражать представления ее создателей о распространении пределов древнего «королевства» на север. При этом отмечается, что в него входили все приморские области (в том числе южнее Винодола) и все Загорье (Рашка). Это толкование тем более убедительно, что в дальнейшем в «Летописи» в качестве потомка Сенудслава и правителя Дукли выступает моравский князь Святополк.

С этого времени важной темой для «летописца» становится отношение упоминаемых князей к далматинцам. Поскольку последние воспринимаются в первую очередь как христиане, в противовес язычникам, постольку описание войн и примирений с ними решается в традиционной стилистике христианской историографии, повествующей об эпохе гонений. Здесь, несомненно, присутствует воздействие далматинского предания о славянском нашествии. Это воздействие могло сказаться как на славянском оригинале, так и на переводе. В то же время, как уже сказано, мотив «преследования» христиан — логичное завершение эпического сюжета о гибели Остроила.

Подыскивая для известия о правлении Сенудслава исторические параллели, можно вспомнить натиск славян на приморские города в первой четверти VII в., начальная фаза которого отразилась в предыдущей главе *Летописи*. Но возможны и иные трактовки. Если за фигурами Остроила и Сенудслава стоят конкретные исторические лица VII в., то историческую основу предания можно искать в событиях середины этого столетия, когда отношения Империи со славянами вновь обострились после пактов Ираклия. С Ираклием дукляне поддерживали мир — следовательно, гибель их первого князя должна была случиться позднее. Не исключено даже, что «загорский» поход Сенудслава отражает какое-то вмешательство дуклян в события на землях Македонии, где в это время местные славяне пытались захватить Фесса-

лоники. Необязательно, правда, делать столь далеко идущие выводы — как и связывать конец Остроила с подлинной карательной экспедицией из Константинополя. Князь дуклян мог пасть и жертвой столкновения с местными романцами из Бара, которых преувеличенное предание за века превратило в «императорские войска».

Второй возможный вариант — события конца 60-х—начала 70-х гг. VII в. В это время юго-западные славяне (скорее всего даже связанные с Империей пактом сербы и хорваты, не говоря о дуклянах) составили антивизантийскую коалицию под главенством аварского кагана и с участием итальянских лангобардов. Союзники надеялись воспользоваться неудачами Империи в войне с Арабским халифатом, однако решающие победы ромеев в 673 г. подтолкнули к скорейшему заключению мира. В том же 678 г. каган по совещании с союзниками отправил в Константинополь большое посольство. В нем были представители и славянской, и лангобардской знати, говорившие от имени своих князей, жупанов и воевод, короля и герцогов. Константину поднесли щедрые дары. Послы просили «даровать им благодать мира». Константин, вопреки их опасениям, разрастания новой войны совершенно не желал и потому мир утвердил. Сербы, хорваты и дукляне стали вносить Империи какую-то плату за земли, на которых жили (см.: [Алексеев, 2009: 276—277]).

Не вызывает сомнений, что и в устной традиции, и под пером автора **Книги Готской* могли соединиться разновременные и разнородные по происхождению предания о времени вражды предков с Империей. Тем более эти предания сливались в памяти далматинцев, для которых и пришедшие первыми лендзяне, и пришедшие за ними хорваты и приморские сербы были в равной степени захватчиками. Точно так же разные предания о древнем примирении могли сгруппироваться (или быть сгруппированы автором **Книги*) под именем следующего князя Силимира.

Глава 4

Силимир — первый достоверно интерпретируемый славянский двусоставный («княжеский») антропоним в *Летописи*. Сын его носит, однако, односоставное имя. Интерпретируется оно Ф. Шишичем, С. Миошковичем и Т. Живковичем (в том числе на основе *Хорватской хроники*) одинаково — «Владин».

К хронологии правления Сенудслава и Силимира, о внешних достоинствах которой уже говорилось, следует, тем не менее, относиться с крайней степенью осторожности. Сенудслав правит стандартный эпический срок — двенадцать лет. Силимир правит двадцать один год. С одной стороны, это «перевертыш» предыдущего периода, с дру-

гой — в сумме с ним это дает 33 года, еще более типичное для славянского эпоса обозначение длительного промежутка времени. Ко всему, этот фольклорно определяемый срок — отрезок между двумя в подлинном смысле слова описанными событиями — гибелью Остроила и приходом болгар. Складывается впечатление, что срок в 33 года между действием двух слабо связанных сказаний (значение — «долгое время») родился в процессе их циклизации при дуклянском дворе. Возможен и иной вариант — что в сказании о приходе болгар как 33 года определялся промежуток между их появлением и предшествующим (действительно предшествующим) приходом сербов или дуклян.

С Силимиром «летописец» связывает нормализацию отношений с далматинскими городами (еще существующими, что важно, в приморской полосе). Здесь можно видеть отсылку и к приходу хорватов и сербов на Балканы в 620—630-х гг., и к мирным договорам с Империей 670-х гг., и, как увидим далее, к событиям IX в. «Летописец», вероятно, опирается в этом месте на свои общие представления и далматинские (барские?) предания. По крайней мере, он не разворачивает историю примирения в некий «сюжет», как в случаях с использованием определенно славянских эпических сказаний.

Странно, однако, что при этом он подчеркивает язычество Силимира. Мы видели, что в Сербии, Хорватии и Далмации бытовало устойчивое предание о древнем крещении. Казалось бы, оно очень хорошо согласовывалось с историей о временном примирении. Но «летописец», вероятно, этому преданию не доверился. Просветителем славян у него выступает святой Константин-Кирилл, и в этом представлении он основывался уже на славянском письменном источнике — правовом своде **Книга «Методий»*. До IX в., следовательно, славяне должны оставаться язычниками. Возможность вероотступничества автор **Книги Готской* допускать не стал (как и — тем более — возможность того, что **Книга «Методий»* адресована каким-то другим славянам). Принимать же утверждавшуюся в Далмации теорию изначально неправильного, арианского крещения славян означало вставать на сторону противника в глаголическом споре. В результате выигрышный концепт раннего крещения был проигнорирован «летописцем».

С другой стороны, надо отметить и то обстоятельство, что ни один источник не датирует временем ранее IX в. крещение собственно дуклян. Письмо папы Агафона дает основания полагать, что христианство распространялось по славиниям Адриатики повсеместно, в том числе и в Дукле, — но не утверждать официальное его принятие княжеским домом. Скорее всего, последний, в отличие от сербского и хорватского, оставался всецело языческим до времен крещения при Василии Македоняnine. Грамота папы Захарии, датированная 743 г., относит под власть рагузского архиепископа Антибари, Скодру и соседние «горо-

да», но не говорит о славянском «королевстве» в Дукле, в отличие от Требинье и Хума. О крайней сомнительности этого источника уже говорилось. Вероятно, в отношении гипотетичного «исторического» Силимира — князя Дукли VII в. — автор *Летописи* мог быть прав.

Анахроничным представляется упоминание о взимании с далматинцев дани. Правление Силимира отнесено к первым поколениям дуклян в Превалитании, ко времени до прихода болгар и задолго до миссии Константина. Между тем, согласно трудам Константина Багрянородного — *Жизнеописанию Василия I* и *Об управлении Империей*, дань, откуп далматинцев за право селиться на побережье, установил император Василий (867—886), урегулировав ситуацию на западе Балкан [Продолжатель, 1992: 122—123; Константин Багрянородный, 1991: 112—115, 134—135].

В науке (Ф. Шишич и др.) были попытки отнести этот акт к намного более раннему времени, к году правления императоров-соправителей Ираклиона, Константина III и Константа II (641) [Šišić, 1925: 282]. Основанием служило известие Фомы Сплитского об урегулировании славяно-романских отношений волей «константинопольских императоров» [Фома Сплитский, 1997: 41]. Однако текст Фомы явно отражает то же предание, что и текст Константина [Фома Сплитский, 1997: 165], в более поздней фазе его бытования. Представление Фомы о безымянных константинопольских покровителях могло основываться на мнении о правах далматинцев как даре «императоров» (многих).

Что касается конкретно теории Ф. Шишича, то совместное правление преемников Ираклия I было слишком кратким и беспокойным, чтобы дать им время заняться далматинскими делами. Одни пересылки между отрезанной Далмацией и столицей заняли бы больше времени. Фантастическим видится для этого времени и значительное влияние ослабленной Империи на ситуацию в Далмации. К тому же мнению о возвращении далматинцев уже в 641 г. противоречит указание не только Константина, но и Фомы на длительный период изгнания. Иных же соправителей-императоров, кроме названных, мы в византийской истории от Ираклия I до времен Василия I не находим. Изложение сплитской истории сам Фома определенно начинает лишь с IX в.

Итак, можно с уверенностью сказать, что договоренности Силимира с далматинцами в той форме, в которой о них говорит *Летопись*, — анахронизм, результат контаминации событий VII и IX вв. Но у изложения в *Летописи* есть и еще одна особенность, отличающая ее и от работ Константина, и от *Истории* Фомы. Участие Константинополя в судьбе далматинцев не упоминается вовсе. Данная им передышка предстает исключительно как результат благожелательства миролюбивого и гуманного славянского князя.

Что же давало «Дуклянину» приписывание установления даннических отношений с далматинцами Силимиру? Во-первых, теория само-

стоятельного установления отношений с романцами, без участия императорской власти, с очевидностью обосновывала независимость Дукли. А это одна из основных идейных установок *Книги Готской, по крайней мере до последних ее глав. Во-вторых, исключение императорской санкции из договоренностей со славянами в какой-то мере отвечало и интересам латинского духовенства Далмации, ориентированного уже на Рим, а не на Константинополь. Фома Сплитский в XIII в. мог позволить себе вспомнить о благодеяниях пришедшей в упадок Византии. Но в XII в., при Комнинах, Византия открыто претендовала на далматинские земли, и вспоминать о ее реальных правах в регионе местным патриотам и латинским клирикам явно не стоило. «Дуклянин» хотя и сочувствует провизантийской партии Браниславичей, но само обращение к ромеям рисует как меру, исключительно вынужденную злодействами их конкурентов. Предшествующей борьбе с «греками» на протяжении веков он однозначно сочувствует.

Кроме же того, очевидное из дальнейшего удревнение пакта между далматинцами и славянами позволяло возвести отношения с ними еще к дохристианской эпохе. В легендарной хронологии *Летописи* это время не только до прихода болгар, но и до разорения древних приморских городов, которое в результате относится лишь к правлению внука Силимира. В результате воссозданные далматинские центры (вроде Сплита) оказываются изначально подвластными славянам. Все отношения между далматинцами и славянами — только отношения между ними, без участия третьих сторон. Религиозный фактор влияет, но не является исключительно определяющим, и права далматинцев предстают как результат милости князя-язычника. С другой стороны, столь древнее происхождение этих прав, конечно, укрепляло позиции и самих далматинцев, в том числе барцев, перед славянскими владельцами.

Сложным является вопрос, насколько почву для всех этих построений давало доставшееся «летописцу» устное предание. Искусность и логичность созданного повествования, вероятно, затемняет истинное положение вещей. Между тем как описание правления Сенудслава выглядит просто едва развернутым эпилогом к сказанию об Остроиле, так и описание правления Силимира может быть лишь прологом к сказанию о приходе болгар. В реальности об отце Владина в этом сказании могло быть сказано лишь нечто вроде летописной формулы «княжил, имея мир со всеми странами». Остальное же — и благожелательство к христианам вопреки собственному язычеству, и заключение пакта с далматинскими городами, — как было показано, вполне может являться по-своему обоснованным, но лишь домыслом писателя XII в. С подлинным славянским преданием мы встречаемся вновь лишь при описании следующего правления.

В этой мысли еще более укрепляет второй рассказ «летописца» о назначении далматинцам дани, помещенный в 26-й главе. По этой версии, после арабского набега IX в. «римляне» бежали из своих городов на славянские земли. Славяне взяли их в плен — и в качестве выкупа за освобождение из рабства установили дань. «Дуклянин», соединяя различные предания (в данном случае вводя требиньское предание о жупане Белом) как будто забывает, что разорял далматинские города у него князь Ратомир Владинович, а даннические отношения еще до него устанавливал его дед Силимир.

Глава 5

С описанием прихода болгар мы вновь переходим к развернутой форме повествования. Сведения *Летописи*, как можно видеть, совершенно оригинальны и не зависят от известных памятников греческой и славянской традиции. Собственно говоря, рассказ о приходе болгар и мире с ними и есть единственный сюжет, связываемый «летописцем» с князем Владином Силимировичем. Что касается рождения его сына Ратомира и его отрицательной характеристики — это уже предлюдия к описанию следующего правления.

Источники, повествующие о заселении болгар на Балканы (кроме лаконичного *Именника болгарских ханов*), четко распадаются по тональности на две группы. Первую группу составляют прежде всего старейшие византийские источники — *Хронография* Феофана и *Бревиарий* Никифора. Здесь болгары предстают не только как враги ромеев, но и как покорители славян. К этому варианту характеристики славяно-болгарских отношений примыкает и русская *Повесть временных лет*, оценивающая болгар и «белых угров» (оногуров?) как «насильников» по отношению к дунайским славянам. «Белые угры» выступают при этом и как враги «волохов».

Диаметрально иной подход у болгаро-славянских авторов. Во-первых, они максимально затушевывают иноэтничность болгар. Это позволило автору богомильской *Апокрифической летописи* XI в., чье действие разворачивается в полностью мифологическом времени и пространстве, вовсе уйти от проблемы взаимоотношений болгар со славянами (см.: [Алексеев, 2012]). Для автора заметок при *Хронике* Манассии болгары тоже, видимо, тождественны фракийским славянам. Однако он учитывает существование влахов и соседних славян-сербов. По утверждению этого болгарского автора XIV в., однако, с болгарями были «и вlahи, и сербы, и прочие все одно» [Среднеболгарский перевод, 1988: 228], благодаря чему и границы Болгарии расширились до самой Адриатики.

Автор **Книги Готской* писал ранее, и на него не могло оказывать воздействия участие влахов в борьбе за болгарскую независимость и в

строительстве Второго Болгарского царства. Кроме того, далматинская традиция рисовала однозначную и едва ли во всем справедливую картину солидарности романского населения Балкан с Империей в период войн ее со славянами. Этноним «моровлахи» связан с влахами-кочевниками Адриатического региона, предками истрорумын (которых автор, видимо, слабо отличал в этническом смысле от далматинцев). Впрочем, болгары называли «черными влахами» собственно дунайских румын. Итак, «моровлахи» выступают в *Летописи* как побежденный и покоренный болгарами народ. В остальном *Летопись* солидарна с болгарской, а не с византийской или русской традицией. Болгары предстают как славянский народ, изначально одного языка с «готами». Придя на Балканы, они воюют только с Византией, тогда как с «готами» лишь заключают договор о мире. Между обоими народами устанавливаются благодаря единоверию и родству наилучшие отношения.

Генезис этого мотива совершенно ясен. Он восходит к историческим реалиям VII—IX вв., отразившимся впервые у Константина Багрянородного, в главе 32 сочинения *Об управлении Империей*. Описывая сербскую историю, Константин подчеркивает, что до правления болгарского Пресиана и сербского Властимира «булгары были в мирных отношениях с сербами, как соседи и люди сопредельных земель, дружески общаясь друг с другом, неся службу и находясь в подчинении у василевса ромеев и пользуясь его благодеяниями» [Константин Багрянородный, 1991: 142—143].

Идиллическая картина болгаро-византийских отношений остается на совести автора-императора. Важно то, что мотив исконной дружбы между болгарами и сербами, нарушенной Пресианом, который и понес за это достойное наказание, — явно из родословного предания сербских князей, используемого Константином. О хорватах, для сравнения, Константин упоминает лишь, что «булгары не ходили войной против хорватов» до Бориса, который неудачно пытался подчинить их и заключил мирный договор [Константин Багрянородный, 1991: 138—139]. Очевидно, что описанный в *Летописи* исконный мир ближе именно к сербской традиции, даже если оставлять в стороне тот несомненный факт, что именно сербы имели в VII—VIII вв. общую границу с болгарами. О сербах же, отражая, очевидно, то же устойчивое предание, сообщает и болгарский источник — приписки при *Хронике Манассии*.

Итак, если предание о битве при Темплане — осколок хорватского эпоса, а гибель Остроила локализуется в Дукле, то следующий повествовательный фрагмент родился на собственно сербской земле в узком смысле, в «загорской» Рашке. Это, однако, не означает, что он не мог быть весьма рано воспринят и дуклянским родовым преданием. Происхождение дуклян в любом случае связано с сербским кругом пле-

мен, а политические и генеалогические связи Дукли и Рашки стали только теснее в XI в. Древнейшая устная традиция о временах расселения должна была быть общей; со временем же и Дукля вступила в контакт с Первым Болгарским царством, и подлинный либо легендарный договор правителей Рашки с могущественным соседом неизбежно превращался в сознании дуклян в общесербский (или «общеславянский», как в «Летописи»). Был ли он таким на самом деле, — конечно, останется неизвестным. В доставшейся автору *Книги Готской устной традиции договор уже, очевидно, привязывался к имени Владина. Владин же считался правнуком павшего в Скодре Остроила, и приход болгар отделялся именно от деяний Остроила типично «фольклорным» сроком в 33 года.

Нельзя не отметить, что сербское предание, приведенное в *Летописи*, — самый подробный рассказ о приходе болгар на Балканы во всей славянской средневековой литературе. При этом в нем имеется ряд оригинальных черт, которые едва ли можно возвести к известным нам источникам. Это, помимо сведений о союзе с «готами» и о покорении «моровлахов», также упоминание о системе управления болгарским племенным союзом. Титул болгарского правителя «каган» (даже не «хан») определенно имеет отношение к древним реалиям. Интересное упоминание о девяти князьях, управлявших болгарами совместно с каганом, отсылает к десятичному делению племенного союза болгар-«оногуров» (последний этноним переводится как «десять родов») [Haussig, 1953: 363—370]. В то же время вульгарная этимология этнонима «болгары» от реки Волги связана с существованием в XII в. неплохо известной европейцам, в том числе и славянам, Волжской Болгарии.

Упомянутые во фрагменте имена собственные анализировались Ф. Шишичем [Шишић, 1928: 424]. В иных источниках ни топоним «Силлодуксия», ни личное имя Крис не встречаются. Название «Силлодуксия» при любой интерпретации указывает, вероятно, на Нижнюю Мезию или Фракию. Крис прочитан Ф. Шишичем как «Борис», что имеет известные исторические основания, но применительно к «Летописи» подвергнуто справедливой критике С. Миюшковичем [Љетопис, 1967: 183]. В имени «Крис», как представляется, можно при желании увидеть как действительно Бориса (вслед за *Хорватской хроникой*), так и самого успешного из его недалеких предшественников — Крума. Во всяком случае, ясно, что это имя указывает на присутствие в тексте следов разновременных событий, связанных отнюдь не только с временами Аспаруха, приведшего «десять родов» на Балканы в реальности. Исторический первый правитель Дунайской Болгарии в доставшемся «летописцу» сказании уже не фигурировал, его заменил остающийся для нас загадочным прообраз рукописного «Криса».

Описание правления Владина, как уже сказано, полностью сводится к сказанию о приходе болгар. Описание правления его сына Ратомира (еще один надежно воспроизводимый славянский двусоставный антропоним) как будто продолжается в жанре развернутого исторического повествования. Но само это повествование проникнуто уже иным духом и связано с иной тематикой, чем воинские сказания об Остроиле и вторжении болгар на Балканы. Автор **Книги Готской* (но, возможно, и его переводчик, латинский «летописец») умело подготовил этот переход, вплетя характеристику Ратомира еще в самое начало рассказа об его отце.

Глава 6

Достаточно очевидно, что именем Ратомира замыкается перечень древних князей, открывавшийся вождем переселения Остроилом. Следующий не названный по имени князь — предшественник Святополка, в котором довольно давно распознается Святополк Моравский. За ним же, как уже говорилось, следует довольно бессистемное перечисление сербских, дуклянских и хорватских князей IX—X вв. и их деяний.

Славонская идентификация Ратомира достаточно уверенно опровергнута Ф. Шишичем [Шишић, 1928: 426]. Однако такая уверенность крайне сомнительна. Более вероятно, что Ратомир и четыре его неназванных «неправедных» преемника пришли в «Летопись» именно из преданий славонско-моравских, которые и излагаются там далее. Весь текст 6-й и 7-й глав мог быть позаимствован из историко-агиографического введения к **Книге «Мефодий»*. «Гонитель» Ратомир вполне может быть одноименным славонским князем-язычником IX в., который открывал в **Книге* прерванную Сарамиром (Моймиром?) череду гонений на христиан.

В этой связи симптоматично, что именно с Ратомиром «летописец» связывает новое «гонение» на христиан и разрушение приморских городов Далмации. В общем контексте *Летописи* как целостного памятника этот мотив выглядит органично. Но присутствовал ли он и связывался ли с Ратомиром в устной традиции?

С одной стороны, предания о разорении далматинских городов бьтовали по обе стороны романо-славянской межэтнической грани. Но с другой стороны, предания эти (о падении Салоны, Эпидавра и т. д.) надежно увязывались с изначальным периодом вторжения, с временами, которым у «Дуклянина» соответствует правление Остроила и Сенудслава. Приписав Силимиру временное урегулирование отношений с далматинцами, еще будто бы проживавшими в своих древних городах, «летописец» затем был вынужден отдать дань и несомненному факту гибели этих городов, и устойчивой в Далмации традиции о не-

прерывном «преследовании» романского населения завоевателями вплоть до IX в. При этом исторической основой для такого представления могли послужить и отдельные стычки беженцев с паганами и хорватами (а может и с дуклянами) на протяжении VIII в., и разрыв отношений сербов и хорватов с Византией в первой половине IX столетия.

Сведения о князе Святополке, об обращении славян и т. д. автор *Книги Готской почерпнул из псевдоэпиграфической или серьезно отредактированной в югославянских землях **Книги «Мефодий»*. Предшествующий период (очевидно, в том числе исходя из того же источника) представлялся ему, не без исторических оснований, периодом враждебности славян по отношению к христианам. Древними же христианами для него, жителя Западно-Балканского побережья, являлись в первую очередь романские далматинцы. В их исторических преданиях тема противостояния язычникам славянам (или еретикам готам) на религиозной и этнической почве заняла центральное место.

Силимир, по *Летописи*, урегулировал отношения с романцами. Этот момент был важен для политической концепции автора, кто бы из наших «летописцев» — славянин или романец — его ни ввел. Следовательно, разорение далматинских городов и начало длительного гонения должно было иметь место позднее Силимира. Поскольку Владимир уже превратился в героя сказания о болгарах, оставался первый князь, позаимствованный из **Книги «Мефодий»*, — язычник и гонитель Ратомир. То, что древнейшая родовая цепочка дуклянских князей по каким-то причинам обрывалась на Владине, служило для писателя новой эпохи косвенным свидетельством нечестия позднейших правителей. Тем не менее не приходится сомневаться в одном — отступившие на острова и скалы далматинцы продолжали подвергаться набегам и в VIII в. То, что сказано в *Летописи попа Дуклянина* о Ратомире, можно было бы поведать о многих славянских князьях и жупанах.

Что касается славонского Ратимира (*Ratimar* латинских источников), то сведения о нем весьма ограничены. Собственно, он упоминается только в двух латинских памятниках — в *Обращении баваров и карантанцев* и в анналах, включающих т. н. *Гарстенское дополнение*. Оба источника баварского происхождения. Действовал Ратимир вскоре после гибели в 823 г. в борьбе с франками и далматинскими хорватами князя Людевита. В 827—829 гг. болгарский хан Омуртаг, вступив в соперничество с франками, завоевал Славонию [Documenta, 1877: 333—334]. Он, видимо, и посадил здесь на престол своего ставленника — Ратимира. Примерно в 838 г. франки (руками баваров) изгнали Ратимира с княжения и восстановили свое влияние в Славонии. Земли славонских хорватов перешли под контроль созданного в Паннонии славянского Блатенского княжества и его правителя Прибины. По-

следний ранее нашел у Ратимира приют, но переметнулся к франкам [Documenta, 1877: 336—337].

Допускаемые иногда предположения о моравском происхождении Ратимира связаны исключительно с *Летописью* — весьма зыбкая конструкция. Столь же фантастичны гипотезы, приписывающие хорватское происхождение моравской династии, — на том же основании. О Ратимире известно не более того, что сказано выше.

Глава 7

За Ратомиром *Летопись* помещает, как уже говорилось, четырех безымянных королей, чье правление при желании можно отнести к VIII—IX вв. Однако на деле упоминание о четырех королях продолжает искусственный стык между восходящими в основе исключительно к устной традиции сведениями о заселении Балкан и историческими данными. Сведения о раннесредневековых Хорватии, Моравии, Сербии, Дукле вошли в *Летопись* в причудливо скомпонованном, в неизбежно искаженном виде. Тем не менее и далее «летописцу» удается выдерживать внешнюю форму цельного «родослова».

Что касается самих преемников Ратомира, то здесь мы имеем дело с прямым использованием несохранившейся **Книги «Мефодий»*. Историческое введение к ней должно было рассказывать, как уже говорилось выше, не только об акте принятия христианского закона вечем на Дуванском поле, но и об истории обращения славян. Князья-гонители вполне могли обобщенно упоминаться в подобном памятнике. Безымянность правителей (даже нечестивых) была бы странной в княжеской генеалогии, но она вполне приемлема для сочинения агиографического характера. Итак, здесь довольно зримо подводится черта под однозначно преимущественным использованием устного родового предания — единственного сколько-нибудь цельного источника о дописьменном периоде.

Если идентификация Ратомира с Ратимиром Славонским верна, то жесткое утверждение «летописца», будто четыре короля правили друг за другом, а не одновременно, — плод его фантазии. В **Книге «Мефодий»* речь, скорее всего, шла о четырех правителях различных славянских областей, правивших как раз одновременно. Причем в первоначальной версии — опять же вероятнее всего, ибо тут возможны только предположения, — могли иметься в виду языческие князья, враждовавшие с Моймиром I. Известно, что основатель Моравской державы вел в 830-х гг. войны с соседними славянскими правителями Подунавья, подчиняя их себе. В частности, в 833 г. было уничтожено Нитранское княжество на территории Словакии. Правителем его был Прибина — тогда еще язычник, крестившийся только после своего бегства к фран-

кам. Прибина, кстати, действительно оказался преемником Ратимира на землях Славонии — правда, уже крестившись и присягнув франкам.

Возможно, какие-то иные, ныне нам совершенно неизвестные эпизоды такого же рода легли в основу легенды из **Книги «Методий»* — дойдя до нас сквозь призму трех изложений. Уже создателю **Книги «Методий»* следовало перенести деятельность моравских князей в хорватские земли. Последующие же два автора — славянский и латинский — должны были скомпоновать результаты его труда со своей историей «Королевства славян».

Среди языческих князей, покоренных Моймиром, мог быть и князь Чехии — видимо, известный из *Хроники* Козьмы Пражского Неклан, — а также вожди других племен на чешских землях. При желании число таких правителей легко довести до четырех. Впрочем, любая такая конструкция обречена остаться умозрительной. Использовать *Летопись* как равноправный источник по истории Великой Моравии или даже Славонии IX в. было бы весьма рискованно.

Глава 8

Имя князя искажено во всех списках и версиях памятника. «Сарамир» Белградского списка кажется правильным только из-за совпадения со вторым чтением в Ватиканском. Но вначале в Ватиканском князь именуется Званимиром. Среднее между обеими латинскими версиями и «Сатимиром» *Хорватской хроники*, кажется, — нечто вроде «Светимир» или «Святимир». Именно так толковал еще М. Орбини [Орбини, 2010: 246].

Скорее всего, мы имеем здесь дело с первым в *Летописи* случаем замены невнятного или «опасного» по смыслу первого члена в княжеском двусоставном имени на более «позитивный». Позднее мы встречаем еще несколько таких ситуаций: Бранимир — Хранимир, Трпимир — Крепимир и (особенно выразительное) Воислав — Доброслав. Исходным побуждением таких замен, вероятно, был обычай табуирования имени почитаемого предка, известный многим народам. Но уже в языческую, должно быть, эпоху цель изменилась — на «осмысление» княжеского имени, подчеркивающее итог его правления. Именно с таким «совершенствованием» мы имеем дело в русской фольклорной традиции, где князь Владимир Святославич (Святѣй) превратился во Владимира Всеславича. При этом даже в некоторых литературных памятниках (например в «Сказании о князьях Владимирских») Святослав именуется Всеславом. Такая мена подчеркивала, с одной стороны, славу Святослава и его сына, но с другой стороны, возможно, и закоренелое язычество Святослава, уступающего «святость» Владимиру.

В нашем случае имя Светимир/Святимир вполне подходило князю, прекратившему гонения на христиан. Здесь мы уже явно находим

ся в поле моравско-паннонской традиции, запечатленной в **Книге «Мефодий»*. Так что вполне логично увидеть в этом персонаже создателя Великой Моравии Моймира.

С Моймиром действительно связаны решительные успехи в распространении христианства на моравской земле. Заручившись поддержкой франков в своей объединительной политике, Моймир допустил в Моравию проповедников новой веры. Уже к первым годам его правления относятся массовые крещения мораван миссионерами из Пассау — причем, как часто полагают, крестился и сам Моймир. Однако оценки многих современных исследователей совпадают с характеристикой, данной «Светимиру» в *Летописи*, — он благоволил христианам, однако сам христианином не стал. В 846 г. Людовик Немецкий, обеспокоенный усилением и самостоятельной политикой Моймира, вторгся в Моравию. Моймир был свергнут и заменен племянником Ростиславом. Последний являлся христианином уже вне всякого сомнения.

Центральным персонажем рассматриваемой главы *Летописи*, однако, становится не князь, скороговоркой упомянутый в ее начале, а Константин Философ, святой Кирилл. Повествование **Книги «Мефодий»* в основе своей восходило к источникам, созданным современниками, — древним *Житиям* просветителей славян (*Паннонской легенде*). В *Житии Константина* говорится о происхождении Константина из Солуни (Фессалоник), о его отце Льве — «добророда... имевшем сан друнгария под стратигом» [Флоря, 2004: 137]. *Житие Мефодия* говорит, что тот был «не из худого рода, но доброго и честного, известного сначала Богу, и цесарю, и всей Солунской земле». Самого Мефодия император назначил архонтом некоей населенной славянами территории в Македонии [Флоря, 2004: 185]. В *Житии Константина* подробно описаны, а в *Житии Мефодия* кратко упомянуты миссия 861 г. в Хазарию и победоносный диспут Философа с иудеями и мусульманами [Флоря, 2004: 150—164, 185].

Упоминание Хазарии — второй и последний после описания прихода болгар экскурс «летописца» в Восточную Европу. Хазарский каганат существовал с VII по X в. на землях Поволжья, Дагестана, Приазовья, отчасти Крыма. Государственной религией Хазарии с конца VIII в. и до падения каганата во второй половине X в. оставался иудаизм, хотя значительную часть населения составляли тюркские кочевники-язычники. Миссия Кирилла имела помимо религиозно-полемической и определенную политическую цель. Урегулирование отношений между Хазарией и Византийской империей стало необходимо ввиду усиления в Восточной Европе ранней Руси. Каган отправил посольство в Константинополь через год после первого крупного похода русов на столицу империи.

Итак, в основе своей изложение жития Константина-Кирилла в *Летописи* достоверно. Однако древние источники использовались уже в **Книге «Мефодий»*, очевидно, опосредованно, через южнославянские переработки раннего средневековья. Это становится совершенно ясно уже при описании результатов хазарской миссии. Согласно *Житию*, после победы Константина хазарский каган лишь разрешил своим подданным принимать крещение. Кроме того, он обещал казнить перебежавших к нему вероотступников-ромеев. Константин проповедовал слово Божье хазарам и крестил всего 200 человек, язычников (не иудеев!). Каган отправил императору вежливое благодарственное письмо, главным в котором было обещание военного союза [Флоря, 2004: 163—164]. Только в позднейших, созданных уже в Болгарии житийных текстах (*Проложное Житие Мефодия, Успение Кирилла*) появляются утверждения о массовом крещении хазар во главе с каганом (см.: [Флоря, 2004: 235]). Именно подобную картину мы находим в *Летописи*.

Далее, в *Проложном Житии Кирилла* ему было приписано крещение Болгарии, происшедшее в период его пребывания в Моравии (865). В *Успении Кирилла* упоминается также происшедшее до моравской миссии крещение македонских славян или болгар на реке Брегалнице (см.: [Флоря, 2004: 101, 366]). Именно эти сведения, не имеющие никаких подтверждений ни в славянской, ни в латинской (*Итальянская легенда*) версиях древнего жития, явно отражаются в *Летописи*. Вероятнее всего, в основе лежат *Проложные жития*, которые использовались и в русской *Повести временных лет*, где также сообщается о крещении Константином болгар [ПСРЛ, 1997: 27—28]. При этом если о «провинции Хазария» ни «летописец», ни сам создатель **Книги «Мефодий»* не могли знать ничего ясного, то болгары были им известны хорошо. В *Летописи* сообщение о крещении болгар логично продолжает периферийную, но все-таки важную для ее автора болгарскую тему.

Здесь мы подходим к вопросу об обработке памятников кирилло-мефодиевского цикла в **Книге «Мефодий»* и в *Летописи* (**Книге Готской*). Первое, что бросается в глаза, — заметное смещение последовательности событий. В известной житийной литературе (в поздних версиях) история миссионерских подвигов Кирилла и Мефодия дается в следующей последовательности: 1. Эпизод на Брегалнице; 2. Хазарская миссия; 3. Миссия в Моравии и Паннонии, у князей Ростислава, Святополка и Коцела; 4. Константин отправляется в Болгарию, оставив в Моравии Мефодия; 5. Константин отправляется в Рим, где принимает монашество и умирает. В имеющемся тексте *Летописи* последовательность выстроена иначе: 1. Хазарская миссия; 2. Константин в Болгарии; 3. Константин по дороге в Рим обращает Святополка и его

народ; 4. Константин прибывает в Рим, где принимает монашеский постриг. Мефодий как действующее лицо не упоминается вовсе.

Объяснить эти расхождения проще всего тем, что составитель **Книги «Мефодий»* в Хорватии XI (?) в., решавший задачу обоснования славянского законодательства, столкнулся с противоречиями в известных ему житиях. Разрешить противоречия он должен был в рамках краткого и логично выстроенного текста — вводного к собственно правовым «установлениям». То, что автор *Книги компилировал различные сведения из письменной и отчасти устной традиции, становится очевидно уже в следующей главе. Да и сама *Книга в правовой своей части являлась компиляцией. В ней к правовому своду Мефодия и Святополка (вероятно, *Закону судному людям*) были присовокуплены уставные грамоты далматинских епархий и налоговый устав.

Итак, столкнувшись с противоречиями, автор **Книги «Мефодий»* разрешал их по-своему. При этом парадоксальным образом он снял наиболее явный вымысел позднего кирилло-мефодиевского цикла — миссию в Болгарии *после* моравского периода. Проповедь Константина в Болгарии отнесена ко времени до его прибытия к Святополку (Ростислав и Коцел, не имеющие отношения к появлению правового кодекса Мефодия, не упоминаются). В результате миссия к «славянам» (далее отождествленным с хорватами) вновь, как и в истории, становится кульминацией земного пути Константина. Путь этот к тому же обретает некую «географическую» логику. Места славы святого четко разместились с востока на запад: неведомая «провинция Хазария» — Болгария — Хорватия — Рим.

Характерно при этом, что государственная инициатива в миссиях Константина отсутствует полностью. Император становится участником обращения славян уже позднее — и наравне с римским папой. В этом **Книга «Мефодий»* следовала тем же преданиям о крещении хорватов, что отражены и в сочинении *Об управлении Империей*. Что же касается Константина, то и к хазарам, и к болгарам, и к славянам он идет единственно по Божественному вдохновению, без всяких посылств и императорских повелений.

Но привязка Константина по времени к прекратившему гонения князю, предшественнику Святополка, обязана скорее уже структуре самой *Летописи*. Житийные по происхождению сведения необходимо было встроить, точнее, преобразовать в «родослов» королевской династии. Соответственно, повествование искусственно разбивалось по правлениям. Святополк появлялся в тексте **Книги «Мефодий»* далее, после первых деяний Константина. Следовательно, деятельность последнего разбивалась на два «правления», и начало ее приурочивалось к «Светимиру».

Авторским вкладом создателя *Книги Готской или даже уже латинской *Летописи* явилось и изъятие имени Мефодия, уцелевшего

лишь как название «книги». С одной стороны, побудительным толчком к этому могло послужить отсутствие имени святого в повествовании, которое велось от его имени. Мефодий, оставленный Константином в Моравии либо вернувшийся туда из Рима, описывал бы дальнейшие события как свидетель или участник, не акцентируя внимание на себе. Стоит отметить, что при описании подвигов самого Константина даже в древнем его *Житии* брат почти не упоминается. Однако как минимум создатель *Книги Готской, славянин, писавший по-славянски, должен был прекрасно знать, что «Мефодий» — не просто название его источника, а «автор», брат Константина и почитаемый святой.

Проблема для писателей, творящих в Далмации XII—XIV вв., была, однако, в том, что для них Мефодий святым уже не являлся. Оба «летописца» — и славянский, и далматинский — явно были католиками. Если первый и пользовался славянскими письменами, то жил в далматинском окружении. Именно в верные Риму города Далмации были выдавлены рашанами признаваемые в *Летописи* за законных правителей Дукли Браниславичи. Почитание Константина не ставилось в принципе под сомнение. Не только на юге, но и в Хорватии местные церковные авторы хорошо знали и использовали его *Житие*. Мефодий же был официально осужден уже в ходе Сплитского собора 925 г. [Codex, 1967: 30]. В XI—XIII вв. далматинское духовенство видело в нем «еретика... который на этом самом славянском языке написал много ложного против учения католической веры» [Фома Сплитский, 1997: 48]. На севере, в Хорватии, сплитская церковь и в XIII в. вела суровую борьбу против глаголизма. Этим, кстати, и может быть объяснено временное сохранение **Книги «Мефодий»* где-то в Южном Приморье.

Славянский автор *Книги Готской прямым упоминанием авторства и введением Мефодия в повествование поставил бы под сомнение свой труд и его источник. Кроме того, это приковало бы ненужное внимание к подзабытой, видимо, на юге проблематичности происхождения славянского письма. В *Летописи* его создание и перевод «всех Божественных книг» безоговорочно связывается с одним Константином, якобы принявшим постриг лично от папы, — что, очевидно, снимает всякие вопросы. Все описание обращения славян, что мы тоже видим в следующей главе, решено в русле греко-латинского единства и даже протоуниатства (славянская «месса по греческому обряду» при безусловной лояльности папе). Видимо, такова была программа барского духовенства и правящих кругов Дукли в целом. Для «летописца» вносить в получившуюся идиллию нарушавший ее образ Мефодия оказалось совершенно недопустимо.

Глава 9

Светолек (Святополк) — первое несомненно историческое лицо среди «королей», перечисляемых в *Летописи*. Святополк Моравский являлся племянником князя Ростислава, племянника и преемника Моймира. Стоит отметить, что в *Летописи* в том месте, где должны были определяться родственные отношения Святополка и «Сарамира», — лакуна. В *Хорватской хронике* же соответствующий Святополку король Будимир — не сын своего предшественника. Не исключено, что в первоначальном тексте *Летописи* он определялся нейтрально как «родич» или «наследник».

К началу 60-х гг. Святополк княжил в Нитре, на землях современной Словакии, в прежних владениях Прибины. Постепенно он превратился в самостоятельного удельного владетеля при дяде. Вместе с Ростиславом, в частности, он участвовал в отправке посольства в Византию в 862 г., помогал дяде в отражении франкских вторжений. Однако в 870 г. Святополк перешел на сторону франков, пленил Ростислава и выдал его врагу. Это обеспечило ему престол, который сразу же пришлось отстаивать от посягательств франков, желавших присвоить моравские земли. После войны 871—874 гг. Святополк согласился платить дань Восточно-Франкскому королевству, но сохранил земли и власть. В 880 г. он первым среди славянских правителей (не считая лишь болгарского князя) добился от римского папы признания за собой королевского титула. Границы Великой Моравии при Святополке существенно расширились в результате войн с соседними славянскими племенами, Болгарией и некоторыми немецкими владетелями. Умер король в 894 г., в канун венгерского нашествия, которое наряду с распрями его сыновей покончило с могуществом и самим существованием Великой Моравии.

История моравской миссии Константина-Кирилла и Мефодия достаточно подробно описана в *Житиях* обоих святых [Флоря, 2004: 166—178, 186—195]. Источниками служат также папские грамоты, латинская версия *Жития Константина (Итальянская легенда)*, написанное в IX в. в Зальцбурге *Обращение баваров и карантанцев*. Ценные подробности содержатся в *Житиях святых Наума и Климента*, учеников солунских братьев, а также в других позднейших славянских памятниках.

В конце 862 г. в Константинополь прибыло посольство от моравских князей Ростислава и Святополка. Мораване просили прислать «епископа и учителя», который бы «на языке нашем изложил правую христианскую веру». Работавшие в Моравии миссионеры не только из Германии и Италии, но из византийских пределов, «из Грек» (скорее всего далматинцы), пользовались в богослужении латинским или греческим. Это не удовлетворяло моравскую знать, желавшую лучше по-

нимать свою новую веру, а также доносить ее до подданных и окрестных народов. Кроме того, Ростислав с очевидностью стремился к церковной независимости от франков и связанного с ними Рима.

Епископа патриарх Фотий и император Михаил сразу отправить не решились. Вместо этого в Моравию был послан прославленный хазарской миссией «философ»-священник Константин с братом, игуменом монастыря Полихрон Мефодием. Император и его дядя, кесарь Варда, поручили Константину и Мефодию «обрести» письмена, подходящие славянскому языку. При этом отмечалось, что «солуняне все чисто говорят по-славянски». Согласно обоим житиям, братья после долгого молитвенного стояния «с иными помощниками» предъявили императору созданную ими азбуку. Константин сразу перевел и записал ею начало Евангелия от Иоанна. Михаил отправил братьев в Моравию со своим посланием, в котором прославлял труд Константина, а самого Ростислава призывал к ревностному распространению веры.

Прибыв в Моравию в середине 863 г., Константин был с почтением встречен Ростиславом. Константин с помощью брата принялся за наставление местного духовенства. В первую очередь он перевел на славянский язык «весь церковный чин» — создав таким образом ту самую славянскую «мессу по греческому обряду», о которой говорится в *Летописи*. В связи с этой работой было целиком переведено несколько библейских книг, в том числе значительная часть Нового Завета. В числе первых переводов названы Псалтырь, Евангелие, а также Апостол. Деятельность солунских братьев сразу натолкнулась на ожесточенное сопротивление «латинских и франкских архиереев». Они отстаивали доктрину «трехъязычия», в соответствии с которой публичное богослужение возможно лишь на еврейском, греческом и латинском языке. Константин резко осуждал «триязычную ересь» и, в свою очередь, обличал своих оппонентов в потворстве языческим пережиткам, которые сам среди мораван последовательно искоренял.

В Моравии братья пробыли до конца 866 г. Остаться здесь Константин и Мефодий не предполагали, однако должны были предоставить Ростиславу собственный епископат, которого он добивался. Посвятить некоторых своих учеников в епископский сан Константин решил попытаться в Венеции, патриарх которой сохранял в ту пору значительную самостоятельность. Зимой 866/7 г. братья и их спутники провели в Блатенском княжестве у Коцела Прибитновича. Последний «очень возлюбил славянские буквы» и попросил Константина обучить 50 собственных подданных. Константин способствовал сближению между Ростиславом и Коцелом. Отказавшись принять от обоих князей дары, он выпросил у них свободу для 900 пленных — возможно, захваченных в борьбе друг с другом.

В 867 г. Константин, Мефодий и их ученики прибыли в Венецию. Однако местное латинское духовенство не только отказалось посвя-

тить учеников Константина, но и собрало местный собор епископов для его осуждения. На соборе Константин отстоял свою позицию, разбив «трехъязычников» доводами, но посвящения учеников не добился. Римский папа Николай I, враждебный Константинополю и небезуспешно боровшийся за влияние в Болгарии, вызвал братьев к себе. Однако пока они направлялись в Рим, Николай умер (13 ноября 867 г.), а 14 декабря на престол вступил новый понтифик — Адриан II, который и встречал их «со всеми горожанами». Константин доставил в Рим частицы мощей святого мученика Климента Римского, обретенных им в 863 г. в Херсонесе. Торжественная встреча его понтификом знаменовала прекращение конфликта.

Церковно-политическая ситуация споспешествовала успеху братьев. В Константинополе новый император Василий I Македонянин, отстранив Фотия, выступал за примирение с Римом. Адриан, со своей стороны, также не был склонен теперь демонстрировать враждебность к грекам. К тому же папство уже при Николае начало открыто соперничать с Восточно-Франкским королевством за влияние на новообращенные славянские земли. Папа одобрил славянскую литургию и решил провести ее в римских соборах. Осуждающих труды Константина он обвинил в ереси, «назвав пилатниками и триязычниками». Обоснованием «трехъязычия», как известно, служило то, что на трех языках была выбита Пилатом надпись «Иисус Христос, Царь Иудейский» на Кресте Господнем.

Тем не менее Адриан, хотя и восхищенный познаниями и благочестием Философа, навстречу ему пошел не до конца. Папа посвятил Мефодия и приказал посвятить нескольких учеников Константина в священники — но не более. Таким образом, учреждение отдельной моравской епископии, даже и подчиненной Риму, откладывалось. Правда, и тут братья одержали определенную моральную победу — из двух епископов, назначенных для посвящения учеников, один был принужден это сделать, будучи «пилатником». Официального письменного осуждения «пилатников», кстати, тоже не последовало.

Стоит отметить, что уже в *Житиях Константина и Мефодия*, создававшихся в условиях борьбы с немецким духовенством в Моравии, при описании визита в Рим имелись некоторые важные умолчания. Мефодий и его сторонники в полемике с немцами опирались на папский авторитет, поэтому любые намеки на противоречия с курией снимались. *Житие Константина* не конкретизирует место, где он собирался добиваться посвящения учеников. Только дальше ситуацию проясняет указание на папский вызов.

Далее, только в *Итальянской легенде* сохранились сведения о том, что Константин сначала намеревался добиваться для учеников епископских кафедр. Наконец, сам папский вызов в *Житии Мефодия* трактуется как почтительный: «Когда узнал о таких мужах апостолик

Николай, послал за ними, ибо хотел их видеть как ангелов Божьих». В *Житии Константина* при этом вообще не упоминается Николай, а в *Житии Мефодия* — его смерть. Таким образом, исчезает даже намек на изменение политики Рима, и она рисуется как последовательно положительная по отношению к братьям. Как можно видеть, уже в *Паннонской легенде* заложена основа той версии событий, которую сообщают **Книга «Мефодий»* и в итоге *Летопись*. Здесь они «достоверны» в том смысле, что в сущности изложения не отходят от своих первоисточников.

Осенью 868 г. Константин, находясь в Риме, тяжело заболел. В декабре он принял монашеский постриг (*Житие* не утверждает, в отличие от *Летописи*, что его постригал сам папа) под именем Кирилл. 14 февраля 869 г. Кирилл умер. Брату он завещал не возвращаться к монашеским трудам, а продолжать «учительство». Вопреки просьбе Мефодия, который просил упокоить брата в Византии, в монастыре Полихрон, Адриан по настоянию своих епископов повелел поставить саркофаг с телом Философа в Риме. Мефодий нехотя согласился при условии, что брат будет погребен в храме Святого Климента. Сразу же после погребения установилось почитание святого Константина — освященное Римом, оно поддерживалось и в католических славянских странах, укрепляя позднее позиции глаголистов.

Однако в Моравии их в IX в. ждало серьезное поражение. На первых порах Мефодию удалось добиться успеха в создании славянской епископии. Помог ему в этом Коцел, попросивший в 869 г. Адриана направить к нему Мефодия в качестве епископа. Адриан принял решение назначить Мефодия епископом и папским легатом «всем тем землям славянским». Ростиславу, Святополку и Коцелу было адресовано послание, утверждавшее Мефодия в новом качестве и одобрявшее в целом деятельность солунских братьев. Мефодий принял епископство и отправился к Коцелу. Здесь он сразу же вступил в конфликт с немецким духовенством. Мефодий ввел славянскую службу, что привело к потере немцами паствы; прежний глава местного духовенства Рихпальд, назначенный из Зальцбурга, вынужден был вернуться в Баварию.

В 870 г. Коцел попросил папу об учреждении в Паннонии архиепископства во главе с Мефодием. Папа принял решение о восстановлении «стола святого Андроника» с центром в древнем Сирмии (Среме). Таким образом, в поле деятельности Мефодия входила и северная периферия сербохорватских земель. Как минимум, это была подвластная Прибине и затем Коцелу Славонская Хорватия, бывшее княжество Ратимира, а возможно, и земли балканских мораван вокруг Белграда-Сингидуна. Впрочем, последний в 880-х, во всяком случае, годах уже был в руках болгар. Отсюда следует, что, связывая деятельность братьев с Хорватией и конкретно с былыми владениями Ратимира, автор

*Книги «*Мефодий*» опирался на подлинные предания. Стоит отметить и то обстоятельство, что еще при жизни Мефодия, после смерти Коцела, Паннония дважды на время завоевывалась Святополком.

Мефодий с посланием Коцела и двадцатью его «именитыми людьми» отправился в Рим, где получил посвящение в архиепископы. Однако по возвращении, весной или летом 870 г., Мефодий был схвачен по приказу Людовика Немецкого, как раз в том году покорившего Моравию. Мефодий предстал перед судилищем баварских епископов, был обвинен в нарушении границ их диоцеза и сослан в один из швабских монастырей. Первое время курия не реагировала на происшедшее. Однако в 871 г. немцев, включая и немецкое духовенство, прогнали из Моравии, а в 872 г. умер папа Адриан. Его преемник Иоанн VIII, с одной стороны, гораздо сдержаннее относился к славянскому богослужению, но с другой — был возмущен посягательством немцев на папскую прерогативу и стремился воссоздать церковь в Моравии.

Святополк направил в Рим посольство с просьбой освободить Мефодия и направить его в Моравию в качестве архиепископа. Потому в 873 г. папа принял деятельное участие в судьбе Мефодия и, под угрозой наложения на Баварию интердикта, добился его освобождения. Правда, сделано это было при условии, что служба на «варварском языке» прекратится. Кроме того, немцам удалось заставить Коцела признать церковную власть Зальцбурга, фактически изгнав Мефодия. Мефодий направился в Моравию, где и остался.

В период своего моравского епископства он активно занимался переводческой работой. За полгода, согласно *Житию*, был выполнен перевод всех оставшихся библейских книг, кроме книг Маккавеев. Кроме того, Мефодий перевел церковные каноны и какие-то святоотеческие тексты или жития. Естественно, об отказе от славянской службы не могло быть речи. Вновь прибывшее в Моравию после примирения Святополка с франками немецкое духовенство пыталось обвинить Мефодия в ереси. Связано это было не только со славянской службой, но и с нежеланием Мефодия признавать уже сложившееся в ту пору католическое учение о соотношении лиц Троицы. Тем не менее после ожесточенной тяжбы в Моравии и в Риме в 879—880 гг. Иоанн VIII предпочел принять сторону Мефодия. В 880 г. папа своей буллой даже официально разрешил проводить славянское богослужение. В 881 г. Мефодий совершил поездку в Константинополь, где ему подтвердили благоволение император Василия и восстановленный на патриаршестве Фотий.

Умер Мефодий 3 апреля 885 г., оставив преемником своего ученика Горазда. За этим и последовал решающий натиск противников славянского богослужения. В том же году папа Стефан V одной из первых своих булл запретил его. Тех, кто не согласится с этим решением, предписывалось изгнать из Моравии. Последовала расправа с учени-

ками и последователями Мефодия. Руководил ею немецкий епископ Нитры Вихинг, старый враг Мефодия, которого тот незадолго до смерти отлучил, — именно жалоба Вихинга привела ко всем последующим событиям. Князь Святополк, уже при жизни Мефодия склонявшийся на сторону Вихинга, теперь поддерживал враждебную глаголистам партию открыто. Виднейшие ученики Мефодия были изгнаны — и нашли приют у князя Бориса в Болгарии, где славянская азбука обрела вторую родину и позднее была создана «кириллица».

Таков был ход реальных событий — и таковы сведения тех источников, часть которых стала основой для краткого рассказа *Летописи*. Понятно, что в ней опущено все, что позволило бы заподозрить враждебность Рима и католического духовенства к творениям Константина. Соответственно, как уже отмечалось, отсутствует и образ Мефодия — хотя в непосредственном источнике, **Книге «Мефодий»*, его не могло не быть. Однако и в ней, должно быть, сведения о спорах вокруг славянского богослужения были опущены как излишние. Создатель **Книги* был глаголистом, но вполне лояльным Риму. Как и другие хорватские глаголисты на протяжении всего средневековья, он ссылался на поддержку Константина папой и надеялся на возвращение этой поддержки.

Отличия между *Паннонской легендой* и предполагаемым содержанием **Книги «Мефодий»* показательны, ибо помогают определить происхождение сюжета последней. Первое, что сразу бросается в глаза, — папское послание застаёт Константина в Болгарии. Именно там, покидая новообращенных, Константин создает славянские письмена, переводит библейские книги (прежде всего — Евангелие и Псалтырь), создает славянскую «мессу». Иными словами, Болгария занимает то место, которое в *Житии Константина* занимает Моравия. Идя в Рим, Константин по пути останавливается у Святополка, крестит князя и его подданных и следует дальше в Рим. Святополк, таким образом, занимает в *Летописи* (**Книге «Мефодий»*) то место, которое в *Житии* и в реальной истории занимал Коцел.

Причин этого могло быть несколько. Первой и самой существенной было то, что Святополк и Мефодий считались, очевидно, авторами отраженного в **Книге* славянского законодательства. Однако первое знакомство хорватов с этим законодательством действительно могло быть связано с деятельностью самих Святополка и Мефодия в 870—880-х гг. В этот период, благодаря именно им, могло произойти обращение при Ратимире еще языческой или полуязыческой Славонской Хорватии. Это объясняет всю создавшуюся у автора **Книги «Мефодий»* историческую картину. Единственным однозначным вымыслом в ней являлся перенос действия из Славонии в Приморскую Хорватию. Все остальное было естественным результатом соединения книжной традиции и каких-то преданий славонского происхождения.

Можно добавить, что, судя по упоминанию точной даты смерти — 17 марта (из других источников не известной), в Далмации XII в. Святополк почитали за святого. Данная деталь уже не относится, видимо, к **Книге «Методий»*, а является собственным дополнением дуклянско-го сочинителя, стремившегося привязать Святополк к своей малой родине. При этом вполне «эпический» характер носит срок правления — «40 лет и четыре месяца». Культ Святополка, очевидно, сложился у приморских глаголистов на основании **Книги «Методий»* — и в конечном счете восходил к его роли крестителя (или одного из крестителей) славонцев. Кроме того, Святополк почитался и как первый утверждённый папской властью славянский король — что, как мы видели, соответствовало действительности.

Второй слой изменений, внесенных **Книгой «Методий»*, связан уже с переносом действия в Приморскую Хорватию. Прежде всего это касается имени папы. Явная неточность в папском имени тем более бросается в глаза, что из *Жития Константина* точно заимствовано имя византийского императора — Михаил III (842—867). Но ни одно из упомянутых в *Житиях* папских имен автор *Книги использовать не стал. Это произошло то ли потому, что в известных ему версиях имена не упоминались, то ли из-за противоречия между *Житиями Константина* (папа Адриан) и *Методия* (папа Николай).

Вместо них назван папа Стефан, и он же затем отправляет к Святополку для утверждения его начинаний легата Гонория. Нельзя полностью исключить, что автор *Книги имел в виду папу Стефана V, действительно современника Святополка. Приписывая ему благословение Константина и его трудов, глаголисты выбивали у своих противников сильное оружие — первое однозначное осуждение славянского богослужения папской властью. Кроме того, именно на понтификат Стефана V (885—891) приходится окончательное утверждение власти Святополка в Паннонии, в частности в Славонии.

Однако более вероятно, что имя папы Стефана отсылает к преданиям о крещении Приморской Хорватии. Недолгий понтификат папы Стефана IV (815—817) приходится как раз на время правления в Хорватском Приморье князя Борны. С именем последнего связывает крещение хорватов Константин Багрянородный [Константин Багрянородный, 1991: 132—133, 136—137]. Крещены хорваты были, по этой версии, епископами, присланными от римского папы. Вполне возможно, что папой этим был именно Стефан IV. С легендами об этом можно связать чрезвычайное распространение среди хорватской и сербской знати крестильного имени «Стефан». С XIII в. оно твердо ассоциировалось в Сербии со Стефаном Первомучеником, признанным небесным патроном королевства. Но сама традиция наречения княжеских детей в крещении Стефанами («венчанными») восходит еще к IX в. В раннее средневековье она даже характернее для Хорватии, где наряду

с Первомучеником широко почитался святой Стефан Римский (+257), папа и мученик.

Уже у Константина Багрянородного [Константин Багрянородный, 1991: 136—137] крещение при Борне смешивается с первым крещением хорватов при императоре Ираклии, в VII в. Тем более неудивительно такое смешение в основанной на еще более поздних устных преданиях **Книге «Мефодий»*. Дата крещения хорватов при Ираклии и личность папы, приславшего ему для этого священников, определимы. Хорваты появились на Балканах не раньше 626 г., в условиях начавшегося кризиса Аварского каганата. После смерти папы Гонория I (625—638) произошел разрыв императора Ираклия с Римом. В *Летописи* в качестве легата папы Стефана, направленного к Святополку, фигурирует кардинал Гонорий. Скорее всего, зная две расходящиеся традиции о крещении приморских хорватов, создатель **Книги «Мефодий»* таким способом объединил их.

Сложнее определить происхождение имен императорских посланцев — Льва и Иоанна. В церковной истории Хорватии эти имена отмечены в паре на сплитских соборах 925—928 гг. Во-первых, Львом и Иоанном звали главных участников Собора 925 г. — папского легата и сплитского архиепископа, соответственно [Codex, 1967: 29—35]. Во-вторых, Собор 925 г. проводился при папе Иоанне X, а 928 г. — при Льве VI. На Соборе 925 г. с благословения папы было осуждено «учение Мефодия». Так что упоминание имен Льва и Иоанна в **Книге «Мефодий»* (или введение их в текст позднее) могло носить полемический характер. Но если в случае со Стефаном V смысл такого внесения прослеживается, то в данном случае — нет. Превращение Льва и Иоанна (будь то пап или епископов) в обычных посланцев византийского императора означало их полное разотождествление с прототипами. А значит, всякий полезный для полемики авторитет этих имен утрачивался.

Остается предположить, что оба имени связаны с происхождением **Книги «Мефодий»*. Если она содержала переводы византийских церковно-правовых сводов Мефодием или выдержки из них, то было два таких свода: Номоканон Иоанна Схоластика (VI в.) и Эклога императора Льва III (VIII в.). Это вполне удовлетворительно объясняет оба «греческих» имени.

В *Летописи* вокруг Святополка сконцентрировано описание сразу нескольких исторических процессов, действительно протекавших параллельно и в IX в. Это реконструкция городской жизни в Далмации, христианизация хорватов (а также сербов и дуклян), складывание церковной организации в Приморье. Более того, некоторые ключевые события — в частности, уже упоминавшееся закрепление Василием I «пактов» между славянами и далматинцами, — приходятся как раз на 860-е—870-е гг. Святополк Моравский не мог являться, насколько мы

можем судить, участником этих событий — однако был их современником. Это скорее подтверждает и существование **Книги «Методий»* как первоисточника *Летописи*, и использование в первой подлинных хорватских преданий.

В результате включения легендарных данных **Книги «Методий»* восстановление Далмации в *Летописи* описывается трижды. Первый раз, как уже говорилось, — при описании правления Силимира, третий же позднее, в начале «Требиньской легенды». В сравнении с первым и третьим второе описание, приуроченное к правлению Святополка и почерпнутое из **Книги «Методий»*, наименее достоверное и наиболее идиллическое. Христиане-далматинцы без всяких специальных упоминаний о дани получают возможность отстроить и заселить свои «города и села». С другой стороны, происходит это по «приказу» славянского короля, и его право повелевать Далмацией ни на минуту не ставится под сомнение. Далматинцы, по контексту, точно такие же его подданные, как и славяне. В *Летописи* утверждение такого порядка отнесено еще к временам Силимира, так что все выглядит вполне логично. Собственно, эта версия рисует возрождение Далмации как слияние двух народов в едином и до того государстве и в единой отныне вере.

Реальные события IX в. восстанавливаются по отрывочным, а частью (Фома Сплитский) довольно поздним свидетельствам фрагментарно. В начале IX в. в связи с борьбой против франков происходит активизация византийской политики в Адриатическом бассейне. Немногие уцелевшие города Далмации используются империей как базы для флота и передовые оборонительные форпосты. В Далмации создается территориальная единица империи во главе с правителем, носившим титул архонта [Византиски извори, 1966: 3—4]. Центром архонства являлся Задар, где еще в 805 г. был собственный правитель с титулом «дукса» (дожа, дуки) [Documenta, 1877: 310], а к 821 г. сидел византийский «префект провинции» [Documenta, 1877: 326]. Последнее, очевидно, — латинское соответствие отмеченному в византийском источнике титулу «архонт». Последний титул давался в империи вассальным князьям (особенно славянским), а также правителям полуавтономных отдаленных провинций империи, наподобие Херсонеса. Архонтами назначались обычно представители местной знати.

Несколько иной была ситуация дальше на юг, в пределах созданной в то же время провинции Диррахий. Теснее связанная с коренной Византией, она была оформлена не как архонтат, а как обычная военно-административная единица — фема во главе с «патриkiem и стратегом». В подчинении стратега находились местные архонты — влиятельная городская старшина [Византиски извори, 1966: 3]. В состав фемы Диррахий была включена и южная окраина Далмации с центром в Баре-Антибари. Он уже не был единственным уцелевшим роман-

ским городом в округе — неподалеку в начале века отстраивается как минимум Улцинь. Описанное в «Летописи» далее деление Далмации (с отнесением Рагузы в северную часть) больше соответствует именно границам византийских провинций IX в.

Помимо Задара и Бара, другими далматинскими центрами к началу IX в. являлись Котор, Рагуза, Трогир, а также Крк, Раб и Осор (Црес). На этой первой стадии восстановления Далмации возникают или возрождаются новые крепости и городки — как на островах, так и на побережье. Некоторые из них очень быстро ослабли. Таковы, например, Нин, древнеримская Нона, позднее первая столица и митрополия Хорватии, или Стон, будущий политический и религиозный центр Захумья. Самым значительным из возникших к середине IX в. городов был Сплит, основанный потомками беженцев из Салоны, которые вернулись с островов на материк. Первое признаваемое достоверным упоминание Сплита содержится в грамоте хорватского князя Трпимира I от 852 г. Сплит фигурирует здесь уже как епархиальный центр («Салонская церковь») [Codex, 1967: 5]. Впрочем, Фома Сплитский датирует основание города и создание в нем архиепископии временем до 840 г. [Фома Сплитский, 1997: 43].

Константин Багрянородный характеризует первый этап возрождения Далмации следующим образом: сначала жители старых крепостей осели на островах. «Но так как паганы постоянно пленяли их и истребляли, они покинули эти острова, стремясь возделывать землю на материке. Однако этому воспротивились хорваты, ибо они еще не платили подати хорватам, а все, что с недавнего времени отдают славянам, они вносили своему стратигу» [Константин Багрянородный, 1991: 134—135]. Далее описывается урегулирование отношений при Василии I.

Ученый император вновь крайне тенденциозен, рисуя жизнь далматинцев как непрерывное бедствие, продолжавшееся до утверждения Македонской династии. Однако сходно рисует последовательность событий на основе тех же северных далматинских преданий и Фома. Когда «оказавшиеся на островах салонцы натерпелись от бесплодия земли и недостатка воды», то какая-то часть их выселилась в Задар. Остальных же, после долгих раздумий, убедил вернуться в окрестности старого города некто Север. Бывший дворец императора Диоклетиана («Спалато») салонцы превратили в цитадель нового города (о чем пишет и Константин). «Затем они начали мало-помалу выходить и возделывать близлежащие земли. Но как только вожди готов прослышали, что салонские граждане вернулись с островов, они сразу же начали вести против них военные действия, опустошая все их нивы и не позволяя им выходить и возделывать близлежащие земли» [Фома Сплитский, 1997: 39—41].

Между тем грамота Трпимира демонстрирует не только терпимость, но благожелательность хорватских князей к салонитам как будто как раз в описываемый период, в середине IX в. Как увидим далее, сплитское духовенство могло сыграть существенную роль в утверждении христианства в среде хорватов. Однако мирные отношения отнюдь не могли быть ни стабильными, ни преобладающими. Племенное пока еще общество хорватов едва ли могло вполне контролироваться княжеской властью. Да и ее отношения со Сплитом и другими далматинскими центрами прошли через разные этапы. Византийские власти в Далмации и сторонники империи в Венеции поддерживали в начале 820-х гг. восстание против франков славонского князя Людевита. Людевит же являлся врагом князя приморских хорватов Борны и его наследников. Если связи Приморской Хорватии со Сплитом восходят к этому времени, то они могли объясняться поддержкой князьями нового далматинского центра против связанного с империей Задара. В последующие же годы в статусе далматинских городов произошли в итоге оказавшиеся для них драматичными изменения.

При императоре Михаиле II (820—829) влияние Византии на западе Балкан вновь ослабло. Силы империи были отвлечены сначала мощным восстанием Фомы Славянина в Малой Азии, затем неудачными войнами с арабами на Средиземном море. По словам византийского хрониста, «еще и Далмация отложились тогда от Ромейского царства, и стали все они самостоятельными и независимыми» [Продолжатель, 1992: 39]. Согласно Константину Багрянородному, «когда... царство ромеев, по небрежению и неопытности правивших в то время, опустилось почти до ничтожества, особенно при Михаиле Травле из Амория, жители крепостей Далмации стали самостоятельными, не подвластными ни василевсу ромеев, ни кому-нибудь другому» [Константин Багрянородный, 1991: 112—113]. И ниже вновь: «Так как... из-за небрежения и неопытности правивших дела ромеев пришли в упадок, жители крепостей Далмации оказались самовластными, ни василевсу ромеев, ни кому-либо не подчиненными» [Константин Багрянородный, 1991: 113—114].

Ни в том, ни в другом случае речь не идет о мятеже или отложении от империи — просто о потере с ней реальных связей. Причин тому было достаточно. Не в последнюю очередь это были экспансия франков в Хорватии в ходе подавления восстания Людевита и связанное, должно быть, с ней же отложение от Византии сербских племен. Архонтов Далмации, вероятно, уже к середине IX в. в Константинополе утверждать перестали. Никаких следов византийского присутствия и влияния в грамоте Трпимира нет. Судя по другим источникам этого времени, Византия больше полагалась в регионе на Венецию, чем на города Далмации. Ослабла, вероятно, и власть империи на юге, в округе Антибари, о ситуации в которой сведения вообще отсутствуют.

Города возобновили автономное от центральной власти и друг от друга существование. В качестве «главного города» далматинцев со Сплитом и Задаром теперь соперничает Рагуза, которую так называет тот же Константин в *Жизнеописании Василия* [Продолжатель, 1992: 122].

В новой ситуации города выстраивали и новые, самостоятельные отношения со славянскими князьями и племенами, в том числе с хорватами. Конкретно Сплиту и конкретно на 852 г. удалось наладить отношения с Трпимиром I — что ничего не говорит о ситуации в других районах Приморья. Более того, уже в период понтификата Николая I (858—867) в Нине явно в противовес Сплиту без папского разрешения учреждается независимая хорватская епископия [Codex, 1967: 8]. Очевидно, к этому моменту отношения города с хорватским князем поменялись к худшему. При несопоставимости сил далматинцам приходилось или заинтересовывать в своем существовании славянских вождей, или постоянно и не слишком успешно бороться с ними. Поскольку именно последняя ситуация привела к заключению «пакта» при посредничестве Василия I, она и запомнилась в далматинском предании.

Предысторию «пакта» рассказывает Константин Багрянородный в своих сочинениях *Жизнеописание Василия* и *Об управлении Империей*. В обоих случаях излагаются одни и те же события, но в разной последовательности. Рассказ *Жизнеописание* имеет более четкие хронологические привязки, согласующиеся в основном с латинскими источниками.

В 866 г. Далматинское побережье было атаковано арабами, закрепившимися к тому времени в Бари (Константин ошибочно относит захват Бари арабами ко времени уже после 867 г.). В *Летописи* набег их описаны позже, в начале «Требиньской легенды», когда автор невольно возвращается к тем же, по сути, событиям IX столетия.

Арабы послали против Далмации флот из тридцати шести кораблей, захвативших много далматинских городов, и среди них Вутому [Будву], Росу и Нижний Декатор [Котор]. Поскольку все шло по их расчетам, враги подошли к главному городу всего этого народа (его название Рагуза) и довольно долго осаждали его. Но захватить его с налету они не могли из-за отчаянного сопротивления защитников, для которых, как говорится, дело шло о жизни и смерти. Какое-то время рагусяне терпели беды, но, доведенные до крайнего отчаяния и теснимые нуждой, отправили послов к царю [Михаилу III], словно и не знали, что совсем другим занят властитель, и просили пожалеть и защитить тех, кому грозило обратиться в данников, не признающих Христа. Послы еще не прибыли в царственный город и находились где-то в пути, когда покинул мир этот ничтожный царь, а самодержавная власть перешла к неусыпному и неустанному радетелю общего блага Василию. А он и прежде печалился и страдал их бедами и теперь выслушал послов со вниманием, хорошо понял все тяготы осажденных, счел раны едино-

верцев своей болью и принялся снаряжать тех, кто должен был отправиться на помощь просителям. Он оснастил флот в сто кораблей, все подготовил как должно, выбрал мужа, отличавшегося умом и опытностью (я имею в виду другария флота патрикия Никиту, по прозвищу Оорифа), и, будто испепеляющую молнию, послал его на врага. Между тем осаждавшие город африканские сарацины узнали от перебежчиков о послахе, отправленных рагусянами к царю просить помощи и подкрепления, и, поскольку быстро взяли город отчаялись, а прихода царского войска опасались, сняли осаду и ушли из тех мест [Продолжатель, 1992: 122—123].

В сочинении *Об управлении Империей* Константин Багрянородный описывает те же события короче и суше, но с некоторым уточнением длительности событий:

...Сарацины, прибыв из Африки, с 36 кораблями... достигли Далмации и разорили крепость Вутовы, крепость Россу и нижнюю крепость Декатеры. Пришли они и к крепости Раусия и осаждали ее 15 месяцев. Тогда, в силу обстоятельств, раусеи дали знать незабвенному василевсу Василию, говоря: «Смилуйся над нами, не допусти нашей гибели от отвергающих Христа». Василевс, сострадая, послал патрикия Никиту, другария флота, прозвище коего Оорифа, с сотней хеландий. Сарацины, проведав о прибытии судов патрикия другария флота, оставив крепость Раусий, переправились в Лагувардию [Южную Италию]... [Константин Багрянородный, 1991: 114—117].

Об «избавлении» Рагузы от врага под 867 г. сообщает также латинская *Сицилийская хроника* [Documenta, 1877: 356].

Появление на Адриатике византийского флота и сохранявшаяся арабская угроза изменили политическую ситуацию. Западная и Восточная империи при активном содействии римского папы, владениям которого мусульмане угрожали непосредственно, заключили против арабов союз. Хорваты и сербы в этой ситуации предпочли восстановить свои отношения с Византией, номинально признав власть императора (см.: [Константин Багрянородный, 1991: 112—115; Продолжатель, 1992: 123]).

Василий, разумеется, воспользовался этим для реального закрепления в Далмации. Была организована военная экспедиция против Бари, причем славянских князей с их дружинами «перевезли в Лагувардию на собственных своих судах жители крепости Раусий». В экспедиции «по царскому повелению» приняли участие «все из крепостей Далмации» [Константин, 1992: 116—117; Продолжатель, 1992: 123—124]. Поход, вопреки утверждениям Константина Багрянородного, обернулся со стороны его деда в основном военной демонстрацией (Бари в 871 г. отбили франки, а не ромеи [Documenta, 1877: 356—357, 362]). Однако он позволил продемонстрировать также силу и влияние импе-

рии в Далмации, что имело значимые последствия для далматинских городов.

Прежде всего была образована фема Далмация с регулярным византийским управлением. Во главе ее стоял, как и в соседнем Диррахии, наместник в чине «анфипата, патрикия и стратига», или просто стратига [Византиски извори, 1966: 4]. Центром византийской власти в Далмации, по крайней мере во второй половине X в., как и раньше, являлся Задар [Codex, 1967: 45].

Однако обычное управление в условиях частых конфликтов с хорватами наладить было невозможно. В 878 г. Василию удалось ненадолго утвердить на хорватском престоле своего ставленника Здеслава Трпимировича [Documenta, 1877: 373—374]. Возможно, именно в этот удачный момент (878—879) далматинцы Хорватского побережья, «будучи не в состоянии прожить... явились к приснопамятному василевсу Василию, поведав ему обо всем изложенном [конфликтах с хорватами]. Поэтому блаженный сей василевс постановил, чтобы они все даваемое стратигу отдавали славянам и жили в мире с ними, а стратигу предоставляли бы некую малость лишь в знак подчинения и зависимости от василевсов ромеев и своего стратига. С тех пор стали эти крепости подплатежными славянам и уплачивают им пакты: крепость Аспалаф — в 200 номисм, крепость Тетрангурии — в 100 номисм, крепость Диадоры — в 110 номисм, крепость Опсары — в 100 номисм, крепость Арва — в 100, крепость Векла — в 100, т. е. вместе 710 номисм, помимо вина и прочих различных продуктов, а все это выше, чем в номисмах» [Константин Багрянородный, 1991: 134—135].

Сходно в некоторых деталях, но разумно избегая упоминать как о византийском стратиге, так и о дани-«пактах», повествует Фома Сплитский:

...Граждане, посоветовавшись между собой, направили посольство к константинопольским императорам, смиренно умоляя и прося, чтобы им было позволено жить в Сплите и владеть по старому праву территорией своего города Салоны. Что и было сделано. Ведь послы, получив все, что хотели, возвратились к своим согражданам, принеся священный рескрипт государей-повелителей. Было направлено также предписание вождям готов и славян со строгим требованием, чтобы они не причиняли беспокойства жившим в Сплите салонским гражданам. Поэтому, получив предписание повелителей, они не осмеливались в дальнейшем выступать с оружием против сплитчан. После того как между ними был заключен мир, сплитчане постепенно стали водиться со славянами, устанавливая торговые связи, заключать браки, вступать с ними в мирные и дружественные отношения [Фома Сплитский, 1997: 41].

В итоге мер, принятых Василием, в северной части фемы Далмация установилось своеобразное троевластие. Из Задара фемой управлял стратиг, представляющий константинопольскую власть, — хотя

как минимум ко второй половине X в. наместник уже вновь назначался из местной знати. В церковном отношении уже к 925—928 гг. Далмация подчинилась Сплиту, и во всяком случае — папству. Отношения последнего с империей и патриархией после короткой оттепели скоро вновь стали напряженными. Наконец, все северные и центральные города фемы платили дань хорватским князьям, а затем королям, что позволяло хорватам считать их частью своей территории. Тем более что некоторые изначально далматинские города, как Нин, уже полностью перешли под власть хорватов. Собственно, эти воззрения хорватской знати, в XI в. уже в основном реализованные, отразила **Книга «Методий»*, а благодаря ей и *Летопись*. Глаголистское духовенство этого времени почти наверняка возлагало надежду на власть «своей» светской знати над далматинцами. Однако жесткая позиция Рима в отношении «учения Методия», как известно, не позволила этим надеждам оправдаться.

Ситуация на крайнем юге новой фемы и в тех далматинских городах, которые относились к феме Диррахий, различалась. Рагуза при Василии I тоже договорилась о «пакте» с соседними славянскими князьями: «Крепость Раусий лежит меж двух стран, захлумами и Тервунией [Требинье]. Виноградники жителей крепости находятся в обеих этих странах, и они уплачивают архонту захлумов 36 номисм и архонту Тервунии также 36 номисм» [Константин Багрянородный, 1991: 134—135]. По сравнению с данью, которую брали хорваты, эти выплаты сербо-приморским князьям носили почти символический характер. Котор, самый южный городской центр фемы Далмация, практически неприступный с суши, вообще не стал платить дань славянам. Не платила, видимо, и лежащая еще южнее «крепость» Будва.

Антибари, Улцинь (Элкиний) и Лежа (Элисс) были приписаны к феме Диррахий в качестве ее северных «малых крепостей» [Константин Багрянородный, 1991: 132—133]. О том, что они платили дань дуклянам, тоже ничего не говорится. Складывается ощущение, что то ли отношения дуклян с далматинцами не требовали «пакта», то ли Южная Далмация, прикрытая с юга Диррахием, а с севера твердыней Котора, вполне могла себя защитить без откупа.

Интересно отметить, что в дубровницких *Анналах* эти события, даже в непосредственно относящейся к городу части, практически не отражены или отражены смутно. Статьи за IX в. передают церковные легенды, предания о заселении города людьми разного происхождения (в том числе славянами), и среди прочего — об отношениях с «королями» Боснии [Annales, 1883: 11 etc.]. Нападения арабов отнесены к VIII в. (возможно, с прямой ошибкой на 100 лет) [Annales, 1883: 8, 10]. Это подтверждает общую недостоверность ранних разделов *Анналов*, которые начинают давать действительно «историческую» (с большой долей условности) информацию лишь с XI столетия.

Вече или «собор», собранный для утверждения новых «установлений», *Летопись* помещает на «Далмское поле», в «местности Далма». Далма, очевидно, тождественна области Дувно на территории современной Боснии и Герцеговины, античному городу Дельмина (см.: [Фома Сплитский, 1997: 25, 147]). Город Дельмина или Дельминий (Дувно), служивший центром округа, почти не упоминается в письменных источниках IX—XI вв. По утверждению Фомы Сплитского, здесь в IX в., после христианизации хорватов, появилась епархия, позднее подчинившаяся Сплиту [Фома Сплитский, 1997: 43]. Ее существование подтверждают акты Собора 928 г. [Codex, 1967: 37]. Но позднее упоминаний о ней нет.

Почти исключительно на основании *Летописи* и *Хорватской хроники* сложилось мнение о коронации на «Дуванском поле» первого короля Хорватии — Томислава (между 910 и 925 гг.). Реальных сведений об этом в источниках нет, но именно этой историографической конструкции город Дувно обязан современным названием — Томиславград. *Хорватская хроника* между тем называет не Дувно, а Ливно. Это город в той же местности, центр одноименной хорватской жупании, упоминаемой в ряде источников начиная с 892 г. [Codex, 1967: 24, 142, 160; Константин Багрянородный, 1991: 132—133]. В акте князя Мутимира ливенский жупан стоит третьим после самого князя и «жупана дворца». Константин называет Ливно первой из хорватских жупаний. Все это может указывать на какое-то действительно особое значение.

«Ливенское» и «Далмское» поля тождественны — обширная равнинная местность в окрестностях древнего Дельминия, в хорватской жупании Ливно. Впрочем, это едва ли делает более благодарными попытки сопоставлять его размеры с данными Константина Багрянородного [Константин Багрянородный, 1991: 138—139] о численности хорватского войска. Понятно, что описанный в *Летописи* собор больше принадлежит фольклору, чем истории.

Тем не менее предание о нем в Хорватии было достаточно устойчивым, о чем свидетельствует и коренная переработка текста *Летописи* в *Хорватской хронике*. Здесь мы, в частности, находим единственное не вызванное ошибками *Хроники* или латинских списков *Летописи* резкое расхождение в именах королей. В *Хронике* король-преобразователь назван не Святополком, а Будимиром. Очевидно, именно так к XV в. он помнился в хорватских преданиях. Многих исследователей это привело к естественному заключению, что версия о Будимире является первоначальной по отношению к книжной легенде о Святополке. Далее это послужило едва ли не базовым основанием для попыток доказать первичность *Хорватской хроники* или ее неизвестного латинского оригинала по отношению к *Летописи*.

Между тем для столь далеко идущих выводов нет оснований. Будимир не больше принадлежит истории Приморской Хорватии, чем Святополк. Точнее говоря — не принадлежит вовсе. Если Святополк является историческим лицом, пусть и не в хорватской истории, то князя или короля Будимира в истории не было. Считать чисто мифологического, насколько мы можем судить, персонажа первичным по отношению к историческому князю даже в контексте *Летописи* и *Хроники* излишне смело. Будимир — очевидно, поздний и собирательный фольклорный образ, частичными прототипами которого могли быть некоторые правители Хорватии IX в. В первую очередь, это Борна, с которым связывалась христианизация хорватов, и основатель последующей правящей династии Трпимир. Книжная традиция, сделавшая своим героем Святополка, и устное предание, создавшее «короля Будимира», приписывали им деяния князей Хорватии независимо друг от друга. Встретились они только в XV в. под пером создателя *Хорватской хроники*.

При этом имя Будимира действительно может восходить к эпохе Кирилла и Мефодия и иметь с ними прямую связь. Это объяснило бы происхождение предания. К 873—875 гг., времени освобождения Мефодия из швабского заточения, относится послание папы Иоанна VIII некоему Мутимиру, «дуксу [герцогу, князю] славянскому»:

Мы напоминаем тебе, чтобы ты следовал обычаю своих предков, насколько можно ревностно обращаясь с Паннонским диоцезом. И поскольку уже, благодарение Богу, от престола святого апостола Петра назначен епископ, обратись к его пастырскому попечению [Documenta, 1877: 367—368].

«Епископ» — конечно, Мефодий. Очевидно, папа, справедливо не полагаясь на твердость зависимого от немцев Коцела и не желая уступать им епархию, искал ей нового покровителя.

В сербской науке еще с XIX в. утвердилось мнение, что имеется в виду сербский князь Мутимир, действительно правивший около этого времени. Однако столь же давно выдвинуты и резонные возражения. Ничто не указывает на сербскую принадлежность адресата папы. Его земли, очевидно, располагались в Паннонии, к северо-западу от Сербии. Сербский князь ничем не мог помочь Мефодию в Сирмии или, тем более, севернее, поскольку не владел даже Белградом — там в 880-х гг. сидел болгарский наместник. К тому же совершенно неясно само отношение Сербии к Паннонскому диоцезу. Во всех раннесредневековых источниках Сербия относится к сфере церковного попечения балканских епархий. Ее земли относят к митрополиям Рагузы, Диррахия (затем Бара), Охрида, — но никак не Сирмия. «Паннонией» сербские земли, даже Загорье, никогда не считались, относясь скорее к «Далмации».

Очевидно, папское послание адресовано какому-то сильному племенному князю Паннонии, сохраняющему значительную автономию от Коцела и практически равному ему по статусу. Это мог быть правитель Славонии, междуречья Савы и Дравы, — т. е. в том числе непосредственной округи Сирмия. Отдельное княжество продолжало существовать здесь до конца IX в. Мы знаем в этот период лишь еще одного южнославянского князя с именем Мутимир. Это князь, пришедший к власти в Хорватии не позднее 892 г., когда выдал подтвердительную грамоту на дарения Трпимира I сплитскому архиепископу [Codex, 1967: 23—24]. Согласно Фоме Сплитскому, он являлся сыном Трпимира [Фома Сплитский, 1997: 44]. К 895 г. относится надпись князя (princeps) Мутимира [Mihaljević, 2011: 19]. Совпадение редких имен сербского и хорватского князей, видимо, указывает на родство династий по женской линии — как и другие подобные пересечения, весьма нередкие в регионе.

В начале 870-х гг. на хорватском престоле находился князь Домагой, не принадлежавший к роду Трпимира. Сыновья Трпимира, как полагают, в этот период были в изгнании. Только в 878 г., по смерти Домагая, Василий I, как говорилось выше, утвердил на хорватском престоле Здеслава, который уже через год потерял власть вместе с жизнью. Славонская Хорватия, находившаяся в постоянных контактах с Приморской, представляется весьма логичным пристанищем для одного из сыновей Трпимира. Тогда его «предки», упомянутые папой, — Трпимир и предыдущие князья хорватов, утвердившие христианство в Приморье. Мутимир, по контексту письма, лишь недавно стал княжить в Славонии, не был вовлечен в местные интриги, и Иоанн VIII рассчитывал найти в нем опору.

Насколько это удалось — сказать трудно. События в Моравии определили отбытие Мефодия после освобождения на север. Но Мутимир мог, по крайней мере в последующие годы, поддерживать глаголистскую партию. Кроме того, именно он, должно быть, завершил вместе со Святополком Моравским христианизацию Славонии. Более того, с княжением Мутимира в Приморье может быть связана попытка внедрить здесь глаголицу и славянскую службу, пресеченная уже при Томиславе Сплитским собором 925 г. Когда и при каких обстоятельствах Томислав сменил Мутимира и был ли он вообще его непосредственным преемником — неизвестно. Точно так же неизвестны и обстоятельства возвращения Мутимира в Приморье и его вокняжения.

Имя «Мутимир» (по смыслу несколько «негативное») само по себе могло быть переосмыслено в «позитивное» «Будимир» в устном творчестве. Однако стоит отметить, что последнее имя, крайне редкое, встречается в источниках именно в связи с правлением Мутимира. Двое приближенных князя — самый высокопоставленный, «жупан двorca», а также «жупан комитов» — звались Будимирами. Сын одного из них,

Стефан, занимал дворцовую должность третьего камерария [Codex, 1967: 24]. Очевидно, кому-то из этих Будимиров принадлежит надпись, датируемая рубежом IX и X вв. [Mihaljević, 2011: 20—21]. Видимо, эти люди играли значимую роль в политике Мутимира и на протяжении веков бытования преданий о нем могли отчасти слиться с ним в народной памяти. Другие исторические лица с именем «Будимир» в истории раннесредневековой Хорватии не встречаются до самого конца XI в.

Реальная история обращения хорватов в христианство прослеживается по источникам пунктирно, но основные вехи ее ясны. Первоначальное крещение хорватской знати, как говорилось выше, произошло при императоре Ираклии и папе Гонории, между 626 и 638 гг. Однако христианизация являлась во многом формальной, и к концу VIII в. хорваты христианами быть перестали. Учрежденная на их землях, по утверждению Константина Багрянородного, в VII в. архиепископия если и была, то прекратила существование. Связать эти события возможно со сложными перипетиями обращения соседней Хорутании (Карантании, земли современных Словении и Австрии). Там христианизация натолкнулась на упорное сопротивление части знати и народа, вылившееся в междоусобную войну (см.: [Алексеев, 2009: 316—317]).

Ситуация вновь изменилась после покорения франками Хорутании и разгрома ими Аварского каганата в Паннонии. Славонские и приморские хорваты вошли с франками, доселе своими номинальными союзниками, в прямое соприкосновение. Стремление Франкской империи распространить свою власть на хорватские земли принудило определяться в отношении к франкам и к христианству. Посавские хорваты во главе с Людевитом, сначала признав от франков зависимость, затем восстали против них. После шедшей несколько лет с переменным успехом войны франки в 822—823 гг. утвердили свое влияние в Славонии. Но оно было непрочным, как показало вокняжение Ратимира. Христианизация Славонии, о чем уже говорилось, могла затянуться до времен Святополка Моравского. Стоит отметить, что соседняя область южнославянских придунайских мораван оставалась «некрещеной» и в середине X в. (см.: [Константин Багрянородный, 1991: 164—165]).

Что касается Приморья, то оно в начале IX в. вернулось к христианству. Константин Багрянородный сообщает, что в тот же период, когда произошло восстание против франков, хорваты «оставаясь самовластными и независимыми... попросили Рим о святом крещении. И были посланы епископы, которые крестили их при Порине, архонте хорватов» [Константин Багрянородный, 1991: 132—133]. В другой главе Константин явно ошибочно относит крещение при Ираклии ко времени, когда «у этих хорватов архонтом был уже Порг» [Константин Багрянородный, 1991: 137—138].

Порин, или Порг, по почти единодушному мнению современных исследователей — Борна, князь приморских хорватов. Он являлся союзником и вассалом франков, враждовал с Людевитом и помогал франкам в борьбе с ним. Умер Борна в 821 г., а первый раз упоминается под 818 г. [Documenta, 1877: 320—325]. Правление его, конечно, должно было начаться несколько раньше. Как уже говорилось, его современником являлся папа Стефан IV — наиболее вероятный прототип папы Стефана из *Летописи*. Если крещение приморских хорватов произошло при нем, то еще до восстания Людевита, в 815—817 гг. Ко времени, когда князь Мислав (упомин. 839) одаривал созданную им церковь Святого Георгия в Путале близ Сплита [Codex, 1967: 3], хорваты Далмации уже исповедовали христианство.

Мнение о более раннем принятии христианства в качестве официальной религии основывается на латинской надписи пресвитера Иоанна из Нина. В надписи на каменной купели сообщается, что она изготовлена «во времена дукса Вышеслава» [Documenta, 1877: 376]. Надпись не датирована, однако среди хорватских князей IX—XI вв. Вышеслав неизвестен. В хорватской науке, особенно в последние десятилетия, надпись относят к самому началу IX в. Вышеслав тогда оказывается предшественником Борны, первым известным князем Хорватии и первым князем-христианином [Matijević Sokol, 2007]. С другой стороны, делались предположения о тождестве Вышеслава с одноименными сербскими князьями. Известен правивший в середине—второй половине VIII в. князь Рашки Вышеслав. Кроме того, Вышеславом могли звать отца или деда захумского князя первой половины X в. Михаила.

«Сербские» версии происхождения Вышеслава маловероятны — Нин никогда не относился к сфере влияния ни Хума, ни тем более Рашки. Однако и опровержением данных о крещении при Борне надпись, даже если принятая ныне ранняя датировка верна, служить не может. Прежде всего, в ней не сказано, что князь являлся христианином. Все, о чем свидетельствует текст, — это о вхождении Нина в состав владений Вышеслава и, очевидно, об интересе того к христианству. Иоанн, создавая надпись, молил св. Иоанна Крестителя о заступничестве за князя «и его клиентелу» — возможно, как раз об их крещении. При ином решении вопроса Вышеслав мог бы быть вторым преемником Борны и править между князьями Влăдиславом (упомин. 821) и Миславом (упомин. 839). Наконец, как показывает история разных славянских государств, за крещением отдельного князя далеко не всегда следовало крещение всей страны. В любом случае надпись свидетельствует об изначально существенной роли Нина в утверждении христианства в Хорватии.

В Сплите крещение хорватов связывалось с деятельностью местного духовенства. Согласно Фоме Сплитскому, первый архиепископ

Сплита Иоанн Равеннский, принявший престол вскоре после основания города, «принялся устраивать церкви и клир, внедрять учение, проповедовать и с особой тщательностью исполнять дело пастырского служения. Обходя земли Далмации и Славонии, он восстанавливал церкви, поставлял епископов, распределял церковные приходы, мало-помалу склонял грубые народы к католическому вероучению» [Фома Сплитский, 1997: 42]. В итоге «князья Славонии стали оказывать большое почтение церкви блаженного Домния, одаривая ее поместьями, многочисленными владениями и с радостным сердцем принося десятину и пожертвования... А после того как, благодаря проповедям вышеназванного Иоанна и других салонских пресулов, вожди готов и хорватов очистились от заразы арианской ереси, в Славонии были учреждены некоторые епископские церкви, так что помимо епископов Далмации на востоке появился епископ Дельминия... на западе — епископ Сисака» [Фома Сплитский, 1997: 43].

Участие сплитчан в христианском просвещении хорватов особых сомнений не вызывает. Об этом свидетельствуют связи, установившиеся у сплитской епархии к середине IX в. с хорватским княжеским домом. Грамота Трпимира I как будто подтверждает наличие в Сплите на 852 г. архиепископии — хотя корректность ее списков (не старше XVI в.) сомнительна. В любом случае историчность фигуры Иоанна Равеннского находится под большим вопросом. В сохранившихся актах его имени нет, как, впрочем, и имени его преемника Юстина, которого Фома относит к 840 г. Приписанное Иоанну Равеннскому у Фомы перенесение мощей свв. Домния и Анастасия [Фома Сплитский, 1997: 42—43] связано скорее с подлинным основателем сплитской митрополии Иоанном. Именно он добился закрепления архиепископского статуса на соборах 925 и 928 гг. [Codex, 1967: 29—39]. До этого, как увидим далее, титул главы сплитской церкви не устоялся и его роль в Далмации находилась под вопросом. Фома упоминает этого Иоанна отдельно от Равеннского и датирует 914 г. [Фома Сплитский, 1997: 43].

Возможно, на самом деле оба прелата тождественны, и на каком-то этапе произошла сознательная подтасовка с целью удревления «церкви Святого Домния». Однако это означает, что Иоанн (Равеннский?) мог сыграть роль разве что в дальнейшем укреплении христианства в Хорватии. Определенно боролся он с глаголизмом, который Фома далее отождествляет с «арианской ересью».

Описание учреждения и разграничения архиепископий Далмации, несомненно, имело крайнюю значимость и для создателей **Книги «Методий»*, и для обоих авторов *Летописи*. В памятнике создание Сплитской и Барской митрополий приписывается славянскому королю при участии посланцев как Рима, так и Константинополя. Это отражает сложный процесс становления церковной иерархии в Далмации. На него влияли все три стороны — и скорее не сотрудничая, а соперничая.

Аваро-славянское нашествие VII в. привело к разрушению древних далматинских епархий. Попыткой их возрождения могло быть создание папой Гонорием двух миссийных епархий в Хорватии, в том числе одной архиепископии. Однако они оказались недолговечны. Столь же неудачной оказалась попытка учредить миссийную архиепископию для сербских и дуклянских земель в Рагузе в VIII в. — если она и правда была предпринята. Полноценное возрождение церковной жизни оказалось возможно лишь с началом восстановления Далмации и после крещения хорватов. В 804—805 гг., при создании византийского архонства, «легатом Далмации» числился епископ Задара Донат [Documenta, 1877: 310].

Само по себе существование епархии в Сплите почти с момента основания города не должно вызывать сомнений. Однако статус и уровень этой епархии были непостоянны. В 852 г. князь Трпимир, как уже говорилось, именуется сплитского предстоятеля Петра архиепископом. Но от кого и когда тот получил паллий — неясно. Нет ни одной даже фальсифицированной учредительной грамоты сплитской митрополии, относящейся к первой половине IX в. Что еще существеннее, до X в. ни в одном папском акте, адресованном сплитской или «салонской» церкви, ее глава архиепископом не именуется. Ранее 879 г., кажется, вопрос о централизации церковного управления Далмации перед папством не вставал. Если Петр действительно титуловался архиепископом, то не исключено получение им этого сана от Трпимира — конечно, совершенно незаконное с точки зрения римского престола. «Лазейкой» здесь могло являться именно существование в VII—VIII вв. архиепископского престола в Хорватии. Князь мог признать Петра преемником прежних глав местной церкви.

Такой ход ставил сплитскую церковь в полную зависимость от княжеских прихотей. При папе Николае I (858—867) в Хорватии, не спросив разрешения Рима, учреждают новую епископию в Нине. От понтифика последовало гневное послание: «Церковь, собрание католиков, как можно учреждать без Апостольского Престола, когда, согласно священным установлениям, без разрешения папы и базилики нельзя построить, которая есть самим католикам вместилище?» [Codex, 1967: 8]. Результата оно не возымело — разве что формальное разрешение было в итоге получено, — и нинская епархия продолжила существовать рядом со сплитской. Послание того же папы «салонской» церкви [Documenta, 1877: 185] не несет никаких следов признания ее митрополией. На юге на статус «главного города» всей Далмации, как мы видели, в середине IX в. претендовала или продолжала претендовать Рагуза.

В понтификат Иоанна VIII, после создания фемы Далмация, стала вполне осязаемой угрозой потери Римом церковной власти за Адриатикой. На рубеже 872 и 873 гг. папа пишет послание хорватскому князю

Домагою, в котором обрушивается на патриарха Игнатия за «присвоение» Болгарии [Codex, 1967: 9]. Приход к власти при поддержке Византии Здеслава в 878 г. привел к ослаблению связей Хорватии с Римом, хотя Иоанн VIII и писал к новому князю как к «возлюбленному сыну» [Codex, 1967: 12]. Переворот 879 г., в результате которого Здеслав был свергнут и убит, а его место занял князь Бранимир, вызвал в курии однозначное одобрение. Иоанн отправил новому князю, духовенству «и всему народу» послания, в которых одобрял «возвращение» к Римской церкви и требовал верности в дальнейшем. Папа, в частности, утвердил избрание нинским епископом сторонника нового князя Феодосия и пригласил его получить посвящение в Риме [Codex, 1967: 13—16].

Именно эти события побудили Рим вернуться к мысли о создании в Далмации архиепископии. Через несколько дней после писем в Хорватию папа отправил послание прелатам Далмации. Он призвал их также вернуться в подчинение Римской церкви (которое, очевидно, поколебалось после возвращения ромеев) и избрать архиепископа. Папа обещал утвердить избранника. Послание адресовано епископам Виталию Задарскому и Доминику Осорскому, а также архипресвитеру (!) Сплита Иоанну и городским общинам Сплита и Задара. Очевидно, именно эти два города рассматривались как наиболее вероятные центры будущей митрополии. Рагуза и Нин не упоминаются [Codex, 1967: 16—17]. Феодосий побывал в Риме и был утвержден только в качестве епископа Нинского [Codex, 1967: 18—19]. Это его совершенно не удовлетворило.

В 886 г., воспользовавшись смертью нового сплитского епископа Марина (так и не ставшего архиепископом), Феодосий занял сплитскую кафедру. Не рассчитывая уже на утверждение в Риме, он получил посвящение от аквилейского патриарха. Это вызвало конфликт папского престола с Аквилеей, Сплитом и Нином. Папа Стефан V написал серию увещательных писем — и в конце концов согласился предоставить Феодосию архиепископский паллий за Сплит, если он прибудет в Рим [Codex, 1967: 19—22]. Вероятно, это произошло, и Феодосий был первым утвержденным в Риме сплитским архиепископом. Однако единство сплитской и нинской церковью продлилось лишь до его смерти, которая последовала уже вскоре. К 892 г. они разделились вновь и спорили между собой из-за пожалований Трпимира сплитскому священству [Codex, 1967: 23].

На архиепископию, вероятно, претендовали обе стороны. В преддверии местного церковного Собора 925 г. между Сплитом и Нином развернулась ожесточенная борьба. Нинский «епископ Григорий... заставил сплитского архиепископа Иоанна претерпеть множество неприятностей, уклоняясь от должного ему повиновения и несправедливо заявляя о своих притязаниях на права митрополита» [Фома Сплит-

ский, 1997: 51]. Собор прошел в Сплите и в целом завершился победой Иоанна. Папа продолжил признавать архиепископом его, но пригласил его с Григорием в Рим для окончательного разбирательства [Codex, 1967: 28—36]. На соборе урегулировали спор епископов Котора и Рагузы [Codex, 1967: 31]. Это означало расширение притязаний сплитской митрополии далеко на юг. Согласно *Большой салонской истории*, собор преследовал цель объединить все епархии Далмации, Хорватии и Сербии [Codex, 1967: 33].

Наконец, Второй Сплитский собор 928 г. завершился однозначным торжеством Сплита и Иоанна. Нинская епархия была ликвидирована, и Сплит стал единственной митрополией Хорватии. В числе далматинских епархий, подчиненных отныне Сплиту, назывались Задар, Раб, Крк, Осор, на «востоке» — Стон, Рагуза, Котор. Подчинялись Сплиту теперь и хорватские епархиальные центры — Скардона, Сисак, Дельминий [Codex, 1967: 37—39]. Попытки в XI в. учредить независимую от Сплита хорватскую епископию и использовать ее в интересах глаголизма окончились неудачей. На местном церковном Соборе 1073 г. наряду с «Хорватской» епархией с центром в Книне была официально восстановлена Нинская и обе вновь подчинены Сплиту. В этот период подчиненная Сплиту епархия была уже и в Трогире [Фома Сплитский, 1997: 46—51].

Однако за относительной стабилизацией церковного управления на севере в первых десятилетиях X в. последовала ожесточенная и не прекратившаяся в исследуемый период борьба двух центров на юге — Рагузы и Бара. Изучение ее затрудняется тем, что практически все ранние документы, определяющие права и границы южных архиепископий, находятся под сомнением. О грамоте (743) от имени папы Захарии уже говорилось, но и более поздние акты XI и даже XII в. оспаривались не раз. Думается, однако, что они могут отражать реальные колебания папства относительно выбора митрополии для «Верхней» Далмации. Термин этот, кстати, не старше XI в. — в X в. Антибари и окрестные города относились к Далмации только этнически.

Как уже говорилось ранее, после восстановления имперской власти при Василии I Антибари и Улцинь были закреплены за фемой Диррахий. Это означало и подчинение местных епархий митрополиту Диррахия, который, в свою очередь, принадлежал Константинопольской патриархии. С другой стороны, Рагуза и Котор входили в состав фемы Далмация, и их подчинение Сплиту (и Риму) после соборов 925—928 гг. было логично. Но продлилось оно сравнительно недолго, и причиной тому являлись политические обстоятельства.

Если Хорватия после 879 г. перестала быть объектом соперничества Римской и Константинопольской церквей, то в сербских землях и Дукле дело обстоит иначе. Дукля оказалась «поделена» между Котором, с одной стороны, и Антибари и Улцинем — с другой. Рагуза мог-

ла претендовать на роль сербской митрополии, однако в реальной ситуации X в. эту роль, вероятно, играл скорее Диррахий (через посредство Антибари). Рашка оставалась в то время независимой (и еще неустроенной) в церковном отношении. Захумский князь Михаил участвовал в Сплитском соборе 925 г., и епархия Стона (видимо, захватывавшая и Боснию) подчинилась Сплиту. И Требинье, и Хум были тесно связаны с Рагузой, получая от нее символическую дань. Однако Антибари и Диррахий находились ближе Сплита, и за их спиной была политическая мощь Византии. К тому же в Рагузе и Которе был силен сепаратизм. В случае новой активизации империи на западе Балкан вопрос о церковной принадлежности Сербии и Дукли мог решиться не в пользу Рима.

Почти так и произошло в начале XI в. Серия Болгарских войн, в которых империя после долгой борьбы одержала в 1018 г. победу, резко изменила и политическую, и церковную карту. Сербские земли — и Загорье, и Приморье — попали на некоторое время под контроль Византии. В Приморье это усилило влияние Диррахия и Антибари. Для Загорья была учреждена или утверждена императорской властью епархия в городе Расе на границе Рашки и Болгарии. Согласно хрисовулу императора Василия II от 1020 г., подчинялась она Охридской митрополии [Гръцки извори, 1966: 48].

Именно в это время Рагуза и Котор выходят из подчинения Сплиту. Очевидно, толчком к тому послужило ослабление связей с ним в условиях бесконечных войн на материке. Фома Сплитский игнорирует создание Рагузской архиепископии, но передает легенду о создании Барской. Согласно этому преданию, епископы южных городов погибли в кораблекрушении, направляясь на собор в Сплит. Тогда граждане обратились к папе с просьбой об учреждении особой митрополии для Верхней Далмации [Фома Сплитский, 1997: 45]. По данным дубровницких *Анналов*, «первый архиепископ Рагузы» Иоанн начал править в 980 г. [Annales, 1883: 23]. Упоминает его, без всяких дат, и Милеций в своей стихотворной хронике [Annales, 1883: 174]. В гораздо более надежном и раннем источнике — венецианской *Хронике* Иоанна Дьякона — архиепископ в Рагузе упомянут под 998 г. [Documenta, 1877: 428]. Позднейшие дубровницкие хронисты, пользовавшиеся уже и *Летописью* (как Н. Раньина), сочинили легенду, будто Иоанн бежал в Дубровник из Антибари. Эта компромиссная версия признала известное из *Летописи* первенство барского престола, но утверждала, что он законным образом перешел в Дубровник. В ранних источниках никаких оснований для таких построений нет.

Первая из папских грамот XI в., утверждающих Рагузскую архиепископию, относится к 1022 г. Иными словами, она (если является подлинной) издана всего через четыре года после окончания Болгарской войны и спустя два года после установления границ митрополий

Охрида и Диррахия. В этом контексте она смотрится как логичный ответ Рима на усиление позиций Константинополя в Сербии. В довольно хаотичной обстановке на землях Диррахия, где городская знать демонстрировала самостоятельность во время войны, папа Бенедикт VIII предпринял попытку контратаки через Рагузу. Его буллой рагузский архиепископ Виталий получал в свою власть не только Котор, но и другие епархии «Эпидавра» — Антибари и Улцинь. Кроме того, новой митрополии передавались Захумье, Сербия и Требинье [Codex, 1967: 61—62]. Курия, надо отметить, выжидала довольно долго. По сведениям Милеция, Виталий был уже третьим архиепископом Рагузы после Иоанна и Никифора [Annales, 1883: 208, 211].

Однако вскоре ситуация снова менялась. Во-первых, Рагузе не удалось воплотить свои притязания в жизнь. Бар и Улцинь, судя по всему, хотя и тяготели к Риму, но переходить в подчинение Рагузе не желали. Котор же на какое-то время признал верховенство итальянской архиепископии Бари [Codice, 1964: 22]. Во-вторых, успехом окончилась освободительная война сербо-дуклян против Византии. Граждане Антибари, поддержав князя Стефана Воислава, обеспечили своему городу роль церковной столицы вновь образованной державы. Находясь во вражде с Византией, Дуклянская держава обратилась за оформлением иерархии в Рим. Прямая связь с княжеской властью помогла Антибари, который позиционировал себя как преемник древней Диоклии, одержать первую победу над Рагузой.

В начале 1050-х гг. по неясным причинам рагузский архиерей Виталий (тот же или его преемник и тезка) стал именоваться просто епископом [Codex, 1967: 80]. В 1058 г. он вроде бы признавался архиепископом со стороны требиньского (?) короля Радослава [Codex, 1967: 84]. Но в 1074 г. папа называет Виталия, свергнутого согражданами, епископом [Codex, 1967: 134].

К 1067 г. относится (если является подлинной!) первая папская булла, утверждающая Барскую митрополию. Подробности ее учреждения Фома Сплитский передает, скорее всего, с изрядной долей фантастики. Но независимо от достоверности истории с кораблекрушением характерно согласие сплитского духовенства на создание митрополии в Антибари (не в Рагузе!). Это неудивительно, поскольку, согласно булле 1067 г., она ничем Сплит не ущемляла. К епархиям Диоклийской церкви булла относит Антибари, Котор, Улцинь, Свач, Дриваст, Полат, Сербию, Боснию и Требинье. Ей должны подчиняться также монастыри в этих пределах — будь то латинские, греческие или славянские [Documenta, 1877: 201—202]. Последний оборот, кстати, в максимально корректной форме намекал на разрешение в новой митрополии славянского богослужения. В ведении же Рагузы могло остаться непокорное Дуклянской державе Хумское княжество. В ближайшие десятилетия позиции сторон принципиально не менялись. Ан-

тибари боролся за самостоятельность и превосходство над Рагузой; Рагуза — за полное поглощение и подчинение соперника.

Нетрудно видеть, что позиция «летописца» здесь отличается. И он, и Фома Сплитский «делят» конкурирующую Рагузскую митрополию, но делят прямо противоположным образом. Саму соперницу-Рагузу сплитский хронист «уступает» Антибари, зато относит к числу подчиненных Сплиту хумскую епархию в Стоне [Фома Сплитский, 1997: 43]. Точно так же барский «летописец» вручает Рагузу Сплиту, зато выражает претензии на Захумье. О разделе Далмации, очевидно, речь шла и в **Книге «Мефодий»*, — однако указывалась там как митрополия Верхней Далмации Рагуза или Антибари, сказать нельзя. Если Рагуза, — то дуклянский автор, конечно, «исправил» это упущение.

Интересно именование Южной Далмации «Красной Хорватией», «Червонной» по-славянски. Как уже говорилось в предисловии, оно может отражать предания о происхождении первой аваро-славянской волны завоевателей Далмации (в том числе дуклян) от легендарного племени червян. Последнее, упомянутое у *Баварского географа* IX в., дало название и Червонной Руси на правобережье Западного Буга (см.: [Алексеев, 2009: 36—37]). Что касается понятия «Белая Хорватия» по отношению к собственно Хорватии, то оно встречается также в русской летописи и у Константина Багрянородного. У последнего «Белая Хорватия» — прародина хорватов в Центральной Европе. Русский летописец называет «хорватов белых» вместе с сербами и хорутанами — т. е. в числе южнославянских племен, вопреки традиционной трактовке этих хорватов как карпатских. Последние в других местах летописи зовутся как раз просто «хорватами». Название «Белая» (изначально, возможно, со смыслом «Западная») Хорватия могло, таким образом, прилагаться и к центральноевропейским (чешским), и к балканским хорватам. Те и другие являлись «западными» по отношению к карпатской прародине.

Определение границ Боснии и Сербии-Рашки для столь раннего времени ценно и уникально. В **Книге «Мефодий»*, как и за век до нее у Константина Багрянородного, Босния и собственно Сербия (Рашка) — две области Сербии в широком смысле слова. С другой стороны, в отличие от Константина, приморские области к Сербии ни в каком смысле не относятся. Западная точка Боснии — Борова Глава недалеко от Ливно, что точно соответствует указаниям на Ливно как восточный предел Хорватии. Река Дрина традиционно считалась границей Рашки и Боснии. Однако в середине X в. владения сербских князей распространялись и на северо-запад за Дрину — им принадлежала «крепость» Салинес (ныне Тузла) [Константин Багрянородный, 1991: 148—149 и примеч.]. От Дрины земли Рашки тянулись широким поясом на юго-восток до Косова Поля, захватывая на востоке эпонимный город Рас, достигая реки Лаб и дальше на юг Липляна. Известно о борьбе за Липлян в конце XI в. между ромеями и рашанами.

Политическое устройство, описанное в *Летописи*, соответствует политическому устройству Хорватии XI в. И Сербия, и Хорватия, и Дуклянская держава делились на жупании, однако титул бана был специфически хорватским. Баны Сербии и Верхней Далмации — вымысел автора **Книги «Методий»*, обосновывавшего широкие притязания хорватских королей. «Летописец» подхватил эту выдумку, поскольку она позволяла ему скрыть статус суверенных князей в пределах мифического «Королевства славян». Так появляются в последующем повествовании «бан Сербии», «бан Превалитанской области [т. е. Дукли]».

Выстроенная в *Летописи* иерархия титулов соответствует ситуации XI в. Сотники («центурионы») неоднократно упоминаются в документах начиная с 1028 г. [Codex, 1967: 67]. Они действительно стояли в иерархии ниже банов и жупанов, выполняя административные функции на местах. О делении Хорватии на жупании достоверно известно с конца IX в. — впервые жупаны названы в грамоте Трпимира от 852 г. [Codex, 1967: 6]. Конкретные жупании (Ливно и Клис) впервые упоминаются в грамоте Мутимира 892 г. Титул «жупан» носили тогда также высшие чиновники — «жупан дворца» и т. д. Во времена Константина Багрянородного жупаний было 14. Из них 11 подчинялись, как и жупании в *Летописи*, непосредственно королю, а 3 — бану (бояну) [Константин Багрянородный, 1991: 132—133]. Власть жупанов в ту пору у хорватов, как и у сербов, носила во многом патриархальный — возможно выборный — характер. Константин в другом месте определяет жупанов как «старцев», противопоставляя им «архонтов», утверждаемых из Константинополя [Константин Багрянородный, 1991: 112—113].

Бан во времена Константина был один. Вопреки *Летописи*, он не был представителем правящей династии. Упоминание о «бояне» у Константина (термин по происхождению аварский) явно связано с имеющимся выше указанием на обитающие в Хорватии «остатки аваров, которых и считают аварами» [Константин Багрянородный, 1991: 130—131]. Давно уже утвердилось справедливое мнение, что боян изначально и являлся вождем этих авар. Первое упоминание бана в актах относится также к середине X в. [Codex, 1967: 41]. Первое определенное упоминание о более чем одном бане относится к 1069 г. [Codex, 1967: 113]. Около этого же времени или чуть ранее банами в отдельных областях оказываются представители королевской династии. Так, будущий король Звонимир являлся до восшествия на престол баном Хорватии.

Известен список хорватских банатов и банов из *Супетарского картулярия*. Его автор, подобно *Летописи*, относил учреждение титула бана Хорватии к временам «короля Светопелега». Если перед нами не фальсификат на основе *Летописи*, то в основе этого утверждения

лежит традиция, совпадающая с **Книгой «Методий»*. Названы семь банатов: Хорватия, Босния, Славония, Пожега, Подрамье, Албания, Срем. Приводимый далее перечень самих банов Хорватии не включает ряда хорошо известных лиц. Впрочем, судить об этом из-за порчи текста трудно. Заметка призвана обосновать права лишь перечисленных в начале ее шести хорватских кланов-«родов» на титул бана [Documenta, 1877: 486]. Тем не менее если перечень банатов построен в порядке их возникновения, то можно заключить, что умножение титула «бана» произошло в первой половине XI в. Причинами тому было распространение влияния хорватских королей на Боснию и Славонию.

Летопись отражает промежуточную стадию, когда не появились еще баны в Песенде и Подрамье и не оформилась самостоятельность Славонии. При этом сохранялась надежда на дальнейшую экспансию на восток и создание банатов наподобие боснийского в Рашке и «Верхней Далмации». След этих надежд мы находим еще и в названном перечне, где самыми последними названы банаты в Среме, у границ Рашки, и в «Албании». Все это скорее подтверждает существование **Книги «Методий»* как хорватского источника XI в., использованного при создании *Летописи*.

Соотнесение банов и жупанов с «дуксами» (герцогами) и «коми-тами» (графами) страдает условностью и является, конечно, творчеством латинского «переводчика». В хорватской практике XI в. такого отождествления не существовало, и титул «дукс» обычно считался более высоким, соответствующим скорее княжескому («кнез» в *Летописи*). «Дуксами» именуются хорватские князья IX—X вв. в латинских анналах и актах.

Итоговой ссылкой на **Книгу «Методий»*, собственно правая часть которой «летописца» не заинтересовала (кроме вопроса неприкосновенности церковного имущества), использование ее прекращается. После этого действие, вполне логично для обширного пространства вымышленного «Королевства славян», плавно перетекает в Дуклю. Король Святополк после эпического сорокалетнего срока правления оказывается погребенным в церкви Святой Марии «в Диоклии». Здесь мы возвращаемся, таким образом, к дуклянской традиции, происхождение которой рассмотрим в комментарии к следующей главе.

Глава 10

Светолик — имя, совершенно неизвестное в сербохорватской истории IX—XII вв. Это заставляет видеть в нем искусственный конструкт письменной или устной традиции, эпитет наподобие «Остроило» в начале *Летописи*. Если «Остроило» в дуклянской традиции — «устроитель» языческого еще княжения, то имя «Светолик» (Святолик?) есте-

ственно было бы придать первому князю-христианину. Последнее место оказалось занято воспринятым из **Книги «Мефодий»* Святополком. Однако Светолик сохранил один важный признак первого христианского правителя, к тому же надежно привязывающий его к Дукле. Он — первый из «королей», «избранный и поставленный», помазанный на правление в храме Святой Марии в «Диоклии». Возможно, там же показывали и его гробницу, которую «летописец» приписал Святополку. Между тем последний с церковью Святой Марии никак не связан. Его венчание на трон происходило, согласно легенде из **Книги «Мефодий»*, в Хорватии, на Дуванском поле.

Церковь Святой Марии в «Диоклии» явно не является вымыслом — ее упоминание мотивировано обычаем «избирать и ставить» королей именно в ней, актуальным, очевидно, и во времена «летописца». Местонахождение церкви неясно. «Летописец» называет Антибари «Диоклией» только в официальном церковном контексте. Как местоположение, как город Антибари всегда выступает под собственным именем. К тому же главной святыней Антибари являлась церковь Святого Георгия. Об этом известно как из *Летописи*, так и из других источников начиная с XI в.

Очевидно, «Диоклия» здесь — «город Дукля», центр славянского княжества где-то поблизости от древней Диоклии. Уточнить его подлинное название в описываемое время (IX—X вв.) затруднительно. Константин Багрянородный упоминает у дуклян три «большие населенные крепости»: Градеты, Нуграде (явно славянское «Новград») и Лондодокла [Константин Багрянородный, 1991: 152—153]. Вторая часть последнего составного названия передает славянское «Дукля». Однако ни один из трех дуклянских градов не размещен убедительно на карте; их отождествляют с различными славянскими поселениями. Не исключено, что один из них — на самом деле Скодра, которую Константин нигде не упоминает.

Что касается «города Дукли» (Лондодокла = Люта-Дукля?), то в нем логично видеть предшественника позднейшей Рибницы, современной Подгорицы. Константин Багрянородный в другом месте характеризует древнюю крепость Диоклею как «теперь находящуюся во владении диоклетианов [дуклян], отчего и прозвище „диоклетианы“ осталось как название жителей той страны» [Константин Багрянородный, 1991: 110—111]. С другой стороны, это «пустующая крепость», в отличие от трех «больших населенных крепостей» дуклян [Константин Багрянородный, 1991: 152—153]. В Рибнице в начале XII в. существовала церковь Святой Марии — она упоминается в *Житии* Стефана Немана как место его первого, католического крещения [Стефан Провенчани, 1999: 18].

В рассказе о Светолике «летописец» первый раз касается обряда поставления короля. Прежние короли, по его версии, просто наследо-

вали власть, тогда как с утверждением христианства королей стали избирать. Это, естественно, попытка придать легитимность обычаю, унаследованному, напротив, от первобытности. Норме, по мнению «летописца», соответствует избрание короля «народом» и духовенством после смерти и похорон предыдущего в главном храме Дукли. Напоминание об этом имело явный смысл и в связи с чередой грубых узурпаций, описанных в конце *Летописи*, и особенно в связи с завоеванием Дукли рашанами. В условиях середины XII в. требование выборности королей, как и по всей Европе, выдвигалось высшей феодальной знатью и прелатами, отражая их интересы.

Приписанный Светолику срок правления — типично фольклорные 12 лет. Это хронологическое указание имеет ровно столько же оснований считаться исторически достоверным, сколько и сорокалетнее правление его предшественника. С другой стороны, именно фольклорный характер этой «датировки» подтверждает принадлежность имени и образа Светолика устному преданию.

Основные вехи христианизации сербских племен и дуклян отчасти совпадают с вехами христианизации хорватов. Известны они почти исключительно из византийских источников, потому сведения еще фрагментарнее. Первоначальное крещение сербов, как уже говорилось, произошло в VII в. при Ираклии и Гонории. Однако о создании церковной иерархии в этой связи ничего не говорится. Византия придавала крещению исключительно политический смысл. Вероятно, изначально предполагалось, что сербов может окормлять архиепископия, созданная в Хорватии; в VIII в. эта роль могла предназначаться Рагузе, но не с большим успехом.

Константин Багрянородный говорит о крещении всех сербских племен (загорских сербов, захумов, конавлян и требиньцев), кроме неретвлян. Последние и позднее оставались стойкими язычниками, с чем связано их второе название — «паганы». Также некрещеными оставались, видимо, и дукляне, не входившие в сербский племенной союз и управлявшиеся собственным князем. Возможно, в VII—VIII вв. христианство и проникало в Дуклю, включая княжеский дом, но определенных данных об этом не имеется.

Номинальными христианами сербские князья и жупаны оставались до первых десятилетий IX в. Предание о князе Радославе, приводимое в *Летописи* позднее, позволяет предположить, что некоторые из них вполне серьезно относились к христианской вере. Тем не менее и в сербских землях, хотя и позднее, чем в Хорватии, произошло отступничество. Константин Багрянородный в сочинении *Об управлении Империей* относит его к 820-м гг., к правлению Михаила II:

...При Михаиле Травле из Амория... хорваты, сербы, захлумы, тервуниоты, каналиты, диоклетианы и паганы... взбунтовались против царства ромеев, оказались независимыми и самовластными, никому не

подчиненными. Архонтов же, как говорят, эти народы не имели, кроме старцев-жупанов, как это в правилах и в прочих Славиниях. Помимо этого, большинство этих славян не было крещено, и долгое время они оставались нехристями [Константин Багрянородный, 1991: 112—113].

Ситуацию, сложившуюся в результате «бунта», Константин характеризует двумя штрихами. С одной стороны, славяне перестали управляться архонтами, т. е. «законными», утвержденными в Константинополе правителями. С другой стороны, они теперь «оставались нехристями» — впрочем, Константин справедливо проговаривается, что и так «большинство не было крещено». Хорваты попали в перечень не как «нехристи», а ввиду своего перехода в те годы в сферу влияния франков. Определеннее высказывается Константин в *Жизнеописании Василия* — правда, здесь он относит отступничество уже к временам Михаила III (842—867):

...Скифы, обитающие в Паннонии, Далмации и лежащих за ними землях (я имею в виду хорватов, сербов, захлумов, тервунитов, каналитов, диоклетианов и рентанов) сбросили узду исконного ромейского владычества, приобрели самостоятельность и самовластие и стали управляться только собственными правителями. А большая их часть впала в отступничество еще большее и отреклась от Божественного крещения, так что уж не было у них больше залогов дружбы и служения ромеям [Продолжатель, 1992: 122].

«Бунт» сербских племен против формального византийского сюзеренитета и христианства мог быть следствием военных неудач империи — особенно в борьбе с традиционно союзными Рашке болгарами. Непосредственным же катализатором могли стать события в соседней Хорватии — усиление здесь франкского влияния и восстание Людевита. Известно, что в 822 г., потерпев поражение, он бежал в Сербию, где убил «дука», давшего ему приют, и завладел его землями. Затем, вступив в переговоры с императором Людовиком Благочестивым, Людевит вернулся в Хорватию, где был убит (должно быть, не без приказа императора) Людемыслом, дядей Борны [Documenta, 1877: 327—328].

Если при этом первом достоверном упоминании сербов в латинских источниках франкские хронисты точны в терминологии, то «дукс» — единственный тогда полноправный князь в Сербии, правитель Рашки. Таковым, согласно Константину Багрянородному, в первой трети или четверти IX в. являлся Просигой Родославич [Константин Багрянородный, 1991: 142—143]. Но убитый князь мог быть и каким-то неизвестным Константину правителем — скажем, братом и предшественником Просигоя. Возможно, возглавлявший языческую партию в Хорватии Людевит после убийства князя восстановил язычество и в Сербии. В условиях непрочной и формальной христианизации

его мимолетное правление оказалось достаточным толчком к общему отступничеству.

Конечно, отступничество не могло быть действительно тотальным. Отдельные князья, жупаны и представители знати могли принимать крещение даже в среде «паганов». Известно, например, что некий посланец неретвлян около 830 г. принял крещение от венецианского дожа Иоанна [Documenta, 1877: 334]. За этим, правда, последовала война на Адриатике, в которой неретвляне поддерживали вступившего в конфликт с Венецией хорватского князя Мислава [Documenta, 1877: 335—336]. Скорее всего, христианином являлся трebinьский жупан Белой, которого и *Летпись*, и дубровницкие предания считают пришельцем из Рима.

Однако новое крещение сербских племен последовало только с восстановлением византийской власти в Далмации при Василии I. Об этом сообщается уже в *Тактике* императора Льва VI, сына Василия и отца Багрянородного:

Наш отец и император ромеев Василий в силу выпавшего на его долю Божественного жребия отвратил этот народ от архаических племен и склонил к грекам, учредив управление по ромейскому образцу и удостоив их крещения, освободил их от рабства собственных вождей и наставил воевать против народов, враждебных ромеям. Необходимо старательно удерживать их в этом состоянии, поскольку когда ромеи проявляли беззаботность, зачастую возникала опасность со стороны славян... [Лев VI, 2012: 281].

Тем более что «даже те из них, которые к настоящему времени восприняли таинство спасительного крещения, сохраняют состояние древней свободы» [Лев VI, 2012: 281].

Подробнее события описывает Константин в тех же двух своих сочинениях. После снятия осады с Рагузы в 867—868 гг., согласно *Жизнеописанию*:

...Видя, какую помощь получили от ромеев жители Далмации, узнав о благожелательности, неизменной справедливости и добродетели нового ромейского царя, упомянутые племена (хорваты, сербы и остальные) предпочли находиться под добрым управлением, нежели ненадежно и в дерзости управлять самим, поспешили признать над собой прежнюю власть и вернуться под ромейское господство. Поэтому и они тоже (и те, что отложились, оставшись в той же вере, и те, что вовсе отреклись от Божественного крещения) отправили послов к царю, напомнили ко времени об исконном своем служении и сколь полезны были они некогда для ромеев и просили отдать их под милосердное ярмо Ромейской державы и власти ее пастыря. Царь благосклонно выслушал просьбу, поскольку и прежде огорчался и досадовал, что от его державы отсечена и отторгнута немалая часть, принял их, обошелся с ними благомысленно, будто милосердный отец с сыном, неразумно от него

отступившимся, а потом раскаявшимся и вернувшимся, и тотчас отправил вместе с царским человеком иереев, дабы прежде всего избавить их от грозящей душам опасности, вернуть к прежней вере и спасти от заблуждений, порожденных безумием и бездумием. По свершении сего богоугодного деяния, когда сподобились все Божественного крещения и вернулись к покорности ромеям, приобрела там полноту царская власть, и по человеколюбивому повелению властителя все получили себе в правители людей из своего племени. Ибо не стал он продавать должности правителей, чтобы поставить командовать тех, кто заплатит побольше и будет стричь, как овец, его подданных. Вот почему, поступая весьма разумно, он поставил править людей, ими самими выбранных и как бы утвержденных, кои как выборные правители должны были сохранить к ним отеческое благоволение [Продолжатель, 1992: 123].

В сочинении *Об управлении Империей* информация изложена короче, по-деловому, но с важными деталями:

При христолюбивом василевсе Василии они отправили апокрисиариюв, прося и умоляя его о том, чтобы некрещеные из них были крещены и они были бы, как и поначалу, подвластными царству ромеев. Выслушав их, блаженный сей и приснопамятный василевс послал василика вместе с иереями и крестил их всех, кто оказался из упомянутых выше народов некрещеным. Тогда, после крещения, он поставил для них архонтов, которых они сами хотели и выбирали из рода, почитаемого и любимого ими. С тех пор и донныне архонты у них появляются из тех же самых родов, а не из какого-нибудь иного. Что же касается паганов, называемых на языке ромеев аренданами, то они в непроходимых и обрывистых местах остались некрещеными. Ведь к тому же «паганы» на языке славян означает «нехристи». Но после этого и они, отправив послов к тому же приснопамятному василевсу, просили, чтобы крестили и их; послав, он крестил и их также [Константин Багрянородный, 1991: 112—115].

Далее славяне (кроме еще не крестившихся на тот момент паганов) участвовали в итальянской кампании 869—871 гг. [Константин Багрянородный, 1991: 116—117; Продолжатель, 1992: 124].

Несомненно, сведения о крещении относятся именно к сербам, а не к хорватам. Крещение — впрочем, еще и во времена Константина остававшееся формальным, — «поганых» неретвлян произошло, вероятно, после поражения, нанесенного им византийским флотом в 871 г. [Documenta, 1877: 360—363].

Понятно, что установление власти империи в сербских землях осталось номинальным, на что указывает и сохранение Василием местных владетельных родов. Тем не менее ряд изменений в политическую жизнь региона Василий все-таки внес. Самостоятельным княжеством (архонтством) стало ранее входившее в состав сербского племенного союза Захумье. Здесь Василий утвердил у власти переселенца из

Польши Выша, или Вышевича, — отца князя Михаила, правившего в первой половине X в. [Константин Багрянородный, 1991: 148—151]. Несколько позднее император попытался утвердить Трпимировичей на хорватском престоле. Однако в других областях, включая Рашку и Дуклю, у власти остались прежние князья и жупаны. Правителем Рашки на тот момент был Властимир Просигоевич; в Требинье правил Белой, сын которого Крайна позднее получил от своего тестя Властимира княжеское достоинство [Константин Багрянородный, 1991: 150—151]. Предания о Белое прямо связывают его с событиями 869—871 гг.; о Властимире же известно, что он пережил Белоя. О Дукле ничего не известно — имен тамошних «архонтов» Константин не называет.

Несомненным подтверждением христианизации сербских правящих домов является появление в них крестильных имен. Помимо Михаила Хумского, известны также Стефан Мутимирович и Петр Гойникович, внуки Властимира Сербского [Константин Багрянородный, 1991: 142—143]. Сохранилась печать князя Строимира Властимировича с крестом и греческой надписью: «Господи, помоги Строимиру» [Živković, 2007]. Строимир правил в Сербии совместно со своими братьями после смерти Мутимира, после 864 г. (время крещения болгарского князя Бориса-Михаила) воевал вместе с ними против болгар. Но затем сам Строимир был изгнан в Болгарию братом Мутимиром и нашел приют у того же Бориса (ум. 889). С учетом сведений Константина о времени крещения сербов следует помещать совместное правление сыновей Властимира в промежутке 870—889 гг.

Что касается Дукли, то здесь самым ранним указанием на христианство правителей является датируемая VIII—X вв. печать «царского спафарокандидата и архонта приморской Диоклеи» Никиты. На печати изображена Богоматерь [Catalogue, 2005: 154—155]. Возможно, Никита и упоминается на страницах «Летописи» в дальнейшем под своим славянским именем, но установить это нет никакой возможности. Если печать относится к VIII в., то принадлежит она скорее далматинскому правителю из Антибари (ср. указание на *приморскую Диоклею*).

В обоих сочинениях Константина есть важная параллель к традиции, отраженной в *Летописи*. С введением христианства и с примирением с империей связывается утверждение порядка интронизации местных князей. Причем и в византийских источниках, и в *Летописи* ключевым является выражение воли «народа» через избрание. С одной стороны, это отражение исторической реальности, мощных вечевых традиций славянского общества. С другой — доказательство достоверности сохраненного *Летописью* представления о том, что с принятием христианства в IX в. древние традиции получили официальную санкцию и от Церкви, и от Византии.

Глава 11

Эта глава, как и предыдущая, в основном составлена из прямых библейских цитаций, однако имя описываемого «короля» на этот раз вполне историческое — Владислав. Очевидно, что его краткая «биография» строится на сознательном контрасте с его «отцом» Светоликом.

Единственный князь по имени Владислав, известный в истории региона, — хорватский правитель IX в., преемник Борны. Однако известно о нем крайне мало. Единственное его упоминание читается в *Анналах королевства франков* (под 821 г.) и в *Жизни императора Людовика*: «...умер [или „лишился жизни“] Борна, дукс Далмации и Либурнии, и по просьбе народа император согласился назначить его племянника Владислава преемником» [Documenta, 1877: 325]. Больше о Владиславе ничего не известно. Неясно даже, оставался ли он еще князем приморских хорватов спустя два года. Тогда с беглым Людевитом Посавским разделался не Владислав, а дядя Борны по матери Людемысл [Documenta, 1877: 328].

Судя по *Летописи*, с фигурой Владислава в предании ассоциировалось некое нечестие. Возможно, речь идет о вероотступничестве. Ни подтвердить, ни опровергнуть эти припоминания нет никакой возможности. Нет возможности, конечно, и определить соотношение в них литературного трафарета и устной традиции.

В *Хорватской хронике* Владиславу дается крестильное имя Степан. Это четкое доказательство ее позднего происхождения. Нигде больше *Хроника* (и нигде на общем с ней пространстве *Летопись*) двойных имен не дает. Автор *Хроники* не удержался от ассоциации нечестивого древнего короля с высоко почитаемым среди православных сербов Стефаном Владиславом (король Сербии в 1234—1243 гг., затем князь Зеты).

С Владислава «летописец» на коротком отрезке вновь использует хорватскую традицию. Злосчастный, по версии *Летописи*, Владислав был введен как антитеза персонажу дуклянской традиции Светолику, также относящемуся к первым временам христианства в регионе. В оригинальной хорватской традиции (если *Летопись* точно основывается на ней) он противопоставлялся своему предшественнику, принявшему христианство. Следующий же герой *Летописи*, почерпнутый из тех же хорватских преданий («брат» Владислава поэтому), оказывается антитезой уже самому Владиславу.

Глава 12

Томислав — первый король (*rex*) Хорватии, благодаря этому факту ставший весьма значимой фигурой в историографии начиная уже с

раннего нового времени. Между тем упоминается он, помимо *Летописи*, только в двух источниках. Согласно Фоме Сплитскому, сплитский «архиепископ Иоанн был в 914 году во время князя Томислава» [Фома Сплитский, 1997: 43]. Следовательно, именно при этом князе (и благодаря ему?) Григорий Нинский «заставил... Иоанна претерпеть множество неприятностей» [Фома Сплитский, 1997: 51].

Собственно, для разрешения «неприятностей» и был созван Сплитский собор 925 г. Его акты — второй (и единственный синхронный) источник, упоминающий Томислава. Приводящая их *Большая салонская история* называет Томислава наряду с Михаилом Вышевичем из Хума в числе инициаторов собора [Codex, 1967: 32]. Послание папы Иоанна X обоим славянским правителям и архиепископу Иоанну посвящено осуждению славянского богослужения. Послание адресовано «возлюбленному сыну Томиславу, королю Хорватскому, и Михаилу, превосходнейшему дуксу Хумскому» [Codex, 1967: 34]. Отсюда можно сделать вывод, что Томислав принял королевский титул и получил его подтверждение от папы — возможно, в обмен на сдержанность в нинском вопросе и отказ от глаголизма. В актах Собора 928 г., ликвидировавшего нинскую епархию, Томислав уже не упоминается. Отсюда заключают, что в тот момент его не было в живых. Это подтверждается и именованьем нового хорватского правителя всего только *princeps* [Codex, 1967: 37].

Из этих скурых сведений нередко делаются далеко идущие выводы о внешней и внутренней политике первого хорватского короля. Между тем даже о внешнеполитической ориентации Томислава нет никаких четких сведений. Совместное с Михаилом Хумским проведение Собора 925 г. может свидетельствовать о тесных связях и союзе, а может — о частном совпадении интересов соседних правителей или даже о разногласиях.

Михаил — персона, гораздо лучше известная как из латинских, так и из византийских (Константин Багрянородный) источников. Михаил был сыном поставленного ромеями в Хуме польского выходца Выш(евич)а, носил имперский титул анфипата и патрикия [Константин Багрянородный, 1991: 148—149]. Тем не менее он вступил в союз с болгарским царем Симеоном, грозным врагом империи. В 912 г. Михаил захватил следовавшего из Константинополя через «пределы хорватов» Петра, сына венецианского дожа, и выдал его Симеону [Documenta, 1877: 388]. В 917 г. Михаил донес Симеону, что империя натравливает на Болгарию сербского князя Петра Гойниковича (кума Симеона) и венгров. Причиной Константин называет зависть со стороны Михаила ввиду поддержки, оказываемой имперским стратигом Диррахия Петру [Константин Багрянородный, 1991: 144—145]. В 926 г. Михаил, именуемый в итальянских анналах уже «королем славян», захватил город Сипонт в византийской Апулии [Documenta,

1877: 393]. Видимо, только после смерти Симеона в 927 г. Михаил вновь признал номинальную власть империи. Судя по всему, он еще правил в конце 40-х гг., когда Константин Багрянородный писал свой труд.

Что же касается политики в отношении Византии и Болгарии Томислава, предполагаемого союзника Михаила, то она долго строилась на строгом невмешательстве. Константин отмечает, что хорваты стремились сохранять мир с болгарами и «подвластность» (т. е. на практике опять же мир) по отношению к империи [Константин Багрянородный, 1991: 138—139]. Примерно в 926 г. в Хорватию бежал от болгар сербский князь Захария Прибиславич, союзник ромеев. За ним во время опустошения Сербии болгарами последовали многие сербы. В мае 927 г. Симеон двинул на Хорватию войско, но оно было уничтожено. Симеон умер в том же месяце [Константин Багрянородный, 1991: 146—147; Византиски извори, 1966: 12]. Хорваты, как и другие соседи (в том числе венгры), намеревались свести с болгарами счеты, что побудило последних спешно заключить мир с Византией [Византиски извори, 1966: 9]. При посредничестве как раз прибывших в Хорватию на новый собор папских посланцев в 928 г. мир между хорватами и болгарами был восстановлен [Codex, 1967: 37; Foretić, 1956: 30]. В связи со всеми этими событиями Томислав не упомянут нигде — вероятнее всего, он ко времени войны с болгарами уже умер. Симеон как раз мог попытаться воспользоваться междукняжием.

Ни происхождение самого Томислава, ни отношение его к последующим королям Хорватии совершенно неизвестны. Никто из преемников не называет его в качестве своего предка. Гипотеза о принадлежности его к династии Трпимировичей строится на серии допущений, которые перед лицом крайней нестабильности власти в Хорватии IX в. являются весьма вольными. Предшественник (возможно!) Томислава Мутимир (упомин. 892—895) являлся сыном Трпимира I. Последующие правители, начиная с Трпимира II (известного лишь по упоминанию у Константина Багрянородного), скорее всего, также были Трпимировичами. Однако из этого никак не следует, что к той же династии принадлежал и Томислав, об обстоятельствах прихода к власти и кончины которого мы ничего не знаем.

В *Летотиси*, как видим, Томислав предстает как борец с венгерским нашествием. Нет оснований сомневаться в историчности этого припоминания. Кочевые племена мадьяр, обосновавшиеся в Паннии в последние годы IX в., на протяжении первой половины X в. неоднократно совершали набеги на соседние страны — Германию, Чехию, Болгарию. В своих походах они достигали Италии и Византии. Это не препятствовало временным союзам (как, возможно, хорваты заключили с венграми в 927 г. союз против болгар). Но в целом венгры воспринимались в христианской Европе как один из страшнейших «бичей

Божьих», наряду с норманнами. В Хорватии нашли убежище некоторые жители Великой Моравии, разоренной венграми [Константин Багрянородный, 1991: 168—169]. Венгры захватили хорватское Славонское княжество между Савой и Дравой, где в конце IX в. правил некто Браслав [Documenta, 1877: 379—381].

О нападениях их на собственно Хорватию сведений в ранних источниках нет. О вторжении в Рашку и Хорватию во времена Арпада (конец IX—начало X в.) сообщают столь же легендарные по содержанию *Деяния венгров* конца XII в. По утверждению их анонимного автора, венгры «покорили страну Рашку и, схватив тамошнего дукса, долгое время держали его в цепях. Выступив оттуда, они прибыли к морю и подчинили силой или миром власти венгерского дукса Арпада все народы той страны. Завладели, сверх того, и городом Сплитом, как и всей Хорватией, а когда уходили оттуда, взяли сыновей знати в заложники и вернулись в Венгрию к дуксу Арпаду» [Латински извори, 2001: 46]. Позже говорится об установлении в X в. границ Венгрии «до земли Рашки» и «на запад до моря, где город Сплит» [Там же: 60].

О набегам на Хорватию упоминает еще венецианский хронист XIV в. Андреа Дандоло [Documenta, 1877: 394] — не исключено, что просто по обоснованной логике. Неясно, когда хорватские короли вернули Славонию и воссоединили ее с Хорватией, — во времена Константина Багрянородного этого еще не произошло. Связывать это событие с победой Томислава нельзя, притом что предание о ней имеет какую-то историческую основу.

Вождь венгров именуется Атиллой. Атила, гуннский вождь середины V в., как уже говорилось, действительно оставил след в истории Адриатического региона, и сохранение его имени в местной традиции неудивительно. Нет ничего странного и в связи Аттилы и венгров. Отождествление венгров с гуннами (основанное, в том числе, на названии «хунгуры», легшем в основу и славянского «угры») возникло в европейской книжности почти сразу. Под влиянием этого отождествления — а возможно, и каких-то собственных преданий — при венгерском королевском дворе Атилу стали считать предком. Первое упоминание об этом относится к началу 1060-х гг., когда венгерская королева в благодарность за оказанную ее сыну помощь в обретении трона подарила «меч Аттилы» баварскому герцогу Отто [Ламберт Херсфельдский, 2013: 80—81]. Таким образом, представление об Аттиле как предке венгерских королей уже к XII в. было хорошо известно за пределами Венгрии. На фольклорном пространстве *Летописи* (или ее устных источников) это вполне давало возможность встретиться с ним победителю венгров Томиславу.

Томиславу *Летопись* отводит 12—13-летний срок правления. С одной стороны, «в 13-й год своего правления умер» — отсылка к тем же самым фольклорным «12 годам» (полным), которые уже приписы-

вались Светолику. С другой стороны, и исторический Томислав мог править примерно 12 или 13 лет (ок. 914—926/7). Не стоит, наверное, придавать этому преувеличенное значение. Хронология *Летописи* по-прежнему остается фантастической, и появление рядом с Томиславом Аттилы — лишнее тому свидетельство. Что в рамках ученой книжности Далмации хронологическая разница между Аттилой и венграми была хорошо известна, доказывает Фома Сплитский: «Говорят, еще раньше [венгров] из названной страны вышел вождь Аттила» [Фома Сплитский, 1997: 44]. Но в *Летописи* мы в пространстве сугубо фольклорном, свободно обращаемся с категорией времени.

Нельзя, впрочем, не отметить, что с этого момента «летописец» становится к хронологии более внимателен. Приводимые им сроки правления уже не настолько вызывающе сказочны, как раньше, тяготеют к «точности». Но невозможно сказать, чего здесь больше. «Летописец» мог основываться на родовых преданиях, по мере приближения к современности все более склонных считать годы (ср. скандинавские саги). Но мог он и намеренно играть в «достоверность» с целью придать ее сознательно фальсифицированной исторической схеме. Именно эта фальсификация — вольное соединение разнородных исторических традиций Хорватии, Сербии, Дукли — делает для нас в большинстве случаев невозможной сверку хронологических указаний.

Глава 13

Себеслав — имя, не отмеченное ни в актах, ни в повествовательных источниках Сербо-Хорватского региона IX—XI вв. Ближе к нему латинское написание имени хорватского князя 878—879 гг. Здеслава Трпимировича — *Sedesclavus*. Однако, судя по упоминанию Скодры, здесь мы все-таки возвращаемся из Хорватии к дуклянской традиции, о которой *Летопись* является практически единственным источником. Нападение «греков» (далматинцев?) на занятую славянами Скодру и ответный поход славянского князя выглядят вполне достоверно для первых десятилетий X в. Следует отметить, что на дуклянском участке отношения славян и имперских городов, как уже говорилось, не были урегулированы «пактом» Василия I. Ромеи имели основания рассчитывать на расширение пределов фемы Диррахий за счет как минимум Скодры.

Скодра (ныне Шкодер, Албания) — ранее центр провинции Превалитания, к IX в. уже находилась в руках славян. В источниках VII—X вв., не считая сомнительной грамоты папы Захарии 743 г., город не упоминается. Константин Багрянородный не называет Скодру ни среди ромейских крепостей на границе Дукли и Диррахия, ни среди сла-

вянских крепостей Дукли. Впрочем, не исключено, что на том этапе славяне дали городу какое-то свое название.

Причина, по которой рассказ о Себеславе оказался в Летописи именно на этом месте, — очевидно, венгерское нашествие. Проникновение венгров в Сербо-Дуклянское Приморье вполне вероятно, — известно, что через Болгарию венгры достигали греческих городов на побережье Эгеиды. *Летопись* приписывает предводительство венграми тому же Атилге, что соответствовало приморским преданиям о его древнем нашествии. Это позволило «летописцу» связать Томислава и Себеслава в рамках единого сюжета. Точно датировать венгерский набег на Дуклю, конечно, невозможно.

Срок правления Себеслава, как и у его предшественника, иллюзорно «точный» — 24 года. Если у Томислава «точность» достигнута простой перефразировкой («через 12 лет» — «на 13-й год»), то у Себеслава — «удвоением» того же фольклорного двенадцатилетия.

Глава 14

Разбивой — персонаж столь же неизвестный, как и его отец. Имя это не только не встречается в источниках IX—XI вв., но и вообще является крайне редким, что побудило латинского «переводчика» пояснить его смысл. Поскольку Разбивой правил «Приморьем», мы и его должны счесть за персонажа дуклянских преданий — или, точнее, дуклянского княжеского перечня. В нем он, должно быть, следовал за Себеславом как его сын и наследник. «Седьмой год правления» здесь неудивителен.

Владимиру приписывается власть над «Сербией» — т. е. над Рашкой. Список сербских правителей IX—первой половины X в. известен благодаря Константину Багрянородному. Здесь фигурирует князь Властимир — имя, по звучанию и смыслу вполне преобразуемое в более привычное для XI—XII вв. «Владимир».

Согласно Константину, Властимир был сыном и преемником сербского князя Просигоя.

Вплоть до этого Властимира болгары были в мирных отношениях с сербами... В правление же этого Властимира Пресиам [Пресиан, 836—852 гг.], архонт Булгарии, пошел войной на сербов, желая покорить их, однако после трехлетней войны не только ничего не достиг, но и погубил множество своих воинов. После смерти архонта Властимира власть над Сербией унаследовали три его сына — Мунтимир [Мутимир], Строимир и Гойник [Константин Багрянородный, 1991: 142—143].

В другом месте говорится, что «Властимир выдал свою дочь за Краину, сына Белаи, жупана Тервунии. Желая оказать честь своему

зятю, он нарек его архонтом [т. е. князем], сделав его самовластным» [Константин Багрянородный, 1991: 151].

Последнее известие позволяет несколько уточнить хронологию правления Властимира. Известно, что сын его Мутимир умер в 891 г. [Константин Багрянородный, 1991: 144—145]. С именем трebinьского жупана Белого как в *Летописи*, так и независимо от нее в дубровницких преданиях связывается отражение арабских нашествий на Адриатике и «пакт» Рагузы со славянами. Это позволяет заключить, что Белой еще правил в конце 860-х гг. Властимир же пережил Белого и предоставил княжеские права его сыну Крайне. На этом основании можно сделать вывод, что Властимир умер в начале 870-х гг. Время начала его правления, с другой стороны, определить трудно. Просигой мог быть тем сербским князем, которого убил Людевит Посавский в 822 г. Но это мог быть и какой-то предшественник Просигоя — отец Родослав или, что более вероятно, не упомянутый Константином брат. Нет, наконец, никаких веских оснований утверждать, что Властимир был старшим или единственным сыном Просигоя. Во всяком случае, эти выкладки позволяют говорить, что как «отступничество» сербов произошло на памяти Властимира, так и их повторное крещение связано с его именем. Доверяться указанному в *Летописи* 20—27-летнему сроку правления было бы, наверно, опрометчиво.

Властимир вступил в союз с жупанами Требинье, ближайшими соседями Дукли с севера. Очевидно, сербский князь проводил в Приморье активную политику. Прочная память об этом в местных (в том числе важных для «летописца» трebinьских) преданиях и побудила включить Властимира в родословную древних «королей». При этом Властимир-Владимир оказался приписан в число первых христианских правителей Дукли, что лишний раз подтверждало право дуклянских королей на Загорье.

Конкретное место, на которое был поставлен Владимир, обусловлено представлением «летописца» о его женитьбе на дочери венгерского короля. В рамках *Летописи* известие об этом завершает первый венгерский сюжет установлением взаимного мира. В историческом же контексте появление такого представления несколько загадочно. Венгры переселились в Подунавье только в 890-х гг. Однако они появлялись здесь и раньше — в низовьях Дуная с 837 г., когда помогали болгарам против Византии, в среднем его течении с 862 г., когда мораване призвали их против немцев. Набеги венгров на подконтрольные франкам и болгарам придунайские области, до 890-х гг. обычно в союзе с мораванами, продолжались и позднее. В этом контексте нельзя исключить, что Властимир искал союза с воинственными кочевниками, в том числе и через династический брак. Впрочем, в предании об этом могли отражаться и позднейшие сербо-венгерские связи, о которых из других источников неизвестно.

Глава 15

Отдав дань устным традициям Сербии и Дукли, «летописец» возвращается к хорватской. При внешней случайности выборок, в его компиляции присутствует определенная логика. Сначала речь шла о князьях эпохи принятия христианства, затем были представлены «венгерский сюжет» и связанные с ним персонажи. Теперь следуют лица, не встраиваемые ни в тот, ни в другой цикл. Всем тем из них, с кем связан какой-либо сюжет, приходится иметь дело со смутами в самом легендарном «Королевстве славян». Здесь, конечно, отражается реальная борьба между славянскими политическими образованиями и внутри них в VIII—X вв.

Хранимир, как уже говорилось, соответствует историческому хорватскому князю IX в. Бранимиру. На это указывает как минимум помещение его в «Белой Хорватии» (т. е. собственно Хорватии), а также, как увидим, и приписываемые ему связи с Сербией. Бранимир — один из наиболее известных правителей ранней Хорватии, упоминаемый сравнительно со своими предшественниками и преемниками в большом числе источников.

В 879 г., согласно *Хронике* Иоанна Венецианского, «некий славянин по имени Бранимир, убив Здеслава, узурпировал его княжение (*ducatum*)» [Documenta, 1877: 374]. Здеслав Трпимирович пришел к власти всего за год до того, будучи посажен на хорватский престол императором Василием I. Происхождение Бранимира остается неизвестным. Возможно, он состоял в родстве с предшественником Здеслава Домагом, — а судя по имени, мог принадлежать к роду князя Борны (усеченная форма какого-то имени на «Бран-»). Известно, что «предки» Бранимира правили в Хорватии [Codex, 1904: 87].

Как уже говорилось, приход к власти Здеслава привел к ослаблению связей Хорватии с Римом. Бранимир же немедленно после прихода к власти отправил в Рим священника Иоанна с сообщением о возвращении к «верности» папскому престолу. 7 июня 879 г. папа Иоанн VIII, еще в начале года просивший содействия в болгарских делах у «возлюбленного сына» Здеслава, отправил в Хорватию сразу три послания.

Первое было обращено ко «всему почтенному священству» и «всему народу». Папа благодарил хорватов за возвращение под водительством князя (*princeps*) Бранимира под сень престола святого Петра и выражал надежду на дальнейшую их преданность [Codex, 1967: 13]. Во втором письме, адресованном самому «возлюбленному сыну Бранимиру», папа фактически прямо одобрял переворот, восхваляя верность Бранимира Риму и желая ему побед «над всеми врагами». Его приход к власти провозглашался плодом «милости Божьей» к папе и римской кафедре. В завершение папа просил теперь уже нового «сы-

на» помочь своему посланцу в Болгарию — тому же самому священнику Иоанну [Codex, 1967: 14—15]. Третье послание было адресовано Феодосию, «почтенному диакону и избраннику святой церкви Нинской». Последнего после захвата Бранимиром власти избрали епископом в княжеской столице Нине. Папа одобрял выбор и приглашал Феодосия в Рим для утверждения [Codex, 1967: 15—16].

Феодосий посетил Рим и высоко аттестовал папе своего князя. Однако претензии Феодосия на главенство над церквями в Далмации, видимо, насторожили понтифика. Папа не стал признавать за Бранимиром титул «герцога» (*dux*), равновеликий в западноевропейской иерархии славянскому «князь» и греческому «архонт» (применительно к славянским князьям). Последним «дуксом», признававшимся в Риме, был Домагой. Здеслава Иоанн VIII титуловал уже «комитом». Вот и папское послание примерно 880 г. адресовано «превосходнейшему мужу Бранимиру, славному *комиту* и возлюбленному сыну нашему, а равно всем правоверным священникам, и почтенным судьям [т. е. жупанам], и всему народу». Тем не менее само послание Иоанна VIII вновь было выдержано в самых дружественных тонах. Папа хвалил и Феодосия, и Бранимира за верность и просил прислать в Рим княжеских посланцев [Codex, 1967: 18—19]. Перед поездкой в Рим Феодосий не слишком успешно пытался посредничать между папой и болгарским князем Борисом-Михаилом [Codex, 1967: 19].

Столкновение с Римом, о котором уже говорилось, случилось позднее, но еще в правление Бранимира. Очевидно, тот поддерживал стремление своего ставленника возглавить далматинскую архиепископию и превратить Нин в церковную столицу Далмации. В 886 г. Феодосий занял сплитскую кафедру и получил посвящение от аквилейского патриарха. Бранимир остался в стороне от разразившегося скандала, поскольку над Сплитом никакой светской властью внешне не обладал. После эпистолярной перепалки папа Стефан VI согласился вручить паллий Феодосию, если тот прибудет за ним в Рим [Codex, 1967: 20—22]. Возможно, с этими событиями как-то связано недатированное пожалование Бранимиром сплитской церкви Святого Домния каких-то отнятых (?) дарений «его предков» [Codex, 1967: 22; 1904: 87]. При этой okazji он титуловал себя уже «дуксом»; так же («*dux* Склавонии») он назван и в *Истории* Фомы Сплитского. Последний называет Бранимира современником «корöля Карла» (император Карл III, 881—888) и сплитского архиепископа (на самом деле епископа, 879—886) Марина [Фома Сплитский, 1997: 43].

Известно пять несомненно связанных с Бранимиром надписей и одна, связанная предположительно [Mihaljević, 2011: 12, 16, 20, 22, 24, 26]. Наиболее известна ранее всего найденная и единственная точно датированная среди них — надпись 888 г. из церкви Святого Петра в Муче. Титул в ней отсутствует ввиду утери первых слов; восстанавли-

вается обычно как *dux* [Documenta, 1877: 375]. В надписи аббата Теудеберта из Нина Бранимир — «господин» и «*dux* славянский». В другой церковной надписи с севера Далмации, выполненной неким Здедрагом, — также «господин» и «*dux*». В надписи жупана Приштины из Ждрапаня под Скрадином — «*dux* славян». Наконец, в надписи из церкви в Бенковце избрана компромиссная формула: «*comes* и *dux* хорватский». Предпочтения самого Бранимира и лояльных ему подданных очевидны. Однако столь же очевидно, что «герцогское» достоинство так и осталось не вполне признанным — в первую очередь папством.

Это подтверждает и такой ценный источник, как помянник паломников из *Чивидальского Евангелия* — знаменитой итальянской святыни, приписывавшейся лично апостолу Марку. На страницах почитаемой книги вписывались имена поклонившихся ей, в том числе целого ряда известных славянских князей IX—X вв. Бранимир именуется здесь лишь *comiti*. Рядом с ним названа *cometissa* Мариоса — очевидно, его жена [Documenta, 1877: 383].

Обстоятельства, при которых окончилось княжение Бранимира, из синхронных источников неизвестны. Ясно, что это произошло между 888 и 892 гг., когда у власти уже находился новый князь Мутимир. Однако в свержение и насильственную смерть Бранимира, о которых говорит *Летопись*, вполне можно верить. Мутимир являлся сыном Трпимира I, братом Здеслава — следовательно, кровным врагом Бранимира. Вряд ли власть перешла от одного к другому бесконфликтно. Стоит отметить, что архиепископ Феодосий, вполне возможно, как-то разделил судьбу покровителя. В 892 г. мы обнаруживаем Мутимира улаживающим спор новых епископов — сплитского Петра II и нинского Альдафреда, причем в пользу Сплита [Codex, 1967: 23].

На время и обстоятельства смены власти в Хорватии могут пролить некоторый свет сведения Константина Багрянородного о событиях в соседней Сербии. Как раз в годы правления Бранимира в Хорватии получил убежище сбежавший от своего дяди, сербского князя Мутимира Властимировича, княжич Петр Гойникович. В 891 г. Мутимир Сербский умер, оставив княжение сыну Прибиславу. Через год, т. е. в 892 г., «выступив из Хорватии, упомянутый ранее Петр, сын Гоиника, отстраняет от власти своего двоюродного брата Прибислава с двумя его братьями и сам принимает власть, а те, бежав, являются в Хорватию». В 895 г. Бран Мутимирович попытался отвоевать Сербию, но был захвачен в плен и ослеплен [Константин Багрянородный, 1991: 144—145]. Внезапную смену политической ориентации Хорватии в сербских делах нельзя не связать со сменой власти, происшедшей как раз около этого времени. Очевидно, Петр Гойникович поддерживал прежнего князя и после его свержения просто не мог оставаться в

Хорватии. Враги же Петра нашли естественный приют и поддержку у Мутимира — тезки и, возможно, родственника их отца.

Если Петр участвовал в событиях начала 890-х гг. в Хорватии, то это позволяет внимательнее отнестись к рассказу *Летописи* о падении «короля Хранимира». За ним, должно быть, стояло подлинное и точное в ряде деталей предание. В нем отразились свержение Бранимира его противниками в Хорватии, попытка вернуть власть с опорой на лично зависящего от него сербского княжича и гибель в бою с новым хорватским князем Мутимиром. «Роды из Рашки и Боснии» могут быть как эпическим преувеличением самой устной традиции, так и следствием умозаключений «летописца».

Босния здесь впервые на страницах *Летописи* выступает как самостоятельная политическая единица, хотя об образовании в Загорье обеих «провинций» говорилось выше. В X—XI вв. Босния включала в себя внутренние и северные области позднейшего Боснийского королевства. Впрочем, границы ранней Боснии трудноопределимы. Сведений о ее истории крайне мало. У Константина Багрянородного выделяется из сербских земель Загорья особо «местность (хория) Босо́на». Ей, как и собственно Сербии (Рашке), принадлежат свои «населенные крепости», всего две: «Катера и Десник» [Константин Багрянородный, 1991: 148—149]. Местонахождение этих градов неизвестно. Известие Константина — первое свидетельство выделения сербских племен по реке Босне в отдельную политическую общность. Очевидно, к середине X в. или даже ранее местные жупы обладали широкой автономией или даже полной независимостью от Рашки.

Немало упоминаний о Боснии имеется в ранних разделах *Анналов дубровницкого Анонима*. Однако большинство из них связано с попытками удревнить боснийского князя (у Анонима «король») Стефана, правившего в конце XI в. и связанного с городом. О нем упоминают и *Летопись*, и Милеций. Сведения об этом первом историческом правителе Боснии будут разобраны далее. Следующее же после Константина упоминание Боснии относится к 1067 г. Оно содержится в сомнительной грамоте папы Александра II о создании барской архиепископии. Судя по всему, в XI в. Босния превратилась в объект соперничества Хорватии и Дукли. Хорватские короли стремились создать здесь банат, тогда как дуклянские — вассальное княжество. Тогда же начинают складываться тесные связи Боснии и Хумской земли, будущей Герцеговины. Надежно документированная история Боснии начинается не ранее второй половины XII в.

Упоминанием в этом месте *Летописи* Босния, возможно, обязана только месту последней битвы «Хранимира». Хумское поле расположено на юго-востоке средневековой Боснии. Название Хумского поля не связано с названием Хумской земли. Они происходят от двух разных гор с названием «Хум» (Холм). Гора, давшая имя Захумью и Хум-

ской земле, расположена к юго-востоку от современного Мостара; на ней выстроен город Хум (ныне Благой). Хум, от которого происходит название Хумского поля, находится гораздо севернее, в основном массиве Динарского нагорья. Автору *Хорватской хроники* это место было неизвестно, и он заменил его по аналогии с главой о Святополке-Будимире на Ливенское поле. Здесь вторичность *Хорватской хроники* и меньшая в сравнении с «летописцем» его географическая осведомленность вполне очевидны.

Глава 16

Твердослав — фигура совершенно неизвестная. Это имя не отмечено ни в актах, ни в надписях, ни в иных памятниках IX—XI вв. Хорватской истории оно не принадлежит. *Летопись*, по сути, ничего о нем не сообщает. «Восстановление королевства» было всего лишь насущной необходимостью для автора после гибели «Хранимира». Но ясно, что Твердослав, кем бы он ни был, присоединен к нему искусственно.

Заманчиво было бы увидеть в цепочке имен «Твердослав — Остривой — Толимир» продолжение дуклянского родословного ряда, прерванного на Разбивое Себеславиче. Но доказательств этого нет. Ясно, что в распоряжение «летописца» попал некий княжеский перечень без существенной конкретики, и это позволило «удлинить» родословную древних королей. Но был ли это перечень последующих дуклянских князей христианской эпохи либо какой-то иной, определить невозможно.

Глава 17

Остривой — тоже неизвестный истории персонаж. Отдельные усеченные имена на «Остр-» (Остриня, Острица) встречаются в хорватских латинских актах X—XI вв. Из трех безликих «королей», заполняющих разрыв между Хранимиром и Прибиславом *Летописи*, об Остривом сказано больше всего. Указано и то, что он был не сыном, а племянником своего предшественника, и конкретный срок его правления — 22 года. Определить происхождение этой информации невозможно. Очевидно лишь, что она доказывает связь между Твердославом и Остривом, а также значение Остривой для передатчиков включенного в ткань *Летописи* фрагмента из родослова.

Глава 18

Толимир завершает собой фрагмент неизвестной родословной. «Радость всей земли» в его правление — очевидно, не более чем лите-

ратурный прием «летописца». Он здесь по-своему логичен: это уже третье подряд вполне мирное и благополучное, по версии *Летописи*, правление. Имя «Толимир» несколько раз встречается в хорватских актах второй половины XI в. [Codex, 1967: 117, 119, 133, 157]. Речь идет о людях сравнительно невысокого статуса, свидетельствующих в числе прочих акты (в частности о «псаре»). Это говорит лишь о реальном употреблении имени в Сербо-Хорватском регионе в данную эпоху.

Глава 19

Прибислав — довольно распространенное славянское «княжеское» имя. В Югославянском регионе его носили, в частности, князь хорутан конца VIII в. [Documenta, 1877: 337] и упоминавшийся выше сербский князь, старший сын Мутимира. О нем известно лишь то, что в 891 г. он наследовал отцу, а через год был изгнан из Сербии Петром Гойниковичем вместе с двумя братьями. Приют они нашли в Хорватии. В 895 г. сербский престол пытался отвоевать уже следующий сын, Бран [Константин Багрянородный, 1991: 144—145], из чего можно сделать вывод, что Прибислава в живых не было. Сын Прибислава, Захария, какое-то время жил в Константинополе при императорском дворе. Позднее он стал сербским князем (920?—926) [Константин Багрянородный, 1991: 146—147].

В принципе, перипетии судьбы Прибислава Сербского вполне могли лечь в основу отраженного в *Летописи* предания о короле, которого за несправедливость убили «вельможи Боснии». Босния, находясь в сербо-хорватском пограничье, неизбежно оказывалась втянута в распри между двумя крупными княжествами. Обстоятельства же смерти Прибислава Сербского, последовавшей вскоре после его свержения, нам неизвестны.

Однако как раз распространенность имени «Прибислав» заставляет допускать и возможность иных толкований. В помяннике из *Чивидальского Евангелия* фигурируют два разных Прибислава, оба без каких-либо титулов [Documenta, 1877: 384]. Кроме того, в качестве усеченной формы от «Прибислав» могло восприниматься весьма распространенное среди хорватской знати имя «Прибина». В том же помяннике после слов «господин Трпимир» (Трпимир I) и молитвенного обращения следует перечень, вероятно, семьи и приближенных хорватского князя: «Прибина. Трпимир. Петр [сын Трпимира, особая запись о котором дана в помяннике ниже]. Мария...» [Documenta, 1877: 383]. Как видим, здесь имя Прибины предшествует имени самого князя, как и ниже, где другой Прибина, паннонский князь, поминается перед своим сыном Коцелом [Idem.]. Не исключено, что Прибиной звали отца Трпимира, о происхождении которого мы ничего не знаем.

В *Летописи* погибший в Боснии Прибислав выступает как отец короля Крепимира, в котором давно угадан Трпимир. Повествование о Крепимире начинается с упоминания мести за отца. Либо это искусственная связка, внесенная в предание самим «летописцем», — либо рассказ о Прибиславе представляет собой естественное введение, «пролог» к истории Крепимира. В последнем случае перед нами может быть отражение одного из ранних, совершенно неизвестных эпизодов борьбы хорватской знати за Боснию.

Стоит, впрочем, добавить, что отец Трпимира I не являлся на самом деле князем, или о его княжении нам ничего не известно. Предшественник Трпимира I — князь Мислав, упоминаемый в конце 30-х гг. IX в.

В эпизоде с Прибиславом впервые демонстрируется могущество местной знати, свергающей и даже убивающей королей по своему усмотрению. «Летописец» в дальнейшем еще не раз будет описывать схожие ситуации, актуальные и для его времени. Подобно многим средневековым авторам, он занимает в отношении их двойственную позицию. С одной стороны, короли могут быть сами виновны в «несправедливостях». С другой — такая вина не оправдывает, или не всегда оправдывает, самовольство аристократии. Наказание цареубийц в данном случае однозначно одобряется. Собственно, как уже дано понять в рассказе о Владиславе, несправедливого правителя все равно настигнет Божий суд.

Глава 20

Король Крепимир *Летописи* давно сопоставлен с хорватским князем Трпимиром I, и основания для такого соотнесения есть. Действие вновь происходит в Хорватии. Имя «короля» может рассматриваться как позитивная интерпретация имени «Трпимир». Речь идет о правителе «эпическом», герое воинских сказаний, чье правление запомнилось как долгое и победоносное.

Трпимир I — основатель династии Трпимировичей, которая, как обычно считается, правила Хорватией с перерывами (в основном в IX в.) до утраты ею независимости в конце XI в. Сведения о жизни и деятельности Трпимира содержатся в целом ряде синхронных источников. 3 марта 852 г. датируется грамота князя. В ней он (*dux Croatiae*) подтверждал дарения своего «предшественника» Мислава церкви Святого Георгия в Путале; сама же церковь передавалась Сплитской епархии в лице архиепископа Петра. Сплит признавался митрополией «всей Хорватской земли», «до берегов Дуная» [Codex, 1967: 4—7]. Как уже отмечалось, архиепископским достоинством Петр был обязан, скорее всего, самому Трпимиру. С другой стороны, он же, вероятно, учредил и конкурирующую епископию в своей столице Нине. Извест-

но, что это произошло в понтификат Николая I (858—867), большая часть которого выпадает на время правления Трпимира [Codex, 1967: 8]. Известна одна надпись Трпимира, где он также именуется *dux* [Mihaljević, 2011: 17].

В *Чивидальском Евангелии*, как уже сказано выше, вписано имя «господина Трпимира», за которым следует помянник из нескольких славянских имен подряд, начиная, вероятно, с членов княжеской семьи. В одной из позднейших записей отдельно назван «Петр, сын господина Трпимира» [Documenta, 1877: 383]. Лист с записью о Трпимире (5 об.) соседствует с записями о болгарской княжеской семье (3 об.—4), крестившейся в 864 г., и, предположительно, о Святополке Моравском (4 об.). На этом основании обычно считается, что Трпимир правил непосредственно до 864—865 гг., — в 865/6 г. упоминается уже новый хорватский князь Домагой, не из его рода [Documenta, 1877: 364]. Петр Трпимирович в других источниках не фигурирует. Только под своими славянскими именами известны двое сыновей Трпимира — Здеслав (князь Хорватии в 878—879 гг.) и Мутимир (упо- мин. 892—895).

Ко времени Трпимира относятся сообщения о различных внешних войнах. Как видно из грамоты 852 г., Трпимир претендовал на земли «до берегов Дуная», т. е. как минимум на Славонию. Здесь в то время сталкивались интересы Болгарии и Франкской империи (затем Восточно-Франкского королевства). С 845 по 853 г. болгары в союзе со «славянами» (вероятнее всего, славянскими хорватами или какой-то их частью) воевали против франков [Documenta, 1877: 357]. Тогда же, с середины 40-х гг., неретвляне и приморские хорваты возобновили военные действия в Адриатическом регионе. Известно о вторжении славян между 836 и 864 гг. во Фриуль. С Венецией Хорватия находилась в состоянии войны до первых лет правления Домагоя, а затем война возобновилась и продлилась до его смерти [Documenta, 1877: 363—366]. Кроме того, с 840-х гг. Далмация, на власть над которой Трпимир тоже, как видно из его связей со Сплитом, претендовал, опустошалась арабами из Бари. Так, в 843 г. они разорили Црес. Им противодействовали венецианцы. Дождь Петр получил полномочия от византийского патриарха Феодосия, безуспешно пытавшегося восстановить власть империи на Адриатике [Documenta, 1877: 355—356].

Видимо, уже после смерти Трпимира, при Домагое или его преемниках, между 864 и 889 гг., разразился упомянутый Константином Багрянородным конфликт Болгарии и Хорватии. Болгарский князь Борис, начав войну, не сумел одержать победу и заключил почетный мир. До этого, т. е. и при Трпимире, хорваты старательно сохраняли с болгарями, как и с Константинополем, мирные отношения [Константин Багрянородный, 1991: 138—139].

В 840-х гг., ранее 849 г., в «Далмации, Паннонии и Норике» жил Готшалк, монах Орбейского монастыря во Франции. Он сначала проповедовал в Италии, но был вынужден покинуть ее из-за обвинений в ереси. Пробыв несколько лет в хорватско-далматинских землях, Готшалк был вызван императорской властью на церковный собор в Реймсе. Здесь его осудили к публичной порке, а его книги — к сожжению [Documenta, 1877: 341]. Только в XX в. исследователям стало доступно сочинение Готшалка, в котором имеются упоминания о ситуации на Адриатике и о Трпимире. Последнего, как выяснилось, Готшалк знал лично.

Отрывочные известия из богословского трактата Готшалка породили несколько преувеличенные ожидания и далеко идущие выводы, особенно в хорватской науке. Между тем упоминания реалий далматинской жизни носят случайный характер и всецело подчинены теологическим целям его трактата [Rapanić, 2013]. С другой стороны, случайность подобных сведений не снижает их ценности. Готшалк для убедительности своей аргументации должен был использовать в основе привязанных к действительным местам и именам «притч» именно реалии, а не беспочвенные фантазии.

Иллюстрируя свои идеи предопределения, Готшалк рассказывает о встрече с Трпимиром перед его войной «с народом греков и их патрицием». По поведению лошадей в войске Готшалк будто бы предсказал «королю» (*rex Sclavorum*) победу, что и сбылось [Rapanić, 2013: 35]. К вопросу об употреблении в отношении Бога понятия *Deitas* или *Divinitas* («Божество») Готшалк приводит примеры из словоупотребления далматинцев. Последние, по его словам, обозначают в своей речи императора как *imperium* ('империя'), а короля как *regnum* ('королевство'). При этом не конкретизируется, о каком «королевстве» идет речь [Rapanić, 2013: 40—41].

Успешный для Трпимира конфликт с «греками» нет оснований отрицать. «Патриций» — очевидно, упоминавшийся выше патрикий Феодосий. Действовал он как раз в 840-х гг. Противниками Трпимира были, конечно, не собственно греки, а сторонники Феодосия из далматинских городов и, может быть, венецианцы. Степень серьезности и длительности этого конфликта нам просто неизвестны. Что касается именованя Трпимира «королем», то это противоречит всем остальным источникам и, видимо, является литературным штампом со стороны Готшалка. Во втором отрывке в «королях», с которыми имели дело далматинцы, следует видеть скорее франкских правителей. Впрочем, попытки со стороны далматинских сторонников Трпимира возвысить его статус (подкрепив тем и архиепископские притязания Сплита) были бы уместны. В тех же целях спустя века Фома Сплитский не только назвал Трпимира «королем», но и сдвинул его правле-

ние на сто с лишним лет вперед, когда Хорватия была уже королевством [Фома Сплитский, 1997: 44].

Как видим, бурное правление Трпимира вполне давало почву для эпических сказаний, вкратце отраженных в *Летописи*. Князь не придерживался какой-либо ориентации на внешние силы, борясь с Византией и Венецией за Далмацию, с франками — за фриульское пограничье в Истрии и Славонию. Все это требовало внутренней консолидации княжества — значит, не обходилось и без внутренней борьбы. Тем более что Трпимир, скорее всего, пришел к власти, отстранив правившую с VII в. династию Борны. Возможно, сторонником нового князя действительно выступил хорватский бан, как оно и предстает в *Летописи*.

В основу предания о конфликте с «германцами» легли в первую очередь припоминания о столкновениях времен Трпимира I в Истрии. Однако на пространстве *Летописи* — а может, и уже в устных ее источниках — здесь сконцентрировалась память обо всех франко-хорватских конфликтах. Так же произошло и в преданиях, отраженных у Константина Багрянородного. В один сюжет оказались объединены восстание посавских хорватов против франков и крещение приморских хорватов. Кроме того, возможно, к первому событию отнесена и гибель в какой-то войне с хорватами паннонского князя Коцела [Константин Багрянородный, 1991: 132—133].

Естественно, что *Летопись*, фиксирующая еще более позднее состояние устной памяти, содержит больше слияний и искажений. Существенно отметить, что во всех памятниках времен Трпимира нападающей стороной на всех направлениях предстают именно хорваты. Источники *Летописи*, таким образом, переосмыслили события. Приданию характерного для народного (не дружинного) эпоса оборонительного пафоса послужили воспоминания о более ранних и более поздних вторжениях с запада в хорватские земли. Установление мира, которое у Константина связывалось с крещением хорватов при Борне, в *Летописи* объяснено династическим браком. Таким образом, здесь на пространстве одной главы повторяется гораздо более растянутый «венгерский» сюжет: вторжение врага — тяжелая война — свадьба и мир.

Брак кого-то из сыновей Трпимира с немецкой или итальянской аристократкой возможен, однако достоверных сведений об этом нет. Искать соответствия «герцогу», «двоюродному брату императора» в истории IX в. вряд ли стоит. Под «императором» здесь, в отличие от всех других мест в *Летописи*, имеется в виду франкский или германский. В *Летописи*, скорее всего, отразилась ситуация второй половины X—начала XI в., когда в Баварии правила боковая ветвь немецкой императорской династии. Бавария — единственное немецкое герцогство, границы которого соприкасались с Хорватией.

Истрия в этом месте *Летониси* в первый и последний раз фигурирует как часть «Королевства славян». Реальные исторические судьбы полуострова в IX—X вв. известны плохо. На Истрию претендовали франки и Византия, тогда как внутренние области ее постепенно заселялись славянами. В 821 г. Истрия служила безопасным перевалочным пунктом для бегства из Венеции в византийский Задар [Documenta, 1877: 326]. В 872 г. у берегов Истрии пиратствовали «славяне» (хорваты или союзные им неретвляне). В 875 г. «роды славян и далматинцев» (очевидно, опять же хорваты и неретвляне) разорили Истрию, опустошив четыре города [Documenta, 1877: 365—366]. Константин Багрянородный свидетельствует, что на середину X в. Хорватия «простирается вдоль моря до пределов Истрии, а точнее — до крепости Алвуна [Лабин], а со стороны гор тянется где-то над фемой Истрия» [Константин Багрянородный, 1991: 132—133]. Отсюда видно, что император считал Истрию фемой Византии, однако на практике таковая не появилась даже в его время. Вскоре полуостров был разделен между баварцами, воссоздавшими франкскую Истрийскую марку, и венецианцами.

Срок правления Крепимира, указанный в *Летониси*, — 25 лет. Он точно соответствует максимальным вычислениям современными исследователями лет правления Трпимира I: ок. 840—865 гг.

В истории Хорватии был еще один правитель по имени Трпимир. О Трпимире II упоминает Константин Багрянородный как об «архонте» Хорватии и отце Крешимира I. Правил Трпимир II, вероятно, не позже 930-х гг., после Томислава. Судя по имени, он принадлежал к роду Трпимировичей и мог быть внуком Трпимира I по линии Здеслава или Мутимира. О том же свидетельствует и указание Константина, что у хорватов и сербов власть остается «донуине» в тех самых родах, которые некогда поддержал Василий I [Константин Багрянородный, 1991: 114—115]. В Хорватии это были Трпимировичи, хотя правление их отнюдь не было непрерывным.

О самом Трпимире II Константин сообщает только следующее:

...Во дни архонта Терпимера... прибыл из Франгии... некий муж по имени Мартин, из весьма благочестивых, хотя и одетых по-мирски, который, как говорили сами хорваты, совершил много чудес. Сей благочестивый муж, будучи слаб и не имея ног... заклинал хорватов хранить ту же заповедь святейшего папы до скончания их жизни, вознося за них и сам молитву, подобную молитве папы. По этой причине ни длинные суда этих хорватов, ни кондуры никогда не отправляются войною против кого-либо, если только не напали на них самих [Константин Багрянородный, 1991: 138—139].

Заповедь — «никогда не отправляться в чужую страну», — должно быть, использовалась хорватами во времена Константина для от-

клонения византийских просьб о поддержке против других народов. Так что весь рассказ о Мартине может быть плодом вымысла. Основой для него стали бы и древние предания о папских посланцах в Далмацию, и папское посольство 927—928 гг., отговорившее хорватов от войны с Болгарией. В любом случае Трпимир II, очевидно, проводил мирную политику и едва ли мог послужить прообразом короля Крепимира в *Летописи*.

Глава 21

О правлении Светозара в *Летописи* ничего существенного не сказано; это вновь компиляция шаблонных фраз, призванных позитивно охарактеризовать персонажа. Имя «Светозар» в истории региона не отмечено. Оно чаще встречается в фольклоре различных славянских народов, чем в реальности. Очевидно, это скорее хвалебное прозвище, наподобие прозвища «Светолик». В данном случае более заметны языческие солярные, чем христианские корни. Упоминание о благополучном правлении Светозара — логичный эпилог к рассказу о Крепимире. Этим упоминанием уравнивается горестный пролог, повествовавший о печальной участи Прибислава, и завершается очередной хорватский сюжет *Летописи*.

Глава 22

Радослав, судя по связи его со следующими далее Чаславом, Белым и Сербо-Дуклянским Приморьем — персонаж уже не хорватской, а сербской традиции. И соответствие ему в раннесредневековой истории Сербии есть — Константин Багрянородный называет сербского князя Родослава, сына Вышеслава, который правил примерно в последней трети VIII в. [Константин Багрянородный, 1991: 142—143].

Радослав оказался довольно популярным героем средневекового фольклора. Память о нем жила и в сербских землях, и в Дубровнике. Сведения дубровницких хронистов о Радославе (Радосаве) довольно запутанны. Но они вполне отчетливо перекликаются с более ранним преданием из *Летописи попа Дуклянина*. Радослав Белло, сын Стефана Белло, наполовину босниец, наполовину «римлянин», объявляется в дубровницких *Анналах* основателем Рагузы то ли в V, то ли в VI в. Его дед, тоже Радослав, «король Боснии», был изгнан в Рим своим сыном Бериславом [Annales, 1883: 3—4]. Но у «Дуклянина» основатель Рагузы, внук Радослава, — Павел-Белой Требиньский. Этот жупан Белой известен еще Константину Багрянородному [Константин Багрянородный, 1991: 150—151]. Теоретически он вполне мог быть и внуком Ро-

дослава. Легенда о его возвращении-бегстве из Рима находит параллель в известии Фомы Сплитского о «чужестранцах», изгнанных из Рима и основавших Дубровник [Фома Сплитский, 1997: 39]. Это явная пародия на изложенное у Дуклянина — следовательно, эта версия действительно ходила в Дубровнике.

Имя «Стефан» в связи с Радославом — дополнение поздней дубровницкой традиции. На страницах *Анналов* появляются целых две пары Стефан (Степан) — Радослав. Одна в V—VI вв., другая в VII в. [Annales, 1883: 5—8]. Датировки событий у Анонима происходят от стремления удревить прошлое Дубровника. Удвоение же Радослава вызвано расхождениями в дубровницких преданиях. В одних он — основатель родного города. В других — жестокий славянский тиран, подданные которого, босняки, бежали от него в Рагузу. Что до Стефана, то в IX в. на страницах *Анналов* неожиданно появляется еще один Степан Боснийский. Причем после него власть переходит к еще одному узурпатору — Бериславу [Annales, 1883: 15—20]. Историческим прототипом всех «Степанов» стал упоминаемый у Милеция боснийский князь XI в. Стефан [Annales, 1883: 207]. Появляется он и на страницах *Анналов*, и в одной из глав *Летописи*.

Только в *Летописи*, автор которой пытался создать единую родословную для всех известных ему сербохорватских князей, Радослав становится сыном Светозара и внуком Крепимира. Предание о нем помещается среди повествований о правителях IX—X вв. Это вызвано отождествлением его сына Берислава, названного так в *Анналах* Анонима [Annales, 1883: 3], с сербским князем X в. Чаславом. Как уже говорилось в предисловии, такое отождествление отвечало политическим задачам «летописца». Во-первых, он вводил в повествование легендарного родоначальника требиньской (и дуклянской) династии. Во-вторых, лишение Радослава сербского престола приписывалось тому правителю Рашки, на котором там прервалась княжеская династия. Таким образом, переход главенства в «Королевстве славян» к дуклянскому дому оказывался оправдан и предопределен. Точно так же оправданным оказывалось и подчинение Рашки Дукле. Итак, в обеих версиях — дуклянской и дубровницкой — предание о Радославе пережило различные наслоения, но основа его восстанавливается.

Представление Радослава как достойного, «украшенного всем» правителя отвечает преданиям об основании Дубровника и, видимо, сербо-дуклянской традиции. Но в ряде преданий далматинцев этот князь запечатлелся как «тиран». Если эти предания имеют под собой какую-то основу, то могли быть связаны с тем, что Радослав и до него его отец Вышеслав укрепляли княжескую власть и пытались объединить сербские земли. Недаром, вероятно, список сербских князей в трактате Константина Багрянородного начинается с них. Радославу, судя по упорному стремлению Анонима связать его с Боснией, уда-

лось покорить жупы по реке Босне, на крайнем западе. Еще его отец в середине VIII в. начал укреплять власть князей в Приморье. Недовольная местная знать со своими сторонниками тогда бежала в Далмацию, в том числе в Рагузу. Первое крупное выселение в город с Неретвы *Анналы* относят к 743 г. [Annales, 1883: 8].

Можно догадываться, что установление границы между княжеской Рашкой и Хорватией и привело к новой войне. До сих пор порубежные жупы сербов и хорватов поддерживали между собой мир. Стремление же Радослава к единству сербских племен встревожило соседей. *Летопись* представляет нам небывалое единое «Королевство славян». Потому «летописец» и рисует начало войны как восстание «бана Белой Хорватии» против короля. Из этой легендарной картины трудно понять, кто начинал войну в первоначальном предании. Радослав ли потребовал от князя (а не бана) хорватов дани? Тот ли выступил против него, спеша нанести первый удар? Ясно лишь, что хорватский князь не стал мириться с усилением сербского соседа. Надо учесть, что хорваты как раз к концу VIII в. отреклись от своего номинального христианства, а Радослав считал себя христианином. Это могло добавлять и тем и другим взаимной враждебности. Религиозность Радослава является существенным компонентом предания и может отражать верность, пусть и поверхностно воспринятой, христианской вере в княжеском доме.

Предание о свержении Радослава излагается в *Летописи* подробно, в дубровницких *Анналах* — в нескольких словах [Annales, 1883: 3]. Первоначальным именем сына князя следует признать сохраненное Анонимом «Берислав» [Шишић, 1928: 439]. Лишь в *Летописи* он получил имя и, вероятно, судьбу сербского князя Часлава. Зато дубровчане XV в., как мы видели, уже смешивали самого Радослава с его внуком (по Дуклянину) полуримлянином жупаном Белым, которому Дуклянин и приписывал основание Рагузы.

Предание содержит ряд деталей, характеризующих социальный строй сербов времен начального складывания государственности — возможно, действительно конца VIII в. В этом обществе высоко ценятся рабы-пленники. Власть князей по сравнению с первобытностью существенно возросла, и князь уже может единолично распоряжаться военной добычей. Это, естественно, вызывает часто недовольство — не только у жупанов и общинников, но и в самой княжеской дружине. Последняя оставляет за собой право и возможность свергнуть неугодного вождя. После этого неписаный закон требует его смерти — иначе новый правитель не будет иметь полноценного права на власть. Князья считают себя христианами и поддерживают какие-то контакты с Римом, но местного духовенства как будто не существует. Последняя черта ясно указывает на очень раннее происхождение предания.

Маршрут бегства Радослава определяется местными преданиями Адриатики. Сначала Радослав якобы скрылся на северных землях Дукли, в местности Ластва. Узнав о приближении сына, изгнанник бежал к морскому берегу. Здесь ему и воинам удалось вплавь добраться с лошадьми до скалистого гребня, на котором они и укрылись. Гребень получил позднее название «Радославов камень». Похожее по описанию скалы есть у дуклянской Ласты, но остров с таким названием расположен гораздо севернее, на другом конце Приморья, за Трогиром. Если Радослав бежал от хорватской границы, то путь вывел бы его скорее сюда. Так что «подлинный», в первоначальном предании, маршрут бегства князя нам неизвестен. «Дуклянину», конечно, хотелось бы связать «короля славян» со своими родными местами.

Историчность имени Берислава едва ли имеет смысл отрицать. Дубровницкие *Анналы* не только «удваивают» этого персонажа, но и называют его предком боснийца Вука, жившего в XI в. родоначальника фамилии Гради [Annales, 1883: 27]. Вероятно, Берислав, как и Радослав, являлись важными персонажами боснийской генеалогической традиции, нам совершенно неведомой. Сербское княжение Берислава, кажется, было недолгим и неудачным. По представлениям, вполне отраженным в *Летописи* и разделяемым ею, захвативший власть вождем оставался незаконным, пока Радослав был жив. У Константина в списке сербских князей Берислав не назван. Радославу здесь наследует другой сын — Просигой. От этого правителя и происходили позднейшие князья Сербии [Константин Багрянородный, 1991: 142—143]. Время, когда Просигой пришел к власти, и обстоятельства этого неизвестны. Какой-то сербский князь, как уже говорилось, был убит в 822 г. Людевитом Посавским, которому перед этим он дал приют. Это мог быть как Берислав, так и Просигой.

С именем Часлава «летописец» перекидывает мост практически через всю историю династии Вышеславичей — от начальных ее времен к концу. Гибель старого сербского княжества — один из ключевых с идеологической точки зрения моментов *Летописи*. Поглощенной оказывается вся реальная история древней Рашки (кроме описанного ранее правления «Владимира»-Властимира). «Летописец» совершенно сознательно сводит ее к двум именам — героя-предка, популярного в фольклоре и необходимого для тревиньской легенды, и последнего, в финале неудачливого правителя. В итоге достигается важный идейно-драматический эффект — гибель «королевства» становится наказанием за свержение отца.

Единственный, помимо *Летописи*, источник сведений о Чаславе — сочинение *Об управлении империей* Константина Багрянородного. По его сведениям, Часлав родился в Болгарии. Его отец Клонимир был сыном Строимира Властимировича, которого выслал в Болгарию его брат Мутимир. Князь Борис (до 889 г.) дал Клонимиру в жены

болгарку, от которой и родился Часлав. Клонимир в 897 г. бежал из Болгарии, безуспешно попытался свергнуть своего двоюродного брата Петра Гойниковича с сербского престола, но потерпел поражение и погиб [Константин Багрянородный, 1991: 144—145].

В 926/7 г., после того как сербский князь Захария Прибиславич, ставленник болгарского царя Симеона, предал его и перешел на сторону Византии, Симеон предпринял масштабное вторжение в Сербию. Симеон «послал новое войско... отправив с ними также и Часлава. Тогда Захария, испугавшись, бежит в Хорватию. Булгары же известили жупанов, чтобы те прибыли к ним и приняли Часлава к себе архонтом. Вызвали они их с помощью клятвенных заверений, но довели до первой деревни и, немедленно связав их, вступили в Сербию, забрали весь народ от мала до велика и увели в Булгарию. Некоторые, однако, бежав, ушли в Хорватию. Страна оказалась пустынной. Итак, в то время эти булгары вторглись в Хорватию во главе с Алогоботуром с целью войны, и все были перебиты там хорватами [927 г.]. Через семь лет [934 г.] Часлав, бежав от булгар с четырьмя другими, прибыл из Преслава в Сербию, но обнаружил в стране лишь 50 мужчин, не имеющих ни жен, ни детей, занятых охотой и кормивших себя. Овладев с ними страной, он сообщил об этом василевсу ромеев, прося его о защите и помощи, обещая нести службу и повиноваться его повелениям, как и архонты до него. И с тех пор василевс ромеев не переставал благодетельствовать его, так что и пребывавшие в Хорватии, Булгарии и прочих странах сербы, которых рассеял Симеон, услышав об этом, собрались к нему. Прибыло много беглецов из Булгарии и в Константинополь; василевс ромеев послал их к Чаславу, одев и облагодетельствовал. Благодаря богатым дарам василевса ромеев сплотил и заселил страну, как было прежде, он по-рабски подчинился василевсу ромеев, соединив эту страну и укрепив в ней в качестве архонта с содействия василевса и в результате его больших благодеяний» [Константин Багрянородный, 1991: 146—149].

Из этого фрагмента следует, что Часлав еще правил на момент написания Константином трактата (949). Император, конечно, субъективен. Это проявляется в усиленном подчеркивании и роли Константинополя в восстановлении Сербии, и якобы «рабской» зависимости Часлава от Византии. Характерно, что Константин не называет оказавшего поддержку императора — своего тестя Романа Лакапина, в котором видел узурпатора власти. В то же время вызывающее наибольшее сомнение, а то и возмущение исследователей, известие о полном опустошении Сербии болгарскими не столь нереально. Можно сомневаться в масштабности и успешности предпринятой болгарскими депортации, в том, что Часлав на всю страну нашел лишь 50 человек, — это преувеличения его придворных сказителей. Но подобные массовые выселения с соседних славянских территорий, захватывавшие целые племе-

на, болгары предпринимали уже и в VIII в. (см.: [Алексеев, 2009: 302—303]). Это был остаток распространенной в кочевых империях практики, и удивляться применению ее Симеоном против Сербии не следует.

В завершение этой же главы автор *Летописи* вводит в повествование родоначальника будущей сербской династии — Тихомила. Это одно из наиболее заметных подтверждений первичности *Летописи* по отношению к *Хорватской хронике*, где сюжетная линия Тихомила продолжения не получает. Между тем в рамках *Летописи* этот персонаж имеет важное значение. Он демонстрировал демократическое, «некорольское» происхождение современных автору правителей Рашки. В то же время Тихомил выступал как герой, в подвигах которого очевидны типичные для средневекового эпоса аллюзии на историю Давида и Голиафа. Его смирение и отказ в дальнейшем от королевского титула подчеркивают контраст с претензиями современных «летописцу» сербских жупанов. Правда, нельзя не отметить, что здесь «летописец» оказывался в ловушке собственных аналогий. Давид стал царем после впавшего в несправедность Саула; Тихомил унаследовал власть несправедливого Часлава; так не вправе ли Деса отнять власть Браниславичей?

Имя родоначальника сербских правителей «Тихомил» присутствует в сербских родословах и летописях позднего средневековья. Все они рассказывают в основном одну и ту же версию его истории, встраивая ее в генеалогию династии Неманичей. Родоначальником последних выступает Бела Урош, сын или внук императора Лициния (который объявляется сербом) от сестры святого Константина. После казни Лициния Константином «Бела Урош... ударился в бега, в твердую землю Захлумскую прибежал. И в брак себе взял дочь французского короля Анну и родил с ней двух сыновей, Тихомила и Чудомила. Сотворил же и церковь в Древах во имя святого Стефана Первомученика. Тогда земли той жители высоко выю держали, мудрствовали и блудили постыдно, нарекли Тихомила попом, а Чудомила епископом. Тихомил же родил 4 сыновей, всем украшенных и мужественных. Им же имена: Завида, Срацимир, Первослав, Стефан Неманя» [Стојановић, 1927: 14].

Такова краткая версия древнейшего *Родослова*, восходящего к XIV в. В вариантах утверждается, что церковь была построена не Белой, а его сыновьями; что Тихомил женился на дочери чешского короля. В версии патриарха Паисия (1642), пользовавшегося тем же древним *Родословом*, Бела Урош оказывается не сыном, а внуком или потомком Лициния:

Сын его... убежал в Готскую землю и родил сыновей по роду и колену. И оттуда был переселенец в Греческую землю. И родил сына, и

нарек ему имя Бела Урош, поскольку имел тот белые волосы, когда родился. Поскольку изгнал их царь болгарский, прибежали [они] в Зету, в твердую землю, т. е. Захлумье, и сочетался [Бела Урош] браком... [Стојановић, 1927: 14—15].

Позднейшие редакторы вносят мало изменений в эту основу. Паисий в своем кратком родословии вновь более реалистичен в определении временного расстояния от Лициния до Уроша: «И родил Лициний сынов и дочерей по роду и колону, до самого Бела Уроша...» [Стојановић, 1927: 40]. Начиная с Константина Философа (1431) родословие кое-где упрощали до прямой линии: Бела Урош — Тихомил — Стефан-Симеон [Стојановић, 1927: 44, 51—53, 58]. В *Родословие Пеятовича* (конец XV в.?) внесены более существенные изменения: дочь «французского короля» именуется Катариной; надменные жители Захумья названы «бошнянами». Уточняется, что «Чудомил остался бесплоден; Тихомил же родил с супругою своей, сестрой Звонимира, короля хорватского, 4-х сыновей» [Стојановић, 1927: 46]. В последнем случае Тихомил помещается примерно в конце XI в., что соответствует известной из *Жития* дате рождения Немани (1114). В другой версии, впрочем, как уже сказано, женой Тихомила становилась чешская принцесса.

В поздних сербских летописях (в наиболее ранних предки Немани не названы) родословие разворачивается от Немани вглубь: «Был родитель его в Захлумье Тихомил, а стрый [дядя по отцу] Чудомил, их же родитель Бела Урош, имевший белые волосы на главе своей, а мать их Анна, дочь короля французского» [Стојановић, 1927: 177, 181, 184, 197]. В одном позднем списке Тихомил и Чудомил уже оказываются старшими братьями Немани и трех его братьев, а все они — сыновьями Бела Уроша и Анны. Впрочем, это уже явная порча текста — Лициний все равно остается «прадедом» Немани. В исходном варианте просто перечислялись без уточнений родства потомки Бела Уроша [Стојановић, 1927: 191, 193]. В некоторых летописях родословие пересказано кратко за счет сокращения Чудомила и других второстепенных персонажей [Стојановић, 1927: 201—202]. Особую, более пространную версию предлагает латиноязычная *Бранковичева летопись* (конец XV в., с продолжением до начала XVII в.). Здесь Бела Урош сначала бежит в Готскую землю, уходит оттуда в Сербию, а будучи изгнан оттуда болгарским «императором», прибывает в Захлумье [Стојановић, 1927: 279].

Ясно, что все эти варианты являются результатом сжатия и частичного забвения исторической традиции, более ранняя форма которой отражена в разных местах *Летописи*. Однако для сербских родословов это традиция «родная», а для «летописца» — враждебная, нуждающаяся в тенденциозном препарировании. Историческое содержа-

ние приведенных сведений родословов будет отчасти проанализировано в связи с позднейшими главами *Летописи*. Но некоторые существенные сдвиги по отношению к реальной генеалогии необходимо отметить здесь, поскольку это проливает свет на механизм складывания родословного ряда — и на историю Тихомила.

Наиболее заметное сжатие — в самом конце предлагаемой родословами генеалогической цепочки. Срацимир действительно был братом Немани, и у того действительно было три брата, однако Завида являлся их отцом. Имя «Первослав», вероятно, — соответствие Примиславу византийских источников, или Урошу II, по наиболее вероятной версии — брату Завиды. Урош II Примислав, Завида, хорватский бан Белош и завоеватель Дукли Деса были сыновьями Уроша I, о чем свидетельствует в отношении Десы и *Летопись*. Таким образом, в родословах две четверки братьев, представлявших разные поколения, сведены в одну. Притом из каждой оставлено по двое: Завида и Первослав, Срацимир и Стефан Неманя. Имя «Урош» при этом отнесено не к отцу, а к деду братьев, что соответствует месту Уроша I как деда Немани.

Складывается ощущение, что в основу родословного ряда положен просто перечень известных предков Немани. Стремление к упрощению перечня, к приведению его где-то в линейный вид, где-то просто к перечислению «через запятую» присутствует и в письменной традиции. В устном бытовании это могло происходить еще более простым и естественным путем. Тем более что Неманя и его сыновья резко обновили политическую и религиозную традицию, во многом порвав с наследием предков. Характерно, что ни в одном *Житии* Немани его отец, дядя и даже братья по именам не называются.

Итак, можно сделать вывод, что за пределами двух ближайших к Немане поколений передатчикам родословов во второй половине XIV в. были известны несколько слабо определяемых во времени имен. Среди них: Бела Урош (или Бела и Урош), Тихомил, Чудомил. Традиция при необходимости разъяснений «выстроила» эти имена, а создатель писаного *Родослова* при дворе короля Твртко присовокупил легенду о Лицинии. Но, естественно, при этом произошел почти окончательный отрыв от исторических корней родословной.

Урош — наверняка Урош I. Но «Бела Урош» объединяет его с почитаемым предком дуклянских королей — Белым из Требинье. Логика в таком объединении есть — два наиболее заметных в традиции героя-родоначальника, которым приписывалось пребывание в разных областях региона. Их отождествление закрывало вопрос о принадлежности «твердой земли», Дукли-Зеты, которая не переставала быть спорной всю средневековую историю. Тихомил — первопреек сербских жупанов. Он, судя по *Летописи*, относился к гораздо более раннему времени, чем Урош, — а в пространстве *Летописи* и Белому предшество-

вал. Однако традиция «выправила» ситуацию, ранжируя персонажей не по «реальному» (даже сейчас точно не устанавливаемому) времени жизни, а по важности для самой традиции. Тихомил и Чудомил — строители легендарной церкви, поставленные попом и епископом, — оказались «ближе» к святому Стефану-Симеону, чем беглый сын Лициния. С другой стороны, они персонажи более приземленные и локальные, чем обошедший немалую часть известного мира Белой — Бела Урош.

Если Тихомила мы находим на страницах *Летописи*, позволяющей раскрыть содержание и вероятную историческую основу предания о нем, то Чудомил остается фигурой, помимо родословов совершенно неизвестной. В *Летописи* несколько ниже фигурирует Чудомир, тесть трebinьского «короля» Тишемира. Однако проводить на основе этих имен параллели едва ли стоит. Чудомир — «бан Белой Хорватии», не связанный ни с Рашкой, ни с Приморьем, ни с Боснией. Его имя произведено от названия хорватского клана Чудомиричей. Ничего сходного с епископом Чудомилом из родословов в нем не обретается.

Напротив, Тихомил *Летописи* тождествен Тихомилу родословов — точнее, является его более ранним и разработанным вариантом. Здесь он еще попович, а не поп. Но место его первоначального пребывания то же — Хумская земля. В *Летописи* это скорее окрестности самого Хума, где имеется населенный пункт Рабина — обычно отождествляемый с Рабичем или Рабикой *Летописи*. На Хум указывает и титул Будислава. Никакого «князя» (*princeps*) в политическом устройстве, расписанном со времен Святополка, не предусматривалось. Непосредственно ниже так называется венгерский полководец Киш. Из местных же правителей, кроме Будислава, так именуется только один — Лютовид Хумский, противник основателя Дуклянской державы Доброслава. Очевидно, таким именованием «летописец» как бы проговаривается — Хум являлся независимым владением и упорным противником Дукли, что далеко не всегда удается скрыть. Оставляя в стороне нерешаемый вопрос об историчности Будислава, отметим, что и здесь проскользнуло представление об особости хумских земель. Это отражается и в рассказе о бегстве Тихомила к Чаславу.

На пространстве XI в., до Завиды и его братьев, достаточно полно отраженном в византийских источниках и в *Летописи*, места для Тихомила нет. Как увидим из *Летописи*, жупан Лютомир, его вероятный наследник, умер или погиб в 1018 г. Это уже период, принадлежащий исторической части сочинения. Остается принять предлагаемое *Летописью* помещение Тихомила во времени — с учетом условности самого времени применительно к легендарному все ещё пространству *Летописи*. Тихомил являлся младшим современником князя Часлава и его преемником в Сербии-Рашке. Именно благодаря этому он оказался включен в число предков Немани в позднейших родословах. О реаль-

ной связи Тихомила с династией сербских жупанов, утвердившейся у власти во второй половине XI в., речь пойдет далее.

Глава 23

В этой главе «летописец» снова обращается к теме венгерских нашествий. Как раз с момента вокняжения Часлава в 934 г. венгры, оставленные германским королем Генрихом Птицеловом на западе, активизируются на южных границах. Возможно, Часлав и воспользовался при своем бегстве разорительным венгерским вторжением в Болгарию, докатившимся до пределов Византии. Позднее венгры не прекращали беспокоить болгарские рубежи, иногда прорываясь до имперских земель. О положении на западных участках границы нам мало что известно, но можно не сомневаться, что и Чаславу пришлось иметь дело с венгерскими набегами. Здесь *Летописи* столь же можно доверять, как и в случае с его старшим современником Томиславом.

В целом нет никаких оснований сомневаться в общей канве изложенных событий, непосредственно предвещающих историческую часть *Летописи*. При этом отдельные мотивы, особенно связанные с венгерским «князем», — смерть его от рук безвестного юноши-героя, месть жены — могут принадлежать героическому эпосу, а не реальной истории. Последнее, впрочем, как и во многих случаях с «расхожими мотивами», абсолютно недоказуемо. Многие мотивы становятся «расхожими» именно вследствие возможности их повторения.

Географические названия, встречающиеся в эпизоде, могут отчасти отвечать реалиям середины X в. Босния, судя по сообщению Константина Багрянородного, являлась самостоятельной областью, но как-то связанной с княжеством Часлава. К тому же Дринская жупания, где происходит первая битва с венграми, расположена на реке Дрине, исторически служившей границей Боснии с Рашкой.

Срем (Сирмий) в первых десятилетиях X в. превратился в форпост Болгарии на венгерской границе. Болгарам он принадлежал и в начале XI в., но судьба города в кризисные годы Первого Болгарского царства после смерти Симеона неизвестна. Его могли на какое-то время захватить венгры. На Сирмий могли претендовать и хорваты, пытавшиеся вернуть Славонию, и сербы, чьи земли лежали несколько ближе. Со всем не исключено, что после первых побед Чаславу удалось отбросить венгров до Сирмия — чтобы там сложить голову. Если «король» после удачной битвы двинулся вверх по Дрине, то мог переправиться через Саву немногим выше города, а затем повернуть к нему.

Имя «Кис» (Киш), как уже говорилось в предисловии, могло быть заимствовано «летописцем» или его информаторами из недавней реальной истории. Это позволило им «объяснить» название местности

Кишево, с которым народное предание связывало победу Часлава и Тихомила над венграми.

«Бан Рашки» — титул, выдуманный «летописцем» на основании **Книги «Мефодий»*. Если в предании речь шла о браке Тихомила с дочерью правителя Рашки, то этим правителем являлся сам князь Часлав. Это объясняет факт наследования Тихомилом власти после его смерти, в *Летописи* затемненный мифом о едином «Королевстве славян». В сербских родословах Тихомил женат на королевской дочери. Заметим, что брак именно с дочерью Часлава подчеркивал бы заметную в эпизоде с Кишем библейскую параллель — Давид, победитель Голиафа, женится на дочери царя Саула. Однако здесь для «летописца» идейно-политические потребности оказались важнее высокого аллегоризма. Вообще представляется, что параллель Тихомил — Давид проникла в текст подспудно, из полуфольклорных источников, едва ли не против воли автора *Книги Готской. Ему совсем не на руку была легитимизация власти жупанов Рашки через сравнение их прародителя с библейским царем-пророком.

К пленению Часлава можно привести в качестве параллели упоминание о пленении сербского князя в *Деяниях венгров*, приводившееся выше. Правда, там пленного «дукса» не убивают, а просто долго держат в цепях. Не исключено, что венгерское и сербское предания, принявшие письменную форму почти в одно время, отражают одни и те же события. Ясно, что привязка событий в *Деяниях* к правлению основателя венгерской династии Арпада — условность. К тому же первые вторжения могли относиться и к временам Арпада.

С гибелью Часлава завершается общий или приблизительно общий текст *Летописи* и *Хорватской хроники*. Причины этого достаточно прозрачны и не нуждаются в дополнительных конструкциях, — если оценивать *Хронику* как переработку *Летописи*. До сих пор значительная часть содержавшейся в *Летописи* информации касалась Хорватии и, возможно, имела параллели в известных автору *Хроники* хорватских преданиях. Однако со смертью Часлава центр действия окончательно смещался из хорватских или придунайских областей на юго-восток, в Сербское Приморье. Это было уже малоинтересно для автора *Хроники*, возмечивавшего свою страну, и он обратился к собственно хорватской традиции. Для завершения повествования он использовал местные предания. Первое из них — о короле Коломане (на самом деле венгерском завоевателе Хорватии, венчанном на ее престол в 1102 г.). Второе — легенда о короле Звонимире и его гибели, восходящая к *Большой салонской истории*. К основному тексту, заимствованному из *Летописи*, они привязаны сообщением о возвращении Радослава (якобы отца Коломана) и его воцарении в Хорватии.

Вторичность *Хроники* по отношению к *Летописи* и здесь совершенно очевидна. В *Летописи* далее говорится о правителе Требинье

Белом — персонаже вполне историческом, который называется, справедливо или нет, внуком Радослава. Он также связывается с Дубровником, попавшим как раз в его время в зависимость от Требинье и Хума. У Анонима в XIV—XV вв. мы находим уже следующую ступень развития традиции, когда Белой и Радослав начинают смешиваться между собой. Радослав связывается здесь с Боснией, а в одной версии и с Хорватией. *Хорватская хроника* представляет сознательную переделку уже этого сюжета. Дубровник и имя Белого полностью вычеркиваются из повествования, но дубровницкая легенда дает возможность «вернуть» в королевство самого Радослава. При этом если в *Летописи* действие, что неприемлемо для автора *Хроники*, разворачивается в Требинье, где и правил Белой, то в *Хронике* сценой делается Хорватия. В истории последней, конечно, никакой король Радослав не известен.

В ключевом пункте своего расхождения с *Летописью Хроника* представляет шаг дальше как от исторической реальности, так и от литературно-фольклорной традиции. Повествование в *Летописи* с момента расхождения с *Хроникой* поступательно приближается к большей достоверности. *Хроника* остается в прежнем поле свободной игры скомпилированного фольклора и литературного домысла — даже еще более вольного, чем в *Летописи*.

Глава 24

Эта небольшая глава имела весьма важный смысл для концепции «летописца». Она является связкой между откровенно компилятивной частью *Летописи* и полуисторической требиньской легендой. Потому здесь объяснялось ее содержание и закладывались основы тех идей, которые, вероятно, носили в дуклянскую эпоху характер официальной идеологии. Прежде всего объяснялась гибель древнего «Королевства славян», а следовательно, и то неудобное обстоятельство, что Беловичи правили лишь частью Приморья. Далее, создавался образ «страны без короля» — а значит, ожидающей законного властителя и объединителя. На самом деле некоторые элементы созданной картины странны. Почему никто из банов, вроде бы, как выше отмечалось, родичей короля по крови, не посмел стать королем? Почему Тихомил, будучи наследником «бана Рашки», вдруг не принимает титул бана, а придумывает доселе не упоминавшийся в *Летописи* титул великого жупана? Но «летописец» этими вопросами не задается. Так не задавался бы ими сказитель, рисующий картину разоренной и раздробленной страны в ожидании истинного короля. В *Летописи* это будет Белой — но наследниками Белого являются и короли Дукли.

Фольклорно-мифологический по природе характер изображаемой картины заставляет заподозрить ее собственно фольклорный источник, а не только фольклорное сознание самого «летописца». Историческую основу предания, легшего здесь в основу *Летописи*, могла составить реальная ситуация после смерти Часлава. Ясно, что необъясненная смерть «бана Рашки» дублирует гибель Часлава, и переход власти к Тихомилу в реальности произошел сразу после сремского побоища. Однако как раз княжеский титул в сознании славян обычно закреплялся за одним или несколькими владетельными родами, и «новый человек» не мог бы его принять, не затеяв смуту. Очевидно, после смерти Часлава и с утверждением Тихомила в качестве всего лишь великого жупана (этот титул правители Рашки носили до конца XII в.) начался распад древней Сербии. Босния очень скоро попадает под власть Хорватии. От Савы сербов вновь отбросили венгры. В Приморье усиливаются ранее зависимые от сербских Вышеславичей тревиньские Белоевичи — главные герои следующих глав *Летописи*.

Как было отмечено, титул «великий жупан» оставался титулом правителей Рашки и во времена «летописца». По контексту *Летописи*, Тихомила, чья судьба расписана столь подробно, следует воспринимать как предка позднейших правителей Рашки. В научной литературе утвердилась не основанная на тексте *Летописи* интерпретация ее сведений, роднящая жупанов XI—XII вв. с правителями Дукли. Но в самом памятнике жупаны Вукан и Марко названы придворными, а не родичами дуклянского короля, и ни малейших намеков на родство нет. Тихомила числили среди своих предков Неманичи — потомки Вукана или Марко. Все это подтверждает мысль, что «летописец» выводил современных себе сербских жупанов от Тихомила. Положительная характеристика этого героя, включая отсутствие у него королевских амбиций, только подчеркивала нечестие его потомков. Благодеяния правителей Дукли по отношению к Рашке, с одной стороны, и права истинных королей — с другой, неустанно подчеркиваются «летописцем» и далее.

Глава 25

Описание пребывания Радослава в Риме кажется совершенно легендарным. Однако при этом легенда не чисто книжного происхождения — она повествует о происхождении реального исторического лица, жупана Белого, и была известна в XII—XIV вв. по всей Далмации. Женитьба на знатной римлянке, рождение от нее сына фигурируют и в дубровницких *Анналах*. Там, правда, сын именуется «Стефаном Белой». Форма имени «Петрислав» — несчастный, но характерный пример восприятия славянами христианского именованного. Крестильное имя

становится первым компонентом двусоставного княжеского. Позднее Петриславы не раз встретятся в истории Белоевичей — Воиславичей. Могилу Радослава «летописец» поместил в римской церкви Святого Иоанна Латеранского, служившей с X в. папской кафедрой. Впрочем, в IX в. Латеранская базилика (тогда еще во имя Христа Спасителя) уже существовала. Возможно, далматинцы и связывали в ней какое-то захоронение с именем Радослава.

Глава 26

Короткое «жизнеописание» Петрислава в конце главы фактически копирует сказанное о его отце. Фигура эта, особенно с учетом параллельных сообщений Анонима о «Стефане Белло/Беле», представляется легендарной. Петр и Павел — «парные» святые, вполне годящиеся в покровители проживающим под защитой апостольского престола славянским князьям-изгнанникам. Это могло дать почву появлению пары «Петрислав» — «Павломир». При этом имя «Павел» в традиции, вероятно, было закреплено за историческим лицом, трebinьским жупаном Белым.

Имя «Павломир», в отличие от «Петрислав», не зафиксировано в дальнейшей истории Белоевичей — Воиславичей. Оно, судя по всему, является конструктом «летописца» по образцу «Петрислав» — включением крестильного имени в двусоставное княжеское. Последнего у жупана Белого просто не было. Его языческое имя «летописец», или, скорее, увлекшийся сюжетом латинский «переводчик», перетолковывает от латинского *Bello*. У Анонима такого толкования нет. Здесь Стефан и младший Радослав именуется в одних списках *Bello*, в других *Bela*, — что заставляет подозревать в протографе близкую к славянской форму *Bel(o)* [Annales, 1883: 3—4]. Абсолютно достоверное, по сути, толкование дает применительно к Беле Урошу *Сербский родослов*: «у него же волосы на голове его были белые, и нарекли имя ему Бела Урош» [Стојановић, 1927: 10—11].

С возвращением «Павломира Белло» в Далмацию начинается ключительная, наиболее достоверная часть легендарного раздела *Летописи*. Она посвящена истории княжеского рода Белоевичей, правившего в IX—X вв. в Требинье. Особое внимание «летописца» к Белоевичам, очевидно, само по себе подтверждает его версию о происхождении от них дуклянских князей Воиславичей. Таким образом, история Белоевичей оказывается не только в *Летописи*, но и в реальности предысторией Дуклянской державы. Вместе с тем, как увидим, в *Летописи*, при относительно верной последовательности правлений, история Требинье серьезно искажена.

Основной, хотя и довольно скудный на информацию, источник о реальной истории Требинье и Дукли в этот период — сочинение *Об управлении Империей* Константина Багрянородного. Первый называемый им правитель требиньской династии — жупан Белой. Он и его сын Крайна были современниками сербского князя Властимира [Константин Багрянородный, 1991: 150—151]. Властимир, как уже говорилось, правил во времена болгарского хана Пресиана [Константин Багрянородный, 1991: 142—143] и, видимо, несколько дольше.

Смутные данные преданий об основании Дубровника позволяют допустить, что Павел-Белой действительно был причастен к восстановлению города после арабских набегов 841—868 гг. Арабы брали город в 848 г.; около того же времени Рагуза пострадала еще и от морской стихии [Documenta, 1877: 356]. Однако к 866 г. город восстановился настолько, что сумел продержаться против нового арабского набега до подхода ромеев. Рагуза, конечно, века существовала к этому времени, тогда как Эпидавр был разрушен уже давно, и разрушен именно славянами вместе с аварами.

Эпидавр — одна из главных крепостей на юге Далмации — пал примерно в 614 г. после серии разорительных набегов. Дата и некоторые обстоятельства событий устанавливаются на основании археологических разысканий [Marović, 1965; Dovan, 1966]. Из письменных источников самый старый и достоверный рассказ (но с ошибочной, восходящей к легендам об Аттиле, датой разграбления Эпидавра и Салоны — 449 г.) содержится в сочинении *Об управлении Империей*:

...Эти же самые раусеи владели древней крепостью Питавра. В то время, когда славяне, живущие в феме, захватили прочие укрепления, они овладели также и этой крепостью. Одни были убиты, другие обращены в рабство. Сумевшие бежать и спастись поселились на обрывистых местах, там, где ныне находится крепость, которую они выстроили сначала небольшой, затем заново — побольше; а после этого опять удлинили стены... Из людей, переселившихся в Раусий, упомянем следующих: Григорий, Арсафий, Викторин, Виталий, архидиакон Валентин, Валентин — отец протоспафария Стефана... Из Салоны они переселились в Раусий [Константин Багрянородный, 1991: 122—123].

Предание, сообщаемое *Салернской хроникой* X в. [Documenta, 1877: 281], связывает основание итальянского города Амальфи с выходцами с Рагузы. Здесь, должно быть, отразилось бегство в Италию далматинцев в VII в. Однако основание Рагузы это предание относит к началу IV в., ко временам Константина I. Облагораживающая версия возводит жителей Дубровника к знатым римлянам, потерпевшим кораблекрушение в «пределах славян» во время переселения в Константинополь. Она родилась, надо думать, уже в самом Амальфи. Впрочем, основу ей могло дать наличие на Рагузе еще до прихода беженцев какого-то

далматинского населения. И тема «римлян» как участников основания города впервые появляется именно здесь.

Версия позднейших авторов — «Дуклянина», перекликающегося с ним Фомы Сплитского [Фома Сплитский, 1997: 39] и дубровницкого Анонима [Annales, 1883: 3—8] — связана, кажется, с расширением Рагузы-Дубровника (VIII—IX вв.) в результате подселения славян. Однако и здесь, особенно у Фомы, сохраняется историческая память о разорении Эпидавра и бегстве его жителей:

...Некие чужестранцы, как говорят, изгнанные из города Рима, причалили на судах недалеко от Эпидавра... Итак, упомянутые чужеземцы, расположившись для жительства в этих местах, до крайности разорили город Эпидавр частыми нападениями, а затем, захватив его, принялись разрушать и довели до полного запустения. Жители, однако же, с ними смешались, и образовался один народ. Они построили Рагузу и заселили ее. С этого времени они стали предпринимать попытки выхлопотать своему епископу паллий.

В последней фразе, конечно, и заключена главная причина нескрываемо враждебного отношения Фомы к Дубровнику. Неудивительно, что об участии салонитов в основании города Фома ни словом не обмолвился, хотя верно, в отличие от «Дуклянина», отнес основание Рагузы к временам разорения Далмации «варварами». К вполне достоверным обстоятельствам восходит и его упрек жителям Дубровника за слияние с «чужеземцами», опустошившими Эпидавр. У него, как видим, эти чужеземцы — беглецы из Рима — как и у нашего «летописца». Однако у последнего беглецов возглавляет законный «король» страны, и к разорению Рагузы они никакого отношения не имеют. Фома как будто пародирует версию «Дуклянина».

Стоящий между Фомой и дубровницкими *Анналами* Милеций в своей стихотворной хронике явно полемизирует со сплитским хронистом на основе местной традиции. Эпидавр теперь разрушают действительно римляне — во время гражданской войны. Затем в Градац прибывают беженцы из Италии, позже вместе с беженцами из Эпидавра основавшие Рагузу. Славяне назвали Рагузу Дубровником, причем объяснение происхождения обоих названий точно повторяет «Дуклянина» [Annales, 1883: 174].

«Летописец», как мы видели, приписывает разорение Эпидавра сарацинам. Хронологически это вполне соответствует историческому времени требиньского жупана Белого. Предание о бегстве-возвращении Белого из Рима и основании города — именно так, как оно приведено в *Летописи*, — своеобразно трактует и Фома, превращающий Белого со спутниками в «римских преступников».

У Анонима XIV—XV вв. Эпидавр тоже разоряют сарацины. Но основание Дубровника произошло ранее и связывается с именем сла-

вянского «короля Радос(л)ава Белло/Белы». Это позднейшая версия отраженного у «Дуклянина» предания. Здесь к Градацу как убежищу эпитавровцев добавляется Спилан [Annales, 1883: 7—8]. Дата основания Рагузы неясна. Первое упоминание города как преемника Эпитавра содержится в *Космографии* Равеннского Анонима (ок. 700). *Анналы* начинают историю города с 457—526 гг. [Annales, 1883: 3—4]. Даты определенно слишком ранние, хотя первая перекликается с традицией, отраженной у Константина, смешивавшего авар и гуннов. Может быть, как считали некоторые авторы уже в позднее средневековье, 526 г. — искажение от «626». Именно эта дата отделения от Цавтата-Эпитавра названа в кратком сербско-дубровницком летописчике XIV в. [Стојановић, 1927: 115]. Но в целом ранние разделы *Анналов* за VI—X вв. фантастичны. Достоверность отдельных событий и дат совершенно теряется в сумятице искаженных при записи, повторяющихся у Анонима «кругами» устных преданий.

В живой народной традиции предание об основании Дубровника уже в XIV в. претерпевало значительные видоизменения. В варианте его, услышанном от «добрых людей», который сообщает грамота боснийских владетелей Санковичей от 1391 г., Эпитавр впервые зовется «старым Дубровником». Когда он «опустел», «господа рашские и хумские» вторглись во владения города и захватили, в частности, конавлянскую жупу. Горожане вынуждены были уйти в «твердое место» и основать Дубровник [Стојановић, 1929: 124]. Здесь припоминания о славянском нашествии VII в. переплетаются с историей завоевания требиньцами Конавле в середине X в. и, видимо, бегства конавлян в Рагузу. Стоит иметь в виду, что в грамоте предание обосновывает права общины Дубровника на Конавле — т. е. именно такая его форма имеет строго прагматический смысл.

Согласно Константину, требиньцы в числе других сербских племен формально подчинились Византии ок. 867—870 гг. и массово крестились. Они участвовали в походе византийского флота против арабов в Бари 869—871 гг. [Константин Багрянородный, 1991: 114—117; Продолжатель, 1992: 122—123]. Именно византийский император Василий I утвердил договор между славянами и далматинцами, согласно которому последние получили неприкосновенность за дань — собственно «пакт» (тот же термин, что в *Летописци!*). В том числе и Рагуза платила дань требиньцам и захлумам [Константин Багрянородный, 1991: 134—135]. Исходя из всех этих, пусть зыбких, указаний, правление Павла-Белого можно отнести к 840—860-м гг. Кстати, это позволяет допустить, что он действительно был внуком Родослава Сербского, правившего в конце VIII в., и двоюродным братом Властимира.

Легенда о приходе Белого из Рима, как видно, чрезвычайно устойчива в исторической памяти средневековой Далмации. Ни подтвердить, ни опровергнуть ее с достаточной долей убедительности нельзя,

как и сведения о его происхождении от Радослава/Родослава. Ясно, что если бы он прибыл из Рима, то уже крещеным, что должно было облегчить упорядочение отношений между требиньцами и рагузянами. Если же предание о приходе из Рима — вымысел позднейших придворных генеалогов, то, во всяком случае, нет оснований сомневаться в крещении Белого от посланцев Василия I. Константин Багрянородный начинает перечисление правителей Требинье с Белого, Хума — с Выш(евич)а, описание деяний сербских князей — с Властимира. Все они правили примерно в одно время — очевидно, те самые «архонты», которых крестил и утвердил в правах император Василий.

Современные ученые предлагают различные этимологии названий «Рагуза» и «Дубровник». В славянском происхождении второго названия не сомневается почти никто, как и в связи его с окрестными лесами, однако время его появления вызывает споры. В частности, существует отчасти подкрепленное археологически, а также свидетельством Фомы Сплитского, мнение о слиянии двух поселений — далматинского и славянского. В реальности, однако, название «Дубровник» не фигурирует в источниках ранее XII в. Видимо, оно возникло в период интенсивного славянского подселения из Требинье и затем Дукли в IX—XI вв. Может быть, его возникновение и правда связано с временами жупана Белого, но доказательств этому, помимо легендарного рассказа *Летописи*, нет.

Глава 27

«Летописец» совершенно справедливо делает столицей Белого Требинье — это оправдывает дальнейшее сокращение размеров «королевства» именно до этой области. Однако при этом автор идет на искажение как доставшейся ему традиции, так и стоящего за традицией реального прошлого. Искажение это здесь и далее явно умышленное и имеет очевидной целью затушевать подлинную историю взаимоотношений с Сербией (Рашкой).

Уже с описания правления Белого начинаются явные подтасовки, обусловленные сделанной ранее манипуляцией с образом Часлава. Если Белой действительно воевал за наследство Родослава с князем (не жупаном!) Сербии, то этим князем был Властимир. Лютомир — вроде бы наследник (сын?) Тихомила — жил больше века спустя. По свидетельству самой *Летописи*, он умер или погиб в 1018 г., в пору византийского завоевания Сербии. Белой же мог бороться с Властимиром, но борьба эта была безуспешна и кончилась подчинением Требинье Сербии. Константин утверждал, что зависимость Требинье от сербских князей осталась нерушимой и после того, как сын Белого полу-

чил княжеский титул: «архонты Тервунии всегда были послушны архонту Сербии» [Константин Багрянородный, 1991: 150—151].

Воевать с венграми Белой едва ли мог — о времени их прихода на Средний Дунай уже говорилось, и ранее рубежа IX и X вв. они не могли беспокоить Приморье. Очевидно, этот сюжет — заимствование из преданий Загорья о более позднем времени. Об этом говорит и упоминание Срема, а также договора о разграничении по Саве. Сербь могли участвовать в событиях такого рода только в условиях завоевания венграми Славонии, с одной стороны, и существенного ослабления Болгарского царства — с другой. Все это указывает на вторую половину X в. и заставляет предположить, что первоначальным героем предания являлся Тихомил или его сын Лютомир. В условиях упадка Первого Болгарского царства и завоевания его ромеями Сербия могла попытаться расширяться на север и на восток. «Сремяне» здесь — заселившие Сирмий-Срем славяне. То, что Срем, как и другие соседние города, ославянился в течение IX—X вв., сомнений не вызывает [Седов, 2002: 499]. Племенная принадлежность неясна; междуречье Савы и Дравы до устья Дуная в целом относилось к Славонской Хорватии. С учетом этого понятно нежелание «сремян» подчиняться сербскому жупану. С конца X в. Срем и округа находились попеременно в руках хорватов, болгар, Византии.

В рамках *Летописи* сообщение о договоре с венграми было необходимо, чем и оправдано включение фрагмента «чужой» традиции. Во-первых, оно завершало второй «венгерский» сюжет прочным, на этот раз окончательным миром, к тому же достигнутым после военной победы. Кстати, такую же роль этот мир играл, должно быть, и в родовом предании Рашки — достойно завершая эпическое повествование о возвышении Тихомила. Во-вторых, известие это определяло пределы территориальных притязаний дуклянской династии времен ее расцвета.

Из преданий о сербских князьях и жупанах позаимствована, должно быть, и легенда о церкви Святого Петра — т. е. знаменитом храме Апостолов Петра и Павла в Расе. Это позволило связать с Белым учреждение епископии в Расе. В исконных преданиях Рашки оно, конечно, связывалось с местными правителями. Может быть, отсюда и образ «епископа» Чудомила, брата Тихомила из сербских родословов. Исторически епархия прослеживается с хрисовуда Василия II от 1020 г., о чем уже говорилось выше. Храм Петра и Павла выстроен действительно римлянами — еще в V—VI вв. — и существовал примерно в нынешнем облике с IX в. Это древнейшее известное и старейшее сохранившееся в Сербии церковное здание. В *Руварчевом родослове XVI в.* его строение приписывается Титу, ученику апостола Павла, и в связи с этим утверждается, что «Сербская земля еще от апостолов крепилась» [Стоянович, 1927: 53].

В обоих случаях заимствования сербских преданий, что характерно, «летописец» считает нужным подкрепить отнесение их к Белому географическими названиями. В первом случае это «замок Белло» (Подбелье?), во втором «Беллина равнина» — видимо, Биелина в низовьях Дрины. В обоих же случаях это совпадения, связанные не с личным именем, а с корнем «бел», широко используемым в славянских географических названиях. Но «летописец» на основе своих устремлений и имеющейся у него топографической информации сам создает новые топонимические предания.

Женат был Белой, как выясняется из следующей главы, на некоей знатной женщине, имевшей родню не только в Требинье, но и в Рагузе. Рождение у нее посмертного сына — стандартный эпический мотив. Здесь он к тому же дает «летописцу» возможность окончательно сосредоточиться на Приморье, отделившись от темы бескрайнего «Королевства славян». Стоит отметить, что тот же мотив вводится «летописцем» и далее — посмертное рождение приписывается Доброславу (Воиславу), и явно недостоверно.

Глава 28

Здесь в изложение вновь вклинивается хорватский сюжет, на первый взгляд кажущийся почти случайным. Выведение династии поздних Трпимировичей от требиньских правителей представляется фантазией приморского автора. «Летописец» оказался здесь заложником своей концепции «Королевства славян», притом что претензии на Хорватию в его время были малоактуальны. Потому он и признал за ней, в отличие от Рашки, право на отдельную королевскую власть, выведя это право от одного из внуков Белого. Однако более внимательный анализ показывает, что в *Летописи* использованы относительно достоверные данные о хорватской истории X в. К тому же анализ хорватского сюжета позволяет, возможно, пролить свет на загадочный образ Тишемира. Последнему нет аналогий в родословной требиньских князей у Константина. Зять сербского правителя Крайна (соответствующий Прелимиру *Летописи*) был сыном, а не внуком Белого.

В X в. Хорватией последовательно правили два короля по имени Крешимир, второй из которых действительно оставил престол сыну Степану (Држиславу) — имя, названное в *Летописи* далее. Крешимир I известен только из сочинения *Об управлении Империей* Константина Багрянородного. Данные о Хорватии, в частности о весьма значительной военной мощи, относятся, как отмечает император, именно к временам Крешимира. Крешимир был сыном Трпимира II и умер за пять лет до написания текста соответствующей главы трактата, т. е. в

944 г. [Константин Багрянородный, 1991: 136—139]. Затем, еще в процессе работы (949) в Хорватии произошли серьезные изменения:

...Это большое войско и множество народа Хорватия имела до архонта Красимера. Когда же он умер, а сын его Мирослав, правивший четыре года, был убит бояном Привунием и в стране произошли раздоры и множество столкновений, уменьшились и конница, и пехое войско, как и число длинных судов и кондур у державы хорватов [Константин Багрянородный, 1991: 138—139].

«Могущественный бан» Прибина упоминается как современник короля Држислава, правившего в 970—990-х гг., в акте 1066 г. [Codex, 1967: 106]. Отсюда делается вывод, что в «раздорах и множестве столкновений» Прибина одержал верх. На королевском же престоле оказывается после этого Крешимир II, известный из ряда разрозненных источников. В списке XIV в. сохранилась его грамота, ошибочно датированная 950 г. [Codex, 1967: 39—43]. Судя по указанию на 12-й индикт по византийскому летоисчислению, грамота относится к 954 или 969 г. С 970 г. или как минимум к 976 г. правил уже следующий король Држислав. 969 г. вернее, поскольку акт датирован также 24-м годом правления Крешимира. Отсюда следует, что Крешимир II был провозглашен королем еще в 945 г., при жизни Мирослава и вскоре после смерти Крешимира I. Далее заключают, что Прибина, следовательно, действовал именно на стороне Крешимира II. Это выглядит убедительно, однако реальная картина могла быть сложнее, и Прибина далеко не сразу мог утвердиться при новом правителе. В самом акте баном называется некий *Osrigna* (Остриня?), что может быть ошибочным — вместо «Прибина», а может и не быть. В акте фигурирует некий *Priuona*, но лишь как «друг» короля.

В самом акте, дарственной сплитскому духовенству, Крешимир именуется «королем Хорватии и Далмации» — первый случай употребления этого титула. Известно также дарение Крешимиром церкви Святого Христогона в Задаре — этот акт подтверждается упомянутой выше грамотой 1066 г., в которой Крешимир назван отцом короля Држислава [Codex, 1967: 44, 105—106]. С Хорватией времен Крешимира II иногда связывают — хотя, возможно, неоправданно — посольство «царя славян» 953/4 г. к кордовскому халифу [Древняя Русь, 2009: 191].

Хронологию и генеалогию, а также крестильные имена Крешимира II и его сына Држислава позволяет уточнить надгробная надпись вдовы короля Елены, датируемая 976 г. В ней она названа «женой короля Михаила и матерью короля Стефана». Таким образом, в крещении Крешимира звали Михаилом, а его сына — Стефаном/Степаном. Мнение о происхождении Елены из задарского рода Мадиев всецело основано на упоминании в одном из актов XI в. о родстве короля «К.»

с Мадием из Задара [Codex, 1967: 105]. «К.» — действительно Крешимир, однако Крешимир III, дед автора акта Крешимира IV [Codex, 1967: 67]. Елену упоминает также Фома Сплитский. Он сообщает, что король Звонимир в конце XI в. «вернул церкви Святого Домния салонские церкви Святого Стефана и Святой Марии со всем их имуществом, поскольку эти церкви построила и одарила некая королева Елена, пожаловав их в вечное законное владение сплитскому престолу... там, в притворе базилики Святого Стефана, был погребен славный муж король Крешимир со многими другими королями и королевами» [Фома Сплитский, 1997: 52]. Согласно акту 969 г., названные церкви построил и пожаловал сам Крешимир II.

Итак, Крешимир II правил в 945/9—969 гг. Это вполне соответствует Крешимиру *Летописи* — ее «сербский» хронологический слой, в отличие от требиньского, помещается как раз во второй половине X в. В дальнейшем упомянута целая серия известных исторических фактов этого времени: разгром Первого Болгарского царства (970), смерть завоевателя Болгарии Иоанна Цимисхия (976), восшествие Степана, сына Крешимира, на хорватский престол (969), восстание комитопулов в Болгарии (976). При этом происхождение Крешимира из Требинье кажется таким же вымыслом, как и совмещение других событий этого ряда с требиньскими князьями IX в.

Однако стоит отметить, что о происхождении Крешимира II не известно ничего определенного. Обычно он считается сыном Крешимира I. Однако совпадение имен, указывая, с одной стороны, на какую-то степень родства, вместе с тем свидетельствует скорее против такого отцовства. Называние сына славянским именем отца крайне нехарактерно для княжеского именованослова IX—XII вв. В династии польских Пястов первый единичный пример такого рода относится к XII в. (Болеслав III и Болеслав IV), у русских Рюриковичей так же (Мстислав Мстиславич Удалой). В последнем случае речь идет, возможно, о посмертном ребенке (см.: [Литвина, Успенский, 2006: 266—322]). Единственное явное исключение представляли собой чешские Пржемысловичи. У них уже в X в. в трех поколениях воспроизводилось имя Болеслав (Болеслав I — Болеслав II — Болеслав III). Однако это исключение, подтверждающее правило, — в дальнейшем такие примеры и в этом роду неизвестны.

В дуклянской династии мы имеем единственный пример второй половины XI в. — король Владимир Владимирович (р. до 1081; возможно, что и после смерти отца). Сербский пример конца XI в. (Урош I и Урош II) нетипичен, поскольку речь не идет о традиционном «княжеском» имени. Урош II носил и славянское имя, Примислав или Первослав. В Хорватии других примеров нет совершенно.

Все это весьма убедительно свидетельствует против непосредственного происхождения Крешимира II от Крешимира I. Скорее все-

го, недовольная Мирославом группировка знати в 945 г. призвала на престол племянника, внука или какого-то более отдаленного родственника умершего короля. Не исключено, что происхождение и первые годы жизни Крешимира действительно как-то были связаны с областями Южного Приморья.

На связи Крешимира с аристократией самой Хорватии может пролить некоторый свет упоминание в *Летописи* «бана Чудомира». Именно такой персонаж из истории неизвестен — однако существовал влиятельный клан Чудомиричей. Он фигурирует в договоре (*Pacta Conventa*), будто бы заключенном двенадцатью хорватскими «родами» с венгерским королем Коломаном в 1102 г. и гарантирующем автономию Хорватии [Codex, 1904: 8—9]. В заметке из *Сунетарского картулярия* Чудомиричи названы одним из родов, имеющих право на титул бана. Некий Заруба Чудомирич якобы был вторым баном Хорватии. Правил он после Стефана Кукара, современника «короля Святополка», т. е. примерно в конце IX—начале X в. [Documenta, 1877: 486]. Таким образом, тестем Тишемира и дедом Крешимира «летописец» называет персонажа, считавшегося предком одного из средневековых хорватских племен.

Что касается самого погибшего при попытке захватить Дуклю Тишемира (Требиньского?), то он мог быть и историческим лицом. Такое имя отмечено в приморской генеалогической традиции, которая к тому же действительно связывает его и с Крешимиром Хорватским.

Первое упоминание о «племени» или клане Тишемиров, составившем с двумя другими так называемую Полицкую республику в прежнем неретвянском Приморье, содержится в *Полицком статуте*. Правовой свод «республики» был записан в 1440 г., но восходит к более ранней, с XIV в., письменной традиции. Согласно ему, «при князе должно быть три судьи, присягнувшие от трех племен: один от Тишемиров, второй от Лимич и третий от Кременичан» [Греков, 1951: 215]. Стоит отметить, что статут записан кириллицей на местном диалекте, т. е. названия племен переданы в нем адекватно. Из синхронных источников о складывании Полицы как особого племенного образования ничего не известно. Видимо, оно произошло в процессе подчинения неретвлян Хорватией в X—XI вв. Притом в состав Полицы вошли и некоторые принадлежавшие в IX в. хорватам местности к югу от Сплита. Первое упоминание Полицы относится к 1070 г., когда ее правитель (?) Далиш заверил акт [Codex, 1967: 117].

В 1453 г. в акте, касающемся пограничных споров между Сплитом и Полицей, со ссылкой на народные предания впервые упоминаются три брата, родоначальники Полицкой общины — Тишемир, Крешимир и Элем. Около 1500 г., также в актах, определяющих границы «рес-

публики», появляется упоминание о том, что они были детьми князя Мирослава. Братья будто бы бежали в будущую Полицу от своих врагов (см.: [Ferri, 1971]).

В основе своей предание вопиюще недостоверно. О сыновьях Мирослава из более ранних источников ничего не известно. Вероятность того, что они при Крешимире II могли создать собственную жупанию недалеко от стен Сплита, исчезающе мала. Насколько можно судить, именно в эти годы власть хорватских королей начинает постепенно распространяться на неретвлянские племена. В 948 г. неретвляне вели войну с венецианцами; нанеся сначала врагу поражение, после второй экспедиции венецианского флота они были вынуждены заключить мир [Documenta, 1877: 400]. Этим могли воспользоваться хорваты, чтобы прочнее привязать к себе неретвлянских жупанов. Возможно, именно эти события, совпавшие и переплетавшиеся с хорватской смутой, как-то отразились в полицких преданиях.

В распоряжении носителей традиции, очевидно, был некий набор имен: Мирослав, Крешимир, Тишемир, Елена (откуда «Элем»). Все они как-то присутствовали в исходном предании о хорватской смуте и создании Полицы, основательно искажившемся за пятьсот с лишним лет. При этом имена Крешимира и его жены были искусственно связаны с совершенно чуждыми этимологически названиями племен лимичей и кременичан. Важно отметить, что Тишемир — единственный в предании действительный герой-эпоним. Важно отметить и то, что его связь с персонажами хорватской истории середины X в., и в частности с Крешимиром, — не вымысел одной *Летописи*. Но какую роль изначально Тишемир играл в полицком предании, являлся он исходно персонажем неретвлянским или требиньским — установить нельзя. Невозможно установить и время его деятельности, поскольку в полицкой традиции могли действовать как непосредственно он, так и его потомки.

Если Тишемир все-таки принадлежал к роду Белоевичей, то должен быть не отцом, а братом Крайны-Прелимира, скорее всего, соправителем. Возможно, он и правда вступил в родство с Трпимировичами или иным хорватским знатным родом. Несколько неожиданно и достойно замечания, что Тишемир и правда мог годиться в отцы Крешимиру II — особенно если бы действительно оказался посмертным сыном Белоя (т. е. р. ок. 870 г.). Все, что рассказывается о правлении Тишемира в *Летописи*, призвано объяснить скромные границы владений Белоевичей. Это только лишний раз подчеркивает мифичность победоносного похода Белого в Рашку. И подчинения Дукли, кстати, сыновья Белого не добились — она оставалась отдельным княжеством и во времена Константина [Константин Багрянородный, 1991: 150—153]. В то же, что Тишемир мог погибнуть в бою с дуклянским князем, нет причин не верить.

Глава 29

Основное содержание этой главки — история объединения Крешимиром Хорватии и Боснии. Она содержит некоторые элементы, с очевидностью происходящие из исторической схемы *Летописи*. Над Хорватией правит бан Чудомир, сын которого помогает своему племяннику Крешимиру. Только после смерти деда Крешимир без сопротивления дяди получает власть в Хорватии. Боснией также правит собственный «бан», что для времен до хорватского завоевания — такой же вымысел, как «баны» в Рашке и Дукле.

В остальном в изображаемой картине нет ничего невероятного. Пограничная жупания Плива, в отличие от соседних Ускопье и Луки, входила в состав Хорватии уже при Крешимире I [Константин Багрянородный, 1991: 132—133]. Это, разумеется, не означает, что она не могла отпасть или быть захвачена боснийцами в период смуты 940-х гг. Граница между Хорватией и Сербией (включая область неретвлян и Боснию) во времена Крешимира I проходила по реке Цетине, затем поворачивая к востоку и захватывая Ливно [Константин Багрянородный, 1991: 132—135]. Очевидно, на Боснию хорваты в то время не претендовали. Вероятно, Крешимир II, воспользовавшись ослаблением Сербии после смерти Часлава, стал расширять границы в восточном направлении. Начал он с возвращения Пливы, что и отразилось в сообщении *Летописи*.

Вместе с тем если полное присоединение Боснии и произошло при Крешимире II, то было оно весьма непрочным. Фома Сплитский, описывая границы Хорватии времен Степана Држислава и его преемников, называет восточным пределом государства Дельминий (Дувно) [Фома Сплитский, 1997: 43]. Таким образом, его показания в этом вопросе практически не отличаются от сведений Константина. При этом и к северо-востоку, и к юго-востоку он показывает расширение Хорватии, захватившей на севере земли «до берега Дуная» (т. е. Славонию), а на юге Маронию (земли неретвлян) и Хум [Фома Сплитский, 1997: 44]. Если исходить из этих сведений, то Босния в первой половине XI в. оказалась охвачена с севера и с юга территорией Хорватии — но оставалась независима. Согласно 37-й главе *Летописи*, сербский жупан Лютомир был женат на сестре самостоятельных в начале XI в. правителей Боснии.

Тем не менее, судя по приводившимся уже ранее свидетельствам, в середине XI в. в Боснии появился банат, что подразумевало какую-то степень подчинения Хорватии. Возможно, что он возник даже несколько раньше, в условиях усиления византийского влияния и стремления императоров упорядочить границы славянских земель Адриатического региона. На это может указывать упоминание «бана Боснии» в связи с событиями 1040-х гг. в 38-й главе *Летописи*. Уже с 970-х гг.

ромен, стремясь покорить Сербию, не пытались раздвинуть границы дальше на северо-запад, предпочитая союз с хорватами. Однако подчинение хорватским королям Боснии, судя по всему, так и осталось номинальным. Уже к концу XI в. область на время переходит под столь же номинальную власть дуклянских королей. Претензии их на Боснию отражены и в папской булле 1067 г., отнёсшей область к юрисдикции митрополии Антибари.

Глава 30

В 30-й главе упоминается целый ряд фактов истории X в., хорошо известных из византийских и древнерусских источников. В 969 г. в результате вторжения русского князя Святослава было окончательно разгромлено Первое Болгарское царство. Болгарский царь Петр умер в 970 г., перед смертью постригшись в монахи. Между тем между Византией и Русью началась Болгарская война, победу в которой одержал император Иоанн Цимисхий. В 970—971 гг. ромеи завладели всей Болгарией. Они подчинили также и Рашку, о чем свидетельствует создание здесь административной единицы империи — катепаната во главе с неким Иоанном [Catalogue, 1991: 33]. Однако часть болгарской знати (прежде всего в Македонии) византийского владычества не признала. В 976 г. император Иоанн Цимисхий умер, после чего в западных землях Болгарии началось освободительное восстание. Возглавили его братья-комитопулы, среди которых в итоге выдвинулся Самуил. Видимо, примерно в то же время была восстановлена власть местных династов и в Рашке.

Эти события в целом достоверно, с рядом интересных подробностей, излагаются и *Летописью*. Однако она, по описанным выше причинам, продолжает совмещать здесь два хронологических слоя, что становится теперь особенно заметно. Параллельно с историей Рашки X в. продолжает освещаться история требиньского правящего дома в предыдущем столетии.

Согласно сочинению *Об управлении Империей*, сыном Белого был жупан Крайна, который женился на дочери сербского князя Властимира. Последний, «желая оказать честь своему зятю», объявил его «самовластным» князем (ок. 870). Однако зависимость Требинье от Сербии сохранялась непрерывно до времен Константина [Константин Багрянородный, 1991: 150—151]. Видимо, Крайна правил в последних десятилетиях IX в.

Как Прелимир в предание вошел наверняка именно Крайна Белович, действительно женатый на дочери правителя Сербии. Брак этот, однако, носил исторически совершенно иной, чем в *Летописи*, характер. «Летописец» перенес брак с дочерью сербского правителя из IX в.

в 970-е гг., когда Рашка подверглась византийской агрессии. Это позволило сделать союз милостью не сербского князя (как в реальности), а требиньского «короля». Возможно, исторически такая ситуация в 970-х гг. и имела место, только могла быть связана она с браком княжича Драгимира и дочери Лютомира. Об этом брачном союзе упоминается в 37-й главе *Летописи*.

Если Самуил действительно начал отвоевывать Болгарию еще при деде Драгимира Тугимире (глава 33), то последний правил по меньшей мере до 977 г. Тогда освободительный поход в Рашку мог предпринять ради суженой внука именно этот князь. Позднее усиление Самуила побудило князей Приморья заключить союз уже с Византией, что вызвало карательный поход болгарского царя в начале княжения Ивана-Владимира.

Буквы *д* и *л* сходны написанием как в кириллице, так и, особенно, в глаголице, поэтому вероятно первоначальная форма имени «Предимир». Это, видимо, возвышающее соответствие не княжескому имени «Крайна», перекликающееся с ним по смыслу. Вполне возможно, что Крайна и в самом деле принял это имя, став князем, — либо оно было присвоено ему в официальной традиции посмертно. Стоит еще заметить, что как близкий родич сербских князей Крайна действительно мог быть погребен при храме Святого Петра в Расе.

Глава сообщает довольно обширные сведения о территориальном делении Приморья. Среди прочего отмечается то ли наследственное право сербских жупанов на жупанию Оногошт (и только на нее), то ли сербское происхождение местных владельцев. Кроме того, названная первой среди требиньских жупания Любомир упоминается в связи с сербскими жупанами у М. Орбини. Он попытался соединить в своей версии родословной Неманичей данные сербских родословов, *Летописи* и каких-то приморских преданий. Орбини рассказывает о «попе греческого обряда» Стефане из жупании Лука в Хуме, имевшем сына Любомира, которому хумский «синьор» пожаловал за доблесть жупанию Трново. Она получила с тех пор название «Любомир». Любомир якобы был отцом Уроша I [Орбини, 2010: 289]. Оставляя в стороне смесь мотивов из преданий о Тихомиле, можно отметить, что происхождение жупании Любомир связывалось в местной традиции с личным именем предка сербских жупанов. Не исключено, что это первоначальная форма имени «Лютомир», которым называет наследника Тихомила *Летопись*.

Основное перечисление жупаний связано с разделом земель между сыновьями Прелимира. Хвалимир получает Зету (Дуклю), Болеслав — Требинье (включая Конавле), Драгислав — Хум (Захлумье), Всевад — Подгорье (северные земли вдоль гор до Неретвы). Отсюда название «Тетрархия», употребляемое в *Летописи* и далее, явно по аналогии с античной Иудеей. Анализ исторических корней этой картины, а также

в целом сведений о преемниках Прелимира будет дан в комментарии к следующей главе.

Глава 31

Глава начинается с последнего в *Летописи* обращения к истории Хорватии. После смерти короля Крешимира II в 969 или 970 г. ему наследовал сын Степан Држислав. Согласно Фоме Сплитскому, он уже был королем в 970 г. [Фома Сплитский, 1997: 43]. Судя по надгробной надписи королевы Елены, к 976 г. Степан действительно уже некоторое время находился на престоле. Часто считается, что он взшел на трон малолетним, под опекой Елены и бана Прибины. Но это не так. В надписи просто утверждается, что «славная» Елена после смерти мужа прославилась своими благодеяниями. Прибина же действительно упоминается как «могущественный бан» времен Држислава — но не более того. Его сменил столь же «могущественный», переживший короля и остававшийся баном до конца 1020-х гг. Годемир [Codex, 1967: 66, 106; Documenta, 1877: 472]. Правление Степана Држислава завершилось смертью не позднее 998 г. В этом году между его сыновьями уже началась распря за власть, способствовавшая венецианскому вторжению. В то время старший из сыновей уже имел собственного подрастающего сына [Documenta, 1877: 427].

Король Држислав упоминается в двух крайне сомнительных дарственных, датированных 994 и 1000 гг., но сохранившихся в списке XVII в. [Codex, 1967: 46—48, 51—53]. Речь в них идет о дарениях салонской церкви Святого Михаила некоего Пинция, называющего себя беглым родичем болгарского царя. Држислав будто бы приютил его, поселив в Клисе. Особенно первая грамота, содержащая предысторию Пинция, наполнена ошибками и анахронизмами. Болгарским царем назван какой-то Стефан, а его предшественник именуется Шишманом — имя нескольких правителей Второго Болгарского царства XIV в. Упоминается столица Болгарии Тырнов, ставшая таковой только в конце XII в., также при Втором царстве. Датировка же второй грамоты 1000 г. несовместима с данными Иоанна Диакона о борьбе братьев за корону Хорватии уже в 998 г. Как минимум можно предполагать серьезное искажение или редактирование актов при переписывании. Надежным источником по истории и хронологии правления Држислава они вряд ли могут служить.

Вместе с тем достаточно очевидно, что Држислав являлся союзником Византии, а значит, настроенно или враждебно относился к начавшемуся в Болгарии восстанию комитопулов. Он, в частности, вполне мог принять у себя болгарского изгнанника. Империя, в свою очередь, вынуждена была все больше опираться в регионе на давний и

стабильный союз с хорватами. Среди прочего были, наконец, официально признаны определенные права Држислава на Далмацию. «С этого Диржислава, — пишет Фома Сплитский, — следовавшие за ним преемники стали именоваться королями Далмации и Хорватии. Знаки же королевского достоинства они получали от константинопольских императоров и назывались их епархами или патрициями. Власть над королевством Далмации и Хорватии они держали по наследству от своих отцов и прадедов» [Фома Сплитский, 1997: 45].

Вопреки этому следует отметить, что сам Држислав — возможно, как раз ввиду признания номинальной зависимости от Византии — не именовал себя королем. По крайней мере, так обстояло дело в какой-то период его правления, — может быть, и до официального получения «знаков королевского достоинства» от императора. Судя по сохранившейся его надписи из Книна, Држислав именовался «великим дуксом», а его сын и наследник Светослав — «дуксом Хорватии» [Mihačević, 2011: 14—15].

Границы владений Држислава и его преемников Фома определяет следующим образом: «на востоке — Дельмина с городом Дельмисом [Дувно]... на западе — Карантаня; в направлении моря — до города Стридона, который сейчас находится между Хорватией и Истрией; а на севере — от берега Дуная до Далматского моря, включая всю Маронию и Хумский дукат» [Фома Сплитский, 1997: 43—44]. Точно это расширение хорватских границ (включение Славонии, Маронии, Хума) никак не датировано. Борьба за Славонию с венграми, как хорошо известно, продолжалась весь XI в. Хум, что ясно и из *Летописи*, входил в состав Хорватии далеко не постоянно. Фома сам определяет его здесь как автономный «дукат» (герцогство, княжество), а ниже, при описании ситуации XI в., как «комитат» (графство, жупанию) [Фома Сплитский, 1997: 45]. Вероятно, здесь очерчены пределы, в которых власть хорватских королей из династии Држислава, начиная с него самого, была хотя бы временами реальной. «Марония», земля неретвлян, была, во всяком случае, зависима от Хорватии уже при Држиславе, хотя и в 998 г., и позднее сохраняла собственных князей.

О Легце, незаконнорожденном брате Држислава, ничего не известно. Сообщает о нем только *Летопись*, и рассказ ее, как увидим, во многих деталях внушает сомнения.

Переходя к трепиньскому слою повествования, нельзя не отметить, что некоторые имена и обстоятельства в этой и следующей главах историчны вне всякого сомнения. Согласно Константину Багрянородному, Крайне наследовал его сын Хвалимир (*Φαλιμπερής*), а тому его сын Тугимир (*Τζουξημερίς*). При последнем, правившем еще в конце 940-х гг., вероятно, была подчинена область Конавле, которая ранее была самостоятельным княжеством [Константин Багрянородный, 1991: 150—151; Византиски извори, 1959: 78].

Таким образом, генеалогия и хронология требиньского дома IX—X вв. восстанавливается следующим образом: 1) Белой-Павел (ок. 840—870); 2) Тишемир (?) и Крайна-Прелимир (ок. 870—900) Белоевичи; 3) Хвалимир I Крайнович (ок. 900—930?); 4) Тугимир Хвалимирович (ок. 930—977; глава 33); 5) Хвалимир II Тугимирович (ок. 977—990; глава 34); 6) Петр (ок. 990—999), Драгимир (ок. 990—1018) и Мирослав (ок. 990—995) Хвалимировичи (главы 35—37).

Отличия этой родословной от изложенной в *Летописи* бросаются в глаза. И здесь мы сталкиваемся со вторым, менее ясно мотивированным, чем в случае с требиньско-сербскими отношениями, слоем искажений. Тугимир был сыном не Сильвестра, а Хвалимира I. Последний правил не в Дукле, которая еще не была покорена во времена его отца и его самого, а в Требинье. Легец не мог погубить Хвалимира I и его братьев, поскольку те были старшими современниками Крешимира I.

Все встает на свои места в единственном случае — если принять, что «Тетрархия» была образована братьями не Хвалимира I, а Хвалимира II после смерти его отца Тугимира. Тогда действительно все логично — Хвалимир II утвердился в Дукле, покоренной его отцом. Его братья получили другие уделы Приморья, в том числе Болеслав — Требинье. Сильвестр Болеславич был не дедом Хвалимира II, а племянником, что существенно выправляет хронологию, и правил в Требинье. Только одно существенное «но» — вопреки *Летописи*, Хвалимир не только не погиб вместе с братьями, но унаследовал все их земли и передал их своим сыновьям.

Реконструируемая таким образом предыстория Дуклянской державы все равно остается темной. Тугимир, очевидно, уже в конце 940-х гг. начал завоевывать соседние земли Приморья, подчинив Конавле. Хаос, воцарившийся в Сербии после гибели Часлава и на всех Балканах во время Болгарской войны, позволил ему выйти из подчинения Рашке, а затем обязать ее правителей себе и завершить покорение Южного Приморья. Было сокрушено сильное княжество Вышевичей в Хуме, завоевана Дукля. После смерти ок. 977 г. Тугимир оставил созданную державу сыновьям. И тут начинаются мрачные странности — собственно, и затушевываемые максимально повествованием *Летописи*.

Старший (?) сын, Хвалимир II, обосновался в Дукле — самом крупном из подчиненных Тугимиром княжеств. Болеслав, однако, получил Требинье — исторически старший удел; Драгислав правил Хумом; Всеволод — Подгорьем. Вскоре против братьев (но не Хвалимира) вспыхивает восстание, возглавленное хорватом Легцом Крешимировичем и его сыновьями. Из всех семей трех братьев спасается только Сильвестр Болеславич в Рагузе. Но и Легец со своими детьми вскоре неожиданно гибнет при невнятно описанных в «Летописи» обстоятельствах. Сильвестр призывается на княжение — но явно безвременно уходит из жизни, оставив Требинье и прочие приморские области в

единоличном правлении Хвалимира II. Тот, умирая ок. 990 г., уже завещал все Приморье своим сыновьям. Теперь центр нарождающейся державы был перенесен из Требинье в Дуклю, хотя Требинье еще сохраняло известное значение до гибели Драгимира.

Возможно, предание о Легце отражает первую попытку хорватов закрепиться в Хуме и Западном Подгорье как раз в правление Степана Држислава. В таком случае следует признать, что завоеватели продвинулись гораздо южнее Хума. Связываемая с именем Легца Превлака расположена в Которском заливе недалеко от границы Требинье и Дукли. В то же время это, скорее всего, подтверждает — сама Дукля завоевана хорватами не была.

Конечно, трудно из нашего времени, обладая скудным исследовательским инструментарием, понять, что произошло в действительности. Однако представляется, что подобная череда гибельных для династии Белоевичей событий едва ли последовала случайно. «Летописец» вообще крайне неохотно рассказывает об обстоятельствах объединения Приморья. Достаточно отметить, что наличие хорошо известной собственной династии в Хуме он упорно и сознательно игнорирует. В данном случае историко-генеалогические подтасовки тоже производят впечатление вполне сознательных и целеустремленных. Целью приписывания Хвалимиру I места княжения и братьев Хвалимира II было как минимум — легитимизация власти последнего над Требинье, как законного наследника Сильвестра, максимум — сокрытие обстоятельств получения этой власти.

Сложным является вопрос о том, произошла ли «подмена» Хвалимиров при создании письменного памятника (**Книги Готской*) или еще в устной традиции. С одной стороны, в последнем нет ничего невероятного, и объясняться смещение могло обычной путаницей. С другой стороны, и передатчики родового предания княжеского дома могли разделять ту же политическую тенденцию, что и создатели *Летописи*. Хвалимир II — дед святого Ивана-Владимира и основателя Дуклянской державы XI—XII вв. Стефана-Воислава (Доброслава *Летописи*). На не слишком приметной в *Летописи* фигуре зиждилась, тем не менее, вся легитимность дуклянского дома. Связать с его именем междоусобицы или тем более братоубийства — означало поставить эту легитимность под сомнение. Потому традиция, устная или письменная, предпочла «спутать» двух Хвалимиров, к тому же «умертвив» первого вместе с приписанными ему братьями. Это, кроме того, позволяло отнести объединение Дукли, Требинье, Хума и Подгорья, создание «Тетрархии» к гораздо более раннему времени.

Глава 32

О Сильвестре Болеславиче известно не более того, что сказано в *Летописи*. Упоминания его в поздних дубровницких источниках на

Летописи и основаны. Правил он, вероятнее всего, в своей отчине — Требинье, примерно в 980-х гг. Реконструкция обстоятельств этого правления дана выше.

Глава 33

Тугимир — сын Хвалимира I, упомянутый Константином Багрянородным. Он правил в Требинье, с учетом данных сочинений императора и *Летописи*, около 930—977 гг. С именем Тугимира, как показано выше, следует связывать подчинение Конавле (конец 940-х гг.), Хума и Дукли (после 949 г.), а также поход против ромеев в Рашку (ок. 976—977 гг.). Именно сыновья Тугимира, в том числе Хвалимир II, образовали после смерти отца «Тетрархию» в размерах большей части Приморья. Союз с Рашкой был скреплен брачным сговором внука Тугимира, Драгимира Хвалимировича, и дочери сербского жупана Лютомира.

Самуил — царь Болгарии (980—1014), один из братьев комитопулов, возглавивших с 971 г. сопротивление ромеям в Западной Болгарии. Активная фаза восстания комитопулов началась сразу после смерти Иоанна Цимисхия, в 976 г. Деятельность Самуила подробно освещена в многочисленных синхронных источниках — византийских и отчасти западных. В *Летописи* она охарактеризована кратко, с некоторым эпическим преувеличением, но в целом вполне достоверно. Самуил, как ясно из дальнейшего, являлся одним из центральных персонажей **Жития св. Владимира* — письменного источника **Книги Готской*.

Глава 34

История Требинье после Тугимира не известна из синхронных источников. О вероятной роли Хвалимира II в истории и в *Летописи* уже говорилось выше. С именем этого князя так или иначе связаны ликвидация «Тетрархии» и объединение Южного Приморья. Возможно, что он успешно боролся с хорватами за Хум, доставшийся в итоге его сыновьям, но это не более чем догадка. Возможно, что в его же время были восстановлены мирные отношения с Византией, вскоре оформившиеся в направленный против усиливающегося Самуила союз. Время правления Хвалимира II определяется весьма приблизительно: ок. 977—990 гг.

Глава 35

Княжение Петра, отца св. Владимира, в Дукле подтверждено находкой его печати с греческой надписью. Правил он как «архонт Ди-

оклии» под формальным патронажем Византии [Catalogue, 2005: 155]. Место погребения Петра, указанное в *Летописи*, неизвестно. Скорее всего, это та же церковь Святой Марии в «Диоклии» (Рибнице?), о которой речь шла выше, — с более современным для «летописца» названием местности.

Картина судьбы сыновей Хвалимира II, нарисованная в *Летописи*, невольно напоминает «болезни и невзгоды», истребившие будто бы сыновей Легца. Мирослав Подгорский погиб во время бури, направившись повидать брата Петра, и не оставил потомства. Сам Петр, объединивший после этого в своих руках Дуклю и Подгорье, умер в молодости, оставив малолетнего сына Владимира. Драгимир, правивший Хумом и Требинье, дважды терял свои земли в результате болгарских нашествий, в 1018 г. попытался воссоединить родовые владения и был коварно убит жителями Котора (глава 37). Подобный сюжет по канонам устной традиции требовал бы моральной оценки. Не исключено, что это след того первоначального состояния требиньской легенды, которое «летописец» попытался по максимуму скрыть и видоизменить.

Глава 36

Данная глава имеет, как отмечает «летописец» в ее конце, письменный источник — древнейшее **Житие св. Владимира*, до наших дней не сохранившееся. «Летописец» называет его **Книгой деяний*. Время создания этого памятника определяется датами описываемых событий и предполагаемого создания **Книги Готской* — между 1018 г. и 1140-ми гг., но не точнее. С одной стороны, «внешняя» сторона событий, история последних лет Западноболгарского царства, византийско-болгарских отношений описывается в памятнике точно. С другой стороны, существенные изменения, внесенные агиографом в судьбу главного героя, как увидим, едва ли могли быть сделаны по горячим следам. Стилистика источника резко выделяется на фоне то сухого, то фольклорно-эпического стиля самого «летописца». Глава о святом Владимире наполнена прямыми цитатами и сравнениями из Писания в большей степени, чем вся остальная *Летопись*.

В главе фигурируют хорошо известные из византийских и иных источников исторические лица и факты. Поход Самуила в южные области Далмации и захват им Диррахия относят ко времени между 996—1000 гг. [Византиски извори, 1966: 92]. Самуил умер в 1014 г. от удара, не выдержав зрелища своих воинов, искалеченных по приказу императора Василия II Болгаробойцы (976—1025) [Византиски извори, 1966: 106; Среднеболгарский перевод, 1988: 230]. Его сын и наследник Гавриил Радомир был убит в конце 1015 г. его двоюродным

братом Иваном Владиславом, состоявшим в сношениях с Василием II [Византиски извори, 1966: 108—109, 115—116]. Иван Владислав, однако, не желая терять обретенную царскую власть, продолжил войну с империей. Он погиб при неясных обстоятельствах во время осады Диррахия в 1018 г. [Византиски извори, 1966: 123—124]. После этого Болгария была завоевана ромеями.

Наиболее ценным и связным источником об истории завоевания Болгарии ромеями является греческий *Синописис* Иоанна Скилицы (вторая половина XI в.). Среди прочего, в хронике Скилицы содержится и самое раннее упоминание о Владимире. В нижеследующих цитатах из Скилицы в угловых скобках даны дополнения одного из списков, принадлежащие жившему в начале XII в. Михаилу Девольскому. Этот список содержит немало ценных сведений по истории Западно-болгарского царства.

В связи с неудачной попыткой Василия добиться подчинения болгар в 1016 г. Скилица сообщает:

Пока Трибалией и сопредельными областями Сербии владел Владимир, по дочери <Феодорите?> зять Самуила, человек праведный, миролюбивый и добродетельный, дела в Диррахии шли мирно. А когда Иоанн убил Гавриила и когда названный был обманут и поверил клятвам, которые давал ему Иоанн через Давида, архиепископа Болгарского <вар.: Иоанна, архиерея Болгарского>, и себя ему предал и по кратком времени был погублен, то тамошние дела весьма нарушились и возмутились, потому что Иоанн изо дня в день, часто через своих полководцев или сам лично, покушался снова захватить город [Византиски извори, 1966: 117—119].

Пишет Скилица и о другом зяте Самуила, который, как следует из данного свидетельства, немало дал образам Владимира и его супруги в *Житии. Описывая события, происшедшие между 996 и 1005 гг., хронист сообщает следующее:

Самуил, счастливо вернувшись домой, выдал свою дочь за Ашота, сына Таронита [Григорий Таронит, дука Фессалоники, погибший в бою с Самуилом], потому что она освободила того из темницы. Ибо эта его дочь <Мирослава> влюбилась в того и угрожала убить себя, если законно не обвенчается с ним. Справив свадьбу, послал его с ней в Диррахий, чтобы тщательно охранять область. Прибыв туда, тот договорился с женой и убедил ее перебежать на ромейской триере, каковые плавали там вдоль побережья дозорами, и на ней добрался до василевса, так что он получил титул магистра, а его жена — зосты. Он передал и письма некоего вельможи, одного из таковых в Диррахии, по имени Хрисилий, который обещал передать город Диррахий царю, если он и два его сына получат титул патрикиев [Византиски извори, 1966: 91—94].

Ромеи взяли Диррахий при помощи Хрисилиев в 1005 г. [Византиски извори, 1966: 91—94].

Таким образом, можно видеть, что *Житие и далее *Летопись* объединили сведения о двух зятях Самуила. Все сказанное об освобождении влюбившейся царевной из темницы, о наместничестве в Диррахии относится не к Владимиру, а к Ашоту Тарониту. Это, очевидно, указывает на использование создателем *Жития не письменной, а прожившей уже некоторое время устной традиции, в которой Ашот оказался «поглощен» Владимиром. Информация Скилицы о последнем подтверждает ту часть информации *Летописи*, которая может касаться его. Владимир и у византийского хрониста рисуется как праведный и миролюбивый правитель, причем симпатизирующий империи и потому поддерживающий мир в округе Диррахия. Очевидно, можно верить повествованию о походе Самуила в Дуклю, после которого Владимир был вынужден признать зависимость от болгарского царя и стал его зятем. Михаил Девольский как будто называет христианское имя Косары — Феодорита. Но толкования этой вставки разнятся, и не исключено, что это результат путаницы.

Рассказ *Летописи* о гибели Владимира также соответствует в главном сведениям Скилицы. *Летопись* сообщает точную дату смерти Владимира — 22 мая [1016 г.]. Погиб Владимир в Преспе — т. е. в царской резиденции на озере Преспа в Македонии. Место его погребения помещается в церкви Святой Марии в Краине (монастырь Пречиста Краинска на Скадарском озере), где находился, согласно *Летописи*, и его двор. Сохранение всех этих данных, очевидно, связано с установившимся уже в XI в. почитанием погибшего князя.

Интересны сообщаемые *Летописью* сведения о походе Самуила в Далмацию. Византийские источники не описывают обстоятельств потери Диррахия; ясно, что это произошло между разгромами ромеев в Македонии в 995—996 гг. и в 1005 г., когда город вернулся под власть империи. По контексту сообщений Скилицы и некоторых других источников заключают, что Самуил взял Диррахий к 1000 г. Как видно из *Летописи*, одновременно царь подчинил Дуклю и Требинье, а после неудачной осады Улциня обратился против южных городов фемы Далмация. Управление последней как раз в эти годы оказалось дезорганизовано. В 997 г. на Адриатике вспыхнула война между союзниками империи — Венецией и Хорватией. В течение 998—999 гг. дож Петр Урсеоло, к которому перешел изгнанный из Хорватии братьями король Светослав Суронья, подчинил всю Северную Далмацию, включая Сплит. Южных городов фемы флот дожа не достиг, но по окончании кампании к нему в окрестности Сплита прибыл архиепископ Рагузы с изъявлением покорности [Documenta, 1877: 425—428].

Этот не объясняемый у Иоанна Диакона акт (Рагуза, в отличие от других далматинских городов, никак не страдала от поборов хорватов

и грабежей неретвлян), видимо, напрямую связан с нашествием Самуила. Знать Рагузы не желала оказаться между двух огней и в то же время надеялась заручиться поддержкой победоносного дожа. В последнем рагузяне просчитались. Урсеоло уже достиг поставленной цели — ослабить Хорватию и вырвать из-под ее влияния города Северной Далмации. Рагуза и Котор остались наедине с Самуилом, которому, согласно *Летописи*, удалось захватить и разорить их вместе с округой. Затем Самуил возвращается к себе «через Боснию и Рашку», не встретив, очевидно, сопротивления со стороны местных правителей. Впрочем, припоминания некоторых сербских родословов о бегстве собирательного «Бела Уроша» от «царя болгарского» в Приморье могут смутно отражать именно эти события.

Дубровницкие *Анналы* датируют концом X—началом XI в. войну с венецианцами, закончившуюся в 1001 г. почетным миром. Город будто бы поддерживала в этой борьбе Византия в лице мифического «императора Цезария» [Annales, 1883: 23—26]. Вероятно, здесь отразились какие-то неизвестные нам рагузско-венецианские конфликты последних десятилетий X в., разрешившиеся соглашением с Петром Урсеоло. Нашествие Самуила, возможно, отражается в сообщении под 1001 г. о четырехлетней войне с «королем Боснии», в которой Рагуза претерпела опустошение и тяжелые потери [Annales, 1883: 26].

Крестильное имя св. Владимира — Иван — появляется в позднейшей славянской и греческой традиции о нем. Впервые оно зафиксировано в месяцеслове рубежа XIII и XIV вв., хранящемся в Российской Национальной библиотеке [Q. п. I.46: л. 90; Сводный каталог, 2002: 695]. Почитание Владимира как славянами, так и ромеями надежно документировано с начала XIII в., когда его мощи были вывезены деспотами Эпира в Драч. Оттуда они в XIV в. были перенесены в монастырь, основанный вблизи Элбасана в Албании.

Наиболее значимый памятник традиции — две поздние редакции *Жития* в греческой версии XIV—XVII вв. Пространная редакция создана в 1689 г. игуменом Космой; краткая — около того же времени неизвестным автором. Они восходят к греческому переводу XIV в. с несохранившегося славянского («болгарского») оригинала (см.: [Новиковић, 1893: 253—270]). В обеих редакциях жизнеописание святого представлено с массой ошибок, анахронизмов и новых вымышленных деталей. Пространная версия *Жития* называет наследственными владениями Владимира Албанию, Иллирик и Далмацию до Дуная, а местами и Болгарию. Отцом Ивана назван Неман (!), «король трибаллов», а мать — «ромейка» Анна (т. е. жена Стефана Немани Анна-Анастасия). После рассказа о родителях Ивана дана вставка об обращении болгар к христианству, которое связывается с именами свв. Кирилла, Мефодия и Климента, а также царя Симеона. Между прочим, *Житие* отмечает, что «по всей болгарской земле», вопреки трудам Симеона и

святых отцов, была распространена «богомильская и мессалианская ересь». Это становится важным мотивом для дальнейшего повествования.

Когда Иван повзрослел, «родители обручили его с дочерью Самуила, короля Болгарии и Охрида, а он как послушный сын не противился родителям, но все равно со всем рвением хранил девственность, надеясь улучшить подходящее время и жену обратить в такую веру, в какой пребывал сам». Здесь поздний агиограф невольно создал рискованный парадокс. О целомудренной жизни Владимира и его жены, по обоюдному согласию, говорило и дуклянское *Житие. В поздней же редакции этот довольно типичный житийный образ встретился с осуждением жены князя за богомильскую ересь. Но богомилы в принципе осуждали брак — и Иван вряд ли мог отвратить жену от ее ереси «девственностью», скорее наоборот, поддержал бы ее убеждения. Вместо этого агиограф, смутно представлявший себе вероучение богомилов, заставляет далее Ивана убеждать жену в необходимости девства, а ее — возражать. Происходит спор между ними уже после того, как Иван наследует власть от отца.

Далее рассказывается легенда о чудесном обретении Иваном деревянного креста, который был принесен ему во время охоты орлом. На месте обретения был построен храм. Он отождествляется с Элбасанским монастырем, но изначально, конечно, имелся в виду монастырь Пречиста Краинска. Приводится дата основания — 6307 (799) г. Это явно древний элемент *Жития*, но дата дана, надо думать, с ошибкой на двести лет — 999 г. Крест св. Ивана Владимира является одной из почитаемых реликвий Зеты — Черногории.

После чуда с крестом агиограф обращается к войне Василия II с болгарами, события которой излагает с заметными искажениями. Владения братьев определяются смутно: то «Болгария и Охрид», то «Болгария, Сербия и германские (!) места между горами мисов и другими северными краями». Василий будто бы нанес болгарам поражение, занял Охрид — но затем был разгромлен Иваном Владимиром в битве на Кераунских Высотах.

Существенно отличается от дуклянского жития трактовка гибели мученика. В *Житии* Космы виновниками смерти Владимира являются еретики-богомилы — его жена, именуемая «Далидой», и ее брат. Познания автора о богомилстве, как тут выясняется, ограничивались тем, что еретики «не хотели кланяться иконам и противились иконам и кресту». Этим и объясняется гнев жены и шурина, подстрекаемых своими «иереями», на Ивана. Рассказывается, будто шурина отрубил Ивану голову по дороге из Охрида в Элбасан, у Дервен. Иван же, «на коне, схватив свою святую и многочестную голову, продолжил путь с воинами, следовавшими за ним», пока не достиг своего монастыря.

Там он опустил голову, как бы кланяясь, и изрек последние слова: «В руце твои, Господи Иисусе Христе, предаю дух свой». Устрашенный ужасным чудом, убийца умер. Народ похоронил святого в построенной им церкви, где вскоре начались посмертные чудеса.

В краткой редакции *Жития* Симеон, «первый благочестивый и святой король Болгарии и Охрида», превращается в деда святого. Его сын — Неманя (! — здесь именно так). Имя «Владимир» объясняется рождением святого в одноименной македонской местности. Воспитателем Ивана называется охридский архиепископ Николай, ни из каких источников более не известный. Причина заговора против святого объясняется по-новому — жена испытывала ревность из-за того, что Владимир дни и ночи проводил в построенном храме, и заподозрила измену. После этого она стала подстрекать брата убить Ивана, захватить его королевство и «утвердить ересь». Иван после разгрома императора Василия становится «великим господином всей Болгарии, Сербии, Албании и Иллирика». Когда он, возвращаясь с победой, проезжал албанскими землями, шурины и напал на него. Владимир протянул ему собственный меч и позволил отрубить себе голову. Позднее убийцу повесили, а его сестра раскаялась в содеянном и приняла постриг.

Значительная часть «новых» сведений *Жития* легендарна. В то же время не исключено, что о роли Косары в гибели Владимира ходили прямо противоположные предания. Не исключено и то, что святые-девственники пользовались почитанием со стороны богомилов XI—XIV вв. и это побудило создателя поздней славянской редакции «разделить» супругов. Кое-что, однако, может быть достоверным. К древней легенде восходят сведения об основании монастыря Пречистой Краинской. Они позволяют точнее датировать правление Ивана Владимира: 999—1016 гг. Может быть, из каких-то древних легенд почерпнуто и имя архиепископа Николая (скорее барского, чем охридского) — но это недоказуемо. В целом для исторической реконструкции позднее *Житие* дает мало.

**Житие св. Владимира* обозначает рубеж между «легендарной» и «исторической» частями *Летописи*. В дальнейшем ее персонажи действуют в хорошо узнаваемом и известном из синхронных источников историческом пространстве. Сведения *Летописи* находят немало прямых подтверждений и параллелей. С этого момента *Летопись*, несмотря на устные источники своей информации, вполне может служить для воссоздания фактической истории. Лежащие в ее основе предания дуклянского правящего рода прожили к моменту записи в *Книге Готской не более 130—150 лет (время жизни 3—5 поколений). При ряде недостоверных, в том числе «эпических», деталей и сознательных искажений, в целом они отражали историческую реальность.

Глава 37

Сведения о попытке Драгимира после гибели Ивана Владислава в 1018 г. восстановить владения Белоевичей содержатся только в *Летописи*. Убийство Драгимира гражданами Котора — следствие враждебного отношения далматинцев к славянским владетелям, которое так и не было преодолено, несмотря на полтора века симбиоза. В 997 г. граждане северных далматинских городов обращались к венецианцам с просьбой защитить их от хорватов и неретвлян. Котор еще в середине X в. не подчинялся славянам вовсе, а за несколько следующих десятилетий пережил установление влияния трebinьских князей и болгарское нашествие. Антиславянские настроения в нем должны были быть еще сильнее.

Трагическое предприятие Драгимира разворачивалось на фоне византийского завоевания охваченной хаосом территории Западнoболгарского царства — с чего «летописец» начинает следующую главу. В данной главе *Летопись* сообщает ряд деталей о судьбе загорских земель в этот период. Упоминается сербский жупан Лютомир (Тихомилович?) как тесть Драгимира и зять боснийских владетелей. Лютомир умер или погиб как раз в 1018 г., и его дочь вынуждена была бежать из Рашки в Боснию. Как мы узнаем из следующей главы, страна была захвачена ромеями.

О дочерях Драгимира далее ничего не говорится. Посмертное же рождение сына Доброслава (т. е. Стефана Воислава, основателя Дуклянской державы) — вымысел. Как и в случае с Тишемиром, этот эпический мотив как бы «оправдывает» наследника-младенца за утрату земли отцов и позднее ее возвращение. Если Воислав родился в 1018 г., то не мог около 1042 г., когда разворачивалась его война с ромеями, иметь боеспособных сыновей. Между тем об этом говорит сама *Летопись*, и больше оснований верить ей именно в этом случае, в том числе исходя из позднейшей хронологии династии. Происхождение Воислава из правящего рода Требинье подтверждает автор византийского военного трактата 1070-х гг. *Советы и рассказы* Кекавмен. Он называет Воислава «Тривуний Серб», т. е. серб из Требинье [Кекавмен, 2003: 184—185].

О воспитании Воислава в Боснии, а затем в Рагузе, о его женитьбе на внучке Самуила других сведений нет, хотя тесные связи его с Рагузой известны. Происхождение жены Воислава неясно — у Самуила были дочери и сын («летописец» пишет, что Самуил «не имел сыновей» в том смысле, что Радомир уже погиб к этому времени). Из дочерей Косара была, как ясно из вышеизложенного, бездетна. Жена Воислава могла быть дочерью и Гавриила Радомира, и Ашота Таронита. Рагуза после завоевания ромеями Приморья сразу подчинилась импе-

рии — следовательно, Воислав воспитывался под контролем византийских властей, что явствует и из следующей главы.

Глава 38

Глава о Доброславе — один из наиболее явно связанных со славянской традицией фрагментов *Летописи*. В ней сохранены небольшие обороты на славянском языке, указывающие на передачу «летописцем» славянской **Книги Готской*. Замена имени Воислава на «Доброслав» — характерная черта использованной в **Книге* устной традиции. Наконец, и само описание противостояния «короля» с Византией выдержано в эпических тонах, с очевидностью отражая развернутое устное повествование.

Обстоятельства покорения сербских земель Византией и их освобождения Стефаном Воиславом восстанавливаются не только на основе *Летописи*, но и из свидетельств других источников. В 1018—1019 гг., после покорения основной территории Болгарии, византийские войска двинулись на северо-запад. *Летопись* утверждает, что были покорены «Босния, Рашка и вся Далмация вплоть до пределов Нижней Далмации». Это согласуется с сообщением Скилицы о том, что ромеи остановились у хорватских рубежей: «Император достиг после покорения Болгарии соседних племен хорватов, архонтами которых были два брата, каковые вверили себя и, приняв почести и достойные награды, подчинили и сами племена» [Византиски извори, 1966: 136]. Речь идет о братьях Крешимире III и Гоиславе, сыновьях Држислава. Согласно Фоме Сплитскому, Крешимир уже в 1015 г. являлся патриkiem императоров Василия II и Константина VIII [Фома Сплитский, 1997: 44]. О покорении «племен хорватов» сообщает и хронист начала XII в. Иоанн Зонара, опиравшийся на хронику Скилицы [Византиски извори, 1966: 251].

В итоге Адриатический регион оказался поделен на две зоны. Сербия и Сербское Приморье (как минимум Дукля и Требинье) оказались на какое-то время непосредственно подчинены имперским властям. Императорский полководец Константин Диоген, в 1019 г. взявший Сирмий, получил должность «стратига Сербии» и «архонта Сирмия». С 1026 г. он занимал пост «антипата, патрикия и дуки Болгарии», сохранив за собой Сирмий как резиденцию. На пике карьеры его полномочия распространялись на несколько западнобалканских фем: «антипат, патрикий и дука Фессалоник, Болгарии и Сербии» [Византиски извори, 1966: 138—139].

В Рагузе первое время имелся собственный «правитель» Лампредий, фигурирующий вместе с архиепископом Виталием в акте 1023 г. о создании аббатства Святого Бенедикта в Локруме [Codex, 1967: 62—

65]. «Судьей» называет Лампредию Милещий под 1026 г. [Annales, 1883: 211]. Однако в 1040-х гг. в Рагузе уже сидел византийский стратиг [Кекавмен, 2003: 186—187]. Образована фема Рагуза была, вероятно, после набега арабов в 1032 г., который рагузиане отразили совместно со стратигом эпирского Навплия Никифором [Византиски извори, 1966: 169]. На решение византийских властей укрепить присутствие в Рагузе могло повлиять и признание в 1022 г. Римом здешней архиепископии (если таковое действительно имело место).

Север остался в составе Хорватского королевства, формально признавшего зависимость от империи. Крешимир III, вероятно, энергично воспользовался щедростью императоров. В том же 1018 г. он предпринял масштабное вторжение в Далмацию, стремясь изгнать венецианцев [Documenta, 1877: 431]. В итоге Крешимир восстановил хорватское влияние благодаря, в том числе, родству с контролировавшим Задар семейством Мадиев [Codex, 1967: 67]. Судя по упоминанию в *Летописи* далее бана Боснии, тогда же здесь был создан с согласия империи зависимый от Хорватии банат. Зависимым от Хорватии княжеством-«дукатом» стал, видимо, и Хум, что позволило восстановиться здесь местному княжескому роду.

Подобное усиление Хорватии не входило в планы имперской политики на Балканах, и уже очень скоро начали возникать конфликты. В 1024 г. византийский катепан в Южной Италии Василий Бугиан похитил жену и сына Крешимира, отправив их в качестве заложников в Константинополь [Documenta, 1877: 434]. Как разрешилась и разрешилась ли эта коллизия, неизвестно.

В 1034 г., после смерти императора Романа III Аргира (1028—1034), в Сербии вспыхнуло восстание против имперских властей. Уже в 1035/6 г. оно было подавлено, о чем сообщает Скилица: «И Сербия, которая после смерти василевса Романа отложились, покорилась снова» [Византиски извори, 1966: 156]. Обычно считается, что именно это восстание спровоцировал, как описано в *Летописи*, Стефан Воислав и что память о его первоначальном поражении из предания исчезла. Оснований для таких заключений почти нет. Стефан Воислав впервые упоминается в византийских источниках в связи с событиями начала 1040-х гг., когда он «бежал из Константинополя». Там он мог пребывать действительно как пленник после восстания 1034—1036 гг., а мог — как почетный заложник вне прямой связи с ним. Собственно, очень похоже описывает первоначальный статус Доброслава *Летопись*, и нет причин ей не верить.

Восстание побудило ромеев внести некоторые изменения в управление областями Адриатики. Прежде всего они укрепили свою власть в Далмации. Помимо образования фемы Рагуза и назначения сюда стратига, около 1036 г. был захвачен в Константинополе архонт Далмации Григорий Добронья, родственник хорватского короля (см.: [Ке-

кавмен, 2003: 316—319; Codex, 1967: 66, 71]. Из-под власти хорватов был выведен хумский князь Лютовид. Известна его дарственная локарумскому аббатству от 1039 г., в которой он именуется «протоспафарием, ипатом и стратигом Сербии и Захлумья» [Codex, 1967: 71—73]. Иными словами, фема Сербия продолжала существовать и даже расширилась за счет «Хумского дуката». Однако теперь в ней, в отличие от Далмации, было учреждено не прямое управление, через посредство местного князя. Согласно *Летописи*, в подчинении Лютовиду находился великий жупан Сербии, а фактически и бан Боснии. Очевидно, подобное выдвигание было связано с заслугами местной знати во главе с Лютовидом в усмирении восстания 1034 г. Центральную администрацию представлял сановник Феофил Эротик, чья резиденция располагалась где-то в Приморье. Он, подобно Константину Диогену, мог иметь должность дуки — местного командующего.

Титул «имперского протоспафария» был дарован к началу 1040-х гг. и хорватскому бану Степану Праске, правой руке короля Степана Крешимировича (см.: [Codex, 1967: 75—76, 106]). Это, видимо, было призвано успокоить хорватскую знать после очевидных территориальных потерь. Однако Степан I в ходе нового сербского восстания придерживался нейтралитета — объективно недружественного к империи. Затем, как увидим, сложился союз хорватов со Стефаном Воиславом и его наследниками.

Политика империи в Далмации вызывала недовольство и у венецианцев. Дож Доменико (1032—1041) укрепил независимость аристократической республики от Византии и стремился восстановить доминирование на Адриатике. В 1038 г. (так у Милеция, с указанием на дукат Доменико; в *Анналах* 1018) венецианцы предприняли попытку захватить построенный рагузянами замок Сан-Лоренцо [Annales, 1883: 28, 212]. В новых условиях это был открытый вызов империи, наверняка повредивший стабильности в регионе.

Восстание 1040—1042 гг., вылившееся в освободительную войну на значительной части сербских земель, описано в целом ряде византийских источников. Кстати, именно в связи с этими событиями дукляне впервые последовательно называются в византийских источниках «сербами». Другое название, употреблявшееся и применительно к Ивану Владимиру, — «трибаллы» — также закрепляется в это время. Оно связано и с традицией давать современным народам античные имена, и с созвучием названию Требинье, «Травунии».

Скилица сообщает под 1040 г.:

Иоанн послал василевсу [Михаил IV, 1034—1041], который остался... в Фессалониках, десять кентинариев золота, но корабль, захваченный бурным ветром, ударился об иллирийские берега и разбился. Золото захватил Стефан Воислав, архонт сербов, который некоторое

время назад бежал из столицы и занял землю сербов, прогнав оттуда Феофила Эротика. Когда василевс в Фессалониках узнал о потере золота, то написал Стефану, чтобы тот вернул его, не давая своей виной повода к началу войны. Поскольку же тот не дал никакого ответа, послал василевс против него войско, которым предводительствовал внук Григорий Протеас. Прибыв в страну, он заплутал среди оврагов, падей и непроходимых мест, сгубил целое войско и сам едва спасся [Византиски извори, 1966: 157—158].

В 1042 г. принявший власть император Константин IX Мономах (1042—1056) направил в Сербию новую, более сильную армию. Скилица пишет:

Поскольку Стефан Воислав бежал, как уже упоминалось ранее, из столицы и занял Иллирийские горы, нападая на трибаллов, и сербов, и окрестные племена, подвластные ромеям, и грабя их, то Мономах, не в состоянии выносить его вторжений, письменно приказал архонту Диррахия — был то патрикий Михаил, сын логофета Анастасия — собрать стратиотскую армию Диррахия, какая у него была, заодно с войсками соседних фем, которые были подчинены ему, и вместе с ипостратигами идти на трибаллов, чтобы победить Стефана. Сей же, избалованный и привыкший к наслаждениям, не имел никакого представления о военном деле, так что из-за глупости своей и неловкости стал главным виновником великого несчастья для державы ромеев. А именно — собрав, согласно повелению, силы в количестве около 60 тысяч, он вторгся в страну трибаллов, пробираясь путями крутыми и каменистыми, трудными и тесными, так что и два конника не могли одновременно ими пройти. Сербы, как говорят, намеренно дозволили и допустили их проход, тем более что тот не заботился о возвращении и не оставлял в теснинах достаточно сильной стражи. Пока он разрушал, опустошал и выжигал поля, сербы заняли и удерживали теснины и кручи, ожидая его возвращения. Когда Михаил решил, что достаточно пограбил, собрав много добычи и пленных, что настало время возвращаться, и по пути вошел в теснину, то враги с высот начали кидать камни, метать стрелы и все возможное для метания, сваливая огромные скалы, в то время как окружавшие Михаила не могли ни пустить в ход руки или оружие, ни хотя бы показать пример храбрости. Некоторые сразу пали, а другие скатились вниз по круче и плохо кончили, — так что окрестные пади и речные русла наполнились мертвецами, став проходимыми для преследователей. Пало около 40 000, и погибло семь стратигов. Другие скрылись в кустах и деревьях и в горных падах и, скрывшись от глаз врага, перебрались через вершины в ночи — спаслись босыми и голыми, достойными печали и слез для взора тех, кто их видел. С ними спасся и Михаил, разделив ту же самую судьбу [Византиски извори, 1966: 159—161].

Разгром экспедиции Михаила описывает как пример негодного командования и Кекавмен:

Ведь враги, зная в клисурах труднопроходимые места, заранее займут их и при твоём возвращении разгромят тебя. Так сделал Тривуний Серб в Диоклее с катепаном Диррахия Михаилом, сыном логофета, и разгромил его войско, насчитывавшее более сорока тысяч человек. Упомянутый катепан, вторгшись в Диоклею, разорил ее, а при возвращении обнаружил, что клисуры, через которые он вторгался, заняты, и был схвачен. Может быть, у него был другой путь, чтобы уйти спокойно, но по недомыслию, а скорее — по неопытности, был взят в плен [Жекавмен, 2003: 184—185].

Сообщает о поражении Михаила и Зонара:

Некий человек из скифов, по имени Воислав, бежал из Византия и, собрав вокруг себя шайку, скрывался по иллирийским горам как дикий зверь, грабя окрестные и подчиненные ромеям племена трибаллов, сербов и родственные им. Как только сообщили о том василевсу, он написал архонту Диррахия, дабы тот вступил в борьбу со Стефаном. Ведь Воислав носил и это имя. Будучи человеком без всякого воинского искусства, архонт повел войну против него невежественно и стал виновником ужасного поражения войска, которое возглавлял, и сам спасся едва с немногими, а все остальное войско, не в состоянии даже руки использовать для своей защиты от нападавших, пропало там [Византиски извори, 1966: 254].

Как видим, изложение событий в византийских источниках отличается от *Летописи* в деталях, но совпадает в основных вехах. В качестве повода к войне «летописец» выдвигает сам факт восстания и успешные завоевания Доброслава, а не захват императорского золота. Между тем явное нежелание имперской власти реагировать на происходящее объяснялось слабостью императора Михаила IV. *Летопись* называет командовавшего первой экспедицией внуха Георгия Проватаса Арменопулом. Видимо, так он запомнился в дуклянской традиции по своему этническому происхождению. Место Михаила как предводителя второго карательного похода и наместника Диррахия занимает некий «топарх» (т. е. местный аристократ) Курсилий. Знатный род Хрисилиев был хорошо известен в Диррахии. Этот Хрисилий запомнился в предании как эпоним, с именем которого связано название «Курсилиев крест». Славянский «летописец» выдвинул на первое место среди врагов героя славянского же князя Лютовида, которого византийские авторы вовсе не заметили. Таким образом, *Летопись* дополняет византийские свидетельства, описывая события с дуклянской перспективы. Она также отчасти уточняет географию (под Дриной в *Летописи* здесь имеется в виду река Дрин-Бояна).

В то же время после выдающейся победы над вражескими полчищами *Летопись* своего героя оставляет. Дальнейшие деяния Добро-

слава интересуют «летописца» лишь постольку, поскольку завершают основной сюжет эпического сказания о нем. Упоминается щедрость короля по отношению к антибарцу (первый шаг к союзу между Антибари и Дуклей), а также поход на юг, в земли фемы Диррахий, и строительство там крепости. Завоевание всей фемы до Воюши (Вьосы) — явный вымысел. По крайней мере, город Диррахий империя контролировать не переставала [Аста, 1913: 17]. Скорее всего, традиция по созвучию и склонности к преувеличениям спутала Вьосу с Бояной, протекающей по нынешней границе Албании и Черногории.

Между тем другие источники свидетельствуют о ряде других заметных акций Стефана Воислава по расширению и укреплению своей власти. Прежде всего, не ограничившись разгромом военной силы Лютовида, Воислав и на северо-западном направлении развил успех, завладев Стоном [Кекавмен, 2003: 186—187]. *Летопись* не упоминает об этом, вообще не слишком охотно освещая ситуацию в Хумской земле. Судя по всему, местные князья, а затем жупаны продолжали сопротивляться Дукле, и воевать здесь Воиславичам, что признает и *Летопись*, пришлось не раз.

Присоединив Стон, Воислав сумел затем обезглавить византийскую администрацию в Рагузе. Об этой операции подробно рассказывает Кекавмен:

Катакалон Клазоменит был стратигом Рагузы. И захотел стратиг водрузить трофей с помощью притворной дружбы. В крепостях Далмации, в Зете и Стамне [Стон], был топархом Воислав Диоклейский. Стратиг захотел схватить его. Что же он делает? Он сдружается с ним, посылая ему обильные дары и желая его с их помощью обмануть. Тот же, хотя и был иноплеменником, обладал природной смекалкой и мудростью, основанной на опыте. Он принимал подарки и прикидывался рабом василевса, будто бы из-за доброты и даров стратига. Когда у топарха родился ребенок, стратиг высказал пожелание стать его приемником от святого крещения. Тот с радостью ответил: «Если соизволишь и придешь в мой дом». Но стратиг не пожелал. Поэтому они постановили вступить в кумовство в местности, лежащей между фемой стратига и страной топарха. У стратига были наготове дромоны на море (ибо место лежало у моря), чтобы, как только он киднет, топарха бросили в дромон. Но точно такой же замысел питал и топарх, имея наготове в укрытии храбрых людей, чтобы они, когда он подаст условленный с ними знак, выскочив, схватили бы стратига и всех, кто будет с ним. Что и случилось: они встретились, дружески поприветствовали друг друга и уселись. Но тогда, когда они садились, был подан знак: стратига окружили и, связав его по рукам и ногам, увезли связанного вместе с его сыном и всеми, кто был с ним, и дромоны увели в Стамн. Так, какими силками и сетями хотел уловить, был сам уловлен к посрамлению ромеев [Кекавмен, 2003: 186—189].

Ни Милеций, ни дубровницкие *Анналы* не упоминают Стефана Воислава. Милецию больше запомнился конфликт при Константине Бодине и его вассале Стефане Боснийском. Борьбу с последним и Милеций и Аноним относят с одинаковой почти столетней ошибкой к началу XI в. [Annales, 1883: 26—27, 209]. Однако Милеций при этом также загадочно датирует противостояние временем «Константина Греческого судьи девятого» [Annales, 1883: 207]. Если имеется в виду император Константин IX Мономах, то у Милеция могло здесь отразиться припоминание о начальном этапе давления дуклянских королей на Рагузу — как раз при Воиславе.

Воислав проявлял активность и в северном направлении. Из не очень ясных указаний византийских авторов следует, что он проникал в северные горы. Однако после поражения Лютовиды Воиславу удалось, возможно, сломить сопротивление владетелей Рашки и Боснии, после чего продвинуться гораздо дальше. Согласно *Хронике Иоанна Горицкого*, примерно в 1041—1044 гг. «Стефан, король Хорватии, прозывавшийся Воиславом, разорил горы трибаллов и сербов до самой Дрины и поставил баном [в Славонии] Праску» [Documenta, 1877: 472].

Степан Праска — уже упоминавшийся выше бан короля Хорватии Степана I. Хронист смешивает соименных сербского и хорватского королей, но это смешение не случайно. Точно так же как единый народ или союзников представляют сербов и хорватов византийские авторы в связи с военными действиями 1070-х гг. Очевидно, союз возник после первых впечатляющих побед Стефана Воислава. Степан I не стал оспаривать захват Стона и походы в Боснию, а Воислав оказал военную помощь хорватам при очередном возвращении Славонии. Помощь такую он мог оказать лишь в том случае, если его войска свободно продвигались вдоль Дрины, в пограничье Рашки и Боснии.

О значении замены имени «Воислав» на «Доброслав» уже говорилось ранее. В этом эпическом именовании отразилось все значение основателя дуклянской династии и Дуклянской державы для его подданных и потомков. В контексте *Летописи* это особенно заметно — поскольку Доброслав оказывается последним представителем династии, не запятанным ни неудачами, ни несправедливостью и уособицами.

Титул Воислава в византийских источниках — «архонт», «топарх». В *Хронике Иоанна Горицкого* он король, но вследствие путаницы со Степаном Хорватским. «Летописец» же именует королями и всех предшественников Воислава. Разумнее, кажется, предполагать, что он сохранял княжеский титул, как первое время и его сыновья, о чем говорит сама *Летопись*.

Срок правления в 25 лет кажется недостоверным. Правление Воислава надежно датируется исходя из сведений Скилицы. Согласно последнему, Михайло наследовал Воиславу примерно в 1052 г. [Визан-

тиски извори, 1966: 162]. Таким образом, с момента бегства из Константинополя Воислав правил примерно 12—13 лет. Традиция могла преувеличить годы правления «Доброслава» до достойной эпической величины. Однако не исключено, что уже с 1027 г. Воислав признавался в качестве наследственного правителя Требинье или Дукли под патронажем ромеев. Начало главы о Доброславе, собственно, вполне поддается такому толкованию. Это увеличивает вероятность участия Воислава в восстании 1034 г., которое, следовательно, могло стать причиной его константинопольского плена. Однако доказательств этому недостаточно.

Важным средством для удостоверения родового предания дуклянских королей, естественно, являлись места их погребения. «Летописец» с этого времени фиксирует их гораздо тщательнее, чем раньше. Это различные храмы Дукли, не всегда известные ныне. «Доброслав» — единственный правитель, погребенный в храме Святого Андрея в Прапратне. Эта местность между Баром и Улцинем упоминается и далее в *Летописи*, и Михаилом Девольским как резиденция Михайлы Воиславича.

Глава 39

История Дуклянской державы после смерти Стефана Воислава представлена в византийских источниках весьма фрагментарно. Собственно, ромеев интересовала, вполне естественно, внешняя активность сербских правителей. По внутренней истории единственным источником часто оказывается *Летопись*. Но искушение использовать ее в качестве «стержня» исторической реконструкции быстро развеивается. Перестав быть собранием тенденциозно обработанных легенд, *Летопись* не перестает быть тенденциозной. Задачей автора *Книги Готской являлось обоснование прав потомства Радослава Воиславича и его сына Бранислава на власть над Дуклей. Ради этой задачи исторические факты подвергаются заметным искажениям.

Описание раздела земель после смерти Воислава особых сомнений не вызывает. Кстати, все размещаемые на карте жупы расположены в сравнительно небольшом регионе Приморья, лишь немногим большим, чем современная Черногория. Это показывает ограниченность реальной власти Воислава, несмотря на все его дальние походы. Антибари находится уже под контролем Воиславичей, и появляется неизвестная во времена «Тетрархии» Барская жупания (Барези). Именование Воиславичей кнезами (князьями) — следствие не смирения их перед королевой-матерью, внучкой Самуила, а того, что и Воислав не носил королевского титула. Для «летописца» же это был важный пре-

цедент, оправдывающий отказ Браниславичей от королевского достоинства после раздела страны и признания имперской власти в 1140-х гг.

Младший сын Предимир, не получивший удела, — видимо, тот самый, крестным отцом которого должен был стать незадачливый стратиг Рагузы. В 1052 г. ему было, следовательно, не более 10 лет. Это противоречит утверждению «летописца», будто все пять сыновей Воислава еще ко времени восстания вошли в возраст. Однако здесь над автором вновь довлела структура родослова, в котором перечисление браков и сыновей правителей предшествовало описанию их деяний. Радослав называется всего лишь четвертым из братьев — после Гоислава, Михайлы и Саганека.

Однако уже здесь заметны подтасовки. В предыдущей главе «летописец» подробно расписывал подвиги Гоислава и Радослава во время восстания, избегая упоминать второго и третьего сыновей «короля». Мы вправе усомниться в том, что это вполне соответствовало первоначальной традиции. Однако наверняка такой подход отражает версию родового предания Браниславичей, которые выделяли своего родоначальника наравне со старшим сыном Воислава. Тем более что Радослав в данной главе *Λετονισι* выступает как законный преемник Гоислава в Требинье.

Самое существенное искажение связано именно со старшинством выделенных уделов, — а возможно, и их обладателей. Несмотря на то что резиденцией Воислава являлась Прапратна, ее получает второй сын — Михайло. При этом он делит Зету с братьями Саганеком и Радославом, а одну зетскую жупу, Грбаль, получает старший сын Гоислав вдобавок к Требинье. Таким образом, владения Гоислава гораздо больше, чем у любого из братьев, и он считается старшим князем. Это подкрепляется проживанием у него, неподалеку от Рагузы, жившей там некогда королевы-матери и необходимостью выделить земли в будущем Предимиру.

В такой картине старшинства не было бы причин усомниться, если бы не свидетельство незаинтересованного автора и непосредственного современника событий — Скилицы. Среди событий 1052 г. он отмечает:

Тогда Михайло, Стефанов сын, который после отца стал владельцем (αρχηγος) трибаллов и сербов, заключил договор с василевсом, был причислен к союзникам и друзьям ромеев и почтен саном протоспафария [Византиски извори, 1966: 162].

Таким образом, главным среди Воиславичей являлся все-таки Михайло, и он от имени подданных заключил союз с империей сразу по смерти отца. Об этом «летописец» не знал или, во всяком случае, не сообщает. Примирение с Византией явно выпадало бы уже в традиции из триумфальной истории завоеваний первых дуклянских королей. Но

след его в родовом предании остался, и мы находим такой след в следующей главе, где сообщается о браке Михайлы с двоюродной сестрой императора. В данной же главе, напротив, есть сведения о нападении или ожидании нападения ромеев на Зету в конце 1050-х или 1060-х гг. В византийских источниках об этом ничего не говорится.

Внутренняя история Дукли и Требинье в третьей четверти XI в. освещается разрозненными источниками, которые можно разделить на три небольшие группы. Во-первых, в последние годы в древних требиньских землях были найдены две глаголические надписи XI в. Одна, с территории нынешней общины Жупы Дубровачка, сделана неким Иваном в честь его деда Потуги, построившего во второй половине X в. храм Святого Георгия [Џунџић, Perkić, 2009]. Другая, из древнего Конавле, датируется 1060 г. и, как увидим, может быть связана с историей Воиславичей (но может и не быть). Имеется также латинская надпись с территории Хума, которую столь же предположительно связывают с Михайлой, речь о ней пойдет в комментариях к следующей главе.

Вторую группу составляют дарственные грамоты бенедиктинскому аббатству, основанному рагузянами в Локруме. Ф. Шишич в свое время объявил их фальшивками XIII в., созданными на основе *Летописи*. Однако Т. Живкович привел веские аргументы в пользу необоснованности таких суждений. Столь же спорными являются, как уже говорилось, акты третьей группы, посвященные отношениям папства с епархиями Рагузы и Антибари, соперничавшими за архиепископский паллий. О подлинности подавляющего большинства этих актов, особенно булл о создании митрополий, продолжают высказываться противоположные мнения.

Имея в распоряжении столь скудную и сомнительную источниковую базу, убедительно подтвердить или опровергнуть сведения *Летописи* о судьбах сыновей Воислава невозможно. Однако можно указать на ряд противоречий, которые заставляют подозревать «летописца» или его информаторов из круга Браниславичей в искажении действительности.

Ход событий в Требинье и окрестностях, включая Рагузу, в 1050-х гг. может быть отчасти восстановлен по грамотам локрумской группы. После пленения Воиславом стратига Рагузы город управлялся местным приором, продолжая признавать власть Византии. Это подтверждает дарственная, относящаяся к первой половине 50-х гг. (подлинность ее признавал и Ф. Шишич) [Codex, 1967: 79—82]. В самом акте указан XII индикт, но, судя по указанию на соправительство императора Константина IX и императрицы Феодоры, это искажение, допущенное писцами, должно быть «VII» (т. е. 1054 г.). Приором в тот момент был «Петр, прозывающийся Слаба» — очевидно, славянин по происхождению. Возглавлявший епархию Виталий титулуется всего

лишь епископом. Вследствие завоеваний Воислава несостоявшаяся митрополия лишилась всех своих материковых епархий, включая Стон, и под давлением Сплита умерила прежние претензии.

Ситуация, однако, резко поменялась к 1058 г. Так в списке XVII в. датируется сохранившийся отрывок из грамоты, обращенной к локрумскому монастырю Радославом. Он гласит:

Во времена Виталия архиепископа, Петра аббата и Доминика приора и т. д. Я, Радослав, король и т. д., вместе со своей женой Юлией и сыном Браниславом повелеваю построить монастырь в Белеме и вручить монахам св. Бенедикта из Локрума и т. д. [Codex, 1967: 84—85].

Ничего внушающего сомнение в тексте отрывка нет. Длительное правление Виталия, или наличие у Виталия I соименного преемника, подтверждается письмом папы Григория VII 1074 г. о деле епископа Виталия. Аббат Петр, первый настоятель монастыря, фигурирует в локрумских актах 1023 и 1054 гг. Это его последнее упоминание. Белем (Плат) расположен в пределах Требиньского княжества, между Рагузой и Конавле. Радослав, согласно *Летописи*, имел сына Бранислава. В то же время его жена Юлия в *Летописи* не упоминается.

Из грамоты следует, что к 1058 г. Радослав уже правил в Требинье и установил тесные контакты с Рагузой. При этом он признал за Виталием титул архиепископа, что означало и признание власти Рагузы над требиньской церковью. Едва ли не в благодарность за это Радослав, венчанный Виталием, стал королем? В любом случае принятие им королевского титула задолго до смерти Михайлы разительно противоречит *Летописи*. Благочестивая история об обманутом и обиженном старшими братьями мужественном и смиренном князе дает ощутимую трещину. Получается, что, завладев Требинье и распространив свое влияние на Рагузу, Радослав сразу и без всяких видимых правовых оснований стал претендовать на королевскую власть. Кстати, как мы знаем из *Летописи*, городская община Рагузы и позднее поддерживала его потомство.

Еще больше запутывает дело Конавоская глаголическая надпись. Первые ее строки, надежно читаемые (дополненные затем другим резчиком, чей вклад неразборчив), гласят: «Исклесал [т. е. высек] Гонеслав господин. Год 1060» [Karpetanić, Žagar, 2001: 42]. Неизвестное имя «Гонеслав» — скорее всего, искажение от «Гоислав», «Гоислав» [Ibid: 44]. Со стопроцентной уверенностью отождествить этого «господина» с князем Гоиславом из *Летописи*, конечно, нельзя. Но соображения времени и места делают такое тождество весьма вероятным.

Тогда получается, что Радослав завладел Требиньским княжеством или какой-то его частью еще при жизни Гоислава. Но к 1060 г. тому удалось сохранить или восстановить власть как минимум над Конавле,

южнее Белема. Иными словами, именно воспетый «летописцем» Радослав оказывается настоящим возмутителем спокойствия после смерти отца. Конечно, это только вероятность, основанная на одной из возможных интерпретаций источников.

Тем более непросто предложить детальную историческую реконструкцию. Из *Летописи* следует, что Гоислав и Предислав погибли в результате конфликта с трebinьским знатным родом Скробимези, числившим за собой какие-то права на княжескую власть. Глава заговорщиков Доманек дважды вокняжился в Требинье, первый раз он был изгнан Саганеком, а второй раз, после вроде бы добровольного ухода Саганека, — убит Радославом. Какую роль во всех этих событиях Радослав играл на самом деле — сказать сложно. Обстоятельства его ухода из Зеты «летописцем», скорее всего, серьезно искажены, а согласие между братьями — мягко говоря, преувеличено. В завоевание Радославом Хума вполне можно поверить. Очевидно, после Воислава или даже еще при его жизни область отложилась, и теперь потребовалось покорять ее заново.

Из братьев неизвестной остается судьба Саганека. О времени и обстоятельствах его смерти, а равно о его потомстве *Летопись* ничего не сообщает. Очевидно, к моменту смерти королевы-матери (в 1060-х гг.?) приморские владения Воислава были поделены между Михайлой, объединившим Зету или большую ее часть, и Радославом в Требинье и Хуме. При этом оба брата претендовали на королевский титул, и отношения между ними едва ли были мирными.

Глава 40

Время принятия Михайлой королевского титула неизвестно. Вполне возможно, что именно он действительно стал королем уже после смерти матери. «Летописец» же попытался скрыть более раннее королевское венчание Радослава, начавшего претендовать на верховную власть среди братьев. К середине 1070-х гг. Михайло уже был королем.

Время второго брака Михайлы неизвестно, но он имел место между 1052 и 1072 гг., когда между властями в Константинополе и Дуклей поддерживались мирные отношения. В этот период императорами были Константин IX Мономах (1042—1055), Михаил VI Стратиготик (1056—1057), Исаак Комнин (1057—1059), Константин X Дука (1059—1067), Роман IV Диоген (1067—1071). Все они вышли из высших слоев византийской знати, офицерства и чиновничества. Чья именно двоюродная сестра (или более дальняя родственница) оказалась женой дуклянского короля, неизвестно. В византийских источниках упоминаний об этом факте нет.

Из 11 сыновей Михайлы лишь о Бодине имеются сведения в византийских источниках. Большинство, как отмечает «летописец», погибли в войнах при жизни отца. Впрочем, далее выясняется, что кроме Бодина уцелел еще один из сыновей от второго брака — Доброслав. Более того, в начале правления Бодина еще были живы все четыре его сводных брата.

Обращает на себя внимание, что многие сыновья Михайлы, как и он сам, вошли в традицию под своими христианскими именами. Среди сыновей от первого брака таких двое (Гавриил и Сергей). Из четырех же сыновей от второго брака христианские имена носят трое: Петр(ислав), Никифор, Феодор. Возможно, они (особенно это относится к Петриславу) славянских имен и не имели, что естественно связать с греческим происхождением их матери.

В *Летописи* имеется лакуна на том месте, где должна была идти речь о потомстве Петрислава. Поскольку Петрислав далее называется правителем Рашки, то традиционно заключают, будто его сыновьями являлись позднейшие жупаны Рашки — Вукан и Марко. Однако «летописец» вводит их в главе о Бодине как совершенно новых, ранее не упомянутых персонажей, называя придворными, а не родственниками короля. Представителей династии он всегда позиционирует в качестве таковых. По контексту *Летописи*, жупаны Рашки происходят от Тихомила и именно поэтому не имеют ни королевского, ни княжеского, ни банского титула. Титул «кнез», напротив, всегда дается только представителям королевского дома. В той же главе о Бодине кнезом Боснии назначается Стефан, о происхождении которого не делается, в отличие от Вукана и Марко, никаких пояснений. Это может указывать на то, что Стефан упоминался раньше среди родичей правящего дома. Итак, можно предположить, что сыном Петрислава в утраченной фразе памятника назывался именно Стефан Боснийский.

Первоочередной задачей Михайлы являлось укрепление в Приморье единой власти. Здесь ему противостояли, с одной стороны, независимые далматинские коммуны, с другой — брат Радослав, контролировавший Требинье, Хум и, возможно, часть Зеты. С обеими проблемами, судя по *Летописи* и другим источникам, Михайло справился. В отношениях с далматинцами он проявил при этом немалую гибкость. Котор стал второй столицей Михайлы наряду с Прапратной [Византиски извори, 1966: 179]. Тем самым был усмирен, на основе компромисса с романской знатью, самый независимый и опасный для славянских владетелей город Южной Далмации.

О наступлении на владения Радослава упоминает *Летопись*, — умалчивающая, правда, о том, что речь шла о противостоянии двух претендентов на королевскую власть. В этой борьбе Михайле сопутствовал успех. Радослав лишился, видимо, не только владений в Зете, но и Требинье. С объединительной политикой Михайлы вполне можно

связать буллу папы Александра II об основании в 1067 г. барской архиепископии. Как уже говорилось, этой папской грамотой в ведение Петра, «почтенного архиепископа диоклейской, а равно антибарийской церкви», отдавались епархии Котора, Улциня, Свача, Дривоста, Полата, Сербии, Боснии и Требинье [Documenta, 1877: 201]. Хотя подлинность грамоты оспаривается, она вполне соответствует исторической ситуации именно того момента, насколько та может быть воссоздана. Михайло контролировал Зету, Требинье, Рашку и стремился распространить свою власть на Боснию. С другой стороны, Хум еще оставался в руках Радослава, тесно связанного с Рагузой и тамошним архиепископом Виталием.

Важно заметить, что, судя по легендарным известиям Фомы Сплитского, создание Барской митрополии было одобрено претендовавшей на Хум Сплитской церковью. В Сплите даже готовы были уступить Антибари саму Рагузу [Фома Сплитский, 1997: 45], на что Петр в тот момент не претендовал. Как правило, барцы рассматривали Рагузу как епархию в подчинении Сплита, что отражено и в *Летописи*. Хум, напротив, считался естественным продолжением земель в основном сербской по составу паствы барской архиепископии. Союз Антибари и Сплита на том этапе против Рагузы являлся отражением политического союза Михайлы и хорватского короля Петра Крешимира IV, объективно направленного против Хума. Но поскольку на Хум претендовали обе стороны, союз неизбежно должен был дать трещину. К середине 1070-х гг. Михайло, как увидим, установил контроль над Рагузой и Хумом. Радослав, насколько можно судить по сделанным в *Летописи* намекам, признал верховенство старшего брата.

Памятником подчинению Хумской земли Михайлой и в целом его успехам в Южной Далмации могла служить построенная в Стоне предположительно в XI в. церковь Святого Михаила. В ней имеется латинская надпись, одно из наиболее вероятных прочтений которой: «Михаил силою своей смирил и правил [rege] всеми романскими городами». Правда, различные исследователи относят сказанное и к хумскому князю X в. Михаилу Вышевичу, и даже к самому архангелу Михаилу (см.: [Jurković, 1983]).

В Загорье, согласно *Летописи*, Михайле удалось покорить Рашку, поход куда возглавил его сын Владимир. Власть местных жупанов была на время ликвидирована и Рашка была выделена в удел Петриславу Михайловичу. На основании буллы 1067 г. можно предположить, что подчинение Загорской Сербии, во всяком случае, началось до этого времени. Насколько далеко на север Михайле и его сыновьям удалось раздвинуть границы державы, неясно. Кекавмен в одном месте утверждает, что во время написания его трактата (1075—1078) сербы «жили близ рек Дуная и Саоса [Савы]... в безопасных и недоступных местах» [Кекавмен, 2003: 284—285].

Ландшафт областей в низовьях Савы Кекавмен представлял плохо, мысля по стереотипу (сербы — горцы), но это не значит, что его известие ничтожно. История движения границ Сербии на север, к Дунаю, вообще не очень ясна. В культурном смысле потомки мораван и других живших в Сербском Подунавье по IX в. племен были к XI в. уже скорее сербами (см.: [Седов, 2002: 497—500]). С началом восстания против ромеев в Македонии в 1072 г. и вторжением венгров из-за Савы сербские правители могли попытаться распространить сюда свою власть. Отметим и то, что для «летописца» актуально представление о границе с венграми по Саве.

Начиная с 1072 г., когда восставшие против имперской власти болгары и македонские славяне обратились к Михайле за помощью, византийские историки сообщают немало сведений о нем и его сыне Бодине. В основных чертах эта информация совпадает с доносимой *Летописью*, но есть и важные отличия. При этом византийские авторы уверенно связывают воедино именно в этом случае сербов (или дуклян) и хорватов. Вероятнее всего, это связано с присутствием хорватов среди направившихся с Бодином в Болгарию сербов — а значит, с сербо-хорватским военным союзом тех лет.

По сведениям анонимного Продолжателя Скилицы (после 1080 г.), в 1072 г.:

...Народ сербов, который и хорватами называется, собрался хитростью захватить Болгарию... Выдающиеся люди болгарские [из-за ромейских притеснений] попросили Михаила, который был владельцем <в ту пору помянутых хорватов и сидел в Декатере и Прапатне, имея под собой немалую землю>, чтобы им помог и сдружился с ними и дал своего сына, чтобы его провозгласить царем болгарским и тем освободиться от самовластия и жестокости ромеев. Он с радостью откликнулся на это и, собрав 300 своих людей, придал их своему сыну Константину, называемому и Бодином, и послал его в Болгарию. Когда достигли Присдианы [Призрен или Приштина], там собрались зачинщики из Скопье, вождем которых был Георгий Войтех, происходящий от Комхана [кавхан — одна из высших должностей Болгарского царства], и провозгласили его царем болгар, переменяв имя с Константина на Петра. Когда о том проведал Никифор Карантин, имевший власть дуки в Скопье, то собрал стратигов, которые были под его началом, и с болгарскими войсками двинулся в Присдиану. Пока он готовился к войне, прибыл его преемник Дамиан Даласин. И вот, уединившись с Карантином, он принялся всячески его ругать, а всех его стратигов высмеивал, называя их трусами и требуя немедленно вступить в битву с сербами. И случилась страшная битва, а еще страшнее было поражение ромеев. Ибо пали многие ромей и болгары, а очень многие были взяты в плен, в том числе и сам дука Дамиан Даласин, звавшийся Провата, и Лонгивардопул, и многие другие с ним. И целое укрепление было взято, и все в нем разграблено. И потом болгары совершенно открыто провозгласили

Бодина царем, заменив ему имя на Петр, как было сказано. Разделившись на две части, одни с Бодином двинулись к Нишу, а другие с Петрилом, который первый после Бодина, пошли против ромеев в Кастории. <Они собрались, и Петрило напал на Охрид и взял его приступом, потому что тот не был укреплен, а оставался в развалинах... Дружески принятый здесь, он подговорил окрестных жителей признать своего господина, а затем, поступив так же и в Деволе, поспешил к Кастории> Ибо там... укрепили город ромейские люди — стратег Охрида Мариан, патрикий и антипат Деволы Феогност Вурцис, а заодно с ними и стратиг Кастории. С ними были Борис Давид и многие другие, кто, страшась угрозы от единоплеменных болгар, бежали в Касторию как в убежище. Прибыв к Кастории с бесчисленным множеством болгар, Петрило начал готовиться к войне. А ромеи и дружественные им выступили против них и, затеяв с ними жестокую битву, разбили Петрилу, принудив его отступить и бежать через непроходимые горы к своему господину Михаилу. Перебили и многих болгар, а того, который у хорватов был сразу за Петрилой, взяли в плен и связанным отвели к василевсу [Михаил VII, 1071—1078]. А Бодин, достигнув Ниша, пока василевс еще обдумывал болгарские дела, уничтожил все, до чего добирался, грабил и унижал всех, кто не принимал его и не покорялся. Когда василевса оповестили об этом, т. е. о поражении дуки и провозглашении помянутого, то он послал против того Саронита, чтобы спешно погасить пламя, пока зло не разгорелось в большой пожар. С ним пошли и приданные войска, составленные из македонцев, ромеев и франков. Но названный, пока шел к Скопье, вовсе не заботился о происходившем в Нише. Достигнув же тех мест и дав слово Георгию Войтеху, коему был вверен город, что с ним ничего плохого не случится, взял город Скопье, поставил в нем людей и начал размышлять и беспокоиться, что следует предпринять касательно Ниша. Но Войтех раскаялся, что был настолько добр и пристал к ромеям, и тайно послал находящимся в Нише, чтобы те быстро пришли к нему и окружающим Саронита, который проводит дни беспечно и беззаботно, всех до одного истребили сурово и без милосердия. Получив весть и выступив из Ниша, они направились к Скопье, хотя вся земля была покрыта снегом. Ведь была зима, месяц декабрь [1072 г.]. Когда они приблизились к Сарониту, тот выступил против них со всем войском и, перехватив на пути в месте, называемом Таонион [Паун, Косово Поле], быстро всех их побил. Был взят в плен Бодин, <выделявшийся между своими силой и храбростью>. А Лонгивардопула, о коем шла речь, отвели к Михаилу, который обменялся с ним клятвами и дал ему в жены свою дочь. Ему было вверено великое войско, составленное из лангобардов и сербов, и с теми послали на помощь Бодину, — он же заново сдружился с ромеями. Саронит отправил связанного Бодина василевсу. Заключение в монастыре Святого Сергия, он был по кратком времени передан Исааку Комнину, тогда поставленному дукой Антиохии, и отведен в Антиохию. Узнав о том, его отец Михаил подкупил большими деньгами неких венецианских торговцев, которые выкрали его оттуда, и заново вручил ему прежнюю власть. Он и после отцовской смерти, вплоть до наших дней, держит

власть. А Войтех, подвергнутый страшным пыткам при расследовании, умер по пути к василевсу, не выдержав ран от ударов. А аламанны и франки... будучи посланы на тот край, разорили оставшийся болгарский двор в Преспе, ограбив и тамошний храм, посвященный св. Ахиллу... [Византиски извори, 1966: 177—185].

Автор *Исторических записок*, видный имперский аристократ Никифор Вриенний (1062—1137), приходился внуком своему тезке, после подавления восстания поставленному дукой Болгарии. Никифор сообщает о самом восстании и дополняет информацию о событиях уже после его разгрома. О событиях 1072 г. он пишет:

...Славяне вышли из повиновения римлянам и опустошали Болгарию; были разграбляемы также Скупы и Наис; находились в бедственном положении Сирмий, земли, лежащие при реке Саве, и города при Истре до самого Видина. С той же стороны отложились хорваты и диоклейцы и злодействовали во всей Иллирии [Никифор Вриенний, 2006: 278—279].

Вриенний, таким образом, не смешивает хорватов и сербов-дуклиан, а прямо говорит об их союзе против Византии.

Несколько далее Никифор сообщает о назначении своего деда и его деятельности примерно в 1073—1075 гг.:

Находясь в Болгарии, Вриенний в короткое время до того смирил болгар, что они тотчас признали над собой власть римлян и довольны были тем, что именно он управлял их делами. Между тем хорваты и диоклейцы разоряли Иллирию, а франки [норманны] завладели Италией и Сицилией... Посему Михаил [VII] вознамерился из Болгарии передвинуть Вриенния в Диррахий, бывший митрополией Иллирии, и немедленно отправил к нему грамоту, в которой не столько приказывал, сколько просил его перейти в Иллирию. Вриенний прибыл туда — и все жители приняли его с радостью, потому что он был человек приветливый и щедрый. Пробыв там немного времени, чтобы приготовиться к войне, он повел войско против диоклейцев и хорватов. Так как они устраивали свои лагеря в местах самых неприступных, то он старался сперва уничтожить эти преграды. Прежде всего, вооружив воинов, он провел их сквозь теснины. Но войско ужаснулось при мысли о возвращении через эти непроходимые места; посему он собрал множество туземных жителей и приказал им идти за войском с заступами, чтобы расчищать и расширять непроходимые дороги. Тогда воины охотно пошли на неприятелей и таким образом достигли того места, где находилась неприятельская армия. Напав на нее, Вриенний после жестокой битвы одержал совершенную победу. Итак, сделав все города по-прежнему данниками ромеев, взяв заложников и в каждой стране оставив достаточную стражу, он возвратился в Диррахий [Никифор Вриенний, 2006: 279].

Гораздо беднее информацией краткое свидетельство Зонары. Под 1072 г. отмечено:

...Народ хорватов, которых некие называют и сербами, поднялись, дабы захватить Болгарскую землю. Но, несмотря на то что многие области захватили, со многими битвами и многими потерями с обеих сторон, все же потеряли присвоенное и, потерпев поражение, были вытеснены из ромейских пределов и вынуждены возвратиться в свою страну [Византиски извори, 1966: 255].

Вражда Хорватии с Византией продолжилась и после экспедиции Вриенния в Дуклю, что подтверждается известием Анны Комниной, жены Никифора, дочери и биографа императора Алексея Комнина (1081—1118). В своей *Алексиаде* Анна, характеризуя ситуацию 1081 г., говорит, в том числе, «о бесчисленных пиратских кораблях... воздвигнутых корыстолюбием ветонов и их недоброжелательством к Ромейской державе» [Анна Комнина, 1996: 391]. «Ветоны» Анны — это неретвяне, жившие на хорватском берегу Адриатики напротив Апулии [Там же: 339]. К тому времени они уже давно являлись подданными хорватских королей.

Последние упоминания Михайлы в византийских источниках также содержатся у Анны и связаны с переворотом 1081 г., возведшим на престол ее отца. Тогдашний дука Диррахия Георгий Мономахат заигрывал одновременно и с Алексеем Комнином, и с императором Никифором Вотаниатом (1078—1081), и с предводителем норманнов Робертом Гвискарсом. Однако этим он не ограничился:

Письмами он добился дружбы эксархов Далмации Бодина и Михаила и подарками приобрел их благосклонность. Этим он как был отворил для себя разные двери, ибо если его надежды на Роберта и Алексея не оправдаются... он тотчас же, как перебежчик, уйдет в Далмацию к Бодину и Михаилу [Анна Комнина, 1996: 90].

Так и произошло — после захвата Алексеем власти Мономахат «поспешно перекинулся на сторону Бодина и Михаила». Правда, он был быстро прощен и «вернулся во дворец» [Там же: 138]. В дальнейшем, с событий того же 1081 г., у Комниной упоминается уже только Бодин.

Таким образом, правление Михайлы действительно прошло среди «множества войн», захвативших большую территорию. Как византийские источники, так и *Летопись* трактуют события восстания 1072—1073 гг. в первую очередь как попытку державы Воиславичей расширить свои пределы. Совпадает общая последовательность событий — провозглашение Бодина болгарским царем-«императором», его разгром, пленение и отправка в Антиохию. О карательной экспедиции

Вриенния в Дуклю и признании зависимости от Византии традиция, отраженная в *Летописи*, благоразумно и закономерно умолчала.

Однако византийские источники помогают вскрыть разительную и сознательную фальсификацию истории дуклянского дома в *Летописи*. Все изложение в следующих двух главах строится на крайне грубой подтасовке, произведенной в интересах Браниславичей. «Летописца» может извинить лишь то, что произошла она, вероятнее всего, еще в их родовом предании.

Константин Бодин был вывезен из Антиохии не посланцами дяди Радослава после смерти отца, а подкупленными самим его отцом венецианскими купцами. Судя по сообщению Продолжателя Скилицы, это произошло в самом скором времени, и точно при жизни императора Михаила VII (1071—1078). Вернувшись, — естественно, при жизни Михайлы, — Константин стал его официальным соправителем. Это было призвано, конечно, гарантировать ему трон среди многочисленных братьев и особенно перед лицом претензий Радослава. После смерти отца, о чем прямо сообщает Продолжатель Скилицы и свидетельствуют все известия Анны Комниной, Бодин сразу получил власть как законный наследник. Радослав не правил между Михайлой и Бодином. Он не являлся единоличным королем ни единого дня. Соответственно, не было и описываемой далее неблагодарности Бодина по отношению к дяде — того было не за что благодарить и неоткуда было свергать.

«Летописец», рассказав о легендарном учреждении митрополий при «короле Святополке», с тех пор уже практически не возвращается к событиям церковной истории. Это связано с характером его источников — родовые предания княжеских династий очень редко уделяли внимание церковным делам. Столь же бедны на информацию об истории Церкви вплоть до середины XI в. русские летописи. Впрочем, если бы в **Книге Готской* была описана церковная политика короля Михайлы и его преемников, то барский «переводчик» оказался бы в сложной ситуации. С одной стороны, род Браниславичей был связан с Рагузой. С другой стороны, Рагуза являлась соперницей Антибари в борьбе за митрополию, а сторонниками Антибари выступали дуклянские короли.

Когда Михайло распространил свое влияние на Хум и, таким образом, окружил и поставил под контроль Рагузу, то попытался разрешить противоречия тем же способом, которым когда-то действовал Бранимир Хорватский. Едва ли дуклянский король знал о прецеденте, но идея объединить две конкурирующие кафедры напрашивалась сама собой.

В конце 1073 или начале 1074 г. граждане Рагузы по неизвестным причинам свергли и заточили своего епископа Виталия. 20 апреля 1074 г. папа Григорий VII направил в город увещевание:

Григорий епископ, раб рабов Божьих, — всем рагузянам привет и апостольское благословение, если повинуются. Дошло до нашего слуха, что Виталия, епископа своего, вы схватили и поместили его в темницу в цепях, собираясь избрать епископом другого. Не подлежит сомнению никого из верующих, что само по себе это не непорядок даже, а злодеяние, преступление против законов Божеских и человеческих. Соответственно, посылаем мы к вам возлюбленного брата нашего Гирарда, архиепископа Сипонтского, чтобы он в качестве нашего легата справедливо разрешил это дело. Итак, предупреждаем и приказываем вам апостольской властью, чтобы вы, отпустив епископа, которого держите в заточении, собрались в присутствии сказанного архиепископа для канонического рассмотрения этого дела, а равно и иных церковных дел, которые нуждаются в исправлении и требуют нашего участия, явив повинование и благомыслие. Но если вмененные грехи не могут быть расследованы перед вами, и вину нельзя будет определить, то мы желаем, чтобы оба, а именно захваченный вами епископ и тот, кого вы незаконно избрали, явились бы в наше присутствие, чтобы с помощью Бога, Который справедливее и авторитетнее любого правосудия, был вынесен итоговый приговор. В ином же случае, если презрите вы апостольские наши наставления и заветы, то знайте, что апостольской властью отлучены и отсечены будете от пределов Церкви и сообщества христиан [Codex, 1967: 134].

Зимой 1074/5 г. Гирард действительно находился в Далмации, однако вместо рагузского дела разбирал имущественные проблемы сплитской епархии на местном церковном соборе [Codex, 1967: 136—137]. В Рагузе епископ Виталий более не упоминается. Поскольку папа признал его преемника, вероятно, дело разрешилось естественным путем. Если Виталий действительно занимал кафедру более полувека, с 1022—1023 гг., то был уже глубоким стариком. На Рагузской же кафедре после него оказывается, при поддержке короля Михайлы, Петр из Антибари, объединивший обе епархии в своих руках. Это становится ясно из послания Григория VII Михайле от 1078 г. [Codex, 1967: 158]. Неясно, был ли Петр тем самым избранником рагузян, — скорее всего нет, однако ясно, что он и его владетельный покровитель умело использовали сложившуюся в городе ситуацию.

После подчинения Рагузской и Стонской епархий оставалось закрепить достигнутое единство полным слиянием митрополий-соперниц. Петр обращается к папе за паллием на Рагузу, и в качестве первоначального ответа можно рассматривать буллу Григория VII от 21 июня 1076 г. Документ оказывается в логичном контексте отношений Дукли, Рагузы и Рима в те годы, и нет оснований считать его подлогом. Он в основном практически повторял буллу 1022 г. (если та также являлась подлинной). Адресован он «Возлюбленному во Христе сыну Петру, архиепископу святого Питавританского престола из города Лабусы в королевстве Захлумья, Сербии и Требинье, а также городах Котор,

Антибари, Улцинь, Дриваст, Полат и Скодра с их церквями и парадиями» [Codex, 1967: 143]. Если какая-то реальность стоит и за буллой от 743 г., то владения Рагузы просто воспроизводились по прежним актам. Поэтому не упомянуты Свач и Босния, отнесенные буллой 1067 г. к владениям Антибари. Зато по сравнению с буллой 1022 г. упомянуты Дриваст, Полат и Скодра, которая как раз при Михайле уже перешла в руки дуклян.

В новом контексте именование владений Воиславичей «королевством» означало признание Михайлы королем. И действительно, позже Григорий VII так к нему и адресуется. Однако само послание 1078 г. написано по неприятному для короля поводу. Не возражавший против создания митрополии в Баре, теперь против расширения ее на север вдоль моря и переноса ее центра в Рагузу резко выступил Сплит.

9 января 1078 г. Григорий VII направил Михайле следующее письмо:

Григорий епископ, раб рабов Божьих, Михаилу, королю славян, привет и апостольское благословение. Ты, при ведомом должном благоговении в отношении величия престола апостола Петра, о чем говоришь ты с нашим легатом, доселе не прибыв в наше присутствие, прислал, однако же, свое письмо, которое так несогласно с вашим существом, — чтобы вашему делу с Рагузской церковью никаких препятствий совершенно не чинилось. Посему надлежит отправить к нам Петра, епископа Антибари и Рагузы, или иных достойных посланников, через которых тяжба, которая есть между Сплитским архиепископом и Рагузским, могла бы быть прояснена по справедливости и канонически разрешена, к известной нам чести твоего королевства. Если же по разбирательстве просьба твоя справедливо будет удовлетворена успешным и долгожданным пожалованием стяга и дарованием паллия, то явись ты как бы дорогим другом блаженного Петра и сыном Церкви [Codex, 1967: 158].

Чем кончилось дело, неизвестно. Ссора со Сплитом была не в интересах дуклянского короля, поскольку могла угрожать необходимому ему союзу с Хорватией. Это, в свою очередь, обострило бы остававшийся нерешенным вопрос о принадлежности Хума. Рагузский проект развивался на фоне военных действий против Византии. После поражения, понесенного от Вриенния, Михайло мог попытаться решить проблему быстро — и проиграл из-за непродуманных действий. Дело, очевидно, застопорилось до следующего правления, — хотя Петр продолжал править обеими церквями.

Согласно *Летописи*, Михайло правил 35 лет. Этот срок напоминает срок правления его отца своей вероятной приблизительностью. Если считать от смерти Воислава, когда Михайло действительно принял власть, то следовало бы полагать, что он умер в 1087 г. Однако в главе о Бодине утверждается, что тот уже правил единолично на момент

смерти Роберта Гвискара (1085). Кроме того, Анна Комнина, как уже говорилось, ни разу не упоминает Михайлу после 1081 г., говоря только о Бодине. Вероятнее всего, король умер как раз в 1081 г. Если все-таки воспринимать сведения *Летописи* буквально, то следует признать, что Михайло являлся соправителем отца или правителем своего удела в Зете с 1046 г. Ничего невероятного в этом нет. Менее вероятно, что Воислав умер еще в 1046, а не в 1052 г. или незадолго до того. В этом случае начало его собственного правления следовало бы сдвинуть к 1021 г., что кажется излишним. Если же «35» означает просто «более 30» (или переводческое искажение от «30 лет и 5 месяцев»), то начало правления Михайлы может сдвигаться вплоть до 1051 г.

Летопись называет Михайлу первым из королей, погребенных в монастыре Святых Сергия и Вакха под Скодрой. Возможно, с ним следует связать и основание этой обители, где с его кончиной появилась королевская усыпальница. Обращает на себя внимание, что редкое в регионе и до тех пор вовсе не отмеченное во владетельных славянских домах имя Сергий носил один из сыновей Михайлы.

Глава 41

Основное содержание данной главы, как было показано выше, — политически мотивированный вымысел. После смерти Михайлы ему наследовал Константин Бодин, остававшийся правителем до первых лет XII в. Таковы свидетельства непосредственных современников — Продолжателя Скилицы и Анны Комниной [Византиски извори, 1966: 185; Анна Комнина, 1996: 90, 138, 148, 152, 187, 220—221, 240]. Это, однако, не исключает исторической основы сведений о «правлении» Радослава. Можно предложить три интерпретации.

Первая и наиболее очевидная версия — Радослав попытался захватить власть после смерти брата, руководствуясь своим прежним королевским титулом и «лествичным» порядком наследования, принятым у славян. Он, однако, потерпел поражение в борьбе против Бодина и его сводных братьев и вынужден был удовлетвориться Требинье.

Вторая версия подразумевает несколько меньшую ответственность «летописца» и его информаторов за искажение фактов. Бодин попадал в византийский плен дважды, второй раз уже во время единоличного своего правления [Анна Комнина, 1996: 221]. После пленения короля Радослав мог на какое-то недолгое время захватить власть. Не исключено, что он даже вызволил Бодина из плена под обязательство признать его верховенство, удовлетворившись Грбалем и Будвой. Свержение узурпатора и возвращение престола Бодином в этом случае, естественно, воспринималось партией Радослава как неблагодарность.

Третья интерпретация в принципе не противоречит ни одной из других, дополняя их. «Шестнадцатый год правления короля Радослава», когда он якобы был свергнут Бодином, может иметь основанием события времен правления Михайлы, после возвращения Бодина из Антиохии. Если это произошло примерно в 1074 г., то после провозглашения Радослава королем в Требинье (1058) прошло как раз 16 лет. Первоначально могло предполагаться выделение Бодину в управление Грбалья и Будвы. Но Бодин был назначен — возможно, при содействии мачехи — соправителем отца, что вызвало недовольство дяди, претендовавшего на престол.

С другой стороны, 1074 г. может быть и годом окончательного подчинения Радослава Михайле (и Бодину). При этом он отказался от королевского достоинства в Хуме и получил возможность вернуть Требинье. Такая интерпретация также не противоречит двум первым, относящимся к периоду после смерти Михайлы.

Как бы ни развивались события, в итоге Радослав остался без королевства и умер князем в Требинье, где была известна его усыпальница. Из перечисленных в *Летописи* его сыновей большинство известны только благодаря ей. Бранислав упомянут в отцовской грамоте и как отец Грубеши в акте 1114 г. [Codex, 1904: 26].

Глава 42

Период правления Константина Бодина хорошо освещен в источниках, хотя о самом короле упоминаний сравнительно немного. К концу его правления на первый план для соседей выходят сношения с его сильнейшими вассалами — Вуканом из Рашки и Стефаном из Боснии. О первом из них немало сообщает Анна Комнина, о втором — дубровницкие источники XIV—XV вв.

Поскольку историческая интерпретация «правления» Радослава остается неопределенной, постольку непонятно, каким временем надо датировать первую войну Бодина с Радославичами. Ясно лишь, что это произошло после смерти их отца. Примиривший кузенов Петр оставался архиепископом Антибари и Рагузы как минимум до 1100 г. [Codex, 1967: 213]. Это, кстати, единственный представитель местного духовенства, названный на всем протяжении *Летописи* по имени, — воистину «достопамятный муж»!

Жена Бодина Яковина упомянута в грамоте ее сына короля Георгия от 1115 г. [Codex, 1904: 27]. Сам Георгий, а также его брат Архириз как сыновья Бодина фигурируют, помимо этого, в грамоте Грдо, их двоюродного брата по матери, от 1114 г. [Codex, 1904: 25—27]. Из Браниславичей в том же акте упомянут будущий король Грубеша [Codex, 1904: 26]. Интересно, что ни один из сыновей Бодина не носил

славянского имени — в отличие от Браниславичей, все имена которых славянские.

Архириз, тесть Бодина, — известное в истории Бари лицо, фактический правитель города. В 1079—1081 гг. он отчаянно лавировал между норманнскими вождами в Италии — Робертом Гвискараром, которому он прежде сдал Бари, и его племянником, своим зятем Абельярдом. Последний ориентировался на Византию и в конечном счете, преданный Архиризом, нашел убежище при дворе Алексея Комнина. Брак дочери Архириза с сыном короля Михайлы отмечен в барийской *Хронике* Лупа Протоспафария (начало XII в.): «в том же месяце [октябре 1080] Архириз пошел к Михаилу, королю славян, и отдал свою дочь его сыну в жены» [Churchill, 1979: 150]. Вероятно, запутавшись в сварах норманнов, Архириз вынужден был искать новую опору.

Завоевания Бодина описаны в *Летописи* вполне достоверно. Подавляя в Приморье сопротивление Радослава и Радославичей, Бодин за два десятка лет решительно расширил пределы королевства. Он вернул Рашку, потерянную после гибели Петрислава, и впервые распространил власть королей Дукли на Боснию. Правда, как можно видеть из *Летописи*, завоевания оказались непрочными. Созданные в Загорье уделы превосходили по размерам и людской силе владения самого короля. Естественно, что их правители быстро стали проявлять самостоятельность. Из двух братьев-жупанов Рашки по другим источникам, а именно *Алексиаде* Анны Комниной, известен только Вукан. Первый раз он упомянут в связи с событиями второй половины 1080-х гг. [Анна Комнина, 1996: 221]. Согласно *Летописи*, присоединение Рашки и Боснии действительно произошло еще до смерти Роберта Гвискара и захвата Диррахия, т. е. до 1085 г. Специально отмеченная присяга Вукана и Марко королю Бодину, конечно, призвана подчеркнуть неверность жупанов Рашки в дальнейшем. С этим же связана оговорка, что рашане должны были повиноваться не только «детям», но и «наследникам» Бодина — значит, и Браниславичам.

Роберт Гвискар (1016—1085) — норманнский граф, затем герцог Апулии, правивший с 1057 г. Именно с Робертом Гвискараром связано завоевание норманнами всей Южной Италии, в том числе взятие Бари в 1071 г., покончившее с византийскими владениями в стране. В 1061 г. Роберт со своим братом Рожером, позднее герцогом Сицилийским, начал отвоёвывать у арабов Сицилию. Роберт был упорным противником Византии и в 1080—1082 гг., пользуясь гражданской войной между ромеями, едва не завоевал балканские владения империи. Император Алексей Комнин, разгромленный им, видел в Гвискаре личного врага. Именно в 1082 г. норманны взяли Диррахий. В 1084 г., помогая папе Григорию VII в войне против немцев, Гвискар разорил Рим, но утвердить в нем папу не сумел. Умер Роберт, вновь воюя с ромеями.

Отношения с Гвискаром играли немалую роль в политике Бодина, в том числе из-за брака с дочерью его друга-врага Архириза. Бодин признавал сначала, как и Михайло в последние годы, зависимость от Византии. Он получил от императора подтверждение королевского сана и титул протосеваста [Коматина, 2011]. Однако рагузыне весной 1081 г. оказали норманнам поддержку. Рагуза предоставила по «просьбе» Гвискара свои корабли для перевозки его войск. Затем рагузыне сражались вместе с норманнами против венецианцев в морской битве у осажденного Гвискаром Диррахия [Documenta, 1877: 458].

Алексей Комнин, выступив осенью 1081 г. против Гвискара, призвал Бодина под имперские знамена. Как сообщает Анна, разумные полководцы «советовали выждать, стараться обстреливать вражеское войско и таким образом поставить Роберта в тяжелое положение... Кроме того, они советовали приказать Бодину, далматам и другим правителям соседних областей поступать так же, уверяя, что таким образом можно будет легко одержать верх над Робертом» [Анна Комнина, 1996: 148].

Победило, тем не менее, мнение сторонников битвы. Она произошла 18 октября 1081 г. под Диррахием и кончилась поражением ромеев. В сражении должен был принять участие и Бодин. Однако он «отступил, так и не вступив в битву. Бодин вооружился, построил войско в боевой порядок и весь день простоял на месте, делая вид, что готов выполнить договор и быстро прийти на помощь императору. Он, по-видимому, ждал, когда победа начнет склоняться на сторону самодержца, и лишь тогда собирался сам напасть на кельтов [франко-нормандцев]. В противном случае он намеревался воздержаться от боя и отступить. О таких намерениях Бодина говорят сами его дела: когда Бодин увидел, что кельты победили, он, так и не начав боя, отправился восвояси. Самодержец, видя это и не находя никого, кто мог бы прийти к нему на помощь, и сам обратил тыл» [Анна Комнина, 1996: 152—153].

Однако после того как Гвискар завладел Диррахием, Бодин воспользовался обстоятельствами для расширения собственных владений на юг. Для этого он вступил в союз с горными албанскими племенами, поднявшимися против завоевателей. По свидетельству Анны, после закрепления в Эпире «на Роберта обрушились со всех сторон так называемые албанцы и посланные Бодином далматы» [Анна Комнина, 1996: 187]. В свете этого вполне вероятно, что сразу после смерти Гвискара Бодин действительно захватил Диррахий, но затем передал его империи по договору. При этом он надеялся на сохранение хотя бы части завоеваний. Однако это не входило в планы Алексея.

Анна Комнина сообщает, что после смерти Гвискара «самодержец послал... Иоанна Дуку с большим войском в Эпидамн, чтобы он при-

ложил все силы для защиты Диррахия и вместе с тем вступил в войну с далматами. Дело в том, что Бодин, человек весьма воинственный и исполненный коварства, не пожелав оставаться в пределах своей страны, ежедневно совершал набеги на ближайшие к Далмации села и присоединял их к своим владениям. Иоанн Дука пробыл в Диррахии одиннадцать лет [вероятнее всего, 1085—1092 гг., — ошибочно вместо „11-го года правления Алексея“], за это время он отвоевал у Вукана многие крепости и многих далматов привел в плен к императору. Наконец, вступив в упорный бой с Бодином, он захватил в плен его самого» [Анна Комнина, 1996: 220—221].

О событиях 1091 г. сообщает Анна несколько далее: «до самодержца... донеслись слухи, что Бодин вместе с далматами намерен нарушить договор и вторгнуться в наши земли... Он решил выступить вначале против далматов, до их прибытия занять узкую долину между нашими и их землями и, насколько будет возможно, укрепить ее». Далее в качестве врага империи вновь называется Вукан: «Наша царственность, — пишет Алексей своему племяннику, дуче Диррахия Иоанну Комнину, — узнав, что варвары выступили против нас и прошли через клисуры, вышла из Константинополя, чтобы укрепить границы Ромейской державы. Тебе же следует самому явиться с докладом о положении во вверенной тебе области (ибо я опасаюсь злых умыслов против нас со стороны Вукана) и сообщить мне о положении в Далмации и о том, соблюдает ли Вукан условия договора (ведь до меня ежедневно доходят неблагоприятные сведения о нем), чтобы, получив более точные сведения о Вукане, я смог бы во всеоружии встретить его козни». Горожанам Диррахия Алексей также писал: «Узнав, что Вукан вновь злоумышляет против меня, я выступил из Византия, чтобы укрепить узкие долины между Далмацией и нашим государством и вместе с тем точнее разузнать о Вукане и о далматах» [Анна Комнина, 1996: 240—241].

Алексей действительно предпринял меры по укреплению границы:

...Самодержец... вступил в узкую долину, расположенную между нашими и далматскими землями. Весь путь через горный хребет, который местные жители называют Зигом [горы к северу и востоку от Косова Поля], он проделал не верхом... а прошел пешком, и своими глазами осматривал, не осталось ли где-нибудь незащищенных участков, через которые врагу нередко удастся пройти. В одних местах он приказал вырыть рвы, в других — соорудить деревянные башни, а где дозволяли условия — построить из кирпича и камня крепости. При этом он сам определял их величину и расстояние друг от друга. Кое-где он заставлял срубать под корень огромные деревья и укладывать их на землю. Сделав таким образом дороги непреступными для врагов, он вернулся в столицу [Анна Комнина, 1996: 245].

Из этих известий видно, что после своего пленения Бодин полностью передоверил ведение войны против империи Вукану, страхуя себя и от обвинений в несоблюдении договора. Соответственно, и театр военных действий сместился от побережья в сторону Косова Поля, где границы имперских провинций смыкались с Рашкой. У Анны имеется подробный рассказ о войне с Вуканом в 1093—1094 гг., в котором она характеризует его как полновластного правителя «Далмации» (сам Вукан зовет свою страну «Сербией»):

Вукан (этот муж, властитель всей Далмации, был искусен как в реках, так и в делах)... вышел за пределы своей страны и стал опустошать соседние города и земли, овладел даже Липением [Липлян], поджег и спалил город. Узнав об этом, император решил не оставлять действия Вукана безнаказанными, собрал против сербов большое войско и повел его прямо к Липению (это небольшой городок, расположенный у подножия Зига, отделяющего Далмацию от нашей страны). Его целью было, если представится возможность, завязать упорную битву с Вуканом, а если бог дарует ему победу, отстроить и восстановить в прежнем виде Липений и все остальные города. Вукан, узнав о приходе самодержца, вышел из Липения и прибыл в Звенчан [Звечан] (это городок, расположенный на упомянутом уже Зиге, между Ромейским государством и Далмацией). Когда самодержец прибыл в Скопле, Вукан отправил к нему послов с предложением мира; снимая с себя всякую ответственность за происшедшие печальные события и целиком возлагая вину на ромейских сатрапов, Вукан сообщал следующее: «Сатрапы не желают оставаться в своих пределах; они совершают бесчисленные набеги и наносят немалый вред Сербии. Я со своей стороны не буду больше принимать никаких враждебных действий, вернусь к себе, отправлю твоей царственности заложников из числа моих родственников и впредь не переступлю границ своего государства». Император согласился на это и, оставив лишь тех, кто должен был восстановить разрушенные города и взять заложников, отправился в царственный город. Однако Вукан, несмотря на все требования, не выдавал заложников и со дня на день оттягивал исполнение обещания. Не прошло и года, как он вновь отправился в набег на ромейские земли. Несмотря на то что он получил множество писем от самодержца, где тот напоминал об условиях договора и о данных обещаниях, Вукан не пожелал исполнить обещанного. Тогда император призвал к себе Иоанна, сына своего брата, севастократора, и отправил его с изрядным войском против Вукана. Иоанн, человек, не имевший военного опыта, но, как всякий юноша, пылавший жадной битв, выступил в поход, переправился через реку Липений и разбил лагерь у подножия Зига, прямо напротив Звенчана. Это не укрылось от Вукана, и он вновь обратился с предложением мира, обещал Иоанну выдать обещанных заложников и впредь добросовестно выполнять условия мирного договора. Все это, однако, были лишь пустые обещания, на самом деле он втайне готовил нападение на Иоанна. Когда Вукан уже выступил к лагерю Иоанна, к последнему, преду-

преждая неприятеля, явился некий монах, который сообщил о замысле Вукана, утверждая, что враг уже подходит. Иоанн с гневом прогнал монаха, назвав его лжецом и обманщиком. Но события подтвердили слова монаха. Вукан ночью напал на Иоанна, и в результате многие наши воины были убиты в палатках, а многие обратились в паническое бегство, попали в водовороты протекавшей внизу реки и утонули. Лишь наиболее храбрые бросились к палатке Иоанна и, мужественно сражаясь, с трудом отстояли ее от неприятеля. Таким образом, большая часть ромейского войска погибла. Затем Вукан собрал своих воинов, поднялся на Зиг и остановился у Звенчана. Воины Иоанна видели их, но самих их было мало, сразиться с таким многочисленным противником они не могли и поэтому решили переправиться назад через реку. После переправы они прибыли в Липений, расположенный примерно в двенадцати стадиях оттуда. Потеряв большинство своих воинов, Иоанн не мог более продолжать сопротивление врагу и направился к царственному городу. Вукану больше никто не мешал, он осмелел и стал грабить соседние города и земли. Он опустошил территорию вокруг Скопле и сжег селения. Не ограничившись этим, он занял Полог, дошел до Враньи, все разорил и с большой добычей вернулся в свою страну [Анна Комнина, 1996: 251—253].

Разгневанный Алексей «вооружился сам, вооружил имевшихся в его распоряжении воинов и отправился прямо в Далмацию; Алексей стремился отстроить разрушенные крепости, восстановить их в прежнем виде и с лихвой отплатить Вукану за причиненное им зло» [Анна Комнина, 1996: 253].

Вукан знал о приближении самодержца к Липению и видел, что Алексей уже подходит к городу. Однако Вукан не мог противостоять ромейскому войску,двигающемуся сомкнутым строем и в полном боевом снаряжении, и поэтому немедленно отправил к Алексею посла с предложением мира; вместе с тем он согласился выдать императору всех обещанных ранее заложников и в будущем не причинять ему никакого зла. Самодержец приветливо принял варвара, так как ненавидел междоусобную войну и стремился ее предотвратить — ведь далматы тоже были христианами. После этого Вукан осмелел, сразу же явился к императору, привел с собой своих родственников и главных жупанов и охотно отдал самодержцу в качестве заложников своих племянников Уреса, Стефана Вукана и других — всего двадцать человек (ведь Вукану ничего иного не оставалось). Самодержец, мирным путем уладив то, что обычно решается войной и оружием, вернулся в царственный город [Анна Комнина, 1996: 263].

Здесь впервые появляется на страницах источников Урош I, известный далее по *Летописи* и венгерским источникам. Он, таким образом, являлся племянником Вукана, т. е. сыном его брата Марко. Брат Уроша I Стефан Вукан из других источников не известен. Имя Уроша,

венгерское по происхождению, по смыслу соответствует имени «Первослав» — предполагаемому славянскому имени его сына Уроша II. Оно указывает на родство, установившееся между правителями Рашки и венгерской знатью.

Неизвестна реакция Бодина на захват венграми Хорватии, начавшийся в 1091 г. В последних десятилетиях XI в. связи Южного и Северного Приморья становятся весьма тесными. Известны выходцы из Рагузы и даже Требинье, подолгу жившие и владевшие земельными угодьями на севере [Codex, 1967: 156, 175]. После венгерского вторжения подобные сведения обрываются надолго. В то же время для непосредственного конфликта поводов не имелось, и Бодину, втянутому в борьбу с Византией, было пока нечего делить с Венгрией. Напротив, завоевание Боснии и превращение ее в вассальное княжество во главе со Стефаном (Петриславичем?) могло быть прямым следствием распада Хорватского королевства.

«Летописца» и его информаторов по-прежнему не интересует церковная политика дуклянских королей. Между тем здесь в правление Бодина удалось добиться заметных, хотя и весьма недолговечных успехов. Будучи врагом Роберта Гвискара, Бодин признал папой его противника, ставленника германского императора Климента III. Это было тем более логично, что Григорий VII, стойко придерживавшийся церковной дисциплины, фактически отказал в создании новой митрополии.

На протяжении 1084—1089 гг. в Риме шла упорная борьба между Климентом и сменявшими друг друга «законными» папами. В отличие от своих противников, Климент после ухода призванных Григорием в 1084 г. норманнов не покидал уже город, контролируя хотя бы его часть. Так было и в конце 1088 г., когда норманны вновь вступили в Рим с папой Урбаном II, но были окружены на Тибрском острове. В условиях двоевластия для Климента важна была любая поддержка от правителей католического мира. С другой стороны, и Бодин разумно умерил претензии. Он завел речь о воссоздании барской митрополии, оставив подвешенным вопрос о статусе и без того управляемой Петром рагузской епархии. Точно так же мог быть отложен вопрос о церковной принадлежности Стона, контролируемого ненадежными Радославичами.

8 января 1089 г. датируется булла Климента III, чаще признаваемая подлинной. Она дана «Петру, архиепископу Диоклейской церкви» по просьбе «Бодина, прославленного короля славян». Папа сообщает, что вручает «по обычаю твоих предшественников паллий и священство епископов Диоклейской провинции». Формулировки буллы в основном совпадают с буллой Александра II от 1067 г., однако к владениям «Диоклейской церкви» добавлена теперь Скодра. То, что Скодра, впервые (не считая сомнительной буллы Захарию) появившаяся в «ра-

гузской» булле 1076 г., и в самом деле принадлежала Бодину, может служить аргументом в пользу всех трех булл. В остальном список епархий совпадает с буллой 1067 г.: Антибари, Котор, Улцинь, Свач, Скодра, Дриваст, Полат, Сербия, Босния, Требинье. Повторяется в булле Климента III и указание на допустимость в митрополии «славянских» монастырей наряду с «далматинскими» и греческими [Acta, 1913: 21].

К 1100 г. (не позже августа) относится дарственная самого Бодина локрумским бенедиктинцам. Из нее следует, что Петр тогда еще управлял рагузской епархией, к которой относился монастырь, а сам Бодин, разумеется, еще был жив и являлся королем. Это последнее его упоминание в источниках:

Во имя Господа нашего Иисуса Христа. В год от Воплощения Господня тысяча сотый, индикта восьмой. Сей твердый и постоянный завет полагаю я, король Божьей милостью Бодин, в месте, что зовется Святой Мартин в Шумете, а именно: да будет известно всем, что мы отдаем это место со всеми относящимися к нему угодьями, включая и виноградники, которые к нему относятся, в монастырь Святого Бенедикта таким образом, чтобы монахи законно пользовались всем этим, обладая вечно и безо всякого возражения с нашей стороны отныне и в будущем. Если же кто из непокорных нарушит наши установления, причинив некий род беспокойства или насилия монахам, то да постигнут его гнев Всемогущего Бога и проклятие всех святых. Я, А[ндрей?], аббат монастыря Святых мучеников Сергия и Вакха, написал это по королевскому приказу в присутствии П[этра] архиепископа и всех нобилей [Codex, 1967: 213].

Если Бодин еще правил в 1100 г., то именно на его правление пришелся проход через Дуклю крестоносцев Раймунда Тулузского, участников первого крестового похода 1096—1099 гг. Все западные хронисты единодушно свидетельствуют, что поход войск Раймунда через пределы славян (хорватов, а затем приморских сербов) не был благополучным. В Хорватии еще продолжалась борьба между хорватами, венецианцами и венграми. Дальше же на юг западных рыцарей просто не встретили добром. Инициатором похода являлся папа Урбан II, в 1094 г. захвативший у Климента III Латеран. Кроме того, у сербов, как и у византийцев, крестоносная рать вызывала ассоциации с норманнами Гвискара. Племянник последнего Боэмунд участвовал в походе, хотя действовал южнее. Наконец, вторжение иноплеменной армии — под каким бы то ни было предлогом — едва ли могло вызвать восторг как у Бодина, так и у его подданных.

Один из первых летописцев похода Петр Тудебод, сообщая о походе Раймунда «через землю Славиния» [Латински извори, 1965: 14], отмечает: «Раймунд... выбрался из Славонии, где за имя Христово и

Гроб Господень испытал множество бед, отнюдь не заслуженных, погубив в той стране немало прославленных рыцарей» [Там же: 18].

Гораздо подробнее описывает произошедшее приближенный тулузского графа Раймунд д'Агилер:

Вступив в Славонию, они понесли много потерь по пути, в основном из-за зимнего времени [1096/7]. Славония — земля пустынная и бездорожная, горная, и в ней на протяжении трех недель не видели ни животных, ни птиц. Жители области настолько просты и грубы, что не пожелали ни предложить торговли, ни отдать нечто, но убегали из своих сел и укреплений, нанося всякий вред и избывая по возможности немощных стариков и несчастных больных, которые из-за бессилия далеко отставали от нашего войска. Бесполезно было нашим тяжеловооруженным рыцарям преследовать по крутым горам и густым лесам безоружных разбойников, хорошо знавших местность, но те постоянно задерживали их, не способных ни начать настоящую битву, ни битвы избежать. Не умолчим об одном превосходном подвиге графа. Когда в один из дней граф был окружен славянами, то с несколькими своими рыцарями сам напал на славян и захватил шестерых из них. А когда из-за того славяне начали угрожать свирепее и граф был вынужден прорываться вослед своему войску, то велел одним выколоть глаза, другим отрезать ноги, а третьим приказал отсечь носы и руки. Остальные были этим сильно уstraшены и занялись пострадавшими, а граф смог беспрепятственно бежать вместе со своими спутниками. Так по Божьей милости освободился он от смертельной опасности и от трудностей тех мест. Нелишне рассказать, сколько храбрости и предусмотрительности граф проявил там. Мы пробыли в Славонии почти сорок дней, в течение коих страдали от такого густого тумана, что могли ощущать его и отстранять от себя движениями. Между тем граф неустанно сражался в арьергарде и постоянно защищал свой народ. Он никогда не выступал первым, а всегда последним. И хотя некоторые вставали лагерем после полудня, а иные вечером, граф часто останавливался в ночи, при первых петухах. Наконец, благодаря Божьему милосердию, усилиям графа и советам епископа, войска смогли перейти к такому обычаю, не погубив там никого ни по причине голода, ни в открытом сражении. Думаю, что Бог пожелал направить его войска через Славонию по следующей причине: чтобы грубый народ, который не познал Бога, познал доброту и терпение его рыцарей и наконец отвратился от диких нравов, а если окажется неисправимым, то подлежал бы суду Божьему. Наконец, после многих трудностей, достигли короля славян в Скодре. Граф подтвердил ему братские чувства и оказал великие почести, чтобы войска могли безопасно находить и покупать пропитание. То, однако, были напрасные надежды. Как будто раскаявшись в том, что искали мира, как только увидели представившийся благодаря ему удобный случай, славяне, по бешеному своему обычаю, принялись избивать и грабить наших, где могли, безоружных. Мы же не стремились к отмщению, а искали пути к бегству. Доселе о Славонии [Латински извори, 1965: 54—55].

Таким образом, Агилер подтверждает одно из важных сообщений *Летописи* — Скодра действительно являлась резиденцией Бодина. Позднейшие латинские авторы в основном сообщают лишь краткие сведения о проходе Раймунда через Хорватию и Дуклю. Так, о переходе Раймунда «через Далмацию» коротко упоминает участник похода Фульхерий Шартрский [Латински извори, 1965: 72]. В позднейшей хронике Петра Дякона из Монтекассино говорится, что Раймунд «сквозь многие опасности едва сумел выбраться из земли славян» [Латински извори, 1965: 99]. Писавший уже во второй половине XII в. Вильгельм Тирский дополняет описание страданий войска Раймунда собственным очерком о состоянии Далмации, ее главных городах, славянском и романском населении [Documenta, 1877: 462].

Для византийцев проход крестоносцев через Приморье стал, наряду с возможными набегами Вукана, дополнительным источником беспокойства. Анна Комнина отмечает, что в 1096—1097 гг. значительные силы ромеев «стерегли долины Сербии и Далмацию» [Анна Комнина, 1996: 384].

Кульминацию и основное содержание главы о правлении Бодина в *Летописи* образует история гибели Бранислава, войны его сыновей против короля и осады Бодином Рагузы. О подчинении им города и основании там замка рассказывают также Милеций и анонимный анналист. Но они считают главным действующим лицом Стефана Боснийского (Аноним только его и упоминает), о котором *Летопись* в этой связи не говорит ни слова. Хронология дубровницких источников ненадежна. Основание замка Милеций никак не датирует, а Аноним относит его к 1005 г. (!). Позднейшее же взятие замка рагузянами оба автора датируют 1016 г. (!) — явная ошибка на несколько десятилетий. Милеций считает нужным уточнить, что взял дату из какой-то «старой рукописи» [Annales, 1883: 26—28, 207, 209].

Хронология братоубийственной распри, омрачившей последние годы правления Бодина, зависит от определения хронологии *Летописи* в целом. Мы видели, что указания на сроки правления его предшественников не вполне согласуются с синхронными источниками, могут быть округленными или нуждаться в толкованиях. В случае со сроком «правления» Радослава речь вообще идет о фальсификации или серьезной подтасовке. Но ситуация, возникающая после Бодина, еще сложнее. Грамота Бодина из локрумской группы датируется 1100 г. Первое, совместное с матерью, полутора-двухлетнее правление его сына Георгия (начало 45-й главы *Летописи*) относится, согласно грамотам той же группы, к 1114—1115 гг. Но между Бодином и Георгием *Летопись* помещает, после непродолжительной смуты, 22-летнее правление короля Владимира, племянника Бодина (глава 44). Это — одно из веских доказательств против какой-либо зависимости между локрумскими грамотами и *Летописью*.

С другой стороны, в тексте говорится, что при Владимире «земля отдыхала 12 лет», и не упомянуто о какой-либо смуте до самой его смерти. Не исключено, что латинский «переводчик» не понял перелагаемый оригинал, в котором речь шла только о том, что смерть Владимира случилась спустя десять лет после заточения им его дяди Доброслава. «Переводчик» воспринял известие о Доброславе как окончание «отдыха земли» и приплюсовал годы его заточения к годам правления Владимира. Другой вариант — простая путаница в цифрах, которая могла случиться и в славянском оригинале *Книги Готской, и при латинском «переводе». Так или иначе, более вероятно, что Владимир правил 12 лет, с 1102 по 1114 г. К схожим выводам пришел и М. Орбини, столкнувшийся с расхождением в протографе Ватиканского списка. Он, правда, решил в обоих случаях указать 15 лет [Орбини, 2010: 274]. Создатель Белградского списка также увидел ошибку, но исправил ее по-своему, поставив в обоих случаях 22 года.

В таком случае Бодин умер в конце 1100 г. или в 1101 г. — перипетии усобицы после его смерти должны были захватить не менее целого года. 26-летний срок его правления, указанный в *Летописи*, тогда точно совпадает с показаниями византийских источников. Согласно им, Бодин стал полноправным соправителем отца после своего спасения из Антиохии примерно в 1074 или 1075 г. Тогда получаем возможность датировать ссору с Радославичами и осаду Рагузы. Это 22-й год правления короля, т. е. 1095/6 или 1096/7. Опять совпадение с показаниями иностранных источников — как раз зимой 1096/7 г., как мы видели, Бодин находился в Скодре, где принимал графа Раймунда. 1005 г. Дубровницкого Анонима заставляет думать скорее о 1095 г. Но эта дата может быть плодом умозрительных подсчетов от ошибочного 1016 (1106?) г., заимствованного из «старой рукописи» Милеция.

Повествования дубровницких источников о событиях, как уже ясно, гораздо более легендарны, чем записанный спустя несколько десятилетий рассказ «летописца». При всей субъективности последнего, вряд ли основные обстоятельства искажены. Другое дело, что следует помнить: на самом деле это был уже как минимум четвертый конфликт законно правящего дома с мятежными претендентами, раз за разом стремившимися заполучить корону. Подозрения Бодина и Яквинты в адрес Бранислава были вполне оправданы его прежним мятежом, а в боях под Рагузой взаимное ожесточение достигло предела. Притом именно король первым прибег к открытому братоубийству — от чего ожесточение только усилилось, а «летописец» получил веский моральный аргумент в пользу младшей ветви династии.

Как приверженность Рагузы Радославичам, так и итоговое нежелание части рагузской знати сражаться за них вполне понятны. С одной стороны, Радослав и его семья, владея Требинье и Хумом, были тесно связаны с городом уже несколько десятилетий. С другой — Бодин с

очевидностью был сильнее, и в его лагере находился архиепископ Рагузы и Антибари Петр, обязанный ему паллием. Не исключено, что «кое-кто», задумавший сдать город, — в первую очередь как раз местное духовенство, пытавшееся до этого исполнить миротворческую миссию. Далматинцы едва ли хотели страдать из-за распри славянских князей, хотя та могла быть не чуждой растущему славянскому населению города.

Сыновья и внуки Радослава после поражения бежали в Сплит. Вероятно, они рассчитывали получить помощь в Хорватии или Венгрии, но здешние обстоятельства к этому не располагали. Не сумели они ничего добиться и в Апулии, у норманнов, наиболее деятельные вожди которых Боэмунд и Танкред направлялись уже в Святую землю. Тогда Радославичи вполне закономерно обратились к главному и наиболее сильному на тот момент противнику Бодина — «в Константинополь к императору». Помощь и здесь они получили не сразу — империи надо было иметь дело с крестоносцами, а на сербской границе только что был замирен Вукан, — но приют нашли. Все происшедшее дополнительно объясняет невзгоды, выпавшие в Дукле на долю крестоносцев. Воинство Раймунда шло по стране не столько «дикой», сколько переживающей междоусобицу, и Бодин даже при желании не мог вполне контролировать ситуацию.

Подчинив Рагузу, Бодин как оплот своей власти выстроил замок Сан-Николо, об истории которого рассказывают дубровницкие источники XIV—XV вв. Милеций сообщает о строительстве замка следующее: «Стефан, герцог боснийский, в правление императора Бодина, придя к церкви Святого Николая де Кампо, построил замок, после чего вернулся восвояси, при Константине греческом судье девятом» [Annales, 1883: 207]. О датировке по греческому «судье» говорилось ранее — она соответствует первым столкновениям Рагузы с дуклянским домом при Воиславе. Здесь можно видеть, почему Милеций сделал византийского императора «судьей». Императором у него, как и в *Летописи*, именуется Бодин — по своему болгарскому царствованию. В то же время главная роль в строительстве замка Сан-Николо принадлежит не Бодину, а боснийскому «герцогу» (*dux*, т. е. князь, кнез) Стефану.

В *Анналах* Анонима, как уже говорилось, Бодин вообще не упоминается, а действует только «король Степан Боснийский». Различные оценки его в местных преданиях дали Анониму возможность создать троих «Степанов Боснийских», друзей и врагов города. Время их деятельности растянулось на несколько веков — от самого основания Рагузы. Война, приведшая к строительству замка, описана в *Анналах* под 1001, 1004 и 1005 гг. Первая из этих дат, возможно, отражает еще разорение города Самуилом Болгарским, происшедшее около 1000 г.

Под 1001 г. рассказывается, что рагузыне в течение трех или четырех лет вели войну против боснийцев. Владения Рагузы были опустошены, горожане раз за разом терпели поражение и несли большие потери, в том числе потеряли много знатных людей [Annales, 1883: 26]. В 1004 г. «король Степан Боснийский» явился к Рагузе с большим войском, разорил окрестные местности и выстроил «замок под горой», запиравший путь из города. Рагузыне, однако, наняли албанцев, чтобы те совершали набеги на Боснию, грабя и истребляя народ. Узнав о вражеском вторжении, Степан снял осаду с Рагузы, но оставил сильную стражу у разрушенного моста на материк, продолжая запирать рагузян на острове [Ibid.]. Наконец в 1005 г. «установил король Степан с рагузянами мир, союз и великую дружбу, обменявшись с ними по договору дарами, согласно обычаю древних королей с рагузянами, а замок Сан-Николо перешел во владение короля Боснии, чтобы король Боснии чувствовал себя в безопасности на случай, если рагузыне захотят снова затеять войну с боснийцами» [Annales, 1883: 26—27].

Дубровницкий Аноним, таким образом, вместе с Милецием доносит до нас существенные подробности военных действий между Бодином и Рагузой, хотя степень историчности всех этих сведений неопределима. Самое важное среди них и имеющее несомненную историческую основу — участие в войне в качестве главного полководца Бодина боснийского князя Стефана. В дубровницкой традиции он полностью заслонил собой короля. Контролировать замок Сан-Николо и тесно контактировать в дальнейшем с рагузянами Стефан мог только в одном случае — если расширит свои земли на юг, к Рагузе. Отсюда следует, что в благодарность за заслуги Бодин пожаловал ему часть земель побежденных Радославичей, а именно Захумье, которое с этого времени оказывается тесно связано с Боснией. Требинье отошло собственноручно к королевским владениям и оставалось частью Дуклянской державы до самого ее падения.

Различные предания о «Степанах Боснийских», включенные в *Анналы*, не оставляют сомнения в значимости для истории города персоны, послужившей им всем прототипом. Первый в этом ряду — легендарный Стефан Белло, «доблестный капитан» римлян боснийского происхождения и отец основателя города короля Радослава [Annales, 1883: 3—4]. Позднейшие «Степаны» заимствуют у исторического уже не только имя. Правление первого из них Аноним относит к 657—687 гг. Этот Степан предстает как великий завоеватель и объединитель боснийских земель, могучий и суровый правитель. Одна Рагуза не покорила его власти. Не сумев подчинить ее, Степан заключил с рагузянами мир и союз, благодаря чему между двумя народами сложились братские узы. Многие рагузыне служили Степану. Затем, однако, рагузыне дали приют бежавшему от Степана албанскому владельцу из рода Дукагини. Разгневанный Степан обвинил рагузян в предательстве и

привел к городу войско. В произошедшем сражении погиб Дукагини и был смертельно ранен Степан [Annales, 1883: 5—6]. Исторические сведения о клане Дукагини относятся не ранее чем к XIII в. Здесь, должно быть, отражается все то же бегство Радославичей, а также союз с албанцами против Бодина и Стефана.

Другой, более позитивный и пространный цикл легенд о «короле Степане» включен Анонимом в летописные статьи 815—827 и 871 гг. [Annales, 1883: 15—18, 20]. Король Степан этих легенд — «великий друг рагузян, делавший много добра каждому рагузянину». Впечатленный встречей с рагузским подвижником священником Дом Сарджи, король сначала хотел оставить его при себе, а потом, из-за его скромности и твердости, решил сделать подарок городу — построить церковь Святого Стефана. Жена короля Мара (Маргарита) происходила по женской линии из далматинцев, из фамилии Крози. Она щедро одаривала городские церкви; присланное ей серебро пошло на убранство священных реликвий. Однажды Степан и Мара с богатой свитой посетили Рагузу, поклонились городским церквям, щедро одарили духовенство и всех граждан, включая бедноту. Мара особенно покровительствовала городу ввиду родства с местными жителями, а Степан всячески содействовал в этом любимой жене. Когда Степан умер, не оставив наследников, то был погребен в церкви Святого Стефана как «синьор Рагузы». После смерти мужа Мара переселилась в Рагузу со многими знатными боснийцами, щедрее прежнего одарила город и приняла здесь монашеский постриг. Она основала храм и монастырь Святой Маргариты в Локруме. Вскоре и Мара умерла в Рагузе, оплакиваемая и почитаемая всеми горожанами.

Этот круг преданий не оставляет сомнений в том, что Стефан находился с рагузьянами в длительных и по большей части дружественных отношениях. Собственно, и предание о замке Сан-Николо, к которому мы вернемся в комментарии к следующей главе, свидетельствует о длительном мире — сначала после осады города, а затем и после захвата горожанами замка. Нет особых оснований не верить и преданию о благочестивой «королеве» Маре, культ которой широко бытовал в городе. Мотив смерти Степана без наследников хорошо согласуется с тем, что известно о ситуации в Боснии после князя Стефана — к чему мы также еще вернемся.

С именем Константина Бодина связан наивысший расцвет Дуклянской державы. Королю удалось создать огромное по меркам региона государственное образование, включавшее современные Черногорию, значительную часть Сербии и Боснии и Герцеговины, север Албании и крайний юг Приморской Хорватии. На короткий исторический миг «Королество славян» едва не стало реальностью. Бодин почти на равных противостоял таким сильным правителям своей эпохи, как Алексей Комнин и Роберт Гвискар. При этом границы его владений не

сокращались, а только расширялись. Умный и жестокий политик, он к концу жизни объединил под своей непосредственной властью центральные области державы.

Однако в его политике имелись и очевидные, часто неизбежные просчеты. Выделение Загорья в практически самостоятельные уделы под управлением энергичных и одаренных правителей Вукана и Стефана неизбежно несло угрозу ослабления и распада державы. Тем более что Бодин, избавившись от алчной приморской родни, всячески усиливал загорских вассалов, предоставив им самые широкие полномочия, в том числе военные. При любом ослаблении Дукли правители издавна конкурировавшей Рашки могли выдвинуть свои притязания на объединение сербских земель. А ослабление это между тем было неизбежно. Попытка установить единоедержавное «императорское» правление в пока племенном обществе, да еще сопровождавшаяся братоубийством, не могла быть прощена наследникам Бодина. Против них были и родовые устои, и настроение значительной части напуганной происшедшим знати, и естественный сепаратизм старых племенных областей, не желавших превращаться в источник дохода для Скорды.

Летопись дает почувствовать и этническое измерение назревавшего конфликта. Славяне, не исключая и знати, видели причину бед в королеве-итальянке и ее сыновьях, ни один из которых не носил славянского имени. Из дальнейшего становится ясно, что основной опорой Яквинты стал Котор — наиболее далматинская из столиц Дукли. Радославичи и Браниславичи выглядели в гораздо большей степени «своими» — а теперь за их спиной была и мощь империи. Могущественный и враждебный сосед только ждал случая вмешаться в дела Дукли. Сербские земли оставались в зоне византийской «реконкисты», курс на которую императоры упорно проводили на протяжении VIII—XII вв. В этих условиях державе Бодина угрожала не просто раздробленность, как другим государствам средневековья, а гибель.

Глава 43

С этой главы, описывающей весьма непродолжительную — не больше двух лет (1100—1102) — смуту по смерти Бодина, «летописец» приступает к изложению событий, приведших к гибели Дуклянской державы. Как многие средневековые авторы, он не столько характеризует, сколько называет факты политической истории. При этом с помощью емких моральных оценок у читателей создается нужное автору впечатление. Для современного исследователя интерпретация событий, известных лишь из *Летописи*, представляет некоторые сложности. Автор явно обращался к современникам, которым остающиеся «за кадром» подробности — например, ситуация в Боснии и в Рашке, ге-

неологические детали — были ясны без дополнительных пояснений. Наличие в последних главах избыточной и непроясненной информации — один из аргументов в пользу создания прообраза *Летописи* по горячим следам.

На основе свидетельств *Летописи* подоплека событий может быть реконструирована следующим образом. По смерти Бодина попытка его сына Михайлы унаследовать власть по примеру отца была сорвана дуклянской знатью, опиравшейся на «народ». Королем был избран Доброслав, брат покойного. Однако он, будучи политическим сторонником брата, сразу принялся подавлять аристократическо-племенную вольницу. Это вызвало широкое недовольство. Между тем Алексей Комнин, узнав о смерти Бодина, согласился оказать помощь Радославичам и направил их в Диррахий. Там обосновался, женившись на местной жительнице, ставший к тому времени их главой Гоислав. Ромеи, однако, не пожелали напрямую помогать изгнанным княжичам, а потребовали этого от Вукана, с 1094 г. признававшего зависимость от империи.

Но попытка утвердить в Дукле византийских марионеток руками самих сербов оказалась обречена на провал. Вукан никогда не был искренним союзником Византии, и приход к власти в Дукле ромейского ставленника в планы сербского жупана не входил. Напротив, после смерти Бодина, перед лицом начавшегося развала его державы, Вукан сам стремился ее унаследовать. Разгромив и пленив Доброслава, Вукан подверг Дуклю и другие приморские области опустошению. После этого он позволил Кочапару Радославичу остаться там, но лишь для того, чтобы «с рашанами строить козни». Кочапар, столкнувшись с интригами Вукана, сильной оппозицией и угрозой жизни, бежал из Дукли в Боснию.

Важнейшим итогом гражданской войны в Дукле стал фактический переход центра складывания сербской государственности в Загорье, в Рашку. Вукан стремительно превратился в сильнейшего среди сербских правителей. Недаром Анна Комнина, перенося это определение в несколько более раннее время, именует его «властителем всей Далмации». Вукан действительно мыслил сербские земли единой территорией, которую во время переговоров с Алексеем Комнином в 1093 г. сам называл «Сербией». Это, кстати, первый известный случай употребления названия своего государства самими сербами.

Смута практически сразу привела к неприятным для Дукли последствиям и в сфере церковной. Соратник Бодина архиепископ Петр в ходе ее умер или лишился престола. В Рагузе немедленно поставили собственного епископа Доминика, который обратился в Рим за паллием. В 1102 г. папа Пасхалий II, ревностный последователь Григория VII, разделил Далмацию на две митрополии, разрешив спор Рагузы и Сплита в пользу первой. Климент III как раз в 1100 г. умер в изгнании,

и наследие «антипапы» требовалось перечеркнуть. Булла от 27 января 1102 г., адресованная Рагузе, даровала «почтенному брату Доминику» паллий и определяла границы его митрополии. В них, по уже сложившейся традиции, были включены Захумье, Сербия, Требинье, Котор, Будва, Антибари, Улцинь, Скодра, Дриваст и Полат [Codex, 1904: 2—4].

В булле, адресованной 19 апреля Сплиту, пределы его митрополии на юге ограничивались «Маронией», т. е. Хум не включали [Codex, 1904: 4—5]. Это обстоятельство подтверждает подлинность рагузской буллы, которая сохранилась в копиях XIII в. и оценивается обычно как «очевидный фальсификат». Еще одно важное свидетельство в ее пользу — четкое упоминание Захумья, Сербии и Требинье как отдельных «королевств». В буллах 1022 и 1076 гг. они рассматривались как одно «королевство», и только в сомнительной булле Захарии 743 г. формулировка совпадает с буллой Пасхалия. Изменение в будто бы подложной булле довольно точно и оперативно реагирует на изменившуюся к 1102 г. политическую ситуацию. Впрочем, очевидно, что булла 1102 г. либо составлена по образцу буллы 743 г., либо использовалась при создании (реставрации?) буллы Захарии. Они разделяют общую ошибку в написании названия Антибари (Auarorum), добавляют к списку епархий Будву, одинаково называют Улцинь «Лицинией» и т. д.

Наименее ясным выглядит окончание главы, рассказывающее о пребывании Кочапара в Боснии и его смерти. Понятно, что описанное здесь происходило в течение нескольких лет после усабицы. Однако детали в контексте одной *Летописи* загадочны. Вместо князя Стефана власть в Боснии теперь вновь принадлежит некоему бану. Кочапар женится на его дочери и после этого гибнет, воюя в Хуме — вероятно, за отцовское наследство.

Историю Боснии и Хума в первой половине XII в. можно воссоздать, лишь сопоставив это свидетельство *Летописи* с отдельными актами и поздними дубровницкими источниками. Сумма этих данных вполне объясняет и неучастие Стефана в дуклянской усабице, и гибель его княжества.

Стефан, подобно Вукану, решил воспользоваться происходящим в центре державы — но для достижения полной самостоятельности. Возможно, он даже действительно провозгласил себя королем в Хуме, где проводил немало времени. На это указывают и булла 1102 г., и воспоминания анонимных *Анналов* о «короле Степане» и «королеве Маре». Будучи «синьором Рагузы», он должен был поддержать претензии Доминика на архиепископию, тем более что это укрепляло и его собственный вес в сербских землях.

Однако на боснийскую корону появился уже и иной претендент. В 1101—1102 гг. венгерский король Коломан, вступив в соглашение с венецианцами, далматинской и хорватской знатью, завершил покорение Хорватии. Сразу после этого, в 1103 г., он принимает титул «ко-

роля Хорватии, Далмации и Рамы» [Codex, 1904: 10]. Рама — юго-западные области средневековой Боснии по реке Раме, правому приходу Неретвы. Здесь, в Подрамье, если верить заметке из *Сунетарского картулярия*, в последние десятилетия истории Хорватского королевства существовал самостоятельный банат. С другой стороны, Дукля со времен «Тетрархии» числила Раму крайней северо-западной жупой своего Подгорья. Позднее, во второй половине XII в., Рама становится центром боснийского баната, а ее название на некоторое время — синонимом названия «Босния».

Очевидно, эти земли, прилегающие к Хорватии, где влияние хорватской знати было особенно сильно, подчинились Коломану первыми. Однако венгры столкнулись с сопротивлением. Титул «короля Рамы» более не использовался до 1138 г., когда его принял Бела II [Codex, 1904: 47]. Затем его унаследовал Гейза II, пользовавшийся им нерегулярно [Codex, 1904: 49, 53, 54]. В 1137 г. Бела дал своему сыну Ласло титул «герцога Боснии» [Codex, 1904: 46]. Однако позднее такие эксперименты не повторялись, и с середины XII в. мы знаем в Боснии банов (Борич, затем Кулин), являвшихся более или менее формальными вассалами венгерского короля.

Из *Летописи* следует, что на самом деле банат был создан раньше, и период с 1103 по 1137 г. занят острым противоборством за Боснию и Хум. Стефан, естественно, сопротивлялся венгерскому вторжению в свои земли. Именно этой войной можно объяснить безнаказанный захват рагузянами замка Сан-Николо. Предание об этом знаменательном событии отразилось и у Милеция, и в *Анналах*.

Милеций сообщает следующее: «После, когда заключили мир, некто предал замок во власть рагузян либо захватил его. Опустошили его, а после защитили стены. Поставили оборонять некоего из тех, Градихну, что был там охранником и прозывался Вук. Это случилось в день, назначенный для триумфа Пасхи, тысячу и дважды восемь Господних лет спустя от рождения Девой, как повествует старая рукопись» [Annales, 1883: 209].

Анналы подробнее объясняют происшествие, с той же ошибочной датой (1016). Король Степан назначил капитаном замка Вука Градиензи, по материнской линии происходившего «из рода Берислава Боснийского». Вук «был великий друг рагузян и многим это доказал». Под предлогом пасхального праздника он открыл ворота замка рагузянам, которые без труда захватили крепость. В честь победы была учреждена пасхальная процессия к церкви Святого Николая. Вук был щедро вознагражден и стал родоначальником дубровницкого семейства Гради. Замок Сан-Николо был разрушен до основания. На следующий год, однако, рагузяне заново укрепили проход на материк, выстроив крепкие стены, направленные уже против нападения с суши. После этого с королем Степаном вновь был заключен мир. Рагузяне

жили у него при дворе, служили «секретарями и советниками», а «бароны и придворные» Степана стали горожанам «как родные братья» [Annales, 1883: 27—28].

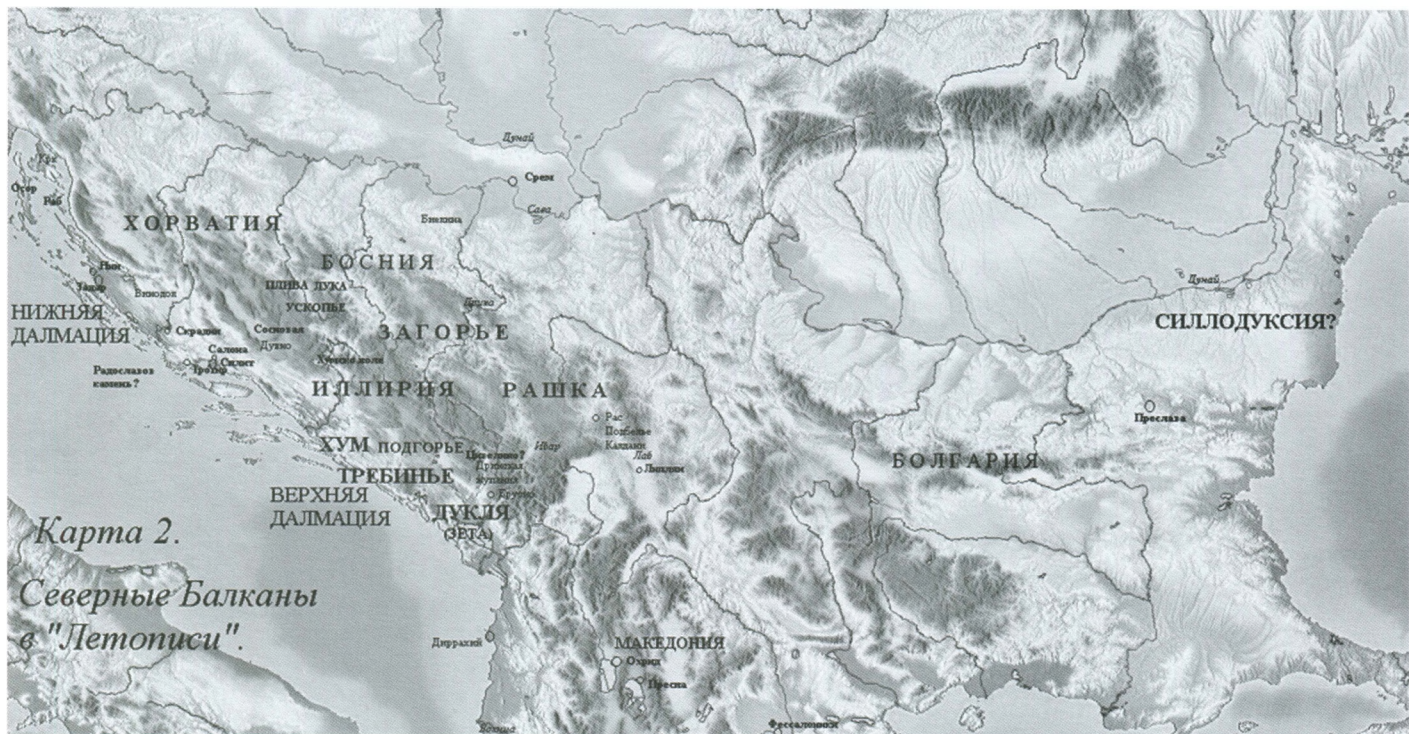
Как уже говорилось, дата в «старой рукописи», которой пользовались и Милеций, и Аноним, была, вне сомнения, искажена. Скорее всего, речь изначально шла о Пасхе 1106 г. (25 марта) — MCVI поменялось в рукописной традиции на MXVI. Это подтверждается и тем, что уже в конце 1108 г. Рагуза вновь перешла под номинальную власть Византии. Об этом свидетельствует грамота архиепископа Доминика от этого года, датированная по «царствованию императора Алексея» [Codex, 1904: 20—21]. Несмотря на сохранение мирных и даже дружественных отношений со Стефаном, рагузяне больше не желали подчиняться власти славянских князей. Позднее, в 1122 г., Рагуза признала зависимость от Венеции и приняла венецианского комита [Annales, 1883: 29—31].

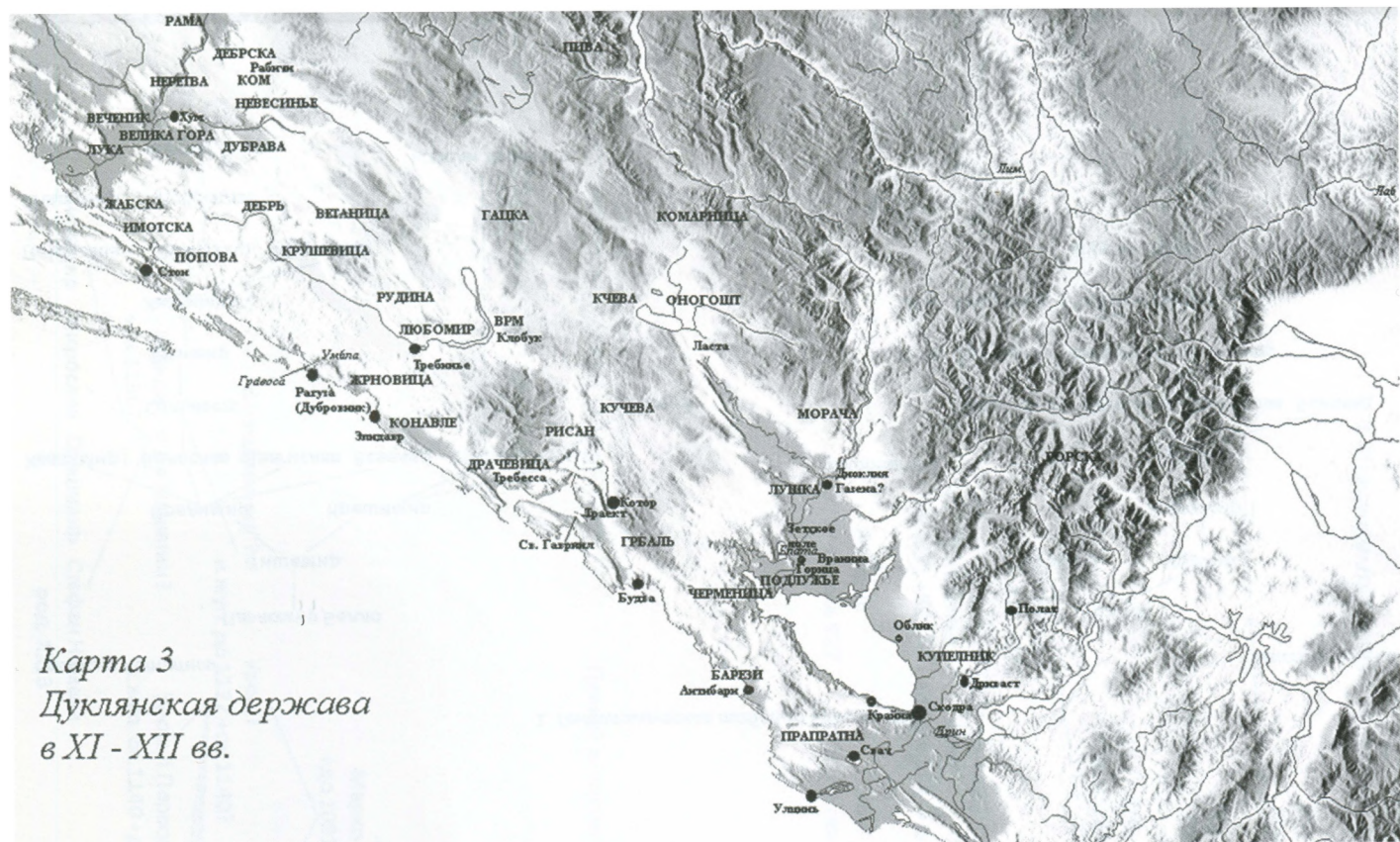
Благодаря дубровницким источникам ситуация непосредственно в окрестностях города известна лучше, чем происходившее в глубине боснийских земель. Однако дубровницкие легенды о короле Степане, записанные Анонимом в статьях за VII—IX вв., дают некоторые намеки. Стефан умер то ли своей смертью, то ли от смертельной раны после сражения, не оставив наследников. Похоронили его в Рагузе, в построенной им церкви. Его вдова Мара со многими приближенными была вынуждена поселиться в городе и приняла монашеский постриг, а ее свита осталась в Рагузе. В статье 871 г. утверждается, что после смерти Стефана «синьоры, графы и бароны» Боснии 17 лет воевали за его наследство. В итоге Боснию захватил «один барон из Хорватии», которому Аноним присваивает имя Берислава [Annales, 1883: 20].

Совпадение с ситуацией в Боснии начала XII в., вырисовывающейся по *Летописи* и венгерским актам, налицо. «Хорватский барон» — бан хорватского происхождения, обосновавшийся после 1103 г. в Раме и представлявший интересы венгерского короля. Ему пришлось вести войну сначала со Стефаном (возможно, она стоила тому жизни), а после его смерти — с боровавшимися за его наследство боснийскими аристократами. Если известие о 17 годах войны верно (а оно выпадает из искусственной хронологии *Анналов*), то смерть Стефана можно отнести к 1120 г. — венгерские короли не рисковали заявлять открыто права на страну до 1137 г. В 1102 г. к хорватам и их сторонникам в Раме присоединился Кочапар Радославич, бежавший из Дукли. Стефан был его кровным врагом, поскольку, возглавляя войска Бодина при осаде Радославичей в Рагузе в 1095/7 г., являлся как минимум сочувствующим свидетелем казни Бранислава. Бан выдал за Кочапара свою дочь и предоставил ему возможность отвоевать земли в Хуме. Там Кочапар умер или погиб «по прошествии немногого времени».

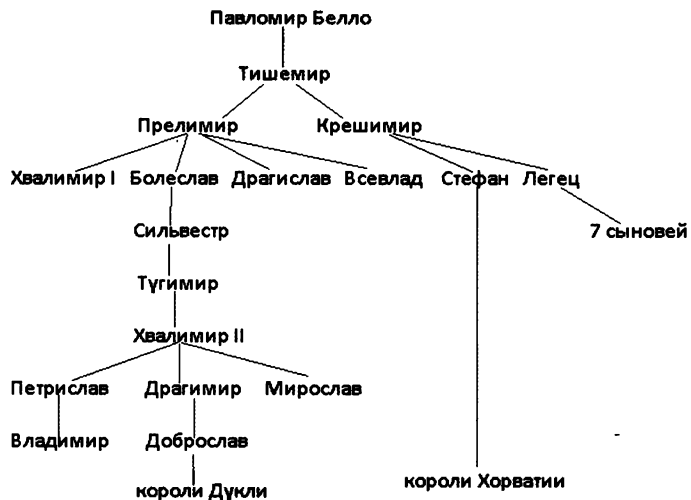

Карта 3
 Дуклянская держава
 в XI - XII вв.

1. Генеалогическая таблица Белоевичей

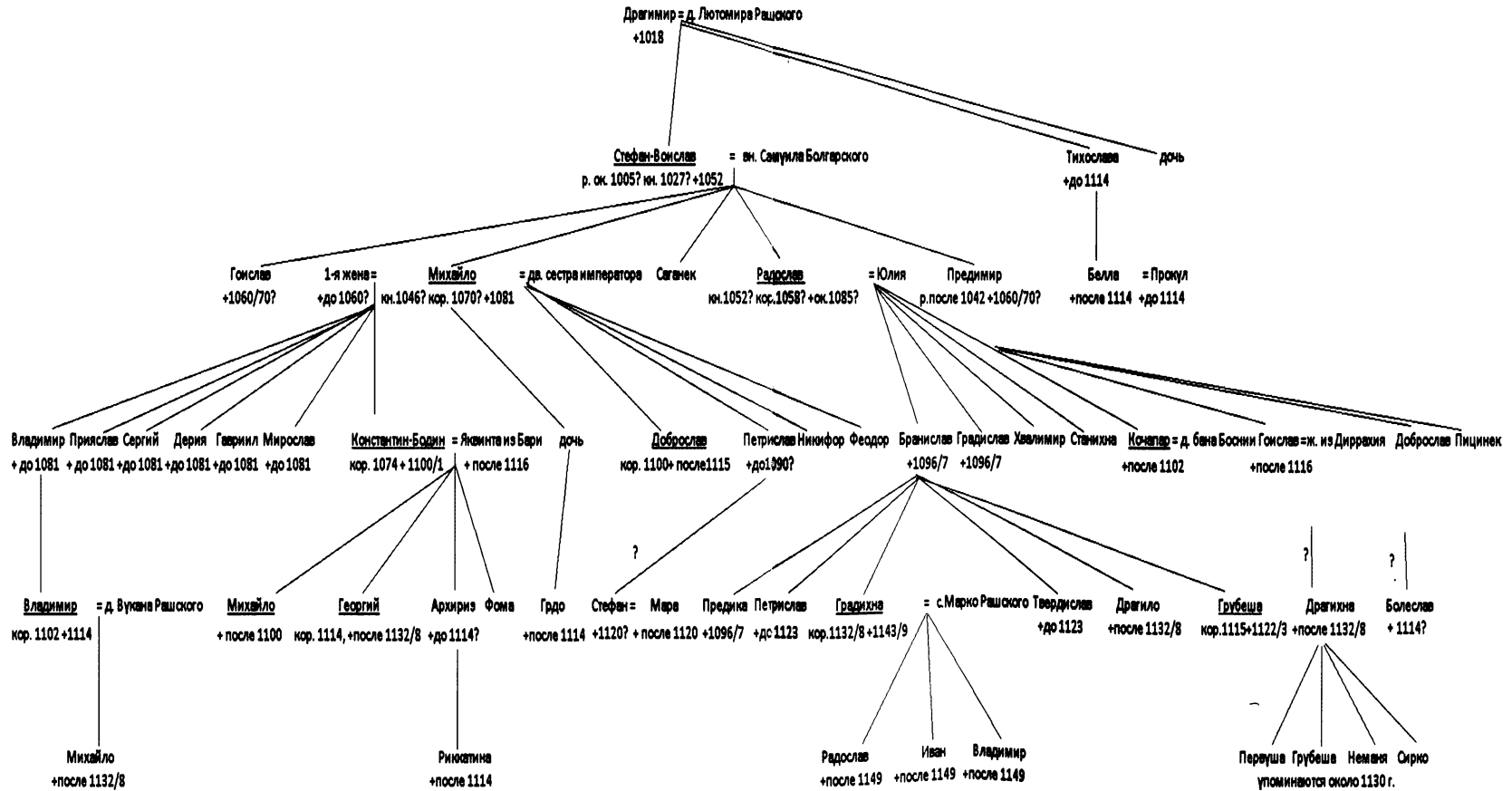
согласно Летописи

реконструкция

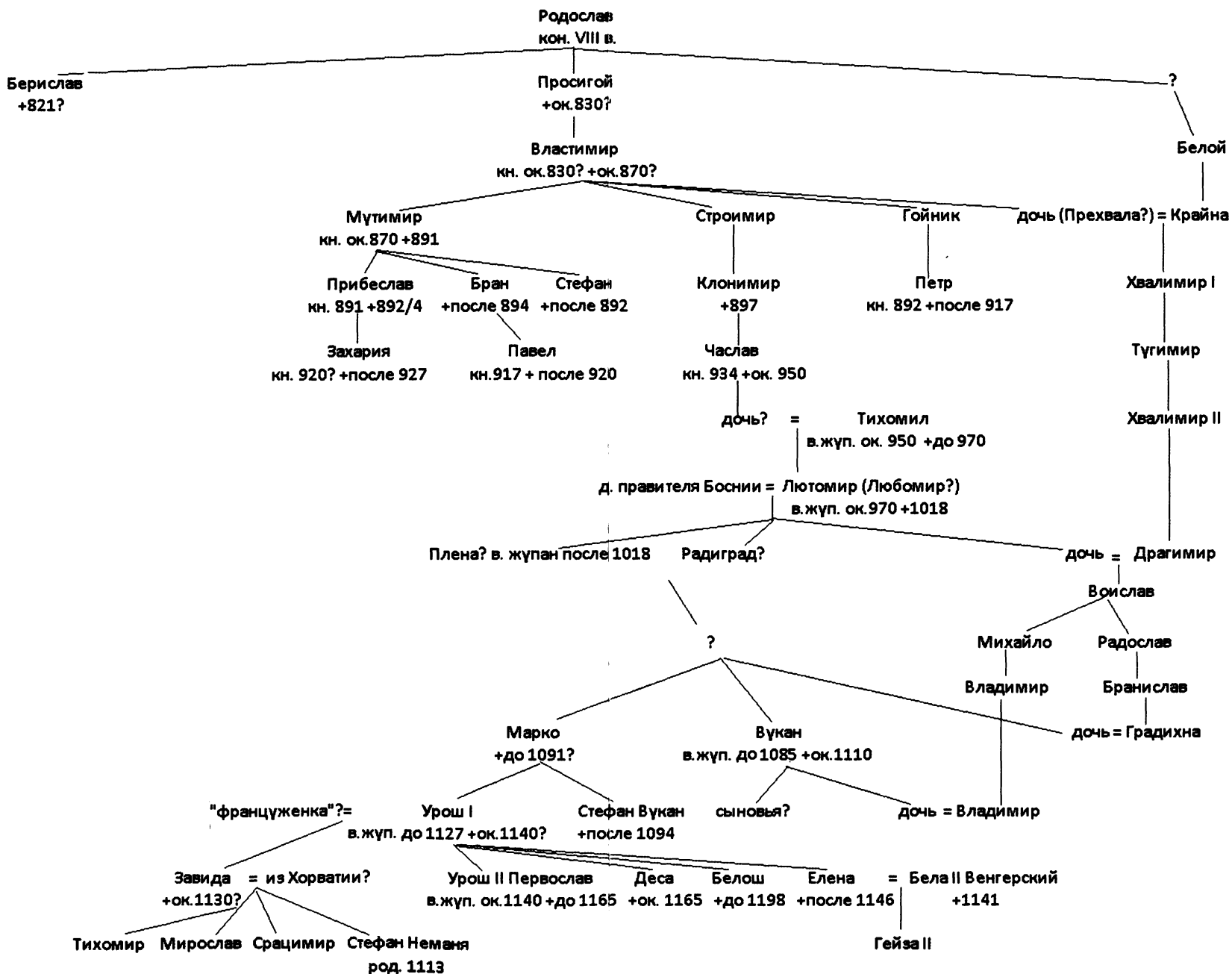

2. Генеалогическая таблица Воззвращенной

3. Генеалогическая таблица правителей загорской Сербии и их связей с Белоевичами-Воиславичами

Сложившаяся в итоге ситуация характеризуется одним недатированным актом из локрумской группы, относящимся, скорее всего, к первой половине XII в. Этой грамотой «Гаврил, захумский епископ, вместе с баном Растимиром, судьей [т. е. жупаном] Мирославом, а также Строимиром и прокуратором Краимиром, и со всеми захумскими нобилиями» передает локрумским бенедиктинцам в лице их аббата Виталия церковь Святого Панкратия на Бабином поле. Жители Рагузы и Стона, «все захумские славяне и латиняне» предостерегаются от посягательств на храм и его владения. Акт написан Милогоем, пресвитером церкви Святого Михаила [в Стоне] [Codex, 1998: 60]. Ту же церковь на Бабином поле некогда отдавал монастырю Лютовид. Теперь, после нескольких смен светской власти, требовалось подтверждение пожалования.

Таким образом, в Хуме утвердилось собственное владетельное семейство. Его представителями являлись жупан Мирослав и Строимир, «прокуратором» (казначеем?) при которых являлся Краимир. При этом хумские жупаны находились в подчинении бана, каковым на момент составления грамоты являлся некий Растимир. Возможно, это тот самый «хорватский барон», который захватил Боснию после смерти Стефана. Линию его преемников позволяют установить подтвержденные грамоты на Бабино поле. В середине XII в. (1151 г.?) правил Славогост, действовавший вместе с известным приморским деятелем того времени жупаном Грдешей. Славогост, кажется, оспаривал Хум и сюзеренитет над Грдешей у Десы Урошевича, тогда же провозгласившего себя «великим жупаном захумским» [Codex, 1904: 69].

В 1159 г. Хум находится под властью жупана Хранко и боснийского бана Борича [Codex, 1904: 88—89]. Последний фигурирует в византийском известии 1154 г. и в акте 1163 г. среди вассалов венгерского короля [Иоанн Киннам, 2003: 108; Codex, 1904: 396]. Развернутое повествование неизвестного происхождения о Бориче и его войне с Дубровником приводит М. Орбини. Цель этого, возможно, не слишком достоверного рассказа — прославление предков знатного дубровчанина М. Бобальевича, адресата и мецената труда Орбини (см.: [Орбини, 2010: 393—396]).

Покорив Боснию и подчинив Хум, баны Рамы попытались расширить свои границы за счет все более процветающей Рагузы-Дубровника. К 1142—1147 гг. *Анналы* относят новую войну дубровчан с боснийцами [Annales, 1883: 31]. Симптоматично, что произошла она вскоре после вторичного присвоения венгерскими королями титула «короля Рамы» и попытки создать в Боснии венгерское герцогство. Присланный на помощь городу венецианский отряд чинил насилие горожанам и в итоге, лишенный их помощи, был истреблен боснийцами в битве на Неретве. Это привело к конфликту с Венецией, известному также из актов 1145 г. [Codex, 1904: 57—58]. В 1147 г., согласно *Анна-*

лам, с Боснией был заключен почетный мир, после которого многие зажиточные боснийцы переселились в город. Судя по труду писавшего около этого времени на Сицилии арабского географа Идриси [Monumenta, 1979: 18], Рагуза формально стала частью «Хорватии» — т. е. венгерского «королевства Хорватии, Далмации и Рамы».

Итак, итогом гражданской войны в Дукле 1100—1102 гг. стал полный распад созданной Бодином державы. Босния и Хум были безвозвратно потеряны. Рашка не отделилась от Дукли полностью — но поменялась с ней ролями. Теперь главенствовали не дуклянские правители, все еще сохранявшие королевский титул, а жупаны загорской Сербии. Для «летописца», отражавшего интересы семейства Радослава, такое положение было не более приемлемо, чем деспотизм Михайловичей. На протяжении следующих глав его герои пытаются вести борьбу за восстановление «справедливости» — уже здесь напоминаящую открытый коллаборационизм в пользу Византии.

Глава 44

Король Владимир Владимирович — единственный из родных племянников Константина Бодина, прямо упомянутый в *Летописи*. Ничего не известно о потомстве других братьев Бодина, кроме Владимира и Петрислава. То, что Владимир носил имя своего отца, нетипично для большинства славянских династий и позволяет предположить, что он родился после его гибели. Все родные братья Бодина погибли в войнах при жизни отца — следовательно, Владимир появился на свет до 1081 г. Его правление, как отмечалось выше, следует датировать 1102—1114 гг.

«Летописец» оценивает Владимира, единственного из всего рода Михайлы, только положительно. Это, конечно, связано с признанием его разочарованными поражением 1102 г. Браниславичами, а также с обстоятельствами его смерти. По поводу самих этих обстоятельств к рассказу *Летописи* добавить нечего. Автор, конечно, субъективен в отношении Яквинты, но альтернатив его повествованию нет. Владимир не упоминается в других источниках.

Ясно, что это связано с переходом верховной власти над Дуклей к Вукану. Владимир, как четко дает понять «летописец», являлся ставленником Вукана, а его противниками в Дукле были «враги жупана Вукана». Вукан, от «козней» которого бежал Кочапар Радославич, вероятно, воздействовал на выбор дуклянского «народа». После избрания Владимира королем он признал его, отдал за него свою дочь (единственное известие о детях Вукана), а в 1104 г. фактически выдал ему его дядю Доброслава. Эпизод с заточением пришедшего по своей воле Доброслава — единственное место в главе, где в адрес Владимира проскальзывает упрек.

Подчинив своему влиянию Дуклю, Вукан стал, таким образом, «властителем всей Сербии». Это был явный вызов византийским интересам. В 1106 г. против Вукана была направлена карательная экспедиция во главе с дукой Диррахия Иоанном Комнином, но сербы разгромили ее. По словам Анны, «узнав о поражении сына севастократора, Иоанна, высланного вперед против далматов, Алексей отправляет ему на помощь значительные силы. Однако негодный Вукан немедленно предлагает императору мир и высылает требуемых заложников» [Анна Комнина, 1996: 328].

Это последнее упоминание Вукана в источниках. Вероятнее всего, он умер около 1110 г., сразу после чего междоусобица захватила уже Рашку. Алексей Комнин уже в 1111 г. планировал обширные завоевания не только в «Далмации», но и в Хорватии [Аста, 1913: 27]. Ход событий восстанавливается очень непросто — по отрывочным свидетельствам *Летописи*, *Житий св. Симеона* (Стефана Немани) и поздних сербских родословов. Главными действующими лицами событий стали племянник покойного жупана Урош и его сыновья. Урошу противостояли какие-то «старшие родичи» — следовательно, Вукан все-таки оставил потомство. Кроме того, известия *Житий* Немани заставляют заподозрить распрю и между сыновьями Уроша, кто-то из которых уже достиг, а кто-то достигал совершеннолетия.

Судя по преданиям о «Бела Уроше», Урошу в какой-то момент пришлось покинуть Рашку и искать пристанища в Захумье. Может быть, это произошло еще при жизни дяди, в 1094 г. отдавшего Уроша заложником в Византию. Жена Уроша и бабка Немани Анна была, по этим же преданиям, «дочерью французского короля». Почти наверняка подразумевался брак с какой-то представительницей южноитальянской франко-нормандской знати. Если брак был заключен в Хуме, то датировать пребывание там Уроша действительно следует временем жизни Вукана — не позже начала 1090-х гг. Хум находился тогда под властью Радославичей. В норманнской Апулии Радославичи искали приюта после падения Рагузы. Заметим, что нам неизвестны обстоятельства, при которых умер Марко и власть в Рашке сосредоточилась в руках одного Вукана. Местом рождения Завиды, отца Немани, как увидим далее, называется Дукля.

После смерти Вукана Урош и его сыновья выдвинули претензии на власть. Борьба сначала разворачивалась не слишком успешно, на что указывают и *Летопись*, и *Жития* Немани. Имя отца Немани известно из записи в *Мирославовом Евангелии*, списанном по заказу брата Немани Мирослава: «Я, грешный Григорий дьяк, заставил сие Евангелие златом великославному князю Мирославу, сыну Завидину» [Стојановић, 1902: 3]. «Сыном Завидиным» называет себя Мирослав и в своей надписи [Стари српски записи, 1986: 27].

Напротив, сыновья Стефана Немани не называют имени своего деда в житиях отца. Сам Неманя в хрисовуле Хиландарскому монастырю утверждает: «Бог... даровал нашим прадедам и нашим дедам обладать сей землей Сербской... и поставил меня, великого жупана... обновить свою деду» [Зборник, 2011: 68]. Иными словами, властью сербских жупанов обладали «прадеды и деды» Немани, но не его отец. Итак, отец и дед Завиды были жупанами Рашки — это Марко и Урош I. Родословы делают Завиду (вместе с Урошем II Первославом) братом своих сыновей Немани и Срацимира. Место отца Немани при этом занимает, как уже говорилось ранее, Тихомил. Зато даются некие сведения о его матери. В большинстве родословов матерью Немани называется «дочь чешского короля», имеется и версия о сестре хорватского короля Звонимира (*Родослов Пеятовича*). Других данных по этому вопросу нет.

Стефан Первовенчанный в *Житии* отца рассказывает, что в пору его рождения «был великий мятеж в стране сей, в Сербской земле, и Диоклитии, и Далмации, и Травунии. И лишен был земли родитель его братией своею по зависти дьявола. Он же ушел от крамолы их в место рождения своего, называемое Диоклития. И изволением Божиим и Пречистой Его Матери породил он сего святого отрока... в месте, называемом Рибница, у храма Пресвятой и Чистой Владычицы нашей Богородицы. Были же в земле той латинские иереи, и изволением Божиим сподобился он латинское принять крещение. Когда же возвратился отец его на стольное место, то заново сподобился второе крещение принять от рук святителя и архиерея посреди Сербской земли у святых всеславных и верховных апостолов Петра и Павла» [Стефан Первовенчани, 1999: 18].

Другой сын Немани, святой Сава, меньше пишет о мирской стороне жизни отца. Однако об обстоятельствах его рождения и двух крещениях говорит и он: «Родился он в Зете на Рибнице и там принял святое крещение. Когда же привезли младенца того сюда, то принял его епископ церкви Святых апостолов, помолился над младенцем и миром его помазал; и другое крещение он принял...» На основе четких хронологических указаний Савы устанавливается и дата рождения Немани — 1113/4 г. [Списи, 1928: 173—174].

Позднейший агиограф Немани Доментиан отмечает, что тот был «славный от славных, от благого корня красный цвет, изошедший от чресл господствующих над Сербской землей, среди всех братьев своих рождением меньший... Пока же сей избраннык Божий возрастал в доме родителей своих во всяком благочестии и чистоте, родители его старших братьев высшей честью чествовали, но сего меньшего сердечной любовью больше любили» [Доментијан, 1865: 3]. Это известие надо иметь в виду при изучении хронологии и родословной Урошевичей. У Немани было три брата: Тихомир, Мирослав и Срацимир

[Стојановић, 1902: 5—6; Codex, 1904: 201; Орбини, 2010: 285—290]. Они родились, следовательно, до 1113 г., и старший не позднее 1110 г. Сам Завида родился едва ли позже самого начала 1090-х гг.

Родослов XIV в. несколько дополняет сведения *Житий*, в том числе ошибочно. Так, в одной из версий утверждается, будто «крещение латинской ереси» Неманя принял в сознательном возрасте в «церкви Архистратига сил бесплотных» (св. Михаила в Стоне?) [Стојановић, 1927: 17]. Далее, все версии сходятся в том, что православное крещение Неманя якобы принял в 30-летнем возрасте. При этом правильно называется место: «Приходит в церковь Святых Петра и Павла, которая в Расе, и тут принимает святое крещение рукою всеосвященного епископа рашского Леонтия» [Стојановић, 1927: 16—19]. Леонтий — первый упоминаемый где-либо епископ Расы. Завиде (которого родословы считают братом Немани) приписывалось строительство «церкви Святых апостолов Петра и Павла о двух столпах при реке Лиме» [Стојановић, 1927: 20—21]. В некоторых летописях уточняется, что церковь находится «у Никольца» [Стојановић, 1927: 176, 181]. Итак, владения Завиды располагались в пограничье Рашки и Дукли, в районе современного Бела Поля (ср. еще название населенного пункта Завиноградье выше по Лиму).

С какими именно «братьями» боролся Завида, неясно. Он мог пострадать в ходе борьбы отца со «старшими родичами», которая закончилась для Уроша заточением. В темнице, как мы узнаем из следующей главы *Летописи*, Урош находился в середине 1120-х гг. С другой стороны, Завиду могли оттеснить от отца родные (младшие?) братья, а вследствие этого он либо перешел на сторону «старших родичей», либо составил третью партию. У Уроша I было еще три сына — названный в конце *Летописи* Деса, Урош Первослав и хорватский бан Белаш [Иоанн Киннам, 2003: 93, 161—162]. Неизвестно и время возвращения Завиды с семейством на родину. Скорее всего, это произошло, когда к 1115 г. смута вновь охватила и Дуклю.

Важно отметить, что, согласно *Житиям*, Рашка, невзирая на все усилия Антибари и Рагузы, сохранила независимую епархию в Расе, не признававшую даже «латинских» крещений. Обычай перекрещивать католиков у православных в начале XII в. неизвестен. Перекрещивания в Рашке демонстрируют крайнюю степень взаимного отторжения с католиками. Связано оно было, конечно, с попытками римских католических митрополий подчинить территорию загорской Сербии. Попытки эти усилились после завоевания Рашки сначала Михайлой, а затем Бодином — но, как видим, наталкивались на неприятие загорских сербов. Рашская епархия, устояв, ожесточилась против католиков — а Вукан, видимо, принадлежал к ее пастве.

Религиозная ситуация в Загорье при этом могла быть весьма запутанной. Согласно поздним преданиям, отразившимся в *Троношском*

родослове XVIII в., предки Немани от самого легендарного «попа», родоначальника династии, были «исповедания манихейского» — т. е. богамилами [Јосиф Трношац, 2008: 94—95]. В этом памятнике, таким образом, получает логичное объяснение крещение Немани в зрелые годы. На сведения столь поздней записи едва ли можно твердо полагаться. Однако и *Жития* Немани, написанные Стефаном Первовенчанным и Доментианом, приравнивают его к апостолам за обращение сербов к истинной вере и разгром ереси.

Смерть Вукана и «крамола» естественно активизировали противников загорского влияния в Дукле, «врагов жупана Вукана». Партия недовольных влиянием Вукана «злых людей» сосредоточилась в Которе — наименее славянском из здешних далматинских городов. Это были сторонники продолжения политики Бодина — сильной, централизованной и независимой державы, беспощадно подавляющей родоплеменную элиту. Лидером оппозиции стала королева Яквинта. Если Завида бежал из Рашки от наследников Вукана, то и он мог входить в число «злых людей» и даже быть одним из их предводителей. Впрочем, могло быть и прямо противоположное — принятие королем Завиды подстегнуло противников рашан. Миротворческая политика Владимира, зависевшего от Вукана и в то же время призвавшего Браниславичей, оппозицию совершенно не устраивала. Для Яквинты приближение Браниславичей к королю означало смертельную опасность. Несомненно, она сделала бы все возможное, чтобы предотвратить эту угрозу — как и явствует из рассказа *Летописи*. После смерти Владимира и оскпления Доброслава на престоле оказывается сын королевы Георгий. Георгий родился не ранее 1081 г. Он явно находился под сильным влиянием матери.

К последним годам правления Владимира относится любопытный документ, относящийся к локрумской группе. Он неплохо иллюстрирует ослабление монаршей власти при короле-миротворце и ситуацию в стране в целом. Акт издан в июле 1112 г. и касается той самой церкви Святого Мартина в Шумете, которую некогда передал бенедиктинцам Бодин. Документ гласит:

Я, Болеслав судья, церковь Святого Мартина, ведомую в Шумете, в прошлом оскверненную из-за присвоения еретиками, и причитающуюся, с Божьей помощью, наследство наших предшественников непременно забираю у них и передаю католическим и ортодоксальным мужам, насколько это касается не только меня, но и всех наших близких, ради прощения Божьего. Посему немедля, призвав к себе монахов обители святейшего Бенедикта, вышесказанную церковь Святого Мартина со всем, что представляется относящимся к ней, отдаю добровольно, — т. е. землю и виноградники, дома и имущество движимое и недвижимое жалую им. Вдобавок же — двести овец, девять слуг (*seruos*), три пары быков и двадцать четыре коровы. Итак, полагаю твердый завет, чтобы

никто не осмеливался противоречить или пытаться что-либо отнять у них, но скорее еще одаривали бы ради наших душ и собственного верного спасения. Но если кто поступит иначе и попытается отделить сказанную церковь от монастыря Святого Бенедикта, то да постигнет его гнев Троичного и Единого Бога, и святых ангелов, и пророков, и апостолов, и трехсот восемнадцати святых отцов, да будет он проклят навеки, мучимый в последний день с дьяволом и его приспешниками вечной болью и неугасимым пламенем. Аббат А. написал вышеизложенное по приказу короля [Codex, 1904: 25].

Помимо того что грамота является ценным источником по социальной истории Дукли начала XII в., она весьма емко характеризует конкретную религиозную и политическую ситуацию. Земля, которой еще 12 лет назад распоряжался король, теперь находится в руках местного владельца Болеслава. Термин «судья» (*iudex*) в сербохорватской практике раннего средневековья имел довольно растяжимое значение. В хорватских актах второй половины XI в. он мог означать и вассального князя, и жупана, и собственно королевского судью. В дуклянских документах начала XII в., судя по акту 1114 г., «судья» — локальный правитель, занимающий место в иерархии между королем и жупаном. Это соответствует употребляемому в *Летописи* славянскому титулу «кнез», дававшемуся лишь королевским родичам. В *Летописи* Болеслав не встречается, но, возможно, как князь Требинье, приходился внуком Радославу (не по Браниславу). Король упоминается только в конце грамоты. Его приказ понадобился, возможно, лишь потому, что составить дарственную позвали настоятеля придворного монастыря Сергия и Вакха под Скодрой. Он ранее писал и грамоту Бодина.

Дарственная показывает, что «отдыхавшую» страну раздирали религиозный конфликт. Нейтральная «протоуниатская» линия дуклянских королей изжила себя. «Еретики» грамоты могут быть загорскими богомилами. Как выяснится в дальнейшем из расследования дарственной Болеслава, король Владимир оказал им прямое покровительство. После смерти Вукана католики перешли в контрнаступление — причем теперь они уже действовали при попустительстве короля. Болеслав, если и не был связан с Яквинтой, все равно принадлежал к борющимся против влияния рашан «злым людям». После прихода к власти Яквинты и Георгия Болеслав теряет свое княжество, но монастырь сохраняет возвращенную князем землю.

Глава 45

Повествование о второй и третьей гражданских войнах в Дукле — одно из самых пространных в *Летописи*, а местами запутанных. В перипетиях событий, возможно, путался и латинский «переводчик». Ви-

димо, с данной главы он начинает заметно сокращать текст. Обращают на себя внимание появление ниоткуда нового персонажа Драгихны, данное задним числом объяснение происхождения Уроша, отсутствие общего срока правления Георгия. Заметная в тексте лакуна неясного размера — возможно, также результат неумелого сокращения или пропуска в латинском протографе.

Реконструкция событий осложняется тем, что параллельные источники почти отсутствуют или крайне фрагментарны. Византийские авторы сообщают кое-что об отношениях с Рашкой, но при этом до середины XII в. даже не называют тамошних правителей. Операции в Дукле, описанные *Летописью*, имели для ромеев явно периферийный характер, даже несмотря на участие члена царской семьи и других заметных лиц. В связи с описанной в *Летописи* политической катастрофой могут быть поставлены только отдельные акты и краткие упоминания в житиях Немани фактов его молодости.

Правление Георгия и Яквинты в 1114—1115 гг. документировано двумя актами за эти годы, речь в которых идет о том же храме Святого Мартина в Шумете. Первый из них, от ноября 1114 г., исходит от князя Грдо. Как мы узнаем из второго акта, это был двоюродный брат короля по женской линии (*consobgino*), т. е. сын неизвестной дочери Михайлы Воиславича. После захвата власти Яквинтой ему досталось княжество Болеслава. Это можно сопоставить с сообщением *Летописи* о попытке захватить сыновей Бранислава — хотя Грубеша в момент написания грамоты был еще на свободе и при власти.

После даты в акте отмечается: «В правление короля Георгия, сына короля Бодина» — заметное отличие от дарственной Болеслава. Далее:

В первый год правления вышесказанного короля восстал Мироз Париса, который сказал, что «церковь Святого Мартина, которую со всем ее достоянием судья Болеслав отдал монастырю Святого Бенедикта, так называемому Локрумскому, есть наша собственность и отдана несправедливо, с применением насилия». Говорит судья Грдо: не соглашусь с этим, ибо от начала королевства были та земля и церковь, и есть все еще старые люди, которые могут об этом знать хорошо, а именно Лампрединый монах, прозывающийся Пелмонелле, и Белла, жена Прокула из Казарицы, монахиня, дочь Тихославы, что была сестрой господина короля Доброслава. Но пусть обе стороны доверят своим свидетелям говорить, а мы обратимся к локрумцам — я, Грдо, и сородичи мои, и нобили Рагузы и Трибунии. Во-первых, Риккатина [сын?] Архириза, сына короля Бодина, и судья Грубеша, сын Бранислава, и Драго приор, сын Слабы, и Луччаро приор, сын Николицы, Тепло Формина из Разбигалери, Гоислав, сын Крессия, Иленох, Занелло Казнац [казначей], Саватин, Дабраген, жупан Комене, Тихомир, сотник Конавле, Свержа, жупан Требинье, и Давид Казнац той же жупании. В присутствии их всех допрошенные, названные свидетели сказали: «Как слышали мы от некоторых, та церковь со своим достоянием всегда бы-

ла королевской, а Любезо еретик распоряжался ей по приказу королей, и передал по жизни своей все в руки судьи Болеслава, и сделал его себе сыном, так что дело оказалось в руках сказанного судьи, а он отдал достояние святому Бенедикту». Что я, судья Грдо, и со своими вышеупомянутыми родичами также подтверждаю свидетельством наших покойных родичей и нашим. Сделано и определено в присутствии вышеупомянутых свидетелей. И я, А. аббат, по приказу господина короля написал вышеизложенное [Codex, 1904: 25—26].

Этот судебный акт частично раскрывает подоплеку и предысторию дарственной Болеслава, а также дает ценные сведения о генеалогии династии Воиславичей. Только отсюда мы узнаем о сестре Воислава Тихославе (*Летопись* сообщала о двух безымянных сестрах), о ее дочери и зяте, о сыне (?) Архириза Риккатине. Здесь же единственный в своем роде перечень дуклянско-требиньской аристократии, с упоминанием титулов и чинов. В разбирательстве участвуют и рагузские нобили во главе с приорами города (оба названных — славяне по происхождению). Наконец, мы узнаем, что в начале XII в. создатель державы Воислав даже в официальных актах уже именовался Доброславом.

Конкретно о ситуации 1114 г. в акте говорит многое. Грубеша, как мы видим, еще не заточен и назван среди первых свидетелей. Болеслав, еще два года назад свободно распорядившийся королевской собственностью, теперь лишен власти и не упоминается среди живых. «Еретики» получили возможность оспорить его решение — правда, добились лишь передачи итогового приговора королю. Он последует через несколько месяцев. Религиозное противостояние, таким образом, отнюдь не затихло. Зато королевская власть явно пробудилась — «судья», близкий родственник короля, действует исключительно от его имени.

Король Георгий вынес решение в августе 1115 г., и ожидаемо в пользу бенедиктинцев:

Георгий, милостью Божьей король, с матерью моей госпожой Яквинтой королевой, и Грдо, моим двоюродным братом, — касательно церкви Святого Мартина, которую некогда отцы наши и господа отдали со всем к ней относящимся монастырю Святого Бенедикта, называемому Локрумским, мы также подтверждаем это, дабы безопасно обладал он сказанным достоянием, которое дали наши вышеупомянутые предки. И пусть никто не противоречит из подданных наших, а если осмелится, то да постигнет его гнев Божий и всех избранников Его. И я, аббат монастыря Святых мучеников Сергия и Вакха А., написал это в присутствии П[етра?] архиепископа и всех нобилей Рагузы... [Codex, 1904: 27].

Интересно, что архиепископом Рагузы снова является некий Петр (?). Архиепископ Доминик упоминается только в 1102—1108 гг. Не уда-

лось ли Георгию вернуть на утвержденную уже папой митрополию отцовского ставленника? Активная поддержка королем и его родней рагузских бенедиктинцев могла здесь сыграть свою роль. Программой Георгия и Яквинты определенно было восстановление прежнего могущества Дукли — включая и подчинение Рагузы.

Еще одним свидетельством правления короля Георгия является сохранившаяся оловянная печать. На ней имеется латинская надпись: «Георг, сын короля Бодина» [Gesta, 2009, 2: 330].

Как видно из *Летописи*, для восстановления отцовского величия Георгию не хватило сил. В конфликт с Браниславичами сразу же вмешалась на их стороне Византия. Вызволять схваченного Грубешу его братья и дядя Гоислав привели византийское войско из Диррахия. В 1115/6 г. Георгий был разгромлен, сначала бежал в Облик, а после провозглашения Грубешу королем — в Рашку. Здесь он, возможно, рассчитывал на поддержку Уроша и других противников покойного Вукана. Но ни одна из рашанских партий, занятых своей междоусобицей, поддержки оказать не могла. Возможно, что с Георгием вернулся в Рашку и Завида со своими сыновьями, — причем в Раше он даже перекрестил младшего сына. Яквинту захватили в плен в ее которской цитадели и отправили в Константинополь.

Византийскую экспедицию, согласно *Летописи*, возглавлял «Калоиоанн Комнин». По убедительной идентификации Т. Живковича, это будущий император Иоанн II, сын и соправитель Алексея Комнина. О его действиях в этот период ничего не известно. Но младший император не мог занимать пост дуки Диррахия — лишь осуществлять общее командование. Устные рассказы, дошедшие до «летописца», смешали Иоанна с двоюродным братом Алексеем, который тогда, возможно, еще оставался дукой.

Летопись называет Калоиоанна Сумано. В такой странной передаче фамилии «Комнин» кроется вероятное, единственное реальное указание на время создания латинского «перевода». У его автора Калоиоанн (Иоанн Прекрасный) вызвал ассоциацию со своим тезкой — Калояном Болгарским. Призванные им против византийцев и крестоносцев куманы-половцы наводили в начале XIII в. ужас на все Балканы. Вероятно, вскоре после сокрушительного разгрома крестоносцев под Адрианополем половецкой конницей (1205) и был создан латинский текст.

Правление короля Грубешу можно датировать 1115/6—1122/3 гг. Был он или нет «доблестным воином» — но византийским ставленником был вполне откровенным. С этим связан и мир в его время — империя удовлетворилась тем, что усмирила всю Дуклю и не возбуждала территориальных споров. По словам Анны Комниной, южная граница «Далмации» в пору написания ею *Алексиады* все еще захватывала долину Черного Дрина севернее Лежи [Анна Комнина, 1996: 340].

Отношения с Дубровником вновь охладели. Грубеша попытался воспользоваться мирной передышкой, чтобы решить церковные дела. Папе Калликсту II (1119—1124) приписываются две буллы противоположного содержания, из которых достоверно выглядит точно датированная булла 1120 г. Она издана 28 сентября в Беневенте, адресована новому рагузскому архиепископу Гирарду и подтверждает его права на паллий. В грамоте впервые содержатся ссылки на большинство предшествующих булл — Захарии 743 г., Бенедикта 1022 г. и Пасхалия 1102 г. Границы митрополии определены в соответствии с ними [Codex, 1904: 33—35]. Это указывает на серьезную тяжбу перед изданием буллы, к которой Гирард основательно подготовился. Программа противостоящей стороны сформулирована в недатированной булле или заготовке буллы, которую должен был получить Илия, архиепископ Антибари. Этот документ подтверждал границы и права митрополии его предшественников — но едва ли он действительно вышел из папской канцелярии [Acta, 1913: 27].

Присудив паллий Рагузе, Калликст II в тот же день отправил «епископам Верхней Далмации или Диоклеи» специальное послание. Это был последний и решительный удар по церковным амбициям дуклянского духовенства. Папская грамота требовала однозначного повиновения церковной власти Гирарда. Папа ссылаясь на опыт предшественников и напоминал о долге перед апостольским престолом. Победа Рагузы представляла как восстановление законности, а все разногласия впредь предписывалось решать каноническим путем — через местный собор и обращение к папе [Codex, 1904: 36—37]. В итоге католическая церковь, доминировавшая в Приморье, оказалась полностью вырвана из-под контроля дуклянских королей. Дубровник же избрал новую политическую ориентацию и в 1122 г. принял венецианского наместника.

К 1124 г. относится древнейший акт из Котора. Хотя город и продолжал вроде бы входить в состав владений Воиславичей и далее еще появится в *Летописи*, никаких следов королевской власти в акте нет. Наверное, это связано с тем, что являвшийся цитаделью Яквинты Котор не подчинялся власти Грубеши, и контроль над ним восстановил позже Георгий. В 1124 г. же городом управляли епископ Урзаций и приор Мело вместе с местными нобилем. Первый среди них, некий Бусинас, носит византийский чин катепана. Только двое из одиннадцати названных — Вита Дабраззи и Гоислав Дерзи — носят отчасти славянские имена [Codex, 1904: 38].

В 1122 или 1123 г. Георгий наконец заручился поддержкой в Рашке со стороны какой-то из борющихся там партий. На самом деле никого из наследников Вукана отпадение Дукли к Византии устроить не могло. В битве под Антибари Грубеша погиб, а Георгий вновь стал королем — «присвоил королевство, но не землю». Борьба продолжа-

лась, и главными противниками Георгия по-прежнему выступали Браниславичи.

Среди них неожиданно появляется новое имя — Драгихна. Список сыновей Бранислава между тем был закрыт — их шестеро, и имена у всех них славянские, включая славянизированное «Петрислав». В принципе, Драгихну можно было отождествить с Петриславом, судьба которого, как и Твердислава, нигде не упомянута. Но более вероятно, что латинский «переводчик» несколько исказил текст, в котором Драгихна был назван «братом» Браниславичей в более широком смысле. Такое словоупотребление в *Летописи* — не редкость, а сыном Бранислава прямо Драгихна нигде не назван. Таким образом, более вероятно, что он был его племянником и двоюродным братом Драгилой и Градихны. Кстати, Драгило, троюродный брат Георгия, ниже называется его племянником заодно с Михайлой Владимировичем — еще одно свидетельство невнимательности «переводчика».

Победив лишь с внешней помощью, Георгий избрал вполне разумную тактику, понемногу восстанавливая силы Дукли. Прежде всего он по примеру своего предшественника Владимира восстановил единство правящего дома, ценой больших уступок примирившись с Драгилей и Драгихной. С помощью Драгилой он начал проводить активную завоевательную политику. После того как Драгило подчинил себе отложившееся или захваченное рашанами Подгорье, родственники вместе выступили против Рашки.

Здесь, как мы узнаем, в это время жил Градихна Браниславич. Таким образом, в охваченной внутренней борьбой Рашке находили приют заклятые враги из Дукли. Пребывание здесь Градихны объясняется как раз тем, что он «взял здесь жену» — последовательность событий иная, чем можно понять из *Летописи*. Как выясняется дальше, благодаря этому браку Урош I являлся ему «племянником» — т. е. на деле племянником его жены (еще одно искажение при «переводе»?). Если Градихна был женат на сестре Вукана и Марко, тетке Уроша I, то этот брак должен был быть заключен гораздо раньше описываемых событий, может быть, еще до 1095 г. Не с этим ли было связано бегство молодого Уроша в Хум, к Браниславу? Теперь, однако, как становится ясно, Градихна, добровольно или по необходимости, поддерживал «старших родичей» против Уроша.

Поход Георгия и Драгилой в Рашку должен быть датирован временем ранее 1127 г., когда в Рашке уже установилась новая власть. Урош был освобожден, и ему предоставили жупанство, а Градихна вынужден бежать в Хум. Таким образом, Георгий едва не оказался достойным наследником своего отца. За несколько лет он восстановил примерно половину его прежней державы, подчинив хотя бы на словах Рашку. Был взят реванш за прежнее унижение Дукли — а одновре-

менно получен плацдарм и людской ресурс, с помощью которых, как во времена Бодина, можно было беспокоить Византию.

Видимо, именно с этим окончанием смуты в Рашке связаны сообщения *Житий* Немани о том, как он, достигнув молодых лет, получил в удел земли. Урош I должен был наделить землями внуков, тем более что Завида, судя по всему, рано умер. В *Житиях* ничего не говорится о том, что Неманя получил удел от отца. Согласно *Житию*, написанному Стефаном Первовенчанным, Неманя, «возросши до отроческих лет, принял часть отечества своего, называемую Топлица, а также Ибар, и Расину, и так называемые Реки» [Стефан Првовенчани, 1999: 19]. Доментиан пишет: «Когда достиг он юношеского возраста, то сочетался законным браком, и дана была ему часть его отечества, восточная земля» [Доментијан, 1865: 4]. Известно, что единственная жена Немани Анна дожила с ним до старости. В 1160-х гг., когда мужу было за 50, Анна родила Стефана Первовенчанного и св. Саву. Следовательно, стоворили ее с внуком Уроша в малолетстве. М. Орбини называет тестем Немани «бана Боснии» [Орбини, 2010: 285], т. е. Борича. Цена этому позднему известию невелика.

Возможно, что именно определение границ «восточного» удела Немани привело к столкновению с империей. Ромеи занимали гарнизоном Рас, который сербы числили своей митрополией. Война Уроша с Византией отвечала интересам короля Георгия, стремившегося вернуться к активной политике отца — и чем-то занять рашан. Византийский историк Иоанн Киннам, описав тяжелую для империи войну с венграми в Подунавье 1127—1129 гг., продолжает:

В это время задумали отложиться сербы, племя далматское, и разрушили крепость Рас. В наказание за то Критопла, которому вверено было охранение крепости, царь [Иоанн II] велел одеть в женское платье и, посадив на осла, возить по площади. Потом, прибыв в Браничев в другой раз, он спешил возобновить ее. Но между тем как время проходило в работах, наступила зима... [Иоанн Киннам, 2003: 19].

Втянувшись в войну с империей, Урош был заинтересован в поиске новых внешних союзников. Наиболее логичным было обратиться за помощью к венграм, раз за разом штурмовавшим дунайское порубежье Византии. В этом союзе был заинтересован и венгерский король Стефан II. Он как раз подыскивал невесту для своего двоюродного брата и наследника Белы Слепого, будущего Белы II. В 1129 или 1130 г., согласно венгерской *Иллюстрированной хронике*, король «отправил послов в Сербию и взял дочь великого комита [т. е. великого жупана] Уроша в законные жены Беле» (см.: [Византиски извори, 1971: 16]). Брат королевы Елены, Белош, отправился к ней в Венгрию после смерти ее мужа Белы II (1131—1141). При своем племяннике Гейзе II (1141—1162) Белош долгое время фактически правил страной,

одновременно став баном Хорватии. Об этом знали и источники Киннама, который, правда, пугал Белоша с его зятем Белой Слепым [Иоанн Киннам, 2003: 87].

Киннама дополняет и сообщает об успешном для ромеев окончании кампании против сербов автор начала XIII в. Никита Хониат. Иоанн II, рассказывает он, «объявил поход и против триваллов, которых другие называют сербами, за их неприязненные действия и за нарушение договоров. Сразившись с ними и одержав над ними полную победу, он принудил к миру и этих варваров, которые, впрочем, и не отличались воинскими доблестями и потому всегда находились под властью соседей. Вынеся отсюда огромную добычу и обогатив добычей войско, он взятых в плен людей перевел на Восток и, назначив им жилище в Никомидийской области и наделив большим количеством земли, часть из них включил в войско, а часть обложил податью» [Никита Хониат, 2003, 1: 30].

Нельзя не отметить, что в этом очерке довольно мало конкретики и явно преувеличена слабость врага, не раз наносившего ромеям тяжелые поражения. События у Хониата точно не датированы. Велика вероятность того, что имеется в виду та же самая экспедиция, которую описывает *Летонись*, — закончившаяся окончательным разгромом и подчинением Дукли. Возможно, на первом этапе было сломлено сопротивление Уроша I, и он при посредничестве Градихны был принужден к участию в походе против Георгия. Впрочем, рашский жупан преследовал и собственные интересы — восстановить влияние Рашки в Приморье.

Ход кампании правдоподобно и подробно описан в *Летониси*. Из двух византийских полководцев один идентифицируется точно — военачальник и придворный следующего императора Мануила Пиррогеоргий. Его дважды — в связи с войной против турок и дворцовыми интригами — упоминает Киннам [Иоанн Киннам, 2003: 43, 148]. При Иоанне II он вполне мог быть дукой Диррахия, как и представитель знатного рода Контостефанов. Также в следующее царствование известен племянник Мануила Алексей Контостефан — но здесь речь вряд ли может идти о нем; скорее о его дяде или деде по отцу. Из византийских источников имена дук Диррахия в эти годы неизвестны.

Датировка ромейского вторжения, закончившегося свержением Георгия, расплывчата. Из следующей главы известно, что Градихна был королем 11 лет, а действие последней главы происходит между воцарением Мануила (1143) и объединением Сербии Урошевичами (к 1149 г.). Следовательно, разгром ромеями и их союзниками Дукли произошел в промежутке 1132—1138 гг., скорее в начале этого отрезка времени. Военные действия, как их описал «летописец», могли занять несколько лет, а значит, начаться еще раньше, около 1130 г. Кажется, на это указывает и недатированное сообщение Хониата.

Падение короля Георгия было концом Дуклянской державы. Дукля и отчасти Рашка попали в зависимость от Византии. Страна была разорена, Скодра и Котор побывали в руках ромеев. Множество сербов было депортировано в Малую Азию, а король Георгий в цепях увезен в Константинополь, как ранее его мать. Последняя попытка восстановить величие Дукли не удалась, и последние главы *Летописи* повествуют о ее агонии.

Глава 46

«Летописец» откровенно идеализирует правление византийского ставленника Градихны, как ранее и его брата Грубешу. В заслугу ему он ставит возвращение спасавшихся от им же учиненного разорения беженцев, а также личные добродетели. Но оснований для восхвалений Градихны на самом деле, как кажется, было меньше, чем в случае с Грубешей. Из невнятных намеков «летописца» явствует, что 11-летнее правление последнего дуклянского короля не было ни мирным, ни спокойным. Несмотря на то что напуганный разорением страны и террором завоевателей «народ» избрал Градихну на трон, «злые люди», желавшие независимости Дукли, не успокоились. На протяжении всего правления Градихне пришлось преодолевать их сопротивление, которому автор силится придать черты едва ли не гонений на святого.

В то же время нельзя не признать, что в это время Сербия имела передышку от внешних войн. Дукля тратила эту передышку на внутренние раздоры. Рашка, лишь на словах принявшая византийский диктат, — на накопление и сосредоточение сил. Урош I и его сыновья укрепляют связи с Венгрией, где с 1141 г. правил Гейза II при регентстве Урошевичей Елены и Белоша. Белош «был весьма уважаем Гейзой, потому что находился в числе его воспитателей и наставников с самого его детства» [Иоанн Киннам, 2003: 88]. Одновременно жупаны Рашки перетягивают на свою сторону оппозицию Браниславичам в Приморье. После уничтожения династии Бодина у «злых людей» не оставалось иного выбора, кроме ориентации на Рашку в противовес Византии. К моменту смерти Градихны все просербские силы в среде дуклянской знати были уже едины — тем более что сыновья Уроша были весьма гибки в религиозном вопросе и ничем не угрожали местным католикам.

В 1142 г. папа Иннокентий II вновь подтвердил подчинение епархий Дукли, церковей Сербии, Хума и Требинье Рагузской архиепископии. Архиепископ Дубровника Андрей триумфально вернулся из Рима в свой город, закрепив его превосходство над Антибари. Архиерея сопровождало письмо папы, призывавшее рагузян принять его как своего предстоятеля — возможно, в городе перед этим был какой-то

внутренний конфликт (см.: [Codex, 1904: 50—53]). Он мог быть связан со свержением венецианского владычества в этом же году. Милеций воспевает архиепископство Андрея как великое событие в истории Дубровника [Annales, 1883: 214]. Папство сделало выбор на ближайшее время, приняв как факт крушение Дуклянского королевства.

Глава 47

Изложение здесь явно скомкано, особенно финал. Возможно, латинский «переводчик» потерял интерес к работе и оборвал ее раньше, чем дошел до конца славянской **Книги*. Однако окончательную гибель Дуклянского королевства он все-таки описал, сохранив общий очерк событий и для нас.

Мануил I Комнин правил в Византии с 1143 по 1180 г. и немало сделал для восстановления имперской власти на северо-западе Балкан. Описанное здесь относится к первым годам его правления, до начала открытого противостояния с Урошевичами (1149). Собственно, данная глава характеризует первый повод к этому противостоянию — посягательство последних на земли византийских марионеток в Приморье.

Отказ Радослава Градихнича от королевского титула был продиктован имперской политикой — подвластный правитель мог оставаться максимум «архонтом». В отличие от отца и дяди, Радослав предпочел избранию «народом» получение княжеского титула в Константинополе. Это, как и раздел оставшихся земель Дукли между тремя братьями, конечно, усилило оппозицию. «Некие злодеи, враги исстари», спасая единство страны и ее независимость от империи, обратились к Десе Урошевичу.

Дата и обстоятельства смерти Уроша I неизвестны. Она произошла в том же приблизительно определяемом промежутке между разгромом короля Георгия и вступлением Десы в Приморье. Данное известие *Летописи* — одно из ключевых для изучения генеалогии жупанов Рашки. В византийских источниках Деса выступает как брат и соперник Уроша II (Примислава-Первослава) с 1149—1151 гг. [Иоанн Киннам, 2003: 94, 162, 168—169; Никита Хониат, 2003, 1: 148—149]. Их отец там не упоминается, однако они называются братьями бана Белоша. *Летопись* подтверждает, что Деса — сын Уроша I, а следовательно, брат Белоша, Елены Венгерской и Завиды, дядя Стефана Немани. Латинские акты Десы в качестве князя Дукли и великого жупана Захумья относятся к 1151 г. [Codex, 1904: 67, 69]. К этому времени сын Уроша контролировал или пытался контролировать не только Зету и Требинье, но и Хумскую землю.

О борьбе Радослава и его братьев с Десой достоверно известно только из *Летописи*. М. Орбини попытался развить эту тему, поведав

о борьбе дубровчан с Неманей и его братьями, якобы сыновьями Десы (!), при активном участии рода Бобальевичей. Впрочем, первый эпизод, относящийся к жизни самого Десы, связывается с албанским родом Ренезио. Будто бы Давида Ренезио, «правителя Будвы», Радослав отправил за помощью к рагузянам, а Микеле Ренезио — укрепить дух которцев. На обратном пути Давид погиб в бою со сторонниками Десы у Ризана [Орбини, 2010: 284—285]. В ранних дубровницких источниках никаких сведений о Радославе и якобы союзе с ним дубровчан нет. Более того, и Н. Раньина его тоже не упоминает. Есть очень близкие к Орбини данные у И. М. Гундулича и Ю. Растича, но их сведения у него же и взяты, хотя переосмыслены [Chronica, 1893: 50—51, 54—56].

Вероятно, на деле Радослав причинял Десе немного беспокойства, особенно после начала противостояния того с братом. Даже и Орбини признает, что Деса правил Зетой «в течение всей своей жизни, и князю Радославу с братьями ни разу не удалось восстановить там свою власть» [Орбини, 2010: 285]. Тем не менее в руках Градихничей какое-то время оставались Котор и Скодра. Характерно, что граждане Котора, в отличие от прочих «врагов исстари», избрали сторону Радослава и ромеев. Завоевание Приморья сербами Рашки означало усиление славянского начала. Судьба династии, вероятно, в дальнейшем была связана с Котором. Сведения на этот счет Орбини, приписывающего, к примеру, Владимиру правление в Рашке (!) и войну за нее с Неманей [Орбини, 2010: 286—287], более чем сомнительны.

С присоединением Приморья к владениям Урошевичей центр складывания сербской государственности перемещается в Рашку. Впервые большая часть населенных сербами земель сосредоточилась в руках одной династии. Это был важнейший шаг в деле объединения и обеспечения независимости страны. Следующие предпримет уже династия Неманичей. С окончанием времени действия *Летописи* в истории Сербии начался новый этап.

СЛОВАРЬ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Бан — титул тюркского происхождения (*боян*), воспринятый хорватами в VII в. от кочевников авар. Первоначально обозначал вождя авар, вошедших в хорватский союз племен. В X—XI в., в процессе складывания Хорватского средневекового королевства, бан превратился в «вице-короля», ведающего определенной территорией и помогающего в управлении. К концу XI в., помимо бана Хорватии, появились и другие баны, и владения хорватских королей были поделены на несколько банатов. После венгерского завоевания Хорватии на рубеже XI и XII вв. баны Хорватии, утверждаемые королем, стали фактически верховными правителями страны. Аналогичный банат возник в XII в. в Раме (Боснии). В *Летописи* титул бана приписывается не только банам Хорватии и Боснии, но и древним правителям других областей, за коими «летописец» не признает статуса суверенных княжеств.

Дедина (или батчина) — наследство, термин, которым у славян региона обозначалась наследственная земельная собственность, в том числе пожалованная за присягу верности. К XII в. примерно стала соответствовать западноевропейским представлениям о феодальной собственности.

Дук (лат.; *вождь, герцог*) — в *Летописи* употребляется в трех значениях: 1) как соответствие славянскому титулу *бан*, что всецело является измышлением латинского «переводчика»; 2) как перевод греческого титула провинциального военачальника *дука*, сохранявшегося, скорее всего, в славянском оригинале — почти исключительно по отношению к дукам Диррахия; 3) для обозначения «германского» (баварского?) герцога в одной из глав.

Жупа (жупания) — племенная территория, округ под управлением жупана. В государствах региона с XI в. — основная административно-территориальная единица, как правило, превращавшаяся в феодальное владение. С этим связано начавшееся в XII в. преобразование первоначального термина *жупа* в *жупания* — т. е. владение жупана.

Жупан — славянский титул тюркского (по другой версии — германского) происхождения. Изначально — вождь или старейшина малого племени, образовывавшего округ-жупу в пределах большого племенного союза. В X—XI вв. жупаны превращаются сначала в княжеских и королевских чиновников, а затем — в феодальных владетелей жупаний. В *Летописи*, как и в некоторых других источниках, с титулом *жупан* сопоставляется *comes*, «комит» (граф). В Рашке с середины X в. титул *великий жупан* носил верховный правитель страны, независимый или фактически независимый.

Император — в *Летописи* употребляется как перевод славянских терминов *царь, цесарь* по отношению к: 1) византийским императорам; 2) болгарским царям; 3) в одном случае — императору Священной Римской империи.

Каган — титул тюрко-монгольского происхождения, который носили главы многих кочевых империй раннего средневековья (Тюркский каганат, Аварский каганат, Хазарский каганат и др.). В *Летописи* отнесен к древним болгарским ханам.

Кнез — сербохорватская форма общеславянского титула «князь». Изначально — вождь племени или племенного союза; затем — суверенный наследственный правитель раннего государства. Судя по правовым кодексам XIII—XV вв. (*Винодольский закон*, *Полицкий статут*), а также обычному праву черногорцев нового времени, кнез в Приморье во многом оставался племенным вождем. Его власть ограничивалась жупанами либо иной родоплеменной старшиной. С принятием южнославянскими князьями королевского титула титул кнеза стали давать удельным князьям из королевских династий, признававшим верховную власть королей. В случае признания зависимости от другого государства титул кнеза мог быть принят вместо королевского. Так же назывались у славян и высшие магистраты далматинских городов. В практике Византийской империи славянскому княжескому титулу соответствовал титул архонта; в латинских источниках обычное соответствие — *dux*, реже *iudex* (судья), *princeps*, *comes*.

Князь (*princeps*) — см.: **Кнез**. В *Летописи* латинский термин употребляется: 1) по отношению к князьям Хума X—XI вв., статус которых «летописец» затруднялся определить; 2) по отношению к легендарному венгерскому военачальнику Кису.

Король (*rex*) — титул суверенного правителя, который *Летопись* приписывает славянским («готским») вождям с древнейших времен. В целом изначально действительно соответствовал славянскому *князь* как обозначению независимого племенного вождя и главы суверенного государства. Но в политической практике Европы средневековья титул *rex* стал обозначать христианского правителя, независимость которого признается остальными. Прилагался он и к сильнейшим нехристианским монархам. Титул короля давался римским папой; мог признаваться также и в Византии. Князь Хорватии официально получил от папы титул короля около 925 г.; князь Дукли — около 1075 г. В то же время нередко королевский титул присваивался самостоятельно.

Сотник — в южнославянских государствах региона глава «ста» — соседской общины; низшее звено военно-административной и судебной иерархии.

Топарх (греч.; *правитель области*) — в византийской практике обозначение полунезависимого или фактически независимого от империи правителя области, «феодала». Во многом синоним титула архонта, с той разницей, что титул топарха не присваивался официально. Греческий термин перешел в *Летопись*, видимо, из славянского оригинала.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН ¹

- Алексей Контостефан, Кир, дукс Диррахия — XLV
Анастасий, император — I
Арменопул, греческий дукс — XXXVIII
Архириз (1), из Бари — XLII
Архириз (2), сын Бодина — XLII
Аттила, король венгров — XII—XIII

Белло, король Требинье — XXVI—XXVII
Бенедикт, св. — I—II
Бодин, король Дукли — XL—XLIII
Бладин, король славян — IV—VI
Болеслав, король Требинье — XXX—XXXI
Бранислав, кнез Требинье — XLI—XLIII, XLV
Брус, король — I—II
Будислав, князь Сраги — XXII

Василий, император Византии — XXXVI, XXXVIII
Владимир (1), король Сербии — XIII—XIV
Владимир (2), св., король Дукли — XXXV—XXXVII
Владимир (3), кнез в Зете — XL, XLIV
Владимир (4), король Дукли — XLIV—XLV
Владимир (5), сын Градихны — XLV—XLVI
Владислав (1), король славян — X—XI
Владислав (2), царь Болгарии — XXXVI, XXXVIII

Всеволод, король Подгорья — XXX
Вукан, вел. жупан Рашки — XLII—XLIV

Гавриил, сын Михайлы (1) — XL
Геласий, папа — I
Георгий, король Дукли — XLII, XLIV—XLV
Герман, епископ — I
Гоислав (1), кнез Требинье — XXXVII—XXXIX
Гоислав (2), сын Радослава (2) — XLI, XLIII, XLV
Гонорий, кардинал — IX
Градислав, сын Радослава (2) — XLI—XLII
Градихна, король Дукли — XLII, XLV—XLVI
Грубеша (1), король Дукли — XLII, XLV
Грубеша (2), сын Драгихны — XLV

Деря, сын Михайлы (1) — XL
Деса, кнез Дукли — XLVII
Доброслав (1), король Дукли — XXXVII—XXXVIII
Доброслав (2), король Дукли — XL, XLIII—XLIV
Доброслав (3), сын Радослава (2) — XLI
Доманек, узурпатор — XXXIX
Драгило, сын Бранислава — XLII, XLV
Драгимир, король Требинье — XXXIV, XXXVI—XXXVII

¹ Указатели к тексту *Летописи попа Дуклянина* (отсылки даются к главам *Летописи*).

Драгислав, король Хума — XXX
Драгихна, внук Радослава (2) — XLV

Иоанн (1), посол — IX
Иоанн (2), сын Градихны — XLV—
XLVI

Калоюанн Комнин, греческий дукс —
XLV

Кастрека, королева Требинье — XXXI

Кис, венгерский князь — XXIII

Константин (Кирилл), св. — VIII—IX

Косар, воин — XLI

Косара, королева Дукли — XXXVI

Кочапар, король Дукли — XLI—XLIII

Крепимир, король славян — XIX

Крешимир, король Хорватии —
XXVIII—XXIX, XXXI

Крис, каган болгар — V

Курсилий, топарх Диррахия —
XXXVIII

Лев, посол — IX

Легец, узурпатор — XXXI

Леон, патриций — VIII

Ловица, жена Легца — XXXI

Лютовид, князь Хума — XXXVIII

Лютотимир, вел. жупан Рашки — XXVII,
XXXVII

Мануил, император Византии — XLVII

Марко, жупан Рашки — XLII

Мефодий, св. (зд.: название «кни-
ги») — IX

Мирослав (1), король Подгорья —
XXXIV—XXXV

Мирослав (2), сын Михайлы (1) —
XL

Михаил, император — IX

Михайло (1), король Дукли —
XXXVII, XXXIX—XL, XLIV

Михайло (2), сын Бодина — XLII—
XLIII

Михайло (3), сын Владимира (4) —
XLV

Неманя, сын Драгихны — XLV

Никифор, сын Михайлы (1) — XL

Остривой, король славян — XVII

Остроила, король славян — I—II

Павломир — см.: Белло

Первуша, сын Драгихны — XLV

Петр (1), царь Болгарии — XXX

Петр (2), архиепископ Антибари —
XLII

Петрислав (1), сын Радослава (1) —
XXV—XXVI

Петрислав (2), король Зеты — XXXIV—
XXXV

Петрислав (3), кнез Рашки — XL

Петрислав (4), сын Бранислава — XLII

Пиригеоргий (Пирогеоргий), дукс
Диррахия — XLV

Пицинек, сын Радослава (2) — XLI

Плена, сын жупана Рашки — XXX

Предика, сын Бранислава — XLII

Предимир, кнез в Требинье — XXXVII,
XXXIX

Прелимир, король Требинье — XXXVIII,
XXX—XXXII

Прехвала, королева Требинье — XXX

Прибислав, король славян — XIX

Прияслав, сын Михайлы (1) — XL

Радомир, царь Болгарии — XXXVI

Радиград, жупан Оногошта — XXX

Радослав (1), король славян — XXI—
XXII, XXV, XXVII

Радослав (2), король Требинье —
XXXVII—XLI

Радослав (3), кнез Дукли — XLV—
XLVII

Разбивой, король Приморья — XIII—
XIV

Ратомир, король славян — V—VII

Роберт Гвискар, правитель франков —
XLII

Сабин, епископ — I

Саганек, кнез в Зете — XXXVII,
XXXIX

Самуил, царь Болгарии — XXXIII,
XXXVI—XXXVII

Сарамир, король славян — VIII—IX

Себеслав, король славян — XIII

- Светозар, король славян — XX—XXI
Светолик, король славян — IX—X
Светолек, король славян — IX
Сенубальд, король — I
Сенудслав, король славян — II—III
Сергий, сын Михайлы (1) — XL
Силимир, король славян — III—IV
Сильвестр, король Требинье — XXXI—
XXXII
Сирко, сын Драгихны — XLV
Скробимези, требиньская фамилия —
XXXIX
Станихна, сын Радослава (2) — XLI
Стефан (1), папа — IX
Стефан (2), король Хорватии — XXXI
Стефан (3), кнез Боснии — (XL?),
XLI
Твердислав, сын Бранислава — XLII
Твердослав, король славян — XVI—
XVII
Тихомил, вел. жупан Рашки — XXII—
XXIV, XXVII—XXVIII
Тишемир, король Требинье — XXVII—
XXVIII
Толимир, король славян — XVIII
Томислав, король славян — XII
Тотила, король готов — I—II
Тугимир, король Требинье — XXXII—
XXXIII
Удоб, воин — XXXVIII
Урош, вел. жупан Рашки — XLV,
XLVII
Феодор, сын Михайлы (1) — XL
Фома, сын Бодина — XLII
Хвалимир (1), король Зеты — XXX
Хвалимир (2), король Требинье —
XXXIII—XXXIV
Хвалимир (3), сын Радослава (2) —
XLI
Хранимир, король славян — XV
Часлав, король славян — XXII—XXIII
Чудомир, бан Хорватии — XXVIII
Яквинта, королева Дукли — XLII,
XLIV—XLV

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ЭТНИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Аквилея — II
Антибари (Бар) — IX, XXXVIII, XLII, XLV; см.: Барези
Церковь Святого Георгия — XLV
Антиохия — XL—XLI
Аплица — XXXVIII
Апулия — XXII, XXVI, XLII, XLV
Арансона — IX; см.: Задар
- Бари — XLII
Бамбалона — IX; см.: Диррахий
Барези — XXXIX; см.: Антибари
Беллина равнина — XXVII
Белло — XXVII
Блата — XXXV
Божья Милость — XXXVIII
Болгария, болгары (вулгары) — V, VIII, XXX, XXXIII, XXXVI—XXXVIII, XL
Босния — IX, XV, XIX, XXVIII—XXIX, XXXI, XXXVI—XXXVIII, XLII—XLIII
Брусно — XXXVII
Будва — IX, XXX, XXXIX, XLI
- Вальдевин (Винодол) — III, IX
Вегиля (Крк) — IX
Велика гора — XXX
Венгрия, венгры — XII—XIV, XXIII, XXVII, XXIX
Ветаница — XXX
Веченик — XXX
Волга, р. — V
Воюша, р. — XXXVIII
Вранина — XXXVIII, XLV
Врм — XXX
- Газена — XXXV
Гацко (Гацка) — XXX, XXXVIII
- Германцы — XX
Горица — XLIV
Горска — XXX, XXXIX
Готы — I—II, V
Гравоса — XXVI
Грбаль — XXX, XXXIX, XLI
Греки — IX, XIII, XXX, XXXIII, XXXVI, XXXVIII—XL.
- Далма (Дувно) — IX
Далмация — II, IX, XXVI, XXXVI, XXXVIII, XLIII
Далмация Верхняя — IX
Далмация Нижняя — IX, XXXVIII
Далмское поле (Дуванское поле) — IX
Дебрско — XXX
Дебрь — XXX
Диоклия (Диоклея, Дукля) — Введение, IX, XLIII; см.: Зета
Церковь Святой Марии — IX, XXXV; см.: Газена
Диррахий (Драч), Драчская земля — IX, XXXVI, XXXVIII, XLII—XLIII, XLV
Драч — см.: Диррахий
Драчевица — XXX
Дриваст — IX
Дрина (Дрин), р. — XXXVIII
Дрина, р. — IX, XXIII
Дринская жупания — XXIII, XXXVII
Дубрава — XXX
Дубровник — см.: Рагуза
Дунай, р. — XXXVII
- Жабска — XXX
Жрновица — XXX

Загорье — II—III, VII, IX
Захумье — IX; см.: Хум
Задар — IX, XXXVI
Зета — XXX, XXXIV, XXXIX, XLIII,
XLV, XLVII; см.: Диоклия
Зетское поле — XXXVIII

Ибибро (Ибар), р. — XXVII
Иллирия — II
Имотска — XXX
Истрия — II, XX
Италия — I—II

Калдани — XXVII
Церковь апостола Петра — XXVII,
XXX
Каносса — I
Кассино — I
Кишево — XXIII
Клобук — XXXVIII
Ком — XXX
Комарница — XXX
Конавле — XXX, XXXVIII
Константинополь — I—II, IX, XXXVI,
XLII, XLV
Котор — IX, XXXVI—XXXVII, XLIV—
XLV, XLVII
Которский залив — XXXI
Краина — XXXVI
Церковь Святой Марии — XXXVI
Крушевица — XXX
Купелник — XXX, XXXIX
Кучев(а) — XXX, XXXIX
Кчево — XXX

Лаб, р. — IX
Ласта — XXII
Латины (далматинцы, моровлахи), ла-
тинский язык — Введение, V, IX,
XXVI
Лаузий — см.: Рагуза
Лим, р. — XXVII
Липлян — IX
Лука (Босния) — XXIX
Лука (Дукля) — XXXIX; см.: Лушка
Лука (Хум) — XXX
Лушка — XXX
Любомир — XXX

Македония — V
Морача, р. и жупания — XXX, XLIII
Моровлахи (романы, черные лати-
ны) — V

Невесенье — XXX
Неретва — XXX
Нин — IX

Облик — XXX, XXXVI, XXXIX, XLV
Оногшт — XXX, XLV
Осор — IX
Охрид — XXXVI

Паннония — II
Пиво — XXX
Плива — XXIX
Подгорье — XXX, XXXIV, XLV
Подлужье — XXX, XXXIX
Полат — IX
Полония (Польша?) — III
Попова — XXX
Прапратна — XXX, XXXVIII—XXXIX
Церковь Святого Андрея —
XXXVIII
Превалитания (Дукля) — II, XXVIII
Преслава — XXX
Преспа — XXXVI
Приморье — II—III, VII, IX, XIV,
XXXVIII

Раб — IX
Рабичи — XXII
Рагуза (Лаузий) — IX, XXVI, XXVIII,
XXXI—XXXII, XXXVI—XXXVII,
XLII

Монастырь Святого Бенедикта
(Локрум) — XLII
Радославов камень — XXII
Рама — XXX
Рашка — IX, XV, XXIII—XXIV,
XXVII—XXVIII, XXX, XXXVI—
XXXVIII, XL, XLII—XLV; см.:
Белло, Калдани
Рим, римляне — I, IX, XXII, XXV—
XXVII
Церковь Святого Иоанна Лате-
ранского XXV

- Рисан — XXX
Рудина — XXX
- Сава, р. — XXIII, XXVII
Салона — II, IX
Сарацины — XXVI
Свач — IX
Св. Гавриил, о-в — XXXVII
Сербия — IX, XIV
Силлодуксия — V
Сипонт — XXII
Сицилия — II, XXVI
Скодра — IX, XIII, XXXVIII, XLII,
XLIV—XLV, XLVII
    Монастырь Святых Сергия и Ва-
    ха — XL, XLII, XLIV—XLV
Скрадин — IX
Славяне — Введение, IV—V, IX,
XIV, XXVI
Сосновая гора (Борова) — IX
Сплит — IX, XLII
Срага — XXII
Срем, сремяне — XXIII, XXVII
Стон — XXX
- Тетрархия — XXX, XXXII
Травуния — IX; см.: Требинье
Тракт (Превлака) — XXXI
Требесса — XXX
- Требинье — XXVII—XXVIII, XXX—
XXXI, XXXIV, XXXVI, XXXVIII—
XXXIX, XLI, XLVII
    Монастырь Святого Петра на По-
    ле — XLI
    Церковь Святого Михаила —
    XXVII
Трогир — IX
- Улцинь — IX, XXXVI
Ускопье — XXIX
Умбла — XXXVI
- Фессалоника — VIII
Франки — XLII
- Хазария — VIII
Хорватия — XX, XXXI
    Хорватия Белая — IX, XV, XXII,
    XXVIII—XXIX, XXXI
    Хорватия Красная — IX, XXVIII
Хум — XXX, XXXIV, XXXVIII—
XXXIX, XLIII, XLV
    Хумское поле — XV
- Цивелино — XXIII
- Черменица — XXX, XXXVIII—XXXIX,
XLV
- Эпидавр — IX, XXVI

БИБЛИОГРАФИЈА

Акимова, 2009: *Акимова О. А.* Развитие общественной мысли в ранне-средневековых государствах на западе Балкан // *Общественная мысль славянских народов в эпоху раннего средневековья*. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. С. 151—219.

Алексеев, 2005: *Алексеев С. В.* Дописьменная эпоха в средневековой славянской литературе: генезис и трансформации. М.: МГУУ, 2005.

Алексеев, 2006: *Алексеев С. В.* Предания о дописьменной эпохе в истории славянской культуры XI—XV вв. М.: НИБ, 2006.

Алексеев, 2006b: *Алексеев С. В.* «Летопись попа Дуклянина» и другие источники о славянском завоевании Далмации // *Историческое обозрение*. Вып. 7. М.: ИПО, 2006. С. 4—28.

Алексеев, 2006c: *Алексеев С. В.* «Летопись попа Дуклянина»: структура древнеславянского родословного предания // *Знание. Понимание. Умение*. 2006. № 3. С. 140—147.

Алексеев, 2007: *Алексеев С. В.* Славянская Европа VII—VIII вв. М.: Вече, 2007.

Алексеев, 2009: *Алексеев С. В.* Славянская Европа V—VIII вв. М.: Вече, 2009.

Алексеев, 2012: *Алексеев С. В.* Славянские предания о дописьменной эпохе: избранные материалы. Saarbrücken: LAP, 2012.

Анна Комнина, 1996: *Анна Комнина*. Алексиада / Пер. Я. Н. Любарского. СПб.: Алетейя, 1996.

Банашевић, 1971: *Банашевић Н.* Летопис попа Дукљанина и народна предања. Београд: Србска книжевна задруга, 1971.

Богдановић, 1991: *Богдановић Д.* Стара српска књижевност. Београд: ДОСИЈЕ, 1991.

Большаков, 1998: *Большаков О. Г.* История Халифата. Т. III. М.: Вост. лит., 1998.

Византиски извори, 1959: Византиски извори за историју народа Југославије. Т. 2. Београд: Научно дело, 1959.

Византиски извори, 1966: Византиски извори за историју народа Југославије. Т. 3. Београд: Научно дело, 1966.

Византиски извори, 1971: Византиски извори за историју народа Југославије. Т. 4. Београд: Научно дело, 1971.

Галл Аноним, 2009: *Галл Аноним*. Хроника или деяния князей или правителей польских / Пер. Л. М. Поповой // *Козьма Пражский*. Галл Аноним. Рязань: Александрия, 2009. С. 247—384.

Гаркави, 1870: *Гаркави А. Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. СПб., 1870.

Годишник, 1902: Годишник XV Српске Кролевске Академије. Београд, 1902.

Греков, 1951: *Греков Б. Д.* Полица. Опыт изучения общественных отношений в Полице XV—XVII вв. М.: АН СССР, 1951.

Гръцки извори, 1966: *Гръцки извори за българската история*. Т. 6. София: Изд-во БАН, 1966.

Доментијан, 1865: *Доментијан*. Живот светога Симеуна и светога Саве. Биоград, 1865.

Древняя Русь, 2009: *Древняя Русь в свете зарубежных источников*. Т. III. Восточные источники. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009.

Зборник, 2011: *Зборник средњовековних ћириличких повеља и писама Србије, Босне и Дубровника*. Кн. 1. Београд: Историјски институт, 2011.

Ибн Хордадбех, 1986: *Ибн Хордадбех*. Книга путей и стран. Баку: Элм, 1986.

Иоанн Киннам, 2003: *Иоанн Киннам*. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов. Рязань: Александрия, 2003.

Иордан, 1997: *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов / Пер. Е. Ч. Скржинской. СПб.: Алетейя, 1997.

Источниковедение, 1999: *Источниковедение истории южных и западных славян*. М.: Изд-во Московского ун-та, 1999.

Јосиф, 2008: *Јосиф Трношац*. Трношки родослов. Шабац: Епархија Шабацка, 2008.

Кекавмен, 2003: *Кекавмен*. Советы и рассказы / Пер. Г. Г. Литаврина. СПб.: Алетейя, 2003.

Книга историография, 1722: *Книга историография, почетие славы, разширение народа славянского*. СПб., 1722.

Козьма Пражский, 2009: *Козьма Пражский*. Чешская хроника / Пер. Г. Э. Санчука. Рязань: Александрия, 2009.

Коматина, 2011: *Коматина П.* Византијска титула Константина Бодина // *Зборник радова Византолошког института*. Кн. XLVIII. 2011. С. 61—72.

Константин Багрянородный, 1991: *Константин Багрянородный*. Об управлении империей / Пер. Г. Г. Литаврина. М.: Наука, 1991.

Котляр, 1985: *Котляр Е. С.* Эпос народов Африки южнее Сахары. М.: Гл. ред. вост. лит. изд-ва «Наука», 1985.

Ламберт, 2013: *Ламберт Херсфельдский*. Анналы / Пер. И. В. Дьяконова. М.: Русская панорама, 2013.

Латински извори, 1965: *Латински извори за българската история*. Т. III. София: Изд-во БАН, 1965.

Латински извори, 2001: *Латински извори за българската история*. Т. V, ч. 1. София: Изд-во БАН, 2001.

Лев VI, 2012: *Лев VI Мудрый*. Тактика Льва / Пер. В. В. Кучмы. СПб.: Алетейя, 2012.

Литвина, Успенский, 2006: *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей в X—XVI вв. М.: Индрик, 2006.

Літопис, 1986: *Літопис попа Дуклянина*. Ottawa: University of Ottawa Press, 1986.

Љетопис, 1967: *Љетопис попа Дукљанина*. Титоград: Графички завод, 1967.

Наумов, 1969: *Наумов Е. П.* Новое издание «Летописи попа Дуклянина» // *Советское славяноведение*. 1969. № 4. С. 105—108.

Наумов, 1982: *Наумов Е. П.* Возникновение этнического самосознания раннефеодальной хорватской народности // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М.: Наука, 1982. С. 167—180.

Наумов, 1985: *Наумов Е. П.* Этнические представления на Балканах в эпоху раннего средневековья (по материалам «Летописи попа Дуклянина») // Советская этнография. 1985. № 1. С. 25—35.

Никита Хониат, 2003: *Никита Хониат.* История со времен царствования Иоанна Комнина. Т. 1—2. Рязань: Александрия, 2003.

Никифор Вриенний, 2006: *Никифор Вриенний.* Исторические записки. Рязань: Александрия, 2006.

Новаковић, 1893: *Новаковић С.* Први основи словенске књижевности међу балканским Словенима: легенда о Владимиру и Косари. Београд, 1893.

Орбини, 2010: *Орбини М.* Славянское царство / Пер. Ю. Е. Куприкова. М.: Олма медиа групп, 2010.

Острогорски, 1970: *Острогорски Г.* Сабрана дела. Књ. 4. Београд: Просвета, 1970.

Патканов, 1883: *Патканов К.* Из нового списка географии, приписываемого Моисею Хоренскому // Журнал министерства народного просвещения. 1883. Ч. 226.

Плотникова, 2010: *Плотникова О. А.* Генезис и легитимизация института княжеской власти в древнерусском обществе VI—XII вв. М.: НИБ, 2010.

Продолжатель, 1992: Продолжатель Феофана / Пер. Я. Н. Любарского. СПб.: Наука, 1992.

ПСРЛ, 1997: Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1997.

ПСРЛ, 1998: Полное собрание русских летописей. Т. 2: Ипатьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1998.

ПСРЛ, 2000: Полное собрание русских летописей. Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего извода. М.: Языки русской культуры, 2000.

Радојчић, 1951: *Радојчић Н.* О најтамнијем одељку Барског родослова. Цетинье, 1951.

Свод, 1995: Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 2 (VII—IX вв.). М.: Вост. лит., 1995.

Сводный каталог, 2002: Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV в. Вып. 1. М.: Индрик, 2002.

Седов, 1995: *Седов В. В.* Славяне в раннее средневековье. М.: Наука, 1995.

Седов, 2002: *Седов В. В.* Славяне. М.: Языки славянской культуры, 2002.

Славянские языки, 2005: Славянские языки. М.: Academia, 2005.

Списи, 1928: Списи св. Саве. Београд, 1928.

Среднеболгарский перевод, 1988: Среднеболгарский перевод хроники Константина Манассии в славянских литературах. София: Изд-во БАН, 1988.

Стари српски записи, 1986: Стари српски записи и натписи. Београд: Српска књижевна задруга, 1986.

Стефан, 1999: *Стефан Првовенчани.* Сабрани дела. Београд: Српска књижевна задруга, 1999.

Стојановић, 1902: *Стојановић Љ*. Стари српски записи и натписи. Кн. 1. Београд, 1902.

Стојановић, 1927: *Стојановић Љ*. Стари српски родослови и летописи. Сремски Карловци, 1927.

Стојановић, 1929: *Стојановић Љ*. Старе српске повеље и писма. Кн. 1. Дубровник и суседи његови. 1. Београд, 1929.

Суботич, 1853: *Суботич Ј*. Дукљанског пресвитера краљевство Славена // Летопис Матице Српске. Кн. 88. Будим, 1853. С. 1—86.

Флорја, 2004: *Флорја Б. Н*. Сказанија о начале славјанској писменности. СПб.: Алетеја, 2004.

Фома Сплитскиј, 1997: *Фома Сплитскиј*. Историја архиепископов Салони и Сплита / Пер. О. А. Акимовой. М.: Индрик, 1997.

Хорватска хроника, 1867: Хорватска хроника XII века // Чтенија в императорском обществе истории и древностей Российских. № 3. М., 1867. С. 26—41.

Шишић, 1928: *Шишић Ф*. Летопис попа Дукљанина. Београд; Загреб, 1928.

Щавелев, 2007: *Щавелев А. С*. Славјанске легенде о првих князјех. М.: Северниј паломник, 2007.

ЭССЯ, 1981: Этимологический словарь славянских языков. Вып. 8. М.: Наука, 1981.

ЭССЯ, 1988: Этимологический словарь славянских языков. Вып. 15. М.: Наука, 1988.

Јгич, 1880: *Јгич И. В*. Закон Винодолскиј. СПб., 1880.

Јгич, 1883: *Јгич И. В*. Маринскоје Четвороевангелије. Berlin, 1883.

Acta, 1892: Acta Bosnae potissimum ecclesiastica. Zagrabiae, 1892.

Acta, 1863: Acta Croatica: Listine hrvatske. Zagreb, 1863.

Acta, 1913: Acta et diplomata res Albaniae mediae aetatis illustrantia. Vol. 1. Vindobonae, 1913.

Annales, 1883: Annales Ragusini Anonimi item Nicolai de Ragnina. Zagrabiae, 1883.

Arkiv, 1851: Arkiv za povjesnicu Jugoslavensku. Zagreb, 1851.

Catalogue, 1991: Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. Vol. 1. Dumbarton Oaks: Dumbarton Oaks research library and collection, 1991.

Catalogue, 2005: Catalogue of Byzantine Seals at Dumbarton Oaks and in the Fogg Museum of Art. Vol. 5. Dumbarton Oaks: Dumbarton Oaks research library and collection, 2005.

Chronica, 1893: Chronica Ragusina Junii Restii item Joannis Gundulae. Zagrabiae, 1893.

Churchill, 1979: *Churchill, W. J*. The Annales bareness and the Annales Lupi Protospatharii: Critical Edition and Commentary. Toronto: University of Toronto, 1979.

Codex, 1904: Codex diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae. Vol. II. Diplomata saeculi XII. Zagrabiae, 1904.

Codex, 1967: Codex diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae. Vol. I. Diplomata annorum 743—1100. Zagrabiae: Izdavački zavod Jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti, 1967.

Codex, 1998: Codex diplomaticus regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae. Supplementa. Vol. I. Diplomata annorum 1020—1270. Zagrabiae: Hrvatska Akademija znanosti i umjetnosti, 1998.

Codice, 1964: Codice diplomatico Barese (1964). T. 1. Bari, 1964.

Črncić, 1874: *Črncić I.* Popa Dukljanina ljetopis po latinsku i toga nekoliko i jos nesto po hrvatsku. Kraljevica, 1874.

Čunčić, Perkić, 2009: *Čunčić, M., Perkić, M.* Hrvatski glagoljski natpis Župe dubrovačke iz 11. Stoljeća // Slovo: časopis Staroslavenskog instituta. 2009. No. 59. S. 77—122.

De regno, 1668: De regno Dalmatiae et Croatiae. Amsterdam, 1668.

Documenta, 1877: Documenta Historiae Chroaticae periodum antiquam. Zagrabiae, 1877.

Dovan, 1966: *Dovan, A.* Povijest Dubrovnika od najstarijih vremena do početka VII st. // Anali hist. in-ta JAZU u Dubrovniku. No. 10—11. 1966.

Dostál, 1959: *Dostál, A.* Clozianus. Staroslověnsky hlaholský sborník Trident-ský a Innsbrucký. Prague, 1959.

Dukljanski prezviter, 2003: Dukljanski prezviter. Kraljevstvo Slovena. Podgo-rica: Istorijski institut Crne Gore, 2003.

Ferri, 1971: *Ferri, R.* Prilog ispitivan ju porijekla osnivača Poljičke republike // Poljički zbornik. Sv. II. Zagreb: Kulturno-prosvjetno društvo Poljičana; Matica hrvatska, 1971. S. 35—41.

Foretić, 1956: *Foretić, V.* Korčulanski kodeks 12. stoljeća i vijesti iz doba hrvatske narodne dinastije u njemu // Starine. Kn. 46. 1956. S. 23—44.

Fučić, 1971: *Fučić, B.* Najstariji hrvatski glagoljski natpisi // Slovo: časopis Staroslavenskog instituta. No. 21. 1971. S. 227—254.

Gesta, 2009: Gesta Regum Sclavorum. T. 1; T. 2. Београд: Историјски инсти-тут, 2009.

Haussig, 1953: *Haussig, H.* Theophylakts Exkurs über die skytishen Völker // Byzantion. Bruxelles. Bd. XXIII. 1953. S. 275—462.

Historia, 1967: Historia Salonitana maior. Београд: Научно дело, 1967.

Il regno, 1601: Il regno degli Slavi oggi corrotamente detti Sclavoni. Pesaro, 1601.

Jelić, 1908: *Jelić, L.* Duvaniski sabor // Vjesnik hrvatskoga arheoloskoga društva. Nova serija. X. Zagreb: 1908. S. 135—145.

Jurković, 1983: *Jurković, M.* Prilog proučavanju pleterne skulpture na području poluotoka Pelješca // Starohrvatska prosvjeta. 13. Zagreb, 1983. S. 165—184.

Kapetanić, Žagar, 2001: *Kapetanić, N., Žagar, M.* Najjužniji hrvatski glago-ljički natpis // Anali Zavoda za povijesne znanosti HAZU u Dubrovniku. Sv. XXXIX. 2001. S. 9—48.

Ljetopis, 1950: Ljetopis popa Dukljanina. Zagreb, 1950.

Mandić, 1963: *Mandić, D.* Rasprave i prilozi iz stare hrvatske povjesti. Rim: Hrvatski Povijesni Institut, 1963.

Marović, 1965: *Marović, A.* Arheoloska iskapanja u okolici Dubrovnika // Anali hist. in-ta JAZU u Dubrovniku. 1965. No. 9—10.

Matijević Sokol, 2007: *Matijević Sokol, M.* Krsni zdenac Hrvata. Paleografsko-epigrafska raščlamba natpisa s krstionice kneza Višeslava // Croatica Christiana Periodica. 2007. 59. S. 18—23.

Medini, 1942: *Medini, M.* Kako je postao Ljetopis popa Ducljanina // Rad HAZU. Kn. 273. Zagreb, 1942. S. 113—156.

Michae Madii, 1768: *Michae Madii.* Historia de gestis Romanorum imperato-rum et summorum pontificum // Scriptorum rerum Hungaricorum. Vol. III. Viennae, 1768. P. 636—653.

Mihaljević, 2011: *Mihaljević, A.* Onomastička analiza imena na latinskim epigrafskim spomenicima prvih stoljeća hrvatske pismenosti. Zagreb, 2011.

Monumenta, 1979: *Monumenta cartographica Jugoslaviae*. T. II. Srednjovekovne karte. Beograd: Narodna knjiga, 1979.

Mužić, 2011: *Mužić, I.* Hrvatska Kronika u Ljetopisu Popa Dukljanina. Split: Muzej hrvatskih arheoloških spomenika, 2011.

Peričić, 1991: *Peričić, E.* *Sclavorum Regnum Grgura Barskog*. Zagreb: Kršćanska sadašnjost, 1991.

Rapanić, 2013: *Rapanić, Z.* Kralj Tripimir, Venecijanci i Dalmatinci u traktatu teologa Gottschalka iz Orbaisa // *Povijesni prilozi*. No. 44. 2013. S. 27—70.

Rus, 1951: *Rus, J.* Najstarejši skupni vladaji Hrvatov i Srbov. Ljubjana, 1951.

Schwandtner, 1749: *Schwandtner, J. G.* *Scriptores rerum Hungaricarum*. Vienn, 1749. L. III.

Šišić, 1925: *Šišić, F.* *Povijest Hrvata u vrijeme narodnih vladara*. Zagreb, 1925.

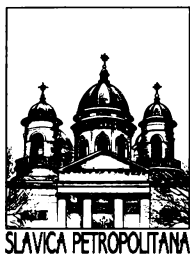
Tuberon, 2001: *Tuberon, L.* *Commentarii de temporibus suis*. Zagreb: Hrvatski institut za povijest, 2001.

Vego, 1961: *Vego, M.* Zbornik srednjovjekovnih natpisa Bosne i Hercegovine. I. Sarajevo: Izdanje Zemaljskog muzeja, 1961.

Vego, 1970: *Vego, M.* Zbornik srednjovjekovnih natpisa Bosne i Hercegovine. IV. Sarajevo: Izdanje Zemaljskog muzeja, 1970.

Źródła, 1956—1985: *Źródła arabskie do dziejów Słowiańszczyzny*. T. 1—3. Wrocław etc.: Wdawnictwo PAN, 1956—1985.

Živković, 2007: *Živković, T.* The golden seal of Strojimir // *Исторически часопис*. Кн. LV. 2007. С. 23—29.

С. В. Алексеев

ЛЕТОПИСЬ ПОПА ДУКЛЯНИНА

Перевод и комментарий

Макет подготовлен издательством
«Петербургское Востоковедение»

✉ 198152, Россия, Санкт-Петербург, а/я 2
e-mail: pvcentre@mail.ru; *web-site:* <http://www.pvost.org>

Литературный редактор — *Т. Г. Бугакова*
Технический редактор — *Г. В. Тихомирова*
Корректор — *Т. Г. Бугакова*

Подписано в печать 04.09.2015. Формат 60×90 ¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная. Объем 19,8 уч.-изд. л.
Тираж 500 экз. Заказ № 3707

PRINTED IN RUSSIA

Первая академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12/28

Так называемая
«Летопись попа Дуклянина» —
один из старейших памятников
средневековой историографии
славянских народов
запада Балкан.

Датировка, авторство,
степень исторической
достоверности памятника
остаются предметом острых
научных споров.

В то же время Летопись —
ценнейший источник
по истории южнославянских
государств раннего
средневековья.

Данная работа представляет
собой первый перевод
Летописи с латинского языка
на русский — в сопровождении
пространного научного
комментария.

Сергей Викторович Алексеев (1972) —
историк, заведующий кафедрой истории
Московского гуманитарного университета,
доктор исторических наук (2006),
профессор (2012).

**Выпускник Историко-архивного
института Российского государственного
гуманитарного университета (1993).**

Область научных интересов С. В. Алексеева —
история Восточной Европы в древности
и раннем средневековье, средневековая
история славян и Руси, история культуры,
история религии. Его работы посвящены
становлению средневековых славянских
государств, религиозным процессам
в славянском мире, складыванию
славянской культуры.

Автор более 450 публикаций, в том числе
научных и научно-популярных монографий:
«Древние верования восточных славян»
(М., 1996); «Начальная летопись»
(М., 1999; перевод с древнерусского языка
и научный комментарий); «Ярослав Мудрый:
Самовластец Киевской Руси» (М., 2006);
«Предания о дописьменной эпохе в истории
славянской культуры XI–XV вв.» (М., 2006);
«Владимир Святой: Создатель русской
цивилизации» (М., 2006), «Славянская
Европа V–VIII вв.» (М., 2009), «Игорь
Святославич» (М., 2014; в серии ЖЗЛ), и др.

Данная работа — первый перевод с языка
оригинала уникального источника
по истории южнославянских народов,
известного как «Летопись попа Дуклянина»,
и часть обширного исследования,
посвященного зарождению и развитию
сербской средневековой историографии,
ранее почти не исследованной в России.

ISBN 978-5-85803-487-2

9 785858 034872